

А. П. Уманский

ТЕЛЕУТЫ
и РУССКИЕ
в XVII-XVIII
веках

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

А. П. УМАНСКИЙ

ТЕЛЕУТЫ
И РУССКИЕ
В XVII—XVIII ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1980

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках.— Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Впервые дается систематическое изложение телеутско-русских отношений на протяжении XVII в. и первой четверти XVIII в. Подробно освещается история появления телеутских колоний в сибирских уездах, убедительно доказан добровольный характер подданства «выезжих белых калмыков» (телеутов) Русскому феодальному государству, четко определено их место в общественно-политической системе России XVII—XVIII вв. На примере сравнительно небольшой группы алтайских телеутов показано благотворное влияние культуры русского народа на культуру отсталых сибирских народов, племен, этнических групп.

Работа представит интерес для научных работников, преподавателей вузов, студентов, для всех, интересующихся историей Сибири и Алтая.

Ответственный редактор
канд. ист. наук *О. Н. Вилков*

Уманский Алексей Павлович

ТЕЛЕУТЫ И РУССКИЕ В XVII—XVIII вв.

Ответственный редактор
Олег Никандрович Вилков

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редакторы издательства *М. Г. Юсупова, Р. Н. Грейнер*. Художник *А. И. Смирнов*.
Художественный редактор *В. И. Желнин*. Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*.
Корректоры *М. В. Спиридонова, А. М. Картавин*

ИБ № 10163

Сдано в набор 04.11.78. Подписано к печати 05.12.79. МН-04305. Формат 60×90^{1/8}. Бумага для множительных аппаратов. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20. Тираж 1200 экз. Заказ № 317. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18. 4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

У 10602 — 805
042 (02) — 80 69.79.0503000000.

© Издательство «Наука», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения отношений между великим русским народом и малыми народами, вошедшими в ходе исторического развития в состав России, обретает в наше время особую остроту и актуальность.

Наши идейные враги, нападая на миролюбивую внешнюю политику СССР, оказывающего бескорыстную помощь народам Азии, Африки и Латинской Америки в их борьбе против империализма и неокOLONиализма, сейчас много кричат и пишут о «советском империализме и колониализме» и т. п.

В поисках «доказательств» наши противники прежде всего обращаются к истории феодальной России. При этом они не останавливаются перед прямой фальсификацией и грубым извращением исторических фактов, ибо выводы у них заранее запрограммированы. Один из таких выводов «гласит», что русскому народу с глубокой древности присущ «империалистический дух», что по отношению к нерусским народам он всегда был агрессором — захватывал чужие земли, сгонял с них аборигенов, угнетал их экономически, насильственно русифицировал, даже сознательно уничтожал целые народы и т. п.; в частности, присоединение Сибири к России изображается ими исключительно как следствие «русской экспансии в восточном направлении»¹.

Китайские экспансионисты и реакционные буржуазные историки не утруждают себя объективным анализом конкретной исторической обстановки, в которой происходило включение ряда народов Сибири, Средней Азии и Кавказа в состав России, сознательно замалчивают факты добровольного перехода их в подданство Русского государства перед угрозой не только порабощения, но и физического истребления агрессивными феодальными государствами — Турцией, Персией, Джунгарским ханством, Цинским Китаем; они явно преуменьшают успехи в развитии народов Кавказа, Сибири, Средней Азии в составе России.

Особую активность в этом плане проявляют ныне китайские фальсификаторы истории. За последние годы в Китае опубликовано немало работ, главной, даже единственной, целью которых

¹ См. об этом: *Против фальсификаторов истории*. М., 1959; *Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма*. М., 1962.

является извращение истинного характера взаимоотношений между администрацией, русским населением и малыми народами в ходе хозяйственного освоения Сибири Россией. Маоистские лжеисторики изображают русских первопроходцев Сибири вероломными и кровожадными людьми, а Россию как самое агрессивное государство, которое якобы раньше других начало свою «агрессию» против Китая и «захватило» у него «всех больше»². В частности, они объявили отторгнутой от Китая в результате «агрессии России» обширную территорию от Енисея на востоке до Иртыша на западе, включая Туву, Алтай и Приобье до широты Томска на том основании, что все эти земли якобы принадлежали ойратам, а они издревле будто бы являлись «составной частью» «единого китайского многонационального государства». Все эти «исторические» построения нужны пекинской элите для обоснования территориальных претензий к Советскому Союзу, которого ныне они характеризуют не иначе как «социал-империалистическую державу»³.

Причины того, что наши враги пускаются во все тяжкие для фальсификации истории взаимоотношений русского народа с другими народами нашей страны, легко понять, если учесть, что старая колониальная система развалилась, трещат последние ее оплоты под натиском усиливающегося национально-освободительного движения, терпит крах политика неоколониализма, проваливаются попытки пекинских гегемонистов захватить руководство странами «третьего мира». В этих условиях империалисты, неоклонизаторы и особенно китайские экспансионисты стремятся всячески оболгать Советский Союз, стоящий во главе антиимпериалистического и антиколониалистского фронта народов и пользующийся их поддержкой и симпатией. Именно поэтому перед платными пропагандистами и всякого рода «специалистами» по русской истории они ставят одну задачу — доказать во что бы то ни стало, что Советский Союз («Советская империя») является прямым наследником царской России.

Все это обязывает советских историков неустанно разоблачать клеветнические измышления китайских гегемонистов, а также проискит и фальсификации реакционной буржуазной науки.

В то же время объективно исследуя проблему взаимоотношений между русским и нерусскими народами нашей Родины, советские ученые имеют возможность проследить, как еще в дореволюционной России складывались предпосылки для возникновения новой исторической общности, каковой является советский народ.

² Подробнее об этом см.: *Ольгин В. С.* Экспансионизм в пограничной политике Пекина. — Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 1; *Гуревич Б. П., Моисев В. А.* Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография. — Вопросы истории, 1979, № 3; и др.

³ См. об этом: *Кукушкин К. В.* Апология пекинского гегемонизма. — Проблемы Дальнего Востока, 1973, № 1, с. 112—120; и др.

Интересные материалы в этом плане содержит история телеутско-русских отношений в XVII—XVIII вв.

Прежде чем читатель начнет знакомиться с историей взаимоотношений русских и телеутов в XVII—XVIII вв., автор считает нужным сделать несколько предварительных замечаний и рассказать о Телеутской земле.

Телеутская земля (телеуты, теленгуты) — одно из алтайских племен, сыгравших заметную роль в истории не только алтайцев, но и других тюркоязычных племен Южной и Юго-Западной Сибири.

В конце XVI — начале XVIII в. телеуты («белые калмыки») кочевали в Верхнем Приобье, в предгорьях и горах Алтая. Они занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей и собирательством, знали различные домашние промыслы. Структуру их общества мы считаем типичной для раннего феодализма: верхушку его составляла феодализирующаяся племенная знать («князья», «мурзы», «лучшие люди»), а основанием служили рядовые улусные люди, которые могли самостоятельно вести свое хозяйство, но политически зависели от знати, а также различные группы обедневших соплеменников, находившихся в личной зависимости от «князцов» и «лучших людей» («рабочие люди», «дворовые люди» и др.), и холопы (рабы). В политическом отношении Телеутская земля составляла единый Большой улус, разделенный затем в конце первой трети XVII в. на два Больших улуса: во главе одного стояли потомки князя Абака, а во главе другого — князь Мачик и его наследники. Большие улусы делились на малые и мелкие улусы, возглавляемые членами княжеского рода и «лучшими людьми».

Собственной письменности телеуты в то время не имели. В религиозном отношении они были шаманистами.

В XVII в. «белые калмыки» составляли сравнительно крупную группу и долго доминировали в политической и экономической жизни Юго-Западной и Южной Сибири⁴. Они главенствовали над другими алтайскими племенами, в орбите их политического влияния некоторое время находились западносибирские татары (тарские, барабинские, чатские, еуштинские), а также некоторые группы тувинцев (орчаки, керзалы и др.).

С образованием Джунгарского ханства (1635 г.) телеуты попали в кыштымскую зависимость от ханов. Но эта зависимость долгое время была крайне слабой, подчас номинальной. В 50—60-х гг. XVII в. Телеутская земля вела упорную борьбу против

⁴ В начале XVII в. в едином улусе князя Абака насчитывалось 1000 мужчин-воинов, или около 5000 чел. (см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1. М. — Л., 1937, прил. 55, с. 411—412; и др.); в середине XVII в. у телеутов было 2000 воинов, или 10 000 чел. (*ЦГАДА*, ф. 126, оп. 1, 1658, д. 2, л. 29); в первой половине XVIII в. лишь отток телеутов в Джунгарию насчитывал 4000 кибиток, или 20 000 чел. (см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 116).

джунгарского кыштимства и на время добилась полной независимости от Джунгарии. Однако в начале XVIII в. телеутские князьки стали подданными джунгарских контайши.

В XVII в. телеуты кочевали по соседству с русскими владениями — Томским, Кузнецким и Тарским уездами Западной Сибири. Они раньше, чем другие алтайцы, познакомились с русскими людьми и установили многосторонние (экономические, политические, культурные и др.) связи с администрацией и русским населением сибирских уездов: меняли скот и пушнину на русские товары, князья Телеутской земли и русские воеводы обменивались посольствами и т. п. Часть телеутов в течение XVII в. перешла в русское подданство и переселилась на территорию русских уездов, образовав здесь своеобразные колонии. В 1756—1758 гг., спасаясь от неминуемой гибели, которую им несли маньчжуро-китайские захватчики, разорившие дотла побежденную Джунгарию, телеуты и другие южные алтайцы по доброй воле перешли в подданство России. Такова краткая история Телеутской земли в XVII—XVIII вв.

Активная роль «белых калмыков» в XVII в. на юге Западной Сибири издавна привлекала к ним внимание историков. Впервые телеутско-русские контакты⁵ получили освещение в общих трудах по истории Сибири Г. Миллера и И. Фишера, которые дали беглый обзор этих контактов с 1604 по 1665 г., анализируя и оценивая их с классовых позиций дворянской историографии⁶. Большинство исследователей XIX — начала XX в. в разной степени касались этой темы в своих работах, следуя в основном за Г. Миллером и И. Фишером и лишь дополняя их схему отдельными фактами и оценками. Так, Н. Я. Бичурин выдвинул ошибочное положение о прочной зависимости телеутов от ойратов на протяжении XV — первой половины XVIII в.⁷ П. А. Словцов попытался объяснить «зигзаги» телеутской «внешней политики» борьбой русской государственности и джунгарской анархии⁸. Г. Н. Потанин высказал интересные мысли о телеутском торге в Томске, о причинах перехода части телеутов в русское подданство в XVII в. Подобно В. В. Вербицкому и Н. М. Ядринцеву, он стремился расширить круг источников по истории Алтая в XVII—XVIII вв. за счет преданий (в том числе телеутских), явно переоценивая значение их в качестве исторического источника⁹. Н. М. Ядринцев пытался связать эти предания, некоторые

⁵ Понимая небесспорность термина «телеутско-русские контакты, отношения», автор вынужден пользоваться им в целях краткости.

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937; т. II. М.—Л., 1941; Фишер И. Э. Сибирская история. Спб., 1774.

⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до настоящего времени. Спб., 1834.

⁸ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, т. 1—2. 1838—1844.

⁹ Потанин Г. Н., Семенов-Тяньшанский П. П. Дополнения к III тому «Землеведения Азии». В кн. К. Риттера «Землеведение Азии», т. IV (Алтае-Саянская горная система), вып. III—IV. Спб., 1896; и др.

памятники археологии и топонимы с конкретными событиями XVII—XVIII вв. на Алтае¹⁰. Краткие экскурсы в историю телеутов XVII в. содержатся в трудах известного археолога, этнографа и лингвиста В. В. Радлова¹¹.

Этнография и истории кузнецких и томских телеутов — потомков «выезжих телеутов» XVII в. — уделили заметное внимание в своих трудах участники академических экспедиций XVIII в. — И. Гмелин, И. Георги, И. Фальк, П. Паллас¹². В XIX — начале XX в. их быт и культуру изучали Г. И. Спасский, В. В. Вербицкий, В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и другие ученые¹³.

Изучение этнографии и политической истории телеутов было продолжено в советское время на базе методологии марксизма-ленинизма. С. А. Токарев объяснил характер взаимоотношений телеутов с другими алтайскими племенами¹⁴. Л. П. Потапов вскрыл причины агрессивности телеутских князьков в XVII в., дал характеристику политической обстановки в Юго-Западной Сибири в конце XVI—XVII вв. Он же убедительно доказал добровольный характер перехода алтайцев (и в их числе телеутов) в подданство России в 1756—1758 гг.¹⁵ Позднее эту тему развивал П. Е. Тадьев¹⁶. Ряд интересных замечаний об отношениях телеутов с русскими содержат работы Б. О. Долгих (о численности «выезжих телеутов» и др.), И. Я. Златкина (о борьбе Телеутской земли против джунгарского кыштимства) и других исследователей¹⁷. Несколько статей по истории телеутских Больших улусов (например, об отношениях их с различными тюркоязычными соседями в XVII в. и др.) и о «выезжих телеутах» в 1969—1974 гг. опубликовал автор¹⁸.

Однако и в советское время телеутско-русские отношения не

¹⁰ Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. — Древности. Тр. ИМАО, т. IX, М., 1883; и др.; Вербицкий В. В. Алтайские инородцы. М., 1893.

¹¹ Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1897; и др.

¹² Gmelin I. Reise durch Sibirien von den Jahre 1733 bis 1743. Bd I—IV. Gottingen, 1751—1752; Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 1—3. Спб., 1776—1777; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1—3. Спб., 1773—1778; Фальк И. П. Записки путешествия 1768—1774 гг. — Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI. Спб., 1824.

¹³ Спасский Г. И. Телеуты или белые калмыки. — Сибирский вестник, 1821, ч. XIII, XIV и др.; Вербицкий В. В. Указ. соч. и др.; Radloff W. Aus Sibirien. Bd 1, 2. Leipzig, 1884; и др.; Потанин Г. Н. Северные предгорья Алтая. I. Кузнецкий край. — Живописная Россия, Спб., 1884, т. XI; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб., 1891; и др.

¹⁴ Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936.

¹⁵ Потапов Л. П. Указ. соч.; Он же. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

¹⁶ Тадьев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1959.

¹⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.

¹⁸ Ссылки на статьи автора приводятся далее.

получили систематического освещения. Наша книга представляет собою первую попытку специального рассмотрения взаимоотношений Телеутской земли с администрацией и русским населением сибирских уездов на протяжении более чем 100 лет. Это диктуется не только слабой изученностью данной темы, но и необходимостью критического пересмотра литературы, ибо наряду с правильными и однозначными положениями, в ряде работ содержатся теоретические и фактические ошибки, спорные толкования и оценки.

Даже простой перечень дискуссионных вопросов занял бы много места. Конкретно речь о них пойдет в соответствующих главах книги. Ограничусь здесь констатацией того факта, что до сих пор нельзя считать решенным вопрос о характере телеутско-русских (как, впрочем, и телеутско-ойратских) политических связей в XVII в. Одни историки (Г. Миллер, И. Фишер), ссылаясь на то, что главные князья телеутских Больших улусов давали русским царям шерть (клятвенное обязательство; подробнее о шерти см. далее), пишут о политической зависимости телеутов от России уже с 1609 г. Другие ученые (в частности, Б. О. Долгих) по сути дела отрицают наличие этой зависимости. Третьи не всегда четко определяют свою позицию, изображая телеутских князей то как вассалов джунгарского хана и в то же время подданных русского царя¹⁹, то как владетелей, сначала зависевших от России, а затем (с 1653 г.) — от Джунгарии²⁰.

Автор считает необходимой постановку названной темы и в методологическом плане. Дело в том, что дореволюционные историки (Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П. Н. Небольсин и др.) в духе теории «завоевания» писали о подчинении алтайцев в целом силой русского оружия²¹. Эта теория была подвергнута резкой критике в советской науке: было доказано, что многие малые народы Сибири (в том числе большинство алтайцев) добровольно приняли подданство России в XVII—XVIII вв. Но при этом в работах некоторых историков (П. Е. Тадьев, Н. С. Модоров) намечился крен в сторону теории бесконфликтного включения малых народов в состав России²².

Автор выносит на суд читателя свои суждения по дискутируемым вопросам.

События, о которых идет речь в первой части книги, в основном разворачиваются в период с конца XVI — начала XVII в. (время появления телеутов в Верхнем Приобье и вступления их в контакты с русскими) и до первой четверти XVIII в. включительно (время полного подчинения телеутских Больших улусов),

¹⁹ *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев, 1953; с. 112 и 166 и др.

²⁰ *Потапов Л. П.* Этнический состав..., с. 98.

²¹ *Небольсин П. Н.* Покорение Сибири. СПб., 1894; *Он же.* Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850.

²² *Тадьев П. Г.* Указ. соч., 1959; *Модоров Н. С.* Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII вв. Автореф. канд. дис. М., 1969.

хронологические рамки второй части книги несколько шире — с 20-х гг. XVII в. (время «выезда» первых телеутов «на государево имя») и до конца XVIII в.

Среди источников, которыми пользовался автор, наиболее широкое применение нашли русские актовые материалы XVII — первой четверти XVIII в. — царские грамоты и указы томским и кузнецким воеводам, отписки последних в Казанский и Сибирский приказы, статейные списки и наказные памяти русских послов к телеутским князьям, челобитные и допросные речи служилых людей и др. Помимо опубликованных в дореволюционных и советских изданиях актов в книге впервые использованы документы, выявленные автором в ЦГАДА и в архиве АН СССР (ААН, Ленинград). Во второй части книги наряду с архивными источниками широко привлекаются этнографические и в небольшой степени археологические материалы.

В силу неравной обеспеченности источниками автор был не в состоянии равномерно осветить все этапы телеутско-русских отношений в XVII — первой четверти XVIII в., решить все проблемные, неясные вопросы. Некоторые из них сознательно опущены, другие только поставлены, и автор не претендует на их окончательное решение. Кроме того, следует иметь в виду, что далеко не весь актовый материал по данной теме выявлен нами в архивах, и прежде всего в ЦГАДА.

Автор, разумеется, отдает себе отчет о том, что архивные источники, привлеченные им, имеют не только свои достоинства, но и существенные недостатки. Это прежде всего тенденциозность их, обусловленная классовой, национальной, религиозной принадлежностью и служебным положением их составителей. Другой серьезный недостаток актов — их неполнота, дискретный характер. Наконец, такие документы, как копии, снятые по приказу Г. Миллера с актов, хранившихся в XVIII в. в Томском и в Кузнецком архивах (ф. 199 в ЦГАДА, ф. 21 в ААН), содержат, как мы имели возможность в том не раз убедиться, много ошибок, описок, пропусков и т. п.

Но альтернативы у автора не было. Ему пришлось проверять копии актов из ААН, из ф. 199 ЦГАДА по подлинникам этих актов, сохранившихся в 126, 214 и других фондах ЦГАДА; проводить перекрестную проверку содержания многих документов данными других актов — например, содержание отписок томских воевод — грамотами Сибирского приказа, иногда отписками кузнецких воевод и др., содержание статейных списков — наказными памятями и воеводскими отписками и т. п.

К книге приложены карта Телеутской земли в XVII в., хронологическая и генеалогические таблицы телеутских князей из домов Абаковичей и Мачиковичей. Автор жалеет, что из-за ограничения объема не удалось дать именной и географической указатели. Он надеется издать отдельной статьей последнюю главу («Исторические судьбы «выезжих телеутов»»), не вошедшую в книгу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИБОБСКИЕ ТЕЛЕУТЫ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Отношения Телеутской земли с Русским государством занимают совершенно особое место в ее «международной» жизни.

Русский народ по уровню своего экономического, общественного, политического и культурного развития далеко превосходил всех других соседей Телеутской земли в XVII в. Россия отличалась относительно развитым производством (пашенное земледелие с трехпольем, интенсивное животноводство, широко дифференцированное городское ремесло с первыми мануфактурами и т. п.). Со второй половины XVII в. в России начал складываться единый всероссийский рынок¹, в который по мере освоения втягивалась и Сибирь.

Феодалный строй в Русском государстве в XVII в. достиг своего расцвета, в недрах его начал складываться капиталистический уклад, возникали буржуазные по типу связи в экономике. Русское государство было могучей державой с крепкой централизованной властью. Оно располагало мощными вооруженными силами: военная техника (артиллерия, ручное огнестрельное оружие); организация и выучка войск в России стояла значительно выше, чем в Джунгарии и в государстве Алтын-ханов. Русская культура (литература, искусство и пр.) не могли идти ни в какое сравнение с полуварварской культурой кочевнических «держав» и обираемых ими данников.

Русские почти одновременно с телеутами появились в Верхнем Приобье. Здесь они столкнулись с активной экспансией телеутов, ойратов и «мунгалов». Исход этого противоборства был предрешен, но понадобилось целое столетие для того, чтобы русские утвердились в Верхнеобье.

Уже в начале XVII в. завязались дипломатические контакты между воеводами Томска и телеутскими князьями, в итоге которых телеутский князь Абак в 1609 г. принял так называемое подданство царю.

Как уже отмечалось, историки дают разную оценку характеру политических связей между телеутами и русскими, одной из форм которых были шертованья телеутских князей о подданстве царю. Одни (Г. Миллер) считают возможным говорить о принятии телеутами подданства царю как о переходе в подвластное состояние («прямое холопство»). Такую зависимость И. Фишер называл «ваззальной», подчеркивая при этом ее непрочность². Близкой оценки телеутского подданства придерживаются Л. П. Потапов и П. Е. Тадыев³.

Другие, наоборот, находят, что подданство телеутов царю в XVII в. было формальным. Так, Б. О. Долгих пишет, что телеуты «фактически не были в XVII в. подданными Российского государства, хотя формально принимали его подданство». Несколькими строками ниже он повторяет: «Принятие русского подданства «белыми калмыками», как уже сказано, было номинальным»⁴.

Различие в оценке характера телеутского подданства объясняется тем, что одни ученые довольствуются формальной стороной дела, исходя при этом из текста шертовальной формулы, а другие исходят из фактического состояния телеутско-русских отношений.

Анализируя содержание шертовальной формулы телеутских князей на протяжении всего XVII в. и сопоставляя обязательства, взятые ими на себя по шерти, с их практическими действиями, мы пришли к выводу, что в определении характера телеутского подданства царю в XVII в. Б. О. Долгих ближе к истине, чем другие. Но он не ставил целью доказательство своего положения, а потому не привел никаких аргументов в пользу своей точки зрения, и это вынуждает нас заняться данной аргументацией.

Итак, что же представляло собою «подданство» Телеутской земли русским царям в XVII в.?

1. «Подданство» приобских телеутов царю существенно отличалось от подданства других групп алтайского населения/

² Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

³ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 166; Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая.— В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1959, с. 7.

⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (нов. сер.). М., 1960, с. 115.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 1, с. 154.

степные волости, северные алтайцы, телесы, тау-телеуты и пр./ прежде всего тем, что они не платили ясака, а именно внесение ясака в царскую казну служило основным признаком подвассности той или иной группы сибирского населения Русскому государству в XVII в.

Известно, что Абак уже при первой шерти просил освободить телеутов от уплаты ясака. Томские воеводы, ссылаясь на то, что они не полномочны решать этот вопрос, предложили Абаку лично бить челом царю и сделали запрос в Казанский приказ⁵. В Москву Абак не ездил, ответ на воеводский запрос нам не известен.

В одном из актов есть упоминание о том, что Абак якобы был освобожден от уплаты ясака за ревностную службу царю. Так, в наказной памяти А. Сартакову и К. Капустину (содержание ее излагается в доезде последних), направленных послами к князю Коке в 1657 г. воеводы кн. И. Н. Приемков-Ростовский и А. В. Коковинский утверждали, что царь, видя радение отца Коки Абака на киргизской службе, «ясак, что преж тово великому государю давали... улусные люди, имати не велел»⁶. Но это утверждение не заслуживает доверия: из контекста акта ясно, что это был один из доводов, специально изобретенных воеводами для увещевания Коки и приведения его к шерти.

Другой документ, в котором говорится об уплате Абаком ясака, просто неверно прочтен составителями приложения к «Истории Сибири» Г. Миллера. Это отписка томских воевод кн. И. Ф. Шаховского и М. И. Радилова о поездке с. б. Б. Карташева к Абаку в 1621 г. для нового приведения его к шерти и отправки в поход против киргизов Енисея. В ней есть такой отрывок фразы: «...белые колмаки, Абак князь тебе, государю, [ясак] принес и при Бажене шертовал со всем своим улусом»⁷. Слово «ясак» здесь заключено в скобки, ибо оно вставлено в текст составителями приложений по смыслу содержания отписки. Но мы считаем, что в тексте пропущено не слово «ясак», а слово «вина», ибо в канцеляризмах, штампах XVII в. именно это слово («вина») обычно употребляется со словом «принес», а слово «ясак» чаще всего сочетается со словом «дал», т. е. мы предлагаем так читать эту полуфразу: «белые колмаки, Абак князь тебе, государю, (вину) принес и при Бажене шертовал со всем своим улусом». Дело в том, что Б. Карташев приехал не просто требовать от Абака исполнения им союзнического долга, а заново приводить его к шерти после измены в 1617—20 гг. и потому было совершенно необходимо указать —

принес Абак свою *вину*⁸ царю или нет. Копиист Г. Миллера, видимо, пропустил либо слово «вину», либо слова «свою вино». Кроме того, если бы воеводы в отписке имели в виду ясак, то они обязательно бы указали, сколько и какой «мягкой рухляди» принес Абак, в тексте же отписки этого нет.

Таким образом, данный акт нельзя использовать в качестве аргумента, который доказывает факт уплаты ясака Телеутской землицей.

Еще в одном из актов (1657 г.) сказано, что в 1656 г. Мачик присылал якобы «в ясак» 20 «худых вешних голых соболишков», но на самом деле это был выкуп за 5 его ясырей, содержащихся в Томске; воеводы этого «ясака» (выкупа) не взяли, удержав и телеутов-ясырей⁹. Правда, И. Фишер все-таки считает, что, оказавшись в весьма трудном положении, в 1649 г. Мачик решил принять русское подданство при условии внесения ясака¹⁰. Но И. Фишер ошибается: Мачик согласился лишь давать *поминки*, а не ясак, именно об этом и свидетельствуют документы¹¹.

Гораздо больше документов, в которых прямо говорится о том, что телеуты из Улусов Абака и Мачика не платили ясака царю. Вот красноречивое свидетельство этого. Башлык одной из мрасских волостей Кошпак, недовольный тем, что русские власти не могут защитить ясашных людей от Коки и Мачика, тоже собиравших с них дань, заявил ясатчику П. Дорофееву в феврале 1640 г.: «А для чего с черных и з белых колмаков, с Коки да з Бачика с товарищи, государев ясак не збираете? Только де с нас, со мраских ясачных людей, сможете, а с иных земель ни с ково не сможете»¹².

На протяжении всего XVII столетия воеводы настойчиво пытались склонять телеутских князей к такому подданству, которое обязывало бы их платить ясак царю, но те решительно отвергали подданство на таких условиях. Воеводы даже были готовы уменьшить норму ясака в 10 раз, соглашаясь на внесение телеутами льготного ясака (по 1 соболю или лисице с человека): по такой норме платили ясак «выезжие телеуты» в XVII в., двоedanцы (например, тау-телеуты) в XVIII в.¹³

Приведем два примера, относящихся в конце XVII в. В 1686 г. кузнецкий воевода И. Конищев, узнав, что Табун Кокин хотел бы со своими людьми переселиться на Мереть, решил воспользоваться этим и направил к нему казаков А. Сметанникова и И. Бедарева звать в подданство на условиях уп-

⁸ Здесь и далее выделение курсивом авторское. — *Прим. ред.*

⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657, д. 1, л. 3—4.

¹⁰ Фишер И. Э. Указ. соч., кн. IV, отд. IV, § 14, с. 467.

¹¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 526—526об.

¹² ЦГАДА, ф. 214, стб. 199, л. 56—57.

¹³ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. — ЧОИДР, М., 1866, кн. II, с. 90.

⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, прилож. 66, с. 424—425; ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. II, д. 1, л. 2 и сл.; и др.

⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 36, л. 60.

⁷ Миллер Г. История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, прилож. 162; ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. II, д. 4, л. 2—2об.; и др.

латы льготного ясака (по 1 лисице с лука). Из попытки И. Конышева ничего не вышло: Табун наотрез отказался дать шерть¹⁴.

В 1699 г. аналогичную попытку предприняли томские воеводы. Они дали наказ своему послу И. Ядловскому потребовать от князей Телеутской земли внесения ясака. И. Ядловский так и сделал, но получил резонный ответ Базана Табунова и сына Бейкона Мачикова: «Мы де в том великому государю шерти своей не давали, чтобы нам ясак давать»¹⁵.

Таким образом, анализируя приведенные выше документы, мы вправе сделать вывод о том, что приобские телеуты в течение всего XVII в. ясака в царскую казну не вносили.

Что касается *поминок*, то приношение их носило сугубо добровольный характер, размеры строго не нормировались, давали их телеутские князья от случая к случаю. Из этого правила было лишь одно исключение: в 1649 г. князь Мачик согласился, давая шерть, платить поминки царю и, действительно, в 1649 и 1650 гг. прислал «в поминках» по 40, а в 1651 г. — 20 куниц¹⁶. В 1652 г. поминки от Мачика выразились в мягкой рухляди всего на 10 соболей¹⁷, а в 1653 г. он не дал их вовсе, «да и впредь... отказал»¹⁸. Таким образом, Мачик систематически давал поминки только 4 года.

В источниках XVII в. поминками называют также те дары, которые обычно слали сибирские князья царю (и воеводам), отправляя к ним свои посольства. По нашему мнению, посольские поминки нельзя считать разновидностью ясачного обложения, иначе нам пришлось бы и «государево жалованье», с которым приезжали к тем же телеутским князьям русские посольства, квалифицировать как вид ясака русских царей местным князьям. Это обычный в дипломатии того времени обмен дарами: сторона, первой получившая дар, считала нужным *отдарить* дарящую сторону.

Итак, обычных ежегодных поминок, которые поступали от подвластного населения вместе с ясаком, телеуты в XVII в. не платили.

Важным признаком подлинного подданства царю в XVII столетии являлась выдача аманатов (заложников) разными группами местного населения в Сибири. Институт аманатства был призван гарантировать и верность шерти и своевременность внесения ясака в царскую казну этими группами. В отличие от телесов и других ясашных, чьи аманаты содержались в Томске

и в Кузнецке¹⁹, телеуты, принимая «подданство», аманатов не давали. От Абака аманатов не требовали ни в 1609 г., ни после его измены, когда в 1634 г. снова приводили к шерти²⁰. Позднее воеводы не раз пытались заполучить аманатов Телеутской земли, но князья упорно не поддавались воеводскому нажиму.

Впервые вопрос о выдаче аманатов был поднят воеводами в связи с шертью Мачика в 1649 г. Мачик проявлял большую изобретательность, хитрость и коварство в борьбе против русских властей, и воеводы не могли верить ему на слово. Но Мачик отверг требование кузнецких и томских воевод о выдаче аманатов²¹.

Вторично вопрос об аманатах был поставлен перед Мачиком, когда он в 1656 г. потребовал отпустить его людей, попавших в плен (ясырей). Томские воеводы отказали Мачику в этом, «помня Мачиково прежнее воровство, без аманатов», а затем отправили к Коке и Мачику Т. Путимца с требованием дать аманатов взамен ясырей. И на этот раз Мачик «отказал в аманатах»²².

В конце 1657 г. в Томск была отправлена царская грамота с предписанием воеводам нормализовать отношения с телеутами; главным условием «прощения» Коки и Мачика была названа выдача ими аманатов²³. Как и ожидалось, Кока и Мачик аманатов не прислали. Кока предложил лишь считать «в аманатов место» его посланцев в Томск на время предварительного урегулирования телеутско-русских отношений. В дальнейшем, уверял Кока, если царь «укажет» князьям давать аманатов, то после прибытия телеутских послов из Москвы в Томск Кока и Мачик пришлют «аманатов добрых»²⁴, но это обещание было всего лишь маневром хитрого князя.

Во время переговоров с телеутскими послами в Москве (январь 1659 г.) дьяки А. Иванов и Е. Юрьев настаивали на том, чтобы князья впредь давали аманатов из числа детей от «прямых жен»²⁵. Это требование было включено и в текст царской грамоты, адресованной томским воеводам, с изложением итогов переговоров и инструкцией о дальнейших действиях по нормализации отношений с телеутами²⁶.

Остается неясным, были ли присланы аманаты в Томск или нет в связи с урегулированием отношений между русскими властями и телеутскими князьями в конце 50-х гг. XVII в.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 447 и др.

²⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. I, прилож. 66 и др.; ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 332—337; стб. 49, л. 236—238.

²¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 526—527.

²² ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 2—4.

²³ Там же, л. 9—10.

²⁴ Там же, 1658 г., д. 1, л. 12—13; ф. 214, стб. 1567, л. 251—252; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 41, л. 71—72.

²⁵ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 30—31.

²⁶ Там же, л. 41, 44, 45.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 73.

¹⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 275, л. 464об.

¹⁶ Там же, кн. 17, № 270, л. 526—526об.; № 283, л. 554об.

¹⁷ Там же, кн. 18, № 5, л. 6.

¹⁸ Там же, № 4, л. 5—5об.

В ойратском источнике («Известие о обидах») указывается, что томские обыватели в 1658 г. непустили из Томска присланных «в пристава (или в оманаты)» «для посредства четырех человек, а имянно Тавжия с товарищи»²⁷. Упор в этом акте явно сделан на то, что это «приставы», что они присланы «для посредства», что они не являются настоящими аманатами, но могут заменить последних. «Известие о обидах» рассматривает их как дипломатов, задержанных в нарушение норм международного права.

В русских актах Тавжий и его товарищи именуется аманатами. Так, в отписке кузнецкого воеводы И. И. Давыдова от 1680 г. есть такая фраза: «... а как белые калмыки заворовали, ис Томсково аманатов перевели»²⁸, из контекста которой ясно, что речь ведется о телеутских аманатах. Известно, что после шерты 1658—1659 гг. телеуты «заворовали» около 1661—1662 гг.²⁹ Из этого следует, что Тавжий с товарищами — телеутские приставы «для посредства» — в течение 3 или 4 лет находились в Томске на положении аманатов.

Видимо, о них же говорится в другом акте от 1679 г., ибо, по нашим данным, в другие годы телеутских заложников в городах не было³⁰.

Итак, русские акты говорят о содержании в 1658—1661 гг. в Томске аманатов Телеутской земли, джунгарский источник утверждает, что в аманатов были превращены телеутские приставы. Мы считаем, что Тавжия «с товарищи» только с оговорками можно называть аманатами, что фактически в Томск они прибыли в качестве посланцев. Хотелось бы подчеркнуть также, что уже с 1661 г. Коку и Мачика даже формально нельзя считать подданными царя, ибо они «заворовали», т. е. нарушили свою шерту царю и т. п., а потому не могло быть и речи о выдаче ими аманатов.

Князь Табун Кокин также упорно отклонял все требования воевод о выдаче аманатов. Не получил согласия на это с. б. М. Ржицкий, дважды ездивший послом к Табуну (в 1683 и в 1684 г.)³¹, а И. Вербицкий, пословавший у Табуна в 1685 г., даже не заикался о выдаче аманатов, хотя в наказной памяти воеводы ему предписывалось добиваться шерты телеутского князя на условиях выдачи им заложников³². Кузнецкое посольство к Табуну в 1686 г. (А. Сметанников, И. Бедарев) тоже имело наказ воеводы требовать от телеутского владетеля шерты с выдачей аманатов, но также получило отказ³³. Все остальные по-

сольства 1688—1699 гг. даже не поднимали перед князьями Телеутской земли этого вопроса.

Следовательно, на всем протяжении XVII столетия телеутские князья, шертуя русским царям, принимая «подданство», не давали аманатов в обеспечение своей верности последним.

Таким образом, по главным признакам, определяющим фактическое подданство различных групп сибирского населения царю в XVII в.—внесенню ясака и выдаче аманатов телеутское «подданство» резко отличается от подданства шорцев, чулымцев и других племен и народностей Сибири. Его следует считать номинальным.

Однако с самого начала телеутское «подданство» отличалось такими особенностями, которые сближали его с вассалитетом: уже в 1609 г. томские воеводы от имени царя обещали Абаку защищать телеутов от их врагов, а Абак и его люди брали обязательство «служить все своими головами, куда царь ни пошлет» их «на своих непослушников воевать»³⁴. Последнее обязательство включала в себя и шерта, которую давали Кока и Мачик уже в 1658—1659 гг.³⁵

Все это живо напоминает взаимные обязательства вассала и сеньора. Сама шерта телеутских князей царю напоминала клятву вассала сеньору (и по содержанию и по обряду), только принимал ее не сам сеньор (царь), а его представители (воеводы), а в случае необходимости и послы воевод—служилые люди. Известно также, что, приняв «подданство», князья телеутов сохраняли полную самостоятельность в своих внутренних делах. Это тоже напоминает иммунитет феодальных, в том числе и вассальных владений.

Но телеутское «холопство» не идентично типичному вассалитету феодальной эпохи. Специфика его вовсе не в том, что «сеньор» и «вассалы» принадлежали к разным народностям: истории известны такие факты как вассальная служба русских князей великому князю литовскому и литовских князей — великому князю московскому в XIV—XV вв. Как правило, вассалитет сопровождался пожалованием вассалу земель с сидящими на них зависимыми крестьянами. Но телеутские князья ни пастбищных, ни промысловых угодий, ни тем более зависимых людей от русского царя не получали, они владели и угодьями и зависимыми людьми до принятия «подданства». Поэтому их вассалитет по отношению к царю представлял собою не только «вассалитет без ленов», но даже и без дани, так как дань со своих подданных они собирали еще до шертования о «подданстве», а не потому, что их жаловал этим правом царь.

Иммунитет также, как правило, жаловался сеньором своему вассалу. В нашем случае такого пожалования тоже не было:

²⁷ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1.

²⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 163, л. 305об.—308об.

²⁹ Там же, л. 306об. и др.

³⁰ Там же, № 177, л. 331—332об.

³¹ Там же, № 178, 179, л. 332об.—334, 335об.—338об.

³² Там же, № 181, л. 338об.—340об.; № 183, л. 341—343об.

³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. 1, л. 73.

³⁴ Миллер Г. Указ. соч., т. 1, прилож. 66, с. 425.

³⁵ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 43.

князя телеутов задолго до принятия русского «подданства» были суверенами в своих владениях, пользовались всей полнотой своих прав по отношению к улусным людям.

Анализируя тексты шерти телеутских князей царю, а также фактические отношения между царской администрацией и телеутами, мы пришли к выводу, что так называемое «подданство» Телеутской земли в XVII в. русскому царю по своему характеру и по своей форме представляет собою не «холопство» в его обычном понимании того времени, не вассалитет в его классических образцах, а военно-политический союз Русского государства и Телеутской земли, скрепленный договором (шертью телеутских князей и заверениями воевод). Во время действия такого договора телеуты выступали в качестве своеобразных федератов Русского государства.

Текст шерти (шертовальная формула) состоял из двух частей: первой — традиционной и второй — постоянно изменявшейся по содержанию. В первой части на протяжении всего века повторялись обязательства князей Телеутской земли быть «в вечном холопстве» у царя, «навек не отступно», «под высокой государевой рукой» и т. п. Традиционная, закосневшая часть шертовальной формулы по-разному понималась русской и телеутской сторонами: воеводы пытались толковать ее буквально и стремились на деле добиться от телеутов беспрекословного подчинения царским властям; телеутская знать, наоборот, не придавала ей того значения, которое пытались утвердить в сознании телеутов воеводы, относилась к этой части формулы как в клятве в союзнической верности, не вникала в трафарет ее выражений и пр., а потому и вела себя отнюдь не как холопы русского царя, не как его подданные.

Вторая часть шертовальной формулы содержала конкретные взаимные обязательства сторон. Именно поэтому эта часть формулы изменялась, отражая меняющуюся политическую обстановку в Южной Сибири, а также колебания в политике телеутских князей. Например, пока телеуты не нападали на русские уезды, в формуле шерти отсутствовало обязательство их князей «под государевы города и в уезды самому не ходить и людей не посылать» и т. п.

Старший партнер в этом союзе обязывался лишь держать «холопа» «в милостливом призреньи» (либо: «в государской милости, жалованье и в призреньи»), к чему иногда добавлялось — «и от неприятеля в обороне»³⁶ (либо конкретно перечислялось — «оберегать от Алтына царя и от Казахской орды»³⁷). Однажды князю Табуну было обещано, что «разоренья ему... от великих государей никакова и ниотково не будет»³⁸.

³⁶ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 45—46; и мн. др.

³⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 425; и др.

³⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 181, л. 340об. (наказная память И. Вербицкому, 1685 г.).

У младшего партнера обязательств было больше, и число их менялось в зависимости от обстановки. Так, в первой шерти Абак обязался «служить и прямить» царю, «воевать царских непослушников», а в шерти 1625 г. появилось дополнительное обязательство: «З государевы людьми войною задору никакова не вчиняти»³⁹ и т. д. Князь Кока две первые шерти давал в объеме обязательств отца⁴⁰, а в шерти 1650 г. он дополнительно обязывался не «побивать» ясашных, не брать с них ясака на себя, не воевать русские города и уезды, сообщать воеводам о заговорах и «злых умыслах»⁴¹. В 1657—1659 гг. в шерти Коки и Мачика были включены обязательства давать аманатов, «с изменники не ссылатца», прекратить дипломатические контакты с владетелями Халхи, приводить в подданство «свою братью»⁴².

Предлагая подданство князю Табуну, воеводы Томска включили в текст шерти 1679 г. такие пункты: 1) не красть лошадей и другой скот у русских и чатов; 2) «государевых иноземцев и всяких чинов людей... на промыслах и иньде нигде не грабить и не побивать»⁴³. А в проект шерти, с которым прибыл к Табуну в 1688 г. С. Лавров, были даже включены обязательства телеутского князя вносить ясак и давать аманатов (Табун на последних условиях не шертовал)⁴⁴.

Итак, объем обязательств младших партнеров по союзу с течением времени все более расширялся. Однако в этом виноваты, прежде всего, сами князья телеутов и их подданные.

Вместе с тем надо заметить, что во второй половине XVII в. из шертовальной формулы исчезли обязательства воевод оберегать Телеутскую землю от ее врагов, а с ними и обязанность телеутов участвовать в русских военных мероприятиях. Главная причина этого заключалась в том, что военные силы России в Сибири к этому времени выросли численно, улучшилось их оснащение, а крупных задач военного характера перед воеводами Томска и Кузнецка правительство уже не ставило (от движения на юг оно временно отказалось)⁴⁵. Поэтому острая необходимость в военной помощи телеутов отпала. В свою очередь, и телеутские улусы оказались (особенно с конца 70-х гг.) в зависимости от Джунгарии, которая и должна была их «оберегать», русская «оберега» была бы нужна телеутам только в случае

³⁹ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 425; т. II, прилож. 162, с. 262, прилож. 227, с. 330—321; ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. II, д. 4, л. 2—2об.

⁴⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 215, л. 410—411об.; № 225, л. 435—435об.

⁴¹ Там же, № 268, л. 523; кн. 18, № 15, л. 20—21. Впрочем, обязательство «войной не ходить» «под города» впервые появилось в шерти от 1638 г. (кн. 17, № 225, л. 435—435об.).

⁴² ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 43—44; 1657, д. 1, л. 8 и др.

⁴³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 177, л. 331об.—332.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 12, л. 1 и др.; д. 32, л. 1—2.

⁴⁵ О причинах этого отказа см.: Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в.— Научные труды, т. III, ч. II. М., 1955, с. 198 и др.

разрыва их с ойратами и перехода в фактическое русское подданство, но этого не случилось в XVIII в.

Таким образом, формула шерти, несмотря на ее кажущуюся (из-за первой части) косность, была достаточно гибкой и эластичной, она постоянно отражала изменения, происходившие в отношениях между телеутами и русской администрацией.

Известное влияние на позицию князей Телеутской земли и на условия шерти оказывали подарки царских властей — «государево жалованье» в виде «горячева вина» (самогонки) и различных вещей — оружия, кафтанов, портищ (отрезов) сукна и т. п. Князья телеутов иногда давали шерть ради получения «государева жалованья» и, наоборот, отказывали даже в приеме русских послов, если они с собой его не привозили. Так, князь Кока отказался в 1656 г. принять посла А. Сартакова «с товарищи», заявив через пристава Курумшу: «А с вами де пословать не о чем, потому што ис Томсково Коке даров не прислали»⁴⁶.

Особое значение имело «жалованье» «горячим вином»: от наличия или отсутствия его подчас зависели успех или неудача посольской миссии. Когда во время послования Н. Прокофьева у Табуна не досталось вина отсутствовавшему во время шерти Шалу Табунову, послам пришлось извиняться и обещать «впредь жаловати и о питейном вине», чтобы Шал все-таки («насухую») дал шерть царю. В принципе и Табуну и самому Шалу было невыгодно быть лично связанными клятвой верности, тем более, что Шал был наследником Табуна (Кока, даже будучи правящим князем, старался не давать личной шерти). Но Шал проявил большой интерес к жалованью, в частности к «горячему вину», и настойчивое желание шертовать царю: соблазн получить «жалованье» оказался сильнее «государственных» интересов и высоких соображений политики^{46а}.

Воеводы отлично понимали действенность «жалованья», особенно водки, на местных владетелей. Таким образом, «государево жалованье» было своего рода и приманкой и наградой за верность союзническому долгу, поощрением и за выбор прорусской ориентации, откупом за отказ от нападений на уезды, за мир на «меже».

Но вручение «жалованья» было лишь частью торжественного обряда шертованья царю князей Телеутской земли. Обряд этот (правда, для других групп населения) описан Г. Ф. Миллером и др.⁴⁷ Прежде всего, свою шерть князья телеутов давали «по их колмацкой вере». Это устраивало обе стороны: воеводы считали, что такая шерть крепче, а телеуты соблюдали традицию.

Если шерть телеутских князей или их представителей принималась в Томске, то для придания значительности этому акту воеводы и служилые люди по царским инструкциям являлись в воеводскую избу в нарядном («золотном») платье и т. п. Сначала русские послы или дьяк (в Томске) зачитывали текст «шертовальной записи» с перечнем всех обязательств обеих сторон. Впрочем, об обязательствах русской стороны упоминалось лишь как о вознаграждении, которое воспоследует в случае честного исполнения своего долга князьями телеутов. Затем князю, его родичам и лучшим людям или его послам в Томске подносили по чарке «золотой водки» (в нее подсыпали порошка, наскобленного с золотого или бронзового предмета), либо браги, медовухи («золото в меду»). Прежде чем выпить чарку, князь (или его посол) произносил текст клятвы на верность царю. Приведем текст клятвы князя Коки во время шерти в 1650 г. в присутствии русского посольства И. Петрова.

Этот текст гласил: «Я, Кока, присягаю великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея России, его величества супруге, царице и великой княгине Марии Ильиничне, и его величества наследному принцу, царевичу и великому князю Дмитрию Алексеевичу, что я, Кока, пребуду всегда верным подданным его царского величества. Ежели я чиню сие не от доброго сердца, то будь надо мной божий огненный меч, и будь я проклят в сем и в будущем веке, сие золото да станет у меня в горле, и да пожрет у меня сердце, и великого государя и великого князя Алексея Михайловича сабля да будет над моею главою»⁴⁸. (Во время произнесения клятвы над головой шертующего заносили — или приставляли к его горлу — саблю.)

Только после этого князь (или его посол) выпивал чарку, затем пили все, кто шертовал вместе с ним.

Клятва с питьем золота в водке или в меду считалась у телеутов самой действенной. Отвечая дьякам Посольского приказа на вопрос: «Давно ль у них такое шертованье, что золото пьют и отчего зачалось?», телеутские послы заявили (1659 г.), что времени возникновения этого обычая «они не упомнят, а как де они шертуют — золото в меду пьют — того, что добре страшатца. А то де они слыхали наперед сего: мунгальские тайши промежи собою шертовали — пили золото в меду. И один де тайша мунгальской на своей шерти не устоял, хотел итти войною, и у него де золото вышло боком, и от того де у них то шертованье и страшно»⁴⁹. Конечно, страх не мог удержать телеутских князей от «измены». Недаром И. Фишер замечает, что князь Кока не боялся «ни бож[ь]я огненного меча, ниже царской сабли»⁵⁰.

⁴⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 35, л. 62.

^{46а} ЦГАДА, ф. 799, портф. 478, ч. III, л. 32, лл. 9—10.

⁴⁷ Миллер Г. Указ. соч., т. I, с. 490, прим. 15 и др.

⁴⁸ Фишер И. Указ. соч., кн. IV, отд. IV, § 12, с. 466.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 35.

⁵⁰ Фишер И. Указ. соч., кн. IV, отд. IV, § 13, с. 466.

Далее по инструкции полагалось вручать шертующим «жалованье» в виде отрезков сукна или готовых изделий — кафтанов, однорядок и пр. Впрочем, это не всегда удавалось соблюдать. Когда в 1685 г. И. Вербицкий заявил Табуну, что тот получит «государево жалованье» лишь в том случае, если даст шерть, то Табун сам приказал своим людям «сукно и вино у него, Ивана с товарищи, взять и принести к себе в юрту»⁵¹.

Порядок вручения «жалованья» только при условии шертованья о подданстве и только после него был введен воеводами уже во второй половине XVII в., после того, как русские послы много раз посещали Коку и Мачика, Табуна и Шаадая, одаривали их сукнами, поили «горячим вином», но неизменно получали отказ шертовать или удовлетворить какие-либо претензии русской администрации.

Следовательно, обрядовая сторона шерти — клятва шертующих, одаривание их «государевым жалованьем» (в том числе «горячим вином») имела прямое отношение к содержанию шертовальной записи, главной целью ее было гарантировать выполнение договоров и соглашений, заключенных между телеутскими Большими Улусами и русскими властями.

Телеутские князья на первых порах честно выполняли свою обязанность союзников, участвуя в походах русских отрядов против киргизов и их кыштимов (1615, 1621, 1622 и другие годы)⁵². Больше того, Абак, например, в 1609 г. по собственной инициативе отбил у кужегетов стада томских татар-еуштинцев: подобные акции не вменялись ему в обязанность договором 1609 г.⁵³ Наоборот, томские воеводы с самого начала не могли дать должной «обережи» телеутам: в 1611 г. «воевода... людей не дал в помощь» Абаку для отпора черным калмыкам «Карагулина улуса»⁵⁴, не получили помощи телеуты и при нашествии на них большого войска самого Хара-Хулы⁵⁵.

В 1658—1659 гг. Коке и Мачику даже обманым путем не удалось заполучить русской военной помощи для борьбы с ойратами⁵⁶. Не дали воеводы ратников и Табуну в начале 70-х гг., когда ему предстояло «битца с Сакилем»⁵⁷. В свете приведенных фактов понятно, почему телеутские князья отказываются в свою очередь от совместных походов против киргизских «супротивников» царя.

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 182, л. 342—343об.

⁵² ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 24; Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 162 и др.; т. II, с. 566, прим. к § 66.

⁵³ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 69, с. 428—429.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 24.

⁵⁵ Там же, л. 24—25.

⁵⁶ Там же, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 2; ф. 214, стб. 1567, л. 254, и др.

⁵⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245об.

Итак, выполнение основных обязательств по взаимной военной помощи, которые брали на себя союзники по договору (шерти), шло неодинаково. Разное отношение к этому — показатель неравного партнерства союзников.

Союзные отношения между царской администрацией и Телеутской землицей были непрочными. На протяжении всего XVII в., как мы это увидим ниже, их обычно расторгал младший партнер, и, наоборот, русской стороне почти всегда принадлежала инициатива восстановления союзнических или хотя бы добрососедских отношений с Улусами телеутов.

Подводя итог всему сказанному о характере телеутского «подданства», хотелось бы подчеркнуть, что слова о «вечном прямом холопстве» и т. п. — это всего лишь традиционная формула, вовсе не соответствовавшая содержанию телеутско-русских отношений в XVII в. По сути дела, оно представляло собою непрочный военно-политический союз неравных по силе партнеров.

Сказанное вовсе не означает, что всякая шерть князей Телеутской землицы означала оформление ее союзного договора с русскими властями. Нередко как раз шертью оформляли договоры о ненападении либо даже односторонние декларации об отказе от нападения. Такого рода шерти типичны для второй половины XVII в., когда с ростом зависимости Телеутской землицы от джунгарских ханов ее князья утратили былую свободу во внешнеполитических делах и не могли без позволения хана шертовать, например, о «подданстве», в то же время усилилась агрессия телеутской феодально-племенной знати в русских уездах (нападения на ясашных, баранта, сбор дани, увод ясачных людей в телеутские улусы и пр.). В этих условиях воеводам при нормализации отношений с телеутами приходилось довольствоваться договорами о ненападении и т. п.

Характер договоров и односторонних деклараций о ненападении наиболее четко выражен в шертях Табуна в конце XVII в. Так, в 1679 г. он отказался от присяги на «подданство» царю, но дал торжественное обещание сам князь называл его шертью) не посылать своих людей «войною» на Томск и на Кузнецк⁵⁸. Таков же был характер его заявления М. Ржицкому в 1683 г., когда Табун даже пообещал присылать «головою» тех улусных людей, которые, вопреки его «заказу», будут совершать набеги на русские деревни и на ясашные волости⁵⁹. То же самое можно сказать и о шерти Табуна в присутствии И. Вербицкого в 1685 г., когда Табун, кроме того, обещал «на Бошту-хана и на себя с ясашных людей наперед сего ясаку не имывать»⁶⁰.

⁵⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 177, 178, л. 331—334об.

⁵⁹ Там же, № 178, л. 335.

⁶⁰ Там же, № 182, л. 343.

Давая общую характеристику телеутско-русским отношениям в XVII столетии, мы, разумеется, не можем ограничиться только определением характера «подданства» Телеутской земли Русскому государству. Отношения между Улусами телеутов и русскими властями и уездами были многограннее, сложнее, противоречивее, развитие их шло зигзагообразно: периоды мирных и добрососедских, даже союзнических, дружественных отношений на протяжении века не раз сменялись разрывом союзных соглашений, военными столкновениями между телеутскими Улусами и русской администрацией уездов. Впрочем, следует иметь в виду, что состояние мира отнюдь не исключало мелких инцидентов на границе («меже»), в двоеданческих волостях и др., вроде столкновений охотников, ясачных поборов, баранты и т. п.

Пытаясь объяснить причины «непостоянства» телеутов по отношению к царским властям, Г. Миллер и И. Фишер видели их в коварстве, хитрости и др. личных качествах, присущих, по их мнению, только кочевникам. П. А. Словцов считал, в телеутском обществе шла борьба «двух жизненных сил», вследствие чего телеуты то присягали, то «отпадали» от России⁶¹.

Постараемся теперь конкретнее взглянуть на вопрос развития телеутско-русских отношений на протяжении века и выясним, что лежало в основе позитивных связей Телеутской земли и Руси и в том, что являлось почвой для контактов негативного типа.

Тот факт, что между Телеутской землей и русскими властями в течение довольно длительного времени существовали союзнические и дружественные либо просто мирные и добрососедские отношения говорит о наличии каких-то общих интересов у телеутской знати и русских воевод, у телеутов и русских людей вообще.

Что это были за интересы? Назовем некоторые из них.

Во-первых, у телеутских Больших Улусов и у Русского государства были общие противники в лице ойратов (Джунгарии), «мунгалцев» (государство Алтын-ханов), енисейских киргизов, хотя причины и мотивы враждебного отношения к ним были различными. Тем не менее Телеутская земля и Русское государство иногда составляли общий фронт против Джунгарии, Халхи и «Киргизской земли».

Во-вторых, мир и добрососедские отношения между телеутскими Улусами и русскими уездами диктовались экономическими причинами, необходимостью взаимовыгодных торгово-обменных связей. Узкоспециализированное хозяйство телеутов остро нуждалось в продукции русского земледелия и ремесленников. В свою очередь, русские остро нуждались в продукции телеут-

⁶¹ Миллер Г. Указ. соч., т. I, с. 315; т. II, с. 315—317 и др.; Фишер И. Указ. соч., кн. 4, отд. IV, с. 462—465 и др.; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. I. М., 1838, с. 13.

ского хозяйства — мехах, кожах и пр. Очень велика была их потребность в местных породах скота. Большую нужду они испытывали в лошадях для войска, для хозяйств служилых людей и крестьян⁶². Таким образом торгово-меновые связи русских с телеутами способствовали укреплению экономического и военного потенциала Русского государства.

Большое значение этот обмен имел и для телеутов: в военном деле стали применяться пищали, в охоте — капканы, в быту — металлические котлы, таганы, гончарная посуда, сукна, холст и другие ткани и одежда из них, украшения. Телеуты знакомились с высокой русской культурой. Торговля помогла сторонам поддерживать мирные, добрососедские отношения. Учитывая важность торгового обмена для поддержания мира, попытаемся дать ему краткую характеристику.

Телеутско-русский торг был меновым и длился на протяжении XVII столетия с перерывами: в 1609—1662 гг. процветал «колмацкий торг» в Томске⁶³, позднее обмен товарами производился в основном на границе с Телеутской землей⁶⁴. Для телеутов торг в Томске был льготным, беспошлинным, что компенсировало их потери от некоторой неэквивалентности обмена. Временами он был значительным: в Томск пригоняли скот по 30—50 телеутов⁶⁵. В конце XVII в. в телеутском экспорте наряду со скотом, пушниной и невыделанными кожами появляются предметы домашнего ремесла — тулупы, шубы, узды и др.; кроме того, знать продавала ясырей⁶⁶. В телеутском импорте заметное место занимают железные замки, капканы, ножи, оружие — «пансыри», пищали и др. (конец XVII — начало XVIII в.)⁶⁷.

Отношение русского правительства к торговому обмену с телеутами было двойственным: с одной стороны, оно поощряло его (льготы для телеутов), с другой — своей регламентацией (например, запрещалось продавать телеутам оружие) мешало его развитию, а иногда (начало XVIII в.) вообще запрещало торговлю с телеутами за пределами русских уездов⁶⁸.

Состояние телеутского торгового обмена определялось состоянием политических отношений между русскими уездами и телеутскими Улусами: в мирные годы он был оживленным и, наоборот, обострение противоречий, учащение конфликтов и т. п. приводило к резкому сокращению, а нередко и к полному прекращению меновых операций.

⁶² ЦГАДА, ф. 214, стб. 33, л. 86.

⁶³ Г. Н. Потанин ошибался, полагая, что этот торг прекратился в 1653 г. («О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в 19 столетии». — ЧОИДР, Спб., 1868, кн. II, с. 63).

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, 1307, 1770 и др.

⁶⁵ Там же, оп. 1, стб. 40, л. 330; стб. 53, л. 119—120 и др.

⁶⁶ Там же, кн. 1201, л. 89—90; ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 32, л. 13.

⁶⁷ Там же, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 29, л. 5; л. 32, л. 6—8 и др.

⁶⁸ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 1 и др.

Понимая значение телеутской торговли для русских уездов, телеутские князья нередко шантажировали воевод угрозой прекращения торгового дела в надежде на уступки со стороны русских властей в конфликтных ситуациях⁶⁹. Прекращение торгового дела телеутами немедленно вызывало жалобы служилых людей на дороговизну скота и т. п. и заставляло воевод искать пути нормализации отношений с Телеутской землицей. В свою очередь, воеводы пытались иногда прекращением русского торгового дела оказать давление на позиции телеутской знати: даже послам, едущим в ставку телеутских владетелей, они строго запрещали брать с собой какие-либо товары для обмена с телеутами⁷⁰.

Другую, негативную, сторону телеутско-русских отношений в XVII в. составляли военные столкновения, набеги и т. п. враждебные действия соседей.

Причины их крылись в наличии довольно острых противоречий между телеутской феодально-племенной аристократией и русской администрацией уездов, представлявшей интересы русского царизма.

Главными были противоречия по ясачному вопросу. Борьба за ясак и ясачных людей между русскими властями и знатью телеутов началась в первой четверти XVII в. и длилась на всем его протяжении, достигая временами (40—70-е гг.) большой остроты. Объектом борьбы были различные группы северных и южных алтайцев, с которых каждая из сторон стремилась монопольно собирать ясак. Обе стороны практиковали такие методы борьбы за ясачных, как укрывательство перебежчиков, переманивание, а иногда и насильственный увод ясачных людей в свои владения и т. п., и, наоборот, все делали для того, чтобы не допустить перехода своих данников под власть соперничающей стороны.

Существенное значение имели и противоречия из-за промысловых угодий в приграничной области, тем более, что строгого разграничения телеутских и русских владений не было. Борьба за охотничьи угодья началась в первой, но наибольшей остроты достигла во второй половине XVII в. Объектами этой борьбы явились крупные промысловые районы Чернолесья (50-е гг.)⁷¹, междуречья Берди и Ини (60—80-е гг.)⁷², долин Боронаула и Алия (первая четверть XVIII в.)⁷³. Телеутские князья пытались удержать за собой эти районы, применяя террор против промысловиков — подданных русского царя⁷⁴. В обоснование своих

прав на пользование спорными районами зверного промысла русская сторона отодвигала между, отделяющую русские владения от Телеутской землицы, с р. Ини на р. Лаилахан (правый приток Оби, выше Берди)⁷⁵. Стычки из-за ловищ зафиксированы многими документами XVII — начала XVIII в.)⁷⁶. Не раз вопрос о спорных районах промысла становился предметом переговоров между телеутскими князьями и русскими дипломатами.

Насколько важным считали его телеутские князья, можно судить по заявлению Табуна русскому послу М. Ржицкому в феврале 1685 г.: «У вас де, русаков, клеть, а у нас коробья, и от того де у нас будет смута большая»⁷⁷. Эта фраза была сказана в связи с обсуждением жалобы телеутов на жителей русских уездов, промышлявших в Таволгане (междуречье Ини и Берди). Табун хотел сказать ему: вы, русские, стремитесь наполнить мехами свои клетки, а мы, телеуты, свои берестяные коробья (своего рода сундуки); поскольку тем и другим меха нужны, а угодья одни и те же, то без борьбы за эти урочища не обойтись.

Экономические противоречия дополнялись политическими. Прежде всего, царские воеводы стремились захватить «Кыштимскую землицу» и утвердиться в ней, чтобы обеспечить исключительное право царя на эксплуатацию ясачных алтайцев и оградить их от домогательств телеутской знати. Еще в 30-х гг. (походы Ф. Пушина в 1632 г., П. Сабанского — в 1633 г.)⁷⁸ томские воеводы пытались построить остроги на р. Бии, на Телецком озере — в глубоком тылу приобских телеутов, в землях их кыштимов. Если бы этот план удался, то весь бассейн Бии, а возможно, и все правобережье Оби уже в 30-х гг. вошло бы в состав русских уездов: ведь именно так случилось в конце XVII — первой четверти XVIII в., когда после постройки ряда острогов и крепостей на Оби и Иртыше весь район их междуречья оказался в руках царских властей.

Телеутская знать, в свою очередь, тоже добивалась монопольной эксплуатации алтайских кыштимов и потому всячески противилась русскому проникновению в предгорья Алтая и попыткам закрепиться в этом районе: походы Ф. Пушина (1632 г.)⁷⁹, П. Лаврова (1673 г.)⁸⁰ и Р. Старкова (1674 г.)⁸¹ встретили вооруженный отпор со стороны телеутских князей.

⁶⁹ Чертежная книга Сибири 1701 года. Спб., 1882, л. 13, 14.

⁷⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 259—259об.; и др.

⁷¹ Там же, № 180, л. 338.

⁷² Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 304 и 306; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 262в, л. 512—515об.

⁷³ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 304, 306.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 463; стб. 886, л. 356—357.

⁷⁵ Там же, стб. 623, ч. I, л. 468—469; стб. 886, л. 358—359; ДАН, т. VI, № 93-XI, с. 322.

⁶⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 260, л. 509об. и др.

⁷⁰ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 406 и др. См. также: Уманский А. К вопросу о русско-телеутской торговле в XVII в. — В кн.: Матер. научн. конф., посвящ. 50-летию образов. СССР, вып. 3. Томск, 1972, с. 268—270.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 214 и сл.

⁷² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 180, л. 338—338об.; № 202, л. 370—371.

⁷³ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, л. 7, л. 47; л. 8, л. 11—11об.

⁷⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137, л. 234—235; № 180, л. 338 и др.

Царская администрация, не довольствуясь союзническим положением Телеутской земли, постоянно стремилась превратить своих союзников в заурядных подданных русского царя. Это было весьма заманчиво прежде всего из соображений фиска, ибо даже при льготной норме обложения ясаком могло увеличить доходы царской казны более чем на 1000 соболей или лисиц. Кроме того, превращение телеутов в ясашных людей обеспечивало царскую монополию на сбор ясака с двоеданцев, что сулило дополнительный доход; в целом подчинение телеутов значительно бы упрочило позицию царских властей в Южной Сибири. Вот почему воеводы Томска и Кузнецка, как отмечалось выше, весьма настойчиво пытались добиться полного подданства Телеутской земли, а телеутская знать при поддержке части улусных людей всемерно противилась этому; кстати, если знать при этом теряла лишь свои исключительные привилегии на угнетение кыштимов, то рядовые телеуты, обязанные платить ясак царю, попадали под двойной гнет, были бы стеснены в пользовании промысловыми угодьями и т. п.

Таковы, на наш взгляд, основные противоречия между Телеутской землей и Русским государством в XVII в.

В большинстве своем спорные вопросы и конфликтные ситуации регулировались мирным путем, с помощью дипломатии. В архивах сохранилось немало документов, рассказывающих о приезде телеутских послов, о снаряжении русских посольств в Телеутскую землю, их переговорах с князьями телеутов и т. п. Но иногда спорные вопросы решались и силой оружия. Телеуты воевали не только против ойратов, но и против царских властей. Правда, за небольшим исключением, между телеутами и русскими не было больших сражений, редки были случаи организации крупных военных походов телеутов на русские уезды и русских ратников в Телеутскую землю. Даже в 1628—1632 гг. — в период резкого обострения телеутско-русских отношений — серьезных столкновений не было. В частности, поход Абака (вместе с Тарлавом) под Томск в 1630 г. был направлен против еуштинцев, части чатов и лишь косвенно против русских властей. Следует подчеркнуть, что сведения об огромных потерях телеутов и чатов Тарлава во время этого похода (1000 чел. под Тояновым городком, 2000 чел. при переправе через Обь), сообщаемые Г. В. Трухиным, являются от начала до конца плодом вымысла этого автора⁸². Вопреки утверждению Ф. Пушнина, не привел к кровопролитию и поход в Телеутскую землю в 1632 г.⁸³ Столь же бескровным был поход Коки против Кузнецка в 1636 г.⁸⁴ Не подтверждаются документами сведения В. В. Рад-

⁸² Трухин Г. В. Начало освоения русскими Кузнецкого и Енисейского краев в первой половине XVII в.—«Учен. зап. Томского пединститута», 1949, т. VII, с. 106.

⁸³ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 304.

⁸⁴ Фишер И. Э. Указ. соч., с. 463.

лова о жесточайшем погроме Кокою Кузнецкого уезда в 1652 г.⁸⁵

Следует заметить, что иногда военные действия телеутов против русских отрядов провоцировались воеводами Томска. Так, нападение телеутов на отряд Ф. Пушина в 1632 г. было вызвано продвижением его в глубь Телеутской земли. Спровоцированными были и бои телеутов против отрядов П. Лаврова и Р. Старкова в 1673—1674 гг., когда последние, преследуя группу бежавших из Томска «выезжих телеутов», вторглись в телеутские пределы. Во всех этих случаях акции телеутов носили оборонительный характер⁸⁶.

Но было бы в корне неверно считать Телеутскую землю только обороняющейся стороной, а русские власти — агрессивной. Телеуты вели и наступательные операции против русских уездов (поход Абака в 1630 г., Коки в 1636 г., Коки и Мачика в 1657 г. и др.), нападали на русские остроги и деревни и т. п. Вследствие военно-технической отсталости они не умели брать русских городов и острогов (у них не было осадной техники, преобладал лучной бой и т. п.). Обычно дело ограничивалось погромом деревень, демонстрацией силы и угрозами сжечь русские укрепления. В 1640 г. кузнецкий воевода Д. Кафтырев сообщил в Томск о том, как, судя по всему, телеуты Мачика похвалялись «управиться» с Кузнецком: «...зимою де нам над Кузнецком острогом ничево не зделать, а летом де нам над Кузнецком острогом промышлять как мощно: Кузнецкой острог не каменной, огонь дойдет, мы де ево огнем сождем»⁸⁷.

Гораздо чаще телеуты совершали набеги на русские деревни и на ясашные волости небольшими отрядами. Гарнизоны русских городов были в основном пешими (особенно в первой половине XVII в.), это давало возможность телеутским конникам легко уходить от погони; налеты конных отрядов были внезапными — все это обеспечивало преимущество телеутам.

Телеутские набеги преследовали прежде всего грабительские цели. Общество телеутов находилось на стадии формирования феодальных отношений, когда для утверждения новых основ классового общества (частная собственность и др.) большое значение приобретают грабительские войны, набеги на соседей. Главным организатором их является феодально-племенная знать. Организуя набеги на русские уезды, телеутские князья думали не только о наживе, но и об ослаблении военного и экономического потенциала русских владений в Сибири: неслучайно набеги сопровождалась сожжением деревень и сел, выжиганием и вытаптыванием полевых, уничтожением мелкого скота, истреблением и пленением русских крестьян и т. п.

⁸⁵ Radloff W. Aus Sibirien, Bd I. Leipzig, 1893, S. 176.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 463, 468—469; стб. 886, л. 356—359.

⁸⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 231, л. 441.

Эти набеги, баранта и т. п. акции приводили к разрушению производительных сил в русских уездах и, как уже отмечалось, мешали культурному сближению телеутов и русских людей, усвоению ими достижений более развитого русского сельскохозяйственного и ремесленного производства, более высокой культуры русского народа. Телеутская знать меньше всего заботилась об интересах рядовых телеутов. Она не считалась с гибелью и разорением соплеменников, не принимала в расчет желание части улусных людей обеспечить себе мирную жизнь под эгидой России, терроризировала активных сторонников сближения с русскими из числа телеутов и алтайских кыштимов⁸⁸, культивировала враждебное отношение улусных людей не только к царской администрации, но и к русским крестьянам и городской бедноте.

Рядовые телеуты в массе были заинтересованы в мирных добрососедских отношениях с русскими, тем более, что в силу военно-технического превосходства последних столкновения редко заканчивались победой телеутов. Но, на наш взгляд, полностью отрицать фактор некоторой заинтересованности рядовых телеутов в грабительских набегах на русские уезды было бы неверно, ибо в обществах, в которых классовый антагонизм еще не достигает большой остроты, военные набеги играют роль временных инструментов социального мира, поскольку они сулят обедневшим соплеменникам надежду на улучшение их материального положения: ведь часть добычи все-таки достается рядовым воинам. Кроме того, нельзя забывать, что рядовая масса, идя в фарватере политики феодально-племенной верхушки и находясь под ее влиянием, испытывала чувство враждебности не только к воеводам и служилым людям, но и к русским людям вообще.

Большая доля вины за военные стычки ложится и на царских воевод, которые организовывали походы в глубь Телеутской земли для создания опорных пунктов, острогов, а также с целью присвоения новых «землиц», возвращения в подданство «изменников и непослушников» и пр. Что касается русских крестьян и горожан, то они больше, чем кто-либо нуждались в мире, в торговом обмене с телеутами. По собственной инициативе они, как правило, не совершали походов на телеутские кочевья, но иногда брались за оружие, чтобы защищаться от нападений телеутских отрядов⁸⁹. Но было бы неверным отрицать и тот факт, что русские крестьяне и посадские люди также находились в плену идеологии русских феодалов и нередко относились

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 360—361; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137, л. 233об.—235; № 111, л. 187об.—188об. и др.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1660, л. 8—9; оп. 1, стб. 1567, л. 225.

к аборигенам-алтайцам (в том числе и к телеутам) как к существам низшего порядка.

В литературе по истории Алтая большинство авторов считают, что русские походы и строительство острогов и крепостей в Юго-Западной Сибири в XVII — первой четверти XVIII в. были якобы продиктованы исключительно интересами обороны русских деревень и городов, а позднее рудников и т. п. от набегов кочевников⁹⁰. Ряд авторов только сообщает факты о сооружении русских укреплений, но уклоняется от выяснения причин и характера русского продвижения на юг, в Верхнее Приобье и горы Алтая, предпочитая не давать ему оценки вообще⁹¹.

П. Е. Тадыев считает, что включение алтайцев в состав Русского государства в XVII в. было «довольно мирным присоединением», что вооруженной борьбы между царскими отрядами и телеутами при этом почти не было, что это было экономическое подчинение последних и т. п.⁹²

Мы не склонны абсолютизировать момент силы и принуждения и изображать этот процесс в духе теорий «завоевания» и «покорения» Сибири (С. В. Бахрушин, Н. Н. Козьмин и др.), но вместе с тем, по нашему мнению, было бы также неправильно преднамеренно затушевывать негативные стороны названного процесса — ибо история не нуждается в приукрашивании. Мы за то, чтобы в объяснении причин и хода включения алтайцев оба фактора — добровольность и принуждение — присутствовали в той пропорции, в какой они имели место в исторической действительности. В XVII в. добровольно приняла подданство только часть Телеутской земли (большая часть телеутов и других южных алтайцев также добровольно перешла в подданство России уже в XVIII в. — в 1756—1758 гг.). Что касается северных алтайцев-тубаларов, челканцев, кумандинцев, а также телесов, тау-телеутов и др. из южных алтайцев, то они были приведены в XVII в. в подданство с помощью вооруженных отрядов; ежегодный сбор ясака с них производили также вооруженные группы ясатчиков; не раз тау-телеуты, телесы и др. на предложения об уплате ясака, принятии подданства отвечали оружием — «бой ставили, из луков стреляли»; иногда уплаты ясака той или иной группой алтайцев удавалось добиться, лишь сломив в открытом бою ее сопротивление⁹³. Нельзя считать атрибутами добровольного принятия подданства и институт аманатства, и такие спосо-

⁹⁰ См.: например: *Бородкин П. А.* Рудникотель Лелеснов. — «Краевед. зап. Алтайского краевого музея», Барнаул, 1959, вып. II, с. 276; *Розен М. Ф.* Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, 1955, с. 28; *Король А. К.* Бийск. Барнаул, 1955; и др.

⁹¹ *Камбалов Н., Сергеев А.* Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1968, с. 6—7 и др.

⁹² *Тадыев П. Е.* Указ. соч., с. 6.

⁹³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 46—55; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 254, л. 494—498об.; кн. 18, № 22, л. 38об.—39об.; и др.

бы выколачивания ясака, как увод в города членов семей ясашных, куда мужчины затем были вынуждены являться с ясаком и с выкупом за членов семьи⁹⁴.

Некоторые историки полагают, что произвол и насилие в отношении ясашных алтайцев были лишь делом рук местных воевод, которые «не понимали государственного значения освоения Сибири». Что касается центрального правительства, то оно понимало «прямой вред» произвола и насилий воевод при объяснении аборигенов «для укрепления власти Русского государства». Оно рекомендовало воеводам к местному населению «ласку и привет держати» и «от обид и насильства оберегати» его, но алчные воеводы, чувствовавшие себя вольготно вдаль от Москвы, не выполняли этих рекомендаций⁹⁵.

Но известно, что «ласкательная» политика царизма в отношении тех же алтайцев была продиктована не столько соображениями гуманности, сколько интересами безопасности и царской казны: рекомендовалось «не жесточить» ясашных, чтобы не вызвать их волнений или бегства (т. е. сохранить их в качестве плательщиков ясака). О подлинных целях этой политики царизма свидетельствуют постоянные дополнения воеводских наказов ясатчикам и «приискателям» «новых земель», предписывавшие последним «чинить поиск, сколько милосердный бог помочи даст», т. е. пускать в ход оружие в случае отказа «новых земель» признать подданство царю и платить ему ясак⁹⁶.

Классическим применением этой политики на практике были действия томских воевод по объяснению телесов. Факты, связанные с подчинением телесов, хорошо известны, и мы не будем их повторять.

Воеводы не всегда действовали «лаской», а применяли и «жесточь», навязывая алтайцам подданство русскому царю силой оружия. В этой истории в неприглядном свете предстают не только воеводы, но и правительство. Подписываясь под словами Л. П. Потапова о произволе и насилиях воевод, мы хотели бы внести в них небольшие коррективы: если бы даже воеводы не были корыстолюбивыми насильниками и т. п., конфликты между царской администрацией и ясашными волостями были неизбежны — во-первых, не кто иной, как царское правительство требовало от воевод собирать ясак полностью, принимать все меры по ликвидации недобора ясака, не считаясь ни с тем, что норма обложения ясаком была высока, ни с тем, что соболь «выпромышился»; во-вторых, именно оно настойчиво требовало от воевод «приискивать новые земли» и приводить их в подданство не только добром, но и силой. Так что мы не склонны обелять деятельность царского правительства и снимать с него от-

⁹⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 16-18, л. 21об.—30, № 23, л. 39об.—43об.

⁹⁵ Потапов Л. П. Указ. соч., 1953, с. 170—171.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 48 и др.

ветственность за развитие событий на Алтае в нежелательном направлении (волнения ясашных, «измены» их, бегство и т. п.).

И походы против телесов, и походы 1632, 1673, 1674 гг. против телеутов надо определять как акты принуждения. На наш взгляд, не следует закрывать глаза на эти факты, маскировать темные стороны деятельности царизма, искать оправдание ей в необходимости защиты русских поселений от набегов кочевников, в непослушании воевод царю и т. п. Царизм был всегда злейшим врагом и угнетателем всех — больших и малых народов России. Нет необходимости обелять его политику в отношении сибирских «инородцев» соображениями государственной важности или благоприятными перспективами исторического развития малых народов в составе Русского государства, ибо благоприятными эти перспективы оказались не по желанию царизма, а вопреки его воле, ибо «государственные соображения» в ту эпоху заключались прежде всего в защите интересов господствующих классов феодальной России.

Такова наша точка зрения по дискутируемым вопросам из истории телеутско-русских отношений в XVII в.

Остановимся коротко на периодизации телеутско-русских связей в XVII столетии. Мы считаем, что в истории их можно выделить несколько периодов.

Первый этап охватывает события от самого начала XVII в. до начала 30-х гг., т. е. от шерти суштинского князя Тояна, в которой телеуты были впервые названы в качестве возможного объекта объяснения, и до распада единого Большого Улуса приобских телеутов во главе с князем Абаком. Последняя грань почти совпадает по времени с образованием единого Джунгарского ханства и со смертью главного князя Телеутской земли.

Самым важным событием этого периода было установление союзных отношений между телеутами и русскими властями в 1609 г. Для большей части этого отрезка времени характерны мирные союзные и добрососедские отношения между телеутами и русскими уездами. В своих контактах с русскими властями Телеутская земля выступает как единая политическая единица — Большой Улус князя Абака. В начале периода телеуты вместе с русскими отрядами совершают ряд походов в Киргизскую землю. В конце периода отмечается резкое обострение противоречий между царскими властями и телеутской знатью. Последняя инспирирует волнения против политики царских воевод в Юго-Западной Сибири, в свою очередь воеводы организуют ряд походов в Телеутскую землю.

Второй этап (вторая половина 30-х — первая половина 50-х гг.) характеризуется крайней неустойчивостью телеутско-русских отношений, ростом противоречий по ясачному вопросу. На этом этапе Телеутская земля вступает в связи с русскими уже в виде двух Больших Улусов, независимых друг от друга — Улуса Абаковичей и Улуса Мачика, противоречия которых

стремятся использовать в своих интересах царские воеводы. В целом более благоприятным было развитие отношений с Улусом Абаковичей. Отношения с Улусом Мачика до конца 40-х гг. были очень напряженными.

Третий этап (вторая половина 50-х — начало 60-х гг.) отличается противоречивой политикой телеутских князей: с одной стороны, они ведут открытую борьбу против русских воевод, а с другой — пытаются заручиться их поддержкой для борьбы с ойратскими феодалами. Отмечается активный обмен посольствами, в результате чего на время были восстановлены союзные отношения между Телеутской землицей и Русским государством. Наиболее примечательным фактом этого периода является поездка телеутских послов в Москву в 1658—59 гг. Существенно важен также переход нескольких групп телеутов в русское подданство в 1651, 1661—1662 гг.

Четвертый этап (60—70-е гг. XVII в.) явился временем нового резкого обострения телеутско-русских противоречий (военные столкновения и военные походы). Телеутская феодально-племенная знать в широких масштабах организует ограбление ясашных людей, набеги на русские уезды, промысловые станы и пр. Попытки томских воевод нормализовать отношения с Телеутской землицей дипломатическими средствами не приносят успеха.

Пятый этап длился с конца 70-х — начала 80-х гг. XVII в. до начала XVIII в., совпадая по времени с усилением кыштымской зависимости Телеутской землицы от Джунгарского ханства. В это время русской администрации удается нормализовать отношения с Улусами Абаковичей и Мачиковичей, в результате чего наблюдается усиление мирных контактов, торгово-меновых связей между русскими уездами и Телеутской землицей. В этот период заключается ряд соглашений о ненападении, о сохранении добрососедских отношений между ними, в телеутских Улусах усиливается тяга к сближению с русскими, к принятию русского подданства и т. п.

Шестой этап (I четв. XVIII в.) характеризуется новым обострением отношений с телеутами, вследствие полного подчинения их Джунгарии.

Глава II

ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ДО РАСПАДА ЕДИНОГО ТЕЛЕУТСКОГО КНЯЖЕСТВА (Улуса Абака)

Инициатива установления телеутско-русских контактов принадлежит русским властям. Царский наказ первым письменным головам Томска Г. И. Писемскому и В. Н. Тырнову предписы-

вал им «проведывать» о черных и белых калмыках — «где они кочуют и в которых местах и кто ими владеет и сколько их кочует и в одном ли месте или в разных и с кем у них ссылка». Тогда же им было указано собрать сведения о «землицах» «вверх» по Оби и другим рекам — «и кто в них князьков и мурз и лучших людей и кто ими владеет и ясаки с них емлет или живут себе (особо. — А. У.) и много ли в них ясачных людей». Не отожествляя еще белых калмыков с телеутами, наказ предлагал головам послать в дальние «землицы», в том числе «в телеуты» «добрых и просужих» служилых людей с толмачами и с царским жалованьем и звать их «под высокую царскую руку». Наказ рекомендовал приводить в подданство «ласкою, а не неволею и не жесточью», к объясаченным «держати береженье и ласку», «чтобы их приучить и поити их и кормити государевыми запасы и сукна им давати по их служенью и про их проведывати, не чаять ли в них впредь какие шатости и измены»...¹

Наказ томским головам — до мелочей продуманная программа действий русских властей в Южной Сибири, которую они выполняли в течение всего XVII в.

В соответствии с наказом Г. Писемский и В. Тырнов в конце 1605 г. направили к телеутскому князю Абаку первое посольство во главе с тобольским литвином И. Поступинским и томским конным казаком Б. Константиновым. Цель его заключалась в том, чтобы зазвать Абака для шертования о подданстве в Томск. Послы возвратились с известием, что телеуты были «рады» (рады. — А. У.) «жалованным словам» и обещали «на весну» 1606 г. приехать в Томск.

Предложение томских голов было весьма кстати, так как телеуты «воевались» с калмыками и в то же время опасались нападения Алтын-хана и Казачьей Орды, теснивших Хара-Хулу и его союзников. Но осторожный Абак не торопился с приездом в острог: он, видимо, прикидывал — стоит ли ему вступать в тесные контакты с русскими властями, располагавшими лишь небольшим гарнизоном Томского острога; он к тому же боялся, что его оставят в Томске аманатом. Поэтому князь на всякий случай поддерживал добрососедские отношения с русскими, посылая своих людей с поминками (подарками) томским головам².

Не увенчались успехом и попытки М. Ржевского и С. Бартенева (1606—1608 гг.) привести в подданство Абака. Он вел

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 479—489. См. также наказ Лжедмитрия I С. Бартеневу и М. Ржевскому, направленным в 1606 г. на смену Писемскому и Тырнову (ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 489—499). Наказ предусматривал приведение в подданство всех «землиц», названных в челобитной еуштинского князя Тоюна. (Миллер Г. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, прилож. 55, с. 411—412).

² Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 424.

себя уклончиво: и от шерти не отказывался и не принимал подданства³.

В эти годы служилые люди не раз посещали Телеутскую землю. В октябре 1608 г. к Абаку заезжало посольство Б. Константинова, имевшее наказ «взять в Белых колмаках лутчих мурз колмацких, которым черные колмыки верят» и с их помощью привести ойратских тайшей Езенея, Узенея и Обакая к шерти. Абак убедил послов, что калмыки «откочевали далече» для войны с казаками и «мунгалами» и что послов могут убить «воровские калмыки», кочующие между телеутами и улусами Езенея, Узенея и Обакая и отказал послам в мурзах⁴. Позднее он признавался, что отказ этот был также вызван тем, что телеуты сами в это время воевали с калмыками⁵. В этих условиях Абак не хотел, чтобы калмыки опередили его с шертью, ибо последняя была бы направлена и против телеутов, которые «восвались» с черными калмыками⁶.

В феврале 1609 г. томские воеводы В. В. Волынский и М. И. Новосильцев отправили к Абаку посольство во главе с И. Коломною (князь Тоян, казаки И. Петлин и В. Малентьев) для приведения его к шерти. В случае отказа Абака ехать в Томск воеводы предписали кому-либо из послов остаться в закладе у телеутов до возвращения Абака из Томска. И, действительно, только после того, как Тоян дал шерть в том, что Абака не оставят в Томске аманатом, князь Телеутской земли решил на поездку в Томск. В сопровождении русских послов 31 марта 1609 г. Абак, его мурзы и лучшие люди прибыли в Томск и тогда же шертовали царю в том, чтобы «быти под... царскою высокою рукою неотступным», служить и «прямить» ему, ходить в походы на его «непослушников» и т. п. А у царя они просили разрешения кочевать «блиско Томского города», не брать с них ясака, оберегать от Алтын-царя и Казачьей Орды⁷.

Воеводы щедро одарили телеутов «государевым жалованьем»: «дали Абаку князю однорядку малиновую, лундыш да рубашку золотную, да колпак, да сапоги, а мурзам по однорядке настрафильной и людям его по однорядке Рословской»⁸.

Итак, в 1609 г. многолетние усилия томских властей по приведению телеутов к шерти, наконец, увенчались успехом: между Телеутской землей и Русским государством был заключен первый договор о военно-политическом союзе. Каковы же были конкретные причины, обусловившие заключение этого союза?

³ Там же, прилож. 66, с. 424.

⁴ Там же, прилож. 67, с. 426—427.

⁵ Там же, с. 427; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 21, л. 30.

⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 21, л. 30.

⁷ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 424—425; РИБ, т. II, № 85-II, с. 195—199.

⁸ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 425; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 9, л. 16.

1. В начале XVII в. в связи с долголетней и кровопролитной борьбой ойратов против халхасцев и казахов Телеутская земля оказалась в критической ситуации: ей грозили полный разгром и даже истребление со стороны Алтын-хана и Казачьей Орды. К тому же телеутам грозила опасность порабощения со стороны оттеснивших их к северу ойратов, среди которых не было единства и шли нескончаемые усобицы. (Некоторые исследователи считают, что в 1605 г. телеуты освободились от власти ойратов⁹. Можно думать, что с этим была связана война телеутов против калмыков, имевшая место незадолго до шерти Абака.)

Телеутская знать надеялась с помощью русских воинов, благодаря их военно-техническому превосходству над монголами и казаками, избежать разорения, порабощения и физического истребления со стороны своих сильных и агрессивных соседей.

2. Остро пуждались в союзе с Телеутской землей и русские власти. Положские «украинного» Томска в 1604—1609 гг. было крайне трудным Гарнизон его был невелик, а выполнение задачи по объясачению ближних и дальних «землиц» требовало больших военных сил. Польско-шведская интервенция и гражданская война в центре России не позволяли надеяться на получение подкреплений из-за Урала. Материальное положение и моральный дух служилых людей Томска были низкими: несколько лет они не получали жалованья и, по словам тобольского воеводы, «безпрестани били челом» о нем. Зная, что в казне нет денег, а в житницах хлеба, служилые люди Томска, как и других сибирских городов, грозили покинуть город и брести на Русь с семьями, чтобы не умереть с голоду¹⁰.

Тяжела была и сама по себе военная служба. В феврале 1609 г. воеводы Томска жаловались в Москву, что служилые люди живут «в рассылках», что «в городе оставаютца немногие» и те «безпрестани» стоят на городских и отъезжих караулах¹¹. С неимоверным трудом, преодолевая зимой «снеги великие», а весной и осенью «зыбели великие и ржавцы»¹², томичи в 1608—1609 гг. объясачили ряд волостей Кузнецкой и Киргизской землиц, плативших раньше дань Алтын-хану и ойратам¹³. Но власть воевод была здесь непрочной. Уже зимой 1608—1609 гг. не дали ясака «кузнецы», дессары, маты, тубинцы и др.¹⁴, отложились от русских и «сложились с киргизы заодно» Кимская, Алтерская и другие волости¹⁵.

⁹ Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, кн. II, СПб., с. 155.

¹⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников Харьков, 1889, с. 26.

¹¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. I, прилож. 62, с. 421.

¹² Там же.

¹³ Там же, прилож. 63—66, 68, 72, с. 422—425, 427, 428, 430, 431.

¹⁴ Там же, прилож. 70—72, с. 430, 431.

¹⁵ Там же, прилож. 72, с. 430, 431.

События 1608—1609 гг. показали, что говорить о подчинении соседних «землиц» военными силами Томска бессмысленно. Это отлично понимали воеводы, заявлявшие правительству, что... «кузнецких... и киргизских людей одними томскими служилыми людьми воевать не мощно». Правительство, обвиняя томских воевод в «безделье» и пр., рекомендовало пополнять гарнизон за счет «охочих» и «гулящих» людей, но и этим способом нельзя было решить проблемы¹⁶.

Томск нуждался в крупных военных силах не только для подчинения небольших «землиц» Южной Сибири. Большая опасность грозила ему со стороны ойратов, «мунгалов», казахов, воевавших между собой и нередко вторгавшихся в пределы русских уездов.

Заключая союз с Телеутской землицей, томские воеводы рассчитывали на использование людских ресурсов и военной организации телеутов для подчинения «кузнецов», киргизов и других племен и групп и для обороны от монголов и казахов.

3. Воеводы рассчитывали на большой политический резонанс договора с Абаком — ведь его улус был одним из самых крупных политических объединений в Южной Сибири. Его примеру могли последовать некоторые калмыцкие тайши, которых тоже можно было бы использовать в указанных выше целях. Воеводы даже надеялись на посредничество Абака в приведении к шерти калмыков из группы Узенея: сразу же после его шерти они попросили князя телеутов послать «своих лутчих мурз в Черные колмаки, к колмацким князем... и велел бы их звать в Томской город... к царскому жалованью»¹⁷. Абак обещал томским властям свое содействие в этом деле. Урегулирование отношений с ойратами сулило ослабление напряженности на южных границах русских уездов, укрепление их безопасности, развитие торгового обмена русских людей с западными монголами.

4. Заключение телеутско-русского союза должно было превратить пока еще спорадический обмен между телеутами и русскими людьми в постоянный, регулярный и взаимовыгодный торг, в котором, как уже отмечалось, обе стороны испытывали острую необходимость.

5. Наконец, томские воеводы, по-видимому, в конце концов надеялись объяснить телеутов (вопрос об этом был пока открыт) и тем самым учинить большую прибыль царской казне.

Таким образом, договор о союзе 1609 г. был жизненно необходим как для Телеутской землицы, так и для русских уездов. Он оформил и закрепил первые политические и экономические контакты между русскими и алтайскими телеутами, был призван способствовать развитию экономики обеих сторон, а также

укреплению обороноспособности как русских уездов, так и телеутских улусов перед лицом общих врагов.

Абак, видимо, не ездил в Москву бить челом об освобождении телеутов от ясака. В условиях польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в. такая поездка едва ли была возможна. Очевидно, вопрос об этом был решен в ходе переписки томских воевод с Казанским приказом. И решен он был в пользу телеутов, ибо, как доказано нами выше, ни в 1609 г., ни позже Абак не платил ясака. Нуждаясь в военной помощи телеутов для борьбы с киргизами и другими врагами, русские власти побоялись отпугнуть их и не настаивали на внесении ясака.

Результаты заключения союзного договора сказались немедленно. Телеуты «учали кочевать со всем улусом за день от Томского города», в городе было положено начало «колмацкому торгу»: собственно калмыки, занятые войнами, появлялись здесь редко, зато часто продавали скот телеуты, приходившие «з базаром», и уже скоро «лошадьми... и коровами служивые люди наполнились в Томском городе»¹⁸.

Хорошее начало было положено и военному сотрудничеству: летом 1609 г. Абак по собственной инициативе погромил кужегетов и возвратил угнанный ими полон и скот еуштинцам — подданным русского царя¹⁹. Царское правительство оценило усердие Абака: по приказу тобольского воеводы И. Катывева-Ростовского его томские коллеги «велели зделати (Абаку. — А. У.) из добрых сукон однорядку да кофтан, а Борзакею мурзе однорядку» и похвалили за службу²⁰.

Достоверно установлено, что осенью 1615 г. Абак во главе отряда из 400 телеутских воинов участвует в походе русских ратников против енисейских киргизов²¹.

Итак, вначале телеутско-русские отношения развивались вполне благоприятно.

Однако уже в 1617 г. Абак отходит от союза с русскими властями и занимает явно враждебную им позицию, оказавшись в одном лагере с калмыками тайши Пегима. Чем объясняется разрыв Абаком союза с русской администрацией?

Во-первых, не оправдались надежды телеутской знати на «обережу» царских слуг. Когда весной 1611 г. на телеутов напали кужегеты, в отместку за погром их Абаком в 1609 г., по-

¹⁶ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 66, с. 425; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 17, л. 15об.—16.

¹⁷ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 69, с. 429.

²⁰ Там же, с. 429; подробнее об этом см.: Уманский А. Телеуты и тувинцы в XVII столетии.— В кн.: Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974, с. 21.

²¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 24. См. об этом: Уманский А. Телеуты и енисейские киргизы в XVII в.— В кн.: Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974, с. 45—47.

¹⁶ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 69, с. 428—430, прилож. 76 и 78, с. 433—436.

¹⁷ Там же, прилож. 66, с. 425.

следний немедленно направил в Томск своего посланца Саганак с просьбой о помощи. Но воеводы лишь пообещали дать телеутам «оборону», как только из Тобольска придут подкрепления. В итоге кужегеты взяли у телеутов полон и отогнали большой табун лошадей. Во время нападения Печей Тархана Абак снова просил помощи у воевод, и снова «государев воевода людей не дал». История повторилась и при нашествии на телеутов ойратского войска во главе с Хара-Хулой²². Конечно, понять воевод можно: подкреплений из центра они в 1609—1613 гг. ждать не могли из-за интервенции и крестьянской войны, а рисковать своими военными силами не решались. Но телеуты усмотрели в отказе воевод нарушение договора о союзе и взаимной помощи, невыполнение воеводами своих обещаний.

Во-вторых, телеутская знать была недовольна активной политикой томских воевод по объяснению шорцев в 1610—1615 гг. Участие телеутов в киргизском походе 1615 г. объясняется тем, что Абак имел свои виды на «кузнецов». Зимой 1615 г. какая-то группа «белых калмыков» вместе с шорцами, киргизами и ойратами уже осаждала русский городок в Кузнецкой земле, в котором укрылся отряд И. Пушина и Б. Константинова²³.

В-третьих, обе стороны на время утратили острую необходимость в этом союзе: опасность, грозившая телеутам со стороны монголов и казахов, исчезла (войны калмыков с «мунгалами» и казахами шли на далеком юге), а положение русских властей в Кузнецкой и Киргизской землях окрепло (И. Пушин и Б. Константинов «замирили» абищев и сарачарцев, сумели вырваться из плотной осады; затем Б. Терской взял ряд киргизских, кызыльских и бугосарских городков и привел к шерти Изсека и других киргизских князьков²⁴; в 1616 г. дали шерть и ясак «кузнецам»²⁵). Воеводы полагали, что они надолго «до Алтына царя... дорогу очистили в иные земли»²⁶.

В-четвертых, телеуты были недовольны, видимо, неэквивалентностью торгового обмена в Томске, обидами со стороны воевод и служилых людей: за бутылку самогонки русские торговцы брали по 2 соболя, за 5 игл — горностая, за медный котел — столько соболей, сколько их войдет в котел²⁷.

В-пятых, мы предполагаем, что после киргизского похода 1615 г. возникли какие-то распри между чатами и телеутами (из-за добычи либо из-за промысловых угодий), ибо едва ли случайно свой первый удар Абак нанес не по русским, а по чатам.

²² ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 24—25.

²³ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 86, с. 442—443.

²⁴ Там же, прилож. 85—88, 92, с. 441—444, 447—449.

²⁵ Там же, прилож. 90, с. 445—446.

²⁶ Там же, прилож. 92, с. 448.

²⁷ Рагозин Н. Е. Завоевание и освоение Западной Сибири (очерк). — «Зап. Новосиб. пед. ин-та», Новосибирск, 1946, вып. 1, с. 23.

Таковы, на наш взгляд, причины, приведшие к разрыву телеутско-русского союза в 1617 г.

В 1617 г. Абак и Пегим-тайша попытались захватить Чатский городок, который обороняли не только чаты, но и русские ратники. И. Хлопин «с товарищи». Дважды пытались телеуты и ойраты взять городок штурмом, но были отбиты. Не принесла успеха и трехнедельная осада. Терпя «великую нужду», осажденные делали вылазки и «отсидели городок»²⁸, сказавшись превосходство русских в военной технике (огнестрельное оружие, укрытие за валами укрепления и пр.).

Затем Абак активизировал враждебную русским властям деятельность в Кузнецкой земле. Он уводит и «держит сильно» в Телеутской земле ясашных шорцев с семьями²⁹. Его люди берут дань или просто грабят «кузнецов» («даром имеют»)³⁰. Томские воеводы были вынуждены в 1618 г. соорудить острог³¹ в центре Кузнецкой земли. Приказчик его О. Харламов получил наказ не допускать сбора дани, насилий и убийств «кузнецких людей» телеутами, которых воеводы называли в числе русских недругов³². Прекратился и «колмацкий торг» в Томске.

К счастью, враждебные отношения между Улусом Абака и русскими властями длились недолго, уже в январе 1621 г. они были нормализованы. Дело в том, что в Кулунде, а затем и на правобережье Оби снова появились калмыки Хара-Хулы и его союзников, терпевшие поражения от Алтын-хана и казахов. В поисках спасения они решили кочевать в междуречье Оби и Томи. Калмыцкая опасность грозила не только телеутам, но и русским. Из 280 служилых людей Томска 50 находилось в Кузнецком остроге, многие — в рассылках (за жалованьем, по караулам и пр.). Они по-прежнему были «в долгах», ибо жалованья в казне не было: снаряжая кузнецкий гарнизон, воевода Ф. В. Бобарыкин выдал из личных запасов 225 четей муки, 98 четей овса и 292 руб.³³ В своих донесениях воеводы перечисляли многие орды, придвинувшиеся к Томску и Кузнецку (... «белые и черные калмыки и киргисские люди, и кучугуты, и братья, и маты, и саяны, аринцы и иных многих земель и орды люди»)³⁴, сообщали слухи об их намерении «воевать» города, засыпали Тобольск просьбами о подкреплениях. Но тобольский воевода М. Годунов отделялся советами жить «с береженьем», вести

²⁸ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 123, с. 128—129.

²⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 75, л. 89.

³⁰ Там же, кн. 17, № 54, л. 69—69об.

³¹ Миллер Г. Указ. соч., т. I, прилож. 95, 96, с. 451—453.

³² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 54, л. 69—69об.

³³ Там же, № 78, л. 92—95об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. I, д. 1, л. 65об.—66; и др.

³⁴ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 156, с. 257—258.

разведку и т. п.³⁵ В связи с обострением обстановки в 1621 г. Кузнецкий острог был перенесен на новое место³⁶.

В этих условиях и Абак и воеводы Томска были заинтересованы в возобновлении военного союза. В порядке аванса Абак начинает информировать Томск о передвижениях и планах ойратов. В декабре 1620 г. его нарочный сообщил в Томске о намерении Хара-Хулы кочевать «около Томского города по Томи реке и до Оби» и о подготовке им похода на Томск и Кузнецк весной 1621 г.³⁷

Но воеводам было мало этих услуг Абака, они опасались, что телеуты могут оказаться в лагере Хара-Хулы. В январе 1621 г. «в телеуты» выехало посольство во главе с Б. Карташевым. Оно имело целью добиться, чтобы Абак подтвердил прежнюю шерть, чтобы впредь он служил царю «без всякие шатости... неподвижно» и склонить его к участию в походе против тубинцев и маторцев. Послы выполнили свою миссию: Абак принес вину перед царем и дал шерть о безотступной службе «ходить и людей своих посылати, где ты, государь, велишь». Во время послования Б. Карташева произошел досадный инцидент: князек орчаков Коксеж хотел убить русских послов. Защищая их, Абак был ранен, но не допустил убийства, а затем обеспечил их охраной и проводил в Томск по неизвестной орчакам дороге. С Карташевым в Томск прибыл отчим Абака Юрликай, подтвердивший шерть князя в присутствии воеводы и служилых людей³⁸.

Итак, прежние отношения между телеутами и русскими были восстановлены на тех же условиях.

В 1621 г. Абак во главе отряда телеутов численностью в 200 чел. участвовал в походе против тубинцев, маторцев и качинцев. В октябре 1622 г. телеуты снова вместе с русскими ратниками ходили походом против енисейских киргизов³⁹.

В Томске возобновился телеутский торг скотом. Телеутская земля становится ареной действий для русской военной разведки: в июле 1621 г. здесь собирал сведения об ойратах и их войнах с халхасцами с. б. Харламов, в августе того же года — князь Еушты Тоян. Эти данные имели большое значение для русской администрации: они позволяли ей своевременно принимать меры военного или дипломатического характера.

Но восстановление союза не ликвидировало противоречий между телеутской знатью и царскими властями, в частности по ясачному вопросу. Когда кузнецкий воевода Т. Бобарькин в марте 1621 г. прислал к Абаку Я. Захарова и других посланцев с требованием вернуть насильно уведенных телеутами

ясашных «кузнецов», то Абак даже не стал с ними разговаривать, в Кузнецк они возвратились с пустыми руками⁴⁰.

Впервые в эту пору происходят пограничные стычки между телеутами и русскими людьми. В мае 1624 г. улусные люди Абака внезапно («без вести») напали на казачьи пашни близ Томска и «казачьих лошадей отогнали и людей иных переранили»⁴¹. Тогда же проезжая станция Е. Заболоцкого и И. Белоголова пленила на рч. Моичуне «изменников и непослушников Абаковых белых калмыков» Томаткула «з двумя ево сынами»⁴². В июне 1624 г. в Кузнецкой земле телеуты, наряду с ойратами, собирали ясак на себя железом и мягкой рухлядью, грабили ясашных и полонили их семьи⁴³. П. А. Словоцов, явно преувеличивая, писал, что в 1624 г. «кузны» (шорцы), будучи «оговорены» (подговорены. — А. У.) телеутами, «отпали» от России, а сами телеуты подступали к Томску, разоряя все на своем пути⁴⁴. Но, опасаясь повторения событий 1617 г., воеводы послали в Чатский городок «для береженья» отряд служилых томичей во главе с С. Шепеткиным, городок был «зделан новой и крепок, и рвы выкопаны, и караулы... крепкие день и ночь» стояли, в землю телеутов проникали русские разведчики «подлинных вестей проведывати», причем они интересовались, видимо, не только Хара-Хулой и ойратами⁴⁵.

В июле 1624 г. воеводы Томска кн. А. Ф. Гагарин и С. В. Дивов направили к Абаку новых послов во главе с атаманом И. Белоголовом с выговором за отход от шерти и с требованием сыскать и прислать в Томск «воровских людей», совершивших набег на казачьи пашни. Послам надлежало разобраться — «собою» ли совершили этот набег «воры» или сделали это с ведома Абака и его окружения (т. е. соответствует ли он официальному курсу «внешней политики» князя Телеутской земли). Послы не застали Абака на месте, а его люди встретили их враждебно: всех послов ограбили, а казака Л. Алексева даже убили⁴⁶.

Это был тревожный симптом, обеспокоивший томских воевод. Положение осложнялось непослушанием шорцев, которые за 1624 г. ясаку не дали, «збираются в скоп, а хотят с государевыми людьми битца». Одной из причин «кузнецких» волнений было недовольство «кузнецов» властями, которые не могли дать им «обережи» от калмыков, чинивших «утеснение великое» и обиды

³⁵ Там же, т. II, прилож. 161, с. 261—262.

³⁶ Там же, т. II, прилож. 96—99, с. 453—455.

³⁷ ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. I, л. 1, л. 65—65об.

³⁸ Там же, ч. II, д. 4, л. 2—2об.

³⁹ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 162, с. 262.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 6, л. 54об.—55; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 75, л. 89.

⁴¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. II, прилож. 227, с. 320—321.

⁴² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 90, л. 108—108об.

⁴³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 6, л. 54об.—55.

⁴⁴ Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1. М., 1838, с. 35—37.

⁴⁵ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 215, с. 310.

⁴⁶ Там же, прилож. 227, с. 320—321.

их женам и детям («мучат и в полон емлют, а иных секут») ⁴⁷ Тогда же бежали «в телеуты» азкештимцы и тогульпы ⁴⁸.

Изучив обстоятельства, при которых имели место телеутские пабеги и убит Л. Алексеев, воеводы пришли к выводу, что эти враждебные акции совершены без ведома Абака и решили миром разрешить возникший конфликт. В апреле 1625 г. к Абаку был послан толмач Янсар с компромиссным предложением: князь должен принести свои вины, подтвердить свое желание впредь служить «безотступно», «без всякой шатости, бесстрашно», а воеводы примут его челобитье об обидах от русских людей. Абак принял это предложение и отправил с Янсаром в Томск своих послов Кураиака и Урлея. 19 мая 1625 г. они были челом об отпуске вины их князю и заверили воевод, что после возвращения от Хара-Хулы Абак намерен дать «крепкую шерть» ⁴⁹.

Но, по всем данным, Абак уклонился от дачи «крепкой шерти»: в актах 1625—1627 гг. мы не обнаружили никаких указаний на это; Абак не выдал томским властям «воров», совершивших набег на уезд и убийство Л. Алексеева. Сама поездка к Хара-Хуле (если она, конечно, состоялась) была призвана шантажировать воевод. Стычки телеутов с русскими служилыми людьми не прекратились и после челобитья Кураиака и Урлея. В ноябре 1625 г. в Томске стала известна угроза Абака в отместку за убийство кузнечанами двух телеутов «посылать войною, чтобы хлеб... на поле пожечь и волости повоевать» ⁵⁰.

Хотя положение оставалось напряженным, до полного разрыва дело еще не дошло. В начале зимы 1625/26 г. под Томск еще приходили «с торгом» люди Абака ⁵¹. Кузнечному воеводе Ф. И. Голенищеву-Кутузову даже удалось возвратит на прежние кочевья азкештимцев и тогульцев и взять с них ясак и поминки на 7135 ⁵² г.: для этого к ним «в Белые колмаки» воевода посылал «с уговором» С. Васильева и «юртовского татарина Ахмечка» ⁵³.

В чем же причина сохранения напряженности в отношениях между Улусом Абака и русскими уездами? Конечно, можно допустить, как это делает Л. П. Потапов, что она явилась результатом происков Хара-Хулы ⁵⁴. Но основную причину ее сле-

дует искать в дальнейшем обострении противоречий по ясачному вопросу. В 1622—1624 гг. кузнечские воеводы объяснили окраинные роды телеутов-азкештим, тогул, тагап, керет ⁵⁵. В 1625—1626 гг. были обложены ясаком «щелкалы» (челканцы) ⁵⁶. В 1627 г. был собран ясак с тубаларских родов тибер, чагат, тогус, палан, а также с шорцев верхнего течения р. Мрассы ⁵⁷. Всех их телеутская аристократия считала своими кыштымами. Поэтому весь ход событий 1624—1625 гг. находится в прямой связи с активизацией ясачной политики царизма: «шатость» и «измена» телеутов имели своей причиной не «коварство» или «хитрость» Абака, а сугубо материальные интересы телеутской феодально-племенной знати.

Явная враждебность действий Абака отчетливо обозначилась с 1628 г., когда он разослал своих посыльщиков по волостям северных алтайцев с приказом ясашным людям не давать воеводам ясака, убивать ясатчиков и доставлять их оружие в его ставку. Во исполнение этого приказа кумандинцы убили четырех ясатчиков, возвращавшихся из Чебанской и Исслельской волостей, их пищали отослали Абаку, а сами ушли «в черные калмыки». Следствие по этому делу показало, что в «заводе» с кумандинцами находились жители некоторых шорских волостей ⁵⁸. Таким образом, Абак явился организатором широкой кампании неповиновения и открытой борьбы северных алтайцев против русской администрации в 1628 г.

В 1629—1630 гг. в результате враждебной агитации Абака отказ северных алтайцев платить ясак царю принял массовый характер. В 1629 г. воевода Кузнечка кн. Н. М. Волконский дважды посылал ясатчиков в волости, и оба раза те возвращались без ясака ⁵⁹. Жители Кизигечской и Исслельской волостей заявили ясатчикам, что ясак им «не велят давати Белые Колмаки», и дали ясак лишь после того, как их «побили» служилые люди. Оповещенные исслельцами «Ишурины дети» (группа телеутов. — А. У.) пытались отобрать у ясатчиков и ясак и полон, и последние едва отбились от них ⁶⁰. Готовились к боям со сборщиками ясака и жители кондомских волостей ⁶¹. В 1629—1630 гг. число ясашных резко уменьшилось: многие из них бежали «в белые калмыки» ⁶².

В то же время телеутская знать усилила поборы дапи с северных алтайцев, а в конце 1628—начале 1629 г. телеуты брали

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. II, д. 4, л. 18—18об.

⁴⁸ РИБ, т. VIII, № 11-XXXV, с. 473—474.

⁴⁹ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 227, с. 321.

⁵⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 95, л. 115—115об.

⁵¹ Там же, № 95, л. 115.

⁵² До 1700 г. на Руси год начинался 1 сентября, а летоисчисление велось от сотворения мира». Чтобы получить дату по новому стилю, надо из даты по старому вычесть число «5508» (напр., 7135—5508=1627 г.). Обычно в актах XVII в. первая цифра даты опускалась: например, вместо «7135 год» писали (135 год» и т. п.

⁵³ РИБ, т. VIII, № 11-XXXV, с. 473—474.

⁵⁴ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 97 и др.

⁵⁵ РИБ, т. VIII, № 11-XXXV, с. 473—474.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 10, л. 1.

⁵⁷ РИБ, т. VIII, № 11-XXXV, с. 474.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 10, л. 63—74; РИБ, т. VIII, № 11-L, LI, с. 536—538.

⁵⁹ РИБ, т. VIII, № 11-LXV, с. 596—598.

⁶⁰ Там же, № 11-LXVI, с. 599—601.

⁶¹ Там же, с. 596—598.

⁶² Там же, т. VIII, № 11-LXV, с. 598—599. ЦГАДА, ф. 214, стб. 10, л. 49—52.

дань даже с качинцев, причем, судя по наказу красноярскому воеводе А. Акинфову, это было уже не первый раз; приезжали сюда ближние люди Абака «сильно», т. е. с отрядами воинов⁶³.

В первой половине 1628 г. в Томске усиленно муссируются слухи о том, что Абак и калмыцкие тайши хотят Кузнецк «зажечь берестами», «толочить хлеба» и жечь сено, отгонять скот и перебить ясатчиков. Томские воеводы кн. П. А. Козловский и Г. Ч. Бартнев решили послать на подкрепление в Кузнецк 20 служилых людей. Последние отказались ехать, пока не получат жалованья на 7136 г. Их били батогами, посадили в тюрьму, но не могли сломить их упорство: пришлось срочно слать жалованье из Тобольска⁶⁴.

Хотя поход Абака и тайшей на Кузнецк не состоялся, положение оставалось очень напряженным.

В это же время Абак активно поддерживал восставших против русской администрации тарских и барабинских татар: в 1628 г. он предоставил убежище повстанцам, а позже предложил им военную помощь для похода на г. Тару⁶⁵. Затем Абак привлек к этому делу часть чатов во главе со своим зятем — мурзой Тарлавом⁶⁶.

Итак, князь телеутов повел борьбу против русских воевод на широком фронте от Тары до Кузнецка. В ход были пущены все средства борьбы — принуждение ясашных к отказу от уплаты ясака, укрывательство беглых ясашных в своем Улусе, подстрекательство их к убийству ясатчиков, к выступлениям против русских властей, предоставление повстанцам убежища, оказание им военной помощи и т. п.

Такая активность Абака неизбежно должна была привести телеутов в лагерь злейших врагов России — Кучумовичей. Так оно и случилось: после погрома тарских повстанцев на оз. Чаны Аблайгерим (осенью 1629 г.) обращается за помощью к телеутскому князю⁶⁷.

Подробнее об этих событиях мы говорим в другом месте. Здесь укажем лишь на два момента:

1. В размахе повстанческого движения в Западной Сибири в 1628—1629 гг. чувствуется рука опытного дирижера. Русские воеводы (а за ними Г. Миллер и И. Фишер) видели его в Кучумовичах. Мы считаем, что на данном этапе таким дирижером был Абак: на западе он давал рекомендации повстанцам «воевать» Тару, на востоке — северным алтайцам не платить ясак, убивать ясатчиков и т. п. Даже после того, как с осени 1629 г.

руководство повстанцами перешло в руки Аблайгерима и др. Кучумовичей, основную силу их коалиции составляли телеуты. Еще Г. Миллер и И. Фишер понимали, что у Кучумовичей «ничего своего не было» и что они надеялись на Абака и Тарлава⁶⁸.

2. Оттертый от руководства движением Абак держался несколько обособленно от Кучумовичей (не участвовал в походе Аблайгерима в Шегарскую волость осенью 1629 г., обычно стоял отдельным от них станом и пр.)⁶⁹. Осенью 1629 г. он предоставил убежище чатам Тарлава⁷⁰.

В Томске были обеспокоены поведением Абака и его отношением к повстанцам, к Кучумовичам. Были предприняты попытки «уговорить» князя и его зятя. Осенью 1629 г. и зимой 1629—1630 гг. к Абаку «многизда» приезжали русские послы. Хитрый князь делал вид, что ничего не произошло, клялся в своей верности шерти, усыпляя бдительность воевод, а когда его просили повлиять на позицию Тарлава, он уверял, что и мурза «неотступен», что весной 1630 г. он вернется в Чатский городок и т. п.⁷¹ С такими заверениями Абак присылал своих посланцев в Томск (например, Урлекея в марте 1630 г.)⁷². В то же время он готовился к походу на Томский уезд, «ссылался» с Кучумовичами и пр.

В марте 1630 г. к Абаку прибыло посольство П. Афанасьева с целью «подлинно проведать», действительно, ли Абак и Тарлав хотят подтвердить шерть, предложив через Урлекея прислать специальное посольство для приема ее. П. Афанасьев пришел к выводу, что это хитрость, что Абак и Тарлав не хотят подтверждать шерть, а специальных послов будто бы намереваются убить, что в союзе с ойратами и Кучумовичами они готовятся к захвату Томска. О враждебности Абака говорил и тот факт, что он задержал одного из членов русского посольства — татарина Бектулу⁷³. Вскоре после отъезда послов, в апреле 1630 г., Абак и Тарлав двинулись на Томск. Об обстоятельствах этого похода мы уже писали⁷⁴. Отметим лишь некоторые моменты: 1) ни Томска, ни городков Еушты им погромить не удалось; 2) был взят Мурзин городок и перебиты находившиеся там 20 русских ратников и подьячий Г. Тимофеев; 3) мстя Бектуле за верность русским (он отказался быть «вожем» на Томск),

⁶⁸ См. например: *Фишер И.* Указ. соч., кн. IV, гл. I, § 13, с. 420—421.

⁶⁹ *Миллер Г.* Указ. соч., т. II, прилож. 271, с. 360—361; *РНБ*, т. VIII, № 11-LXXXII, с. 665.

⁷⁰ *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 31, л. 529, 607—630; *Миллер Г.* Указ. соч., т. II, прилож. 278, с. 368—369.

⁷¹ *ЦГАДА*, ф. 199, портф. 477, ч. I, д. 1, л. 173—173об.

⁷² *Миллер Г.* Указ. соч., т. II, прилож. 278, с. 368—369.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Уманский А.* Телеуты и сибирские татары в XVII в.— В кн.: Вопросы истории и методики преподавания истории в средней и высшей школе. Барнаул, 1972, с. 103—143. (Учен. зап. Барнаул, пед. ин-та).

⁶³ *Миллер Г.* Указ. соч., т. II, прилож. 257, с. 347—351.

⁶⁴ *РНБ*, т. VIII, № 11-L, с. 533—536; № 11-LII, с. 539—541; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 10, л. 59—60.

⁶⁵ *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 31, л. 595 и сл.; *РНБ*, т. VIII, № 11-LXXI, с. 615.

⁶⁶ *Миллер Г.* Указ. соч., т. II, прилож. 278, с. 368—369.

⁶⁷ Там же, прилож. 269, с. 358—359.

Абак и Тарлав ему «нос и уши резали и груди взрезали»⁷⁵.

Поход под Томск в 1630 г. был самой враждебной акцией Абака против русских за все 25 лет телеутско-русских контактов. Он подтолкнул нежелательный ход событий в Северном Алтае — «отложились» Итиберская, Елейская, Сарачерская, Каргинская, Кумандинская, Кузенская, Щелкальская и Тиргешская волости: они отказали в ясаке Г. Яковлеву, грозили перебить всех ясатчиков⁷⁶.

Отправленные в погоню за Абаком и Тарлавом Г. Черницын и мурза Бурлак Антулин разбили на Оби тулуманских татар, заняли чатские городки и организовали глубокую разведку на направлениях наиболее вероятного прихода ойратов, телеутов и других неприятелей⁷⁷.

В конце июня 1630 года «прибежал» из Абакова Улуса подгородный татарин Тенибек с известием о том, что Аблайгерим с калмыками и барабинцами якобы пошел на Томск, «а белые де колмаки Ишурины дети, с телезскими и с тубинцы под Кузнецкой острог»⁷⁸. Эти сведения оказались неточными (Аблайгерим пошел на Шегарскую волость, на Кузнецк никто не нападал), но воеводы поспешно развернули оборонительное строительство в Томске. Не довольствуясь «городом» (с 5 башнями и стенами высотой «в сажень печатную») и трехстенным острогом, воеводы строят новый острог по обе стороны р. Ушайки, «около подгородного посаду». На его сооружение было мобилизовано все население Томска. Из Москвы был срочно запрошен новый «сполосный» колокол⁷⁹. Все эти мероприятия были вызваны телеутской опасностью. Вообще, легко заметить, что оборонительное строительство и укрепление гарнизонов Томска и Кузнецка в XVII в. могут быть поставлены в прямую зависимость от степени антирусской активности Телеутской земли.

Пользуясь занятостью томских властей оборонными делами, Абак (а вместе с ним Тарлав) возвратился осенью 1630 г. из Барабы на прежние места.

Опасаясь объединения ясашных шорцев с киргизами и телеутами, кочевавшими всего в двух днях пути от Кузнецка, правительство в наказе новому воеводе ки. И. Ф. Татеву «с товарищи» рекомендует, с одной стороны, принальчь на «уговаривание» ясашных, а с другой — слать послов к Абаку и Тарлаву «и велети белых колмаков князьца Абака и ево улусных людей уговаривать всякими мерами накрепко», чтобы они «отстали от измены»⁸⁰. Однако усилия воевод не сразу принесли успех.

⁷⁵ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 278, с. 369.

⁷⁶ Там же, прилож. 281, с. 370.

⁷⁷ Там же, прилож. 278, с. 369 и мн. др.

⁷⁸ Там же, прилож. 285, с. 375.

⁷⁹ Там же, прилож. 281, с. 370.

⁸⁰ Там же, прилож. 285, с. 375—377.

Ранней весной 1631 г. телеуты Абака приняли участие в боях с отрядом Я. Тухачевского за Чингизский городок мурзы Тарлава⁸¹. После разгрома и гибели Тарлава коалиция Кучумовичей фактически распалась: барабинцы и тарские татары еще несколько раньше вернулись в свои волости, сами Кучумовичи ушли на запад, на Иртыш, в район Тары. Стабилизировалось положение на Северном Алтае: началась регулярная сдача ясака шорцами и другими северными алтайцами.

Но отношения с Телеутской землей еще долго оставались напряженными. У воевод были существенные претензии к Абаку: он дал убежище некоторым вассалам мятежного Тарлава и приют его детям Итегменю и Коймасу⁸², он тормозил развитие торга-обмена: вместо 30—50 телеутов, как это бывало в мирное время, в Томск «с базаром» приходило в год по 2—3 чел.⁸³.

Томские воеводы решили воспользоваться изменившейся политической обстановкой и перейти в контрастную позицию против телеутов Абака и ясашных алтайцев, чтобы укрепить свои позиции в Верхнем Приобье и на Северном Алтае.

События 1629—1631 гг. показали, что власть воевод над ясашными алтайцами была непрочной. Выше уже говорилось, что пути укрепления ее воеводы видели в строительстве русских острогов в центре расселения алтайских племен, в глубине тылу Телеутской земли. Особенно их привлекала долина р. Бии. К концу 20-х гг. стало известно, что Бия и Катунь, сливаясь, образуют «великую Обь». В долине Бии были налицо основные условия для сооружения острога: места, «угожие» для пашенного хозяйства, охоты, рыболовства и других промыслов, сосновые боры богаты строевым лесом для строительства и пр. По долине Бии и Кондомы через «плавёжную» переправу на Оби близ слияния Бии и Катунь проходила «Калмыцкая дорога», по которой еще в XVIII в. бухарские купцы и джунгарские алманщики ездили из Джунгарии в Кузнецкую и Киргизскую земли. Именно здесь находился центр расселения алтайских племен и глубокий тыл Телеутской земли.

Воеводы отлично понимали важность стратегического положения этого района. Сооружение острога сулило им несомненные выгоды. Они убивали сразу нескольких зайцев: 1) упрочивали свое господство в зоне расселения северных алтайцев; 2) создавали базу для продвижения в горы Алтая, в ходе которого могли быть объяснены не только тау-телеуты и телесы, но и другие племена и группы, населявшие горный край; 3) наносили сильный удар по гегемонии телеутов в Верхнем Приобье; 4) ослабляли позиции ойратских феодалов в этом регионе; 5) укрепляли обороноспособность Томска и Кузнецка, ос-

⁸¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 31, л. 595 и сл. Подробнее см.: Уманский А. Указ. соч., с. 127—129.

⁸² ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 327—328; Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 405.

⁸³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 327—328 и др.

тававшихся в глубоком тылу нового острога. В конечном счете это могло привести к присоединению всего правобережья Оби к Томскому и Кузнецкому уездам.

В 1632 г. томские воеводы кн. И. Ф. Татев и С. И. Воейков решили, что с распадом вражеской коалиции наступил благоприятный момент для совершения глубокого рейда на р. Бию с целью постройки острога. Эта задача была возложена на отряд служилых томичей во главе с с. б. Ф. Пуциным. Поход Ф. Пуцина — важная веха в истории телеутско-русских отношений, к сожалению, в освещении его историки допускают ошибки. Все это вынуждает нас подробнее остановиться на этом событии, а также на анализе документов, в которых оно отражено.

Кратко и с ошибками поход Ф. Пуцина описан Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером (гиперболизированы кровопролитный характер боя между телеутами и Пуциным близ устья Чумыша, его продолжительность, силы противников Пуцина, его потери и т. п.)⁸⁴. Такая оценка боя вытекает из методологии и концепции присоединения Сибири этих авторов. Будучи апологетами царизма, признавая завоевание единственным методом освоения Сибири, они стремились прославить мощь царизма и величие подвигов его армии. Эта цель достигалась, как мы знаем, тенденциозным подбором фактов. Так было и при освещении ими похода Ф. Пуцина. Г. Ф. Миллер имел два документа с данными об этом походе, но использовал в своем труде один — отписка Ф. Пуцина, оставив в забвении другой — «допросные речи Айдара», где это событие описано иначе⁸⁵.

Оба акта рассказывают об одном событии: они близки во времени; оба ведут речь о стычке между русскими и телеутами; оба локализуют ее в пункте, расположенном выше устья Чумыша; в них фигурируют одни и те же лица, имена которых даны в разной транскрипции («Тайталко» и «Изенбей» — в отписке Пуцина и «Тайтан» и «Изелбей» — в «допросных речах») и т. п. Хотя «допросные речи» сохранились не полностью, они подробнее рассказывают о походе, чем отписка Пуцина. Дополняя друг друга, эти документы по-разному описывают бой, оценивают его характер и итоги. В отписке Пуцина сделан упор на длительность и кровопролитность боя (он шел якобы 5 суток, «служилых людей переранили» и пр.), в «допросных речах» за-

⁸⁴ Эту трактовку боя некритично воспринял Л. П. Потапов, допускающий, кроме того, ряд фактических ошибок, так, он датирует поход не 1632, а 1633 г., путает Чумыш с Чулымом, утверждает, что Пуцину предстояло строить острог на устье Бии и Катуня (а речь шла о сооружении его на Бие) и др. Эти ошибки, повторяясь из работы в работу с 1935 г. по 1969 г. (см.: Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935, с. 15; Очерки по истории алтайцев. 1953, с. 169—170; Этнический состав..., с. 97), перекочевали в книги других авторов (см., например: Король А. Бийск. Барнаул, 1955, с. 6; Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974, с. 7; Камбалов Н., Сергеев А. Указ. соч., с. 6—7; и др.).

⁸⁵ Оба акта см.: Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 304 и 306, с. 395—397.

фиксирован лишь факт *короткой перестрелки* между телеутами и русскими и ничего не говорится о потерях Пуцина.

В вопросе о том, какой из двух актов заслуживает большего доверия, мы отдаем предпочтение «допросным речам Айдара». Дело в том, что поход завершился неудачей. Во избежание ответственности за это, Пуцин был заинтересован, рисуя картину боя с телеутами, сгустить краски — преувеличить силы противника, свои потери и т. п. Он прибегает к заведомо ложной информации в надежде, что ее подтвердят товарищи по походу, также не заинтересованные в правдивом освещении события, ибо решение об отступлении в Томск было принято после долгого обсуждения «на кругу». Иное дело показания Айдара: личной ответственности за неудачу похода он не нес, значит, у него не было оснований для лжи или поклепа на служилых или лично на Ф. Пуцина, тем более, что они (служилые и Пуцин) были в сговоре; трудно предположить, чтобы Айдар придумал все те подробности, которые присутствуют в его рассказе о походе. Скорее всего, боясь возмездия богов (он давал показания «по своей вере») и наказания воевод за нарушение клятвы и ложные сведения, Айдар в ходе следствия показал все, как было.

А теперь восстановим картину пуцинского похода 1632 г. Поход был организован воеводами во исполнение царского указа. Цель его была — сооружение острога на р. Бии «для обереженья... государевых ясачных волостей Кузнецкого острогу»⁸⁶. Судя по численности отряда (60 служилых людей, толмачи Тайтан и Айдар), Пуцин обязан был соорудить небольшой острожек, гарнизоном которого должны были стать его строители. Главная задача гарнизона — сбор ясака в волостях. Маршрут был избран кружной, но зато удобный и экономичный — по Томи и Оби. Правда, положение осложнялось тем, что выше «землицы чатов» водный путь по Оби русским был неизвестен, пуцинцы здесь выступали первопроходцами; кроме того, отряд должен был продвигаться во враждебном окружении: южные чаты были только что замирены, отношения с телеутами, жившими выше чатов по Оби, оставались натянутыми.

Отряд был размещен на 3 дощаниках, снабженных, видимо, не только парусами, но и «гребями». На них же было погружено годовое жалованье хлебом и солью, инструменты (топоры, пилы, заступы и пр.), некоторые стройматериалы (скобы, гвозди и пр.), посуда (котлы, таганы и др.), одежда, обувь, а также необходимый боезапас (порох, свинец и т. п.).

Начальник отряда Ф. И. Пуцин принадлежал к известному в Томске роду служилых сибирских дворян, слыл храбрым и искусным воином, обладал большим жизненным и военным опытом. Как и другие служилые феодалы, он имел земельные

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 328 и сл.

угодья⁸⁷, которые обрабатывались трудом кабальных холопов⁸⁸. Пушин принадлежал к низшей прослойке «начальных людей», сближавшейся по имущественному и социальному положению со стрельцами и городовыми казаками.

Поход начался 20 июля 1632 г.⁸⁹ Отряд спустился вниз по Томи, а затем стал подниматься вверх по Оби. Продвижение вперед шло очень медленно, в среднем по 16—18 верст в световой день⁹⁰. «Выше Чат» начались незнакомые места. Около 12 августа отряд пересек телеутскую «межу» (устья Инн и Уени)⁹¹. Абак, разумеется, знал о продвижении отряда, но, прежде чем предпринять какие-либо активные действия против него, решил узнать о целях похода и предупредить Пушина о возможных его последствиях. 21—22 августа («за 10 дён до Чумыша») в районе современного г. Камня его «докараулили» 3 телеутских парламентаря. От имени Абака они заявили протест против намерения воевод («Для чего воеводы посылают в мою землю остроги ставити?»), ссылаясь на лояльность князя по отношению к русским властям («я де никакова задору з государевыми людьми не чинил и никакие де перед государем измены моей не бывало»), а также потребовали «не замать» живущих по берегам Оби «небогатых людишек» из Улуса Абака⁹².

Пушин не внял предупреждению-протесту, 31 августа его отряд достиг устья Чумыша. Между тем Абак решил не допустить сооружения острога на Бии, понимая, чем это грозит телеутской знати, и спешно собирал силы для отражения Пушина. Правда, ему удалось собрать лишь своих улусных людей, во главе которых он поставил старшего сына Коку и опытного военачальника Изенбея. Утверждение Пушина о том, что Абак привлёк к борьбе с его отрядом Кирея, барабинцев и орчаков, хотя и выглядит правдоподобным (в 1628—1631 гг. эти союзники часто в русских актах упоминаются вместе), но, по нашему мнению, не соответствует реальности: к этому времени Кучумовичи ушли с Оби на запад, барабинцы возвратились в свои кочевья. Неслучайно Айдар не упоминает о присутствии среди телеутов ни ойратов, ни барабинцев, ни даже орчаков⁹³. Ви-

⁸⁷ Его деревня была на протоке Иштан, на правом берегу Томи (Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898, с. 11).

⁸⁸ Кузнецов-Красноярский И. Томский сын боярский Федор Протопопов. Томск, 1891.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 328, 333, 493 и др.

⁹⁰ Мы исходили из того, что путь от Томска до устья Бии и Катунин на дощаниках был равен 10 неделям (см.: Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890, с. 36 и др.).

⁹¹ Путь от Томска до устья Берди был равен 3 неделям (см.: Чертежная книга Сибири, л. 13).

⁹² Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 306, с. 396.

⁹³ Там же.

димо, спасая свое реноме, Пушин в донесении хватил через край.

На третий день пути после устья Чумыша (3.09.1632 г.) телеуты обстреляли из засады передний дощаник, на котором ехал сам Пушин: в нос и борта судна вонзилось около 20 стрел. Выстрел из пищали обратил засаду в бегство, вдогонку ей раздалось еще два выстрела. Когда подошел 3-й дощаник (он шел вдоль левого берега Оби), около 30 стрельцов высадились на берег, но никого не нашли. Караван продолжал свой путь до большого плеса, здесь на кромке бора («сосняга») стрельцы увидели около 20 всадников. Караван встал на якорь⁹⁴. Пушин приказал толмачу-мундусцу Тайтану звать к берегу 2—3 парламентарей, но не принял их предложения — прислать своих парламентарей на берег: переговоры состоялись на солидной дистанции.

Обе стороны в ходе переговоров прибегли к хитрости: телеуты говорили на языке калмыков, чтобы русские приняли их за ойратов, а Тайтан — на телеутском, чтобы собеседники выдали свою телеутскую принадлежность, промолвившись «белых калмаков языком»⁹⁵. Видимо, по приказу Пушина Тайтан называл телеутских парламентарей по именам, уверял, что знает их, хотя лица были плохо видны («а их де в рожу не узнать») и спрашивал: «что де таите свой язык?»⁹⁶. Пушину важно было знать, кто обстрелял отряд — телеуты или ойраты: телеутов можно было укорить тем, что они забыли «государеву хлеб-соль», а с ойратами полагалось «не чинить задоров» дабы не навлечь на уезды «большого дурна». Очевидно, этим и объясняется тот камуфляж, к которому прибегли телеуты.

На вопрос Пушина о причинах обстрела русского каравана, телеуты ответили вопросом: «Для чего де воюют наших людей телетцев и белых калмыков людей?»⁹⁷. По сути это был протест против ясачной политики воевод в Северном Алтае.

На этом переговоры были прерваны, телеутские парламентарей возвратились к отряду, и он исчез в бору. Ни переговоров, ни стычек больше не было. Очевидно, обстрел дощаников был демонстрацией решимости телеутов остановить Пушина, но они явно стремились избежать кровопролития.

Караван простоял на якоре «до полтретья дня». После долгого обсуждения большинство стрельцов настояло на возвращении, говоря «мы де итти не смеем, потому что люди невеликие»⁹⁸. Положение осложнилось после того как ночью сбежал Тайтан и «ево сыскать не могли: пора ношная»⁹⁹. Учтя все

⁹⁴ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 306, с. 396—397.

⁹⁵ Там же, с. 397.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, с. 396—397.

⁹⁸ Там же, с. 397.

⁹⁹ Там же, прилож. 304, с. 395.

неблагоприятные обстоятельства, Пущин повернул назад. С дороги он отправил в Томск десятника А. Дорохова и трех служилых людей с донесением, в котором оправдывал свой отход тем, что «прилегли орды многие», что «люди стоят по обе стороны (Оби—А. У.) великие», а его отряд небоеспособен («переранили» телеуты). Его уверения, что он... «стоял на месте 5 дней и с ними бился по вся дни», о больших потерях отряда и пр.¹⁰⁰ выглядят как заведомая ложь, ибо ни одного серьезного боя между русскими и телеутами не произошло, практически не было и потерь с обеих сторон.

Пользуясь некоторыми ориентирами, можно достаточно точно установить место стычки и переговоров телеутов с русскими: «сухое озеро» «допросных речей Айдара» — это сухие лога между Касмалой и Гоньбой, в одном из них стоит д. Лога, в другом — с. Гоньба¹⁰¹; «большое плёсо» — излучина Оби выше с. Гоньба; «сосняг» — Повалихинский бор.

Мы пришли к выводу, что засада телеутов была устроена на правом луговом берегу Оби, близ современной д. Кислуха, а переговоры происходили несколько выше, в заобских окрестностях современного Барнаула. Косвенно подтверждают это два топонима: Телеутские курганы у д. Кислухи и рч. Абакша, протекающая через с. Гоньба.

Возвращение пущинского отряда в Томск заняло менее двух недель. Новые воеводы Томска кн. Н. И. Егупов-Черкасский и Ф. Г. Нехорошев-Шишкин, усомнившись в правдивости объяснений Пущина, начали следствие, дабы выяснить причины «ослушания», невыполнения царского указа Пущиним. Как оно проходило, мы не знаем, ибо сохранился лишь протокол допроса Айдара от 18.09.1632 г. (и то неполностью)¹⁰².

В ходе следствия, по-видимому, стало ясно, что поход Пущина был обречен на неудачу, что отряд мог вообще погибнуть, и воеводы сочли возможным не подвергать Пущина наказанию. Они не оставили мысли о сооружении острога на Бии, но избрали для этого другой путь. В феврале 1633 г. через Кузнецк «лыжным ходом» был направлен отряд во главе с с. б. П. Сабанским. Он добрался до Телецкого озера, разбил телесов, снова обложил их данью, но закрепиться там не смог¹⁰³. В 1642 г. П. Сабанский совершил новый поход (из Кузнецка). Разбив телесов в их «городке», он по наказу воевод пытался найти место для строительства острога. Перезимовав во временном укреплении на берегу озера, он весной 1643 г. возвратился в Томск и предложил воеводам построить острог не на

Бии, а на р. Лебеди, где было «угоднее место», но воеводы не приняли его плана¹⁰⁴.

Позднее идея строительства острога, правда, уже не на Бии, а близ места слияния Бии и Катуня, еще не раз всплывала на поверхность (1651, 1667, 1673, 1683 гг.), но так и осталась не материализованной до 1709 г., когда по указу Петра был построен Бикатунский острог при кузнецком воеводе М. Овцыне¹⁰⁵.

Значение пущинского похода 1632 г. заключается в том, что была проведена разведка в глубоком тылу Телеутской земли, впервые обследован участок Оби между современными городами — Новосибирск и Барнаул. Неудача этой военной экспедиции почти на 100 лет предопределила пути проникновения на Алтай в XVII — первой четверти XVIII в. по флангам: по долине Иртыша — на западе и по Кондоме с выходом на Бию — на востоке. При этом главной базой русского продвижения на Алтай на восточном фланге стал Кузнецк. После 1632 г. до самого конца XVII в. русские власти не решались на фронтальное продвижение, т. е. по долине Оби. Только в конце XVII столетия почти на «телеутской меже» был сооружен Уртамский острог (1684 г.) и возобновилось медленное и осторожное продвижение на юг, вверх по Оби¹⁰⁶.

Упорное сопротивление, которое русские встретили на юге Сибири в первой трети XVII в., изменило устремления русских первопроходцев: началось активное движение в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. В нем приняли участие томские служилые люди. В 1636 г. отряд томичей во главе с атаманом Дм. Копыловым дошел до Алдана и выше устья Май основал Бутальское зимовье. Часть этого отряда, возглавляемая И. Москвитиним, перевалив через горы, вышла к Охотскому морю; здесь на устье р. Ульи было устроено зимовье, на месте которого в 1648—1649 гг. был сооружен Косой острожек (будущий Охотск)¹⁰⁷.

Таковы в общих чертах итоги и последствия похода 1632 г.

Неудача пущинского рейда поставила на очередь вопрос о дипломатическом урегулировании затянувшегося конфликта русских властей с Телеутской землицей. В 1710 и 1711 гг. томские воеводы «многижда» через посланцев предлагали Абаку

¹⁰⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 262-а, л. 512-514об.; ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 30—36. А. Король (Бийск, с. 6) считает, что Сабанский шел путем Пущина на Телецкое озеро, а Н. Камбалов и А. Сергеев, что он возвращался по Оби (Камбалов Н., Сергеев А. Указ. соч., с. 7); ни то, ни другое неверно; туда и обратно он шел через Кузнецк, по долинам Кондомы и Лебеди.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1506; л. 1—5; ед. хр. 1660, л. 1—9; ед. хр. 1665-а, л. 1—2 и др.: Г. Миллер считает, что это случилось при М. Б. Зубове (ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. IV, л. 4, л. 155об.), но Зубов был воеводой в Кузнецке позже, в 1710—1711 гг. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1884, л. 1—23, ед. хр. 1962, л. 12—12об. и др.).

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. IV, л. 4, л. 96об. и др.

¹⁰⁷ Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал. Научные труды, т. III, ч. I, М., 1955, с. 152.

¹⁰⁰ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 304, с. 395.

¹⁰¹ В языке алтайцев понятия «озеро», «река», «лог», «ложбина», обозначаются одним словом — «коль». (Вербицкий В. Словарь алтайского и аладачского наречий тюркского языка. Казань, 1885, с. 140).

¹⁰² Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 306, с. 396—397.

¹⁰³ Фишер И. Указ. соч., кн. IV, отд. IV, § 1, с. 457.

«отстать от измены», выдать мурзу Айдека и детей Тарлава, заново шертовать царю. Абак заверял послов, что готов дать новую шерть, но в Томск не ехал, ссылаясь на то, что ему ехать «нельзя»¹⁰⁸. Дело, видимо, было не в боязни репрессий, а в глубокой старости князя. Кн. Абак, правда, прислал в Томск детей Тарлава, но все еще удерживал у себя мурзу Айдека.

Между тем, люди Абака совершали набеги на ясашные волости Кузнецкого уезда. В сентябре 1633 г. они ограбили живших на р. Ускат шорцев Изембека и «молодова» Байдарака и увели с собой «ускатцких калмаков Кошнакая с товарищи 5 человек з женами и з детьми», плативших ясак царю¹⁰⁹. Вскоре после этого телеуты сделали набег на Комляшскую волость и увели к себе в улусы 8 ясашных семей¹¹⁰.

Набег телеутов на Ускат послужил предлогом для отправки к Абаку нового посольства (23.09.1633 г.) во главе с В. Г. Седелниковым. Воеводы обязали послов прежде всего «выговорить» князю об его «неправдах» (провоочки в выдаче Айдека и детей Тарлава, в даче шерти и пр.); в этих действиях Абака воеводы усматривали «ложь» (хитрость). Послы должны были поднять вопрос о возобновлении телеутского торгового дела (для мирных лет) объеме. Им надлежало заявить протест по поводу нападения телеутов на отряд Пушина и объяснить Абаку, чем был вызван поход Пушина и чем объясняется его уход из Телеутской земли. Объяснения эти были неуклюжими: экспедиция Пушина изображалась как сугубо внутреннее дело русских властей, ничуть якобы не задевавшее интересы телеутской знати (служилых посылали «ставить острогу для обереганья ясачных волостей Кузнецкого уезду»), а уход Пушина — «потому что государевы люди посланы были немногие, такова Абакова умышленья не ведая, и битца им с Абаковыми людьми не велено, потому что Абак был под государевою высокою рукою»¹¹¹. А ведь воеводы прекрасно знали о враждебной позиции и действиях Абака в 1628—1631 гг. и, конечно, предусматривали возможность отпора со стороны князя.

Охарактеризовав действия Абака как измену и отказ от шерти, послы должны были потребовать от князя Телеутской земли, чтобы он: 1) отстал от измены, приехал в Томск для «шерти и крепкого утверждения», а если самому будет «немочно» ехать, прислал «в свое место» сына и лучших людей, которые дали бы присягу за Абака и весь его Улус; при этом воеводы авансировали князю отпуск его вины перед царем и разрешение на возврат в свои старые кочевья на Мерети; 2) впредь с рус-

скими «ни с какими людьми некоторыми мерами» задоров не чинил; 3) возвратил «грабежный живот» шорцев с Уската и отпустил ускатских телеутов на прежнее местожительство; 4) выдал послам Айдека с семьей для доставки в Томск; 5) посылал улусных людей с торгом в Томск «попрежнему, а в Томском городе торговать им повольно»¹¹². В случае выезда в Томск Абака или его послов В. Седелников должен был прислать в Томск специального вестношу.

Кроме того, послы имели тайное задание — разведать о местонахождении Коксежа (орчаков) и Аблайгерима. Чтобы оказать нажим на телеутов, воеводы под страхом «опалы великой» и конфискации товаров запретили послам брать с собой для мены с телеутами какие-либо товары (это была своего рода экономическая санкция против телеутов)¹¹³.

Посольство В. Седелникова не имело успеха. Причин этого мы, к сожалению, не знаем, но нам известно, что вслед за ним с таким же заданием к Абаку ездили Е. Степанов и толмач Енсар Бегичев (февраль 1634 г.). На сей раз дело сдвинулось с мертвой точки: Абак согласился дать шерть и просил прислать для приема ее «дворянина доброва» и племянника — Итемена Тарлавова, «с кем де ему, Абаку, о всем договор учинить», а в Томск он обещал прислать сына, ибо сам «за старостью» ехать не мог. Вместе со Степановым в Томск прибыли послы Абака Сангул, Бельтыдер и Байта, а с ними для торгового дела «с лошадыми и с мяхкою рухлядю человек 40 и больше». Телеутские посланцы подтвердили достоверность сведений Степанова¹¹⁴.

В июне 1634 г. воеводы Томска послали к Абаку Б. Карташева и И. Тарлавова, дополнив наказ В. Седелникову требованием возвратить в свою волость комляшцев. На этот раз Абак изъявил готовность отпустить «ускатцких мужиков» и отдать послам «грабежный живот»¹¹⁵ шорцев, а также направить в Томск своих представителей для дачи шерти, но сам уклонился от присяги и не направил в Томск сына. В июле 1634 г. русские послы возвратились в Томск в сопровождении посланцев Абака — Мамыра и Ирги, уполномоченных князем дать шерть царю. 23 июля состоялось их шертованье «по колмацкой вере», за князя, его родичей и весь Улус. Формула шерти включала в себя обязательства о неотступном подданстве, о готовности телеутов биться с врагами, где царь укажет, о недопущении задоров с русскими людьми.

Мамыр и Ирга били челом о разрешении телеутам кочевать «ближе к Томску, в которых местах он, Абак, кочевал на Мерети до Торлавковы измены в 137 году». Воеводы удовлетворили

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 327—328; Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 405—406.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 493—494, 500—503; Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 405—406.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 332—337.

¹¹¹ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 405—406.

¹¹² Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 314, с. 405—406.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 327—328, 494—495.

¹¹⁵ Тем не менее, «живот» этот не был отдан послам, и ускатцы пока остались в телеутских улусах.

это челобитье и наказали телеутским послам передать князю, чтобы он был готов «тотчас», как понадобится, явиться с людьми на царскую службу. Послы заверили, что их князь «на государеву службу готов»¹¹⁶.

Но воевод очень беспокоило, что Абак не дал личной шерти. В сентябре 1634 г. к нему едет новое посольство во главе с О. Харламовым и И. Тарлавым, которым был дан наказ добиваться приезда Абака в Томск, требовать от него частых посылок телеутов с торгом и просить князя о содействии в приведении к шерти орчаков. 1 ноября 1634 г. послы доложили, что Абак не может прибыть в Томск, но примет меры к усилению телеутского торгова в Томске «и орчеки деи» будут им сагитированы для дачи шерти. И, действительно, в мае 1635 г. в Томске появились послы орчакского князца «Когтобея Кекешева сына» с челобитьем о подданстве¹¹⁷.

Итак, с большим трудом к концу 1634 г. отношения между русскими властями и Телеутской землицей были нормализованы: Абак возвратил ускатских телеутов и комлящцев на их прежние места¹¹⁸. Вместе с Иргой и Мамыром в Томск прибыл мурза Айдек, приславший «наперед себя» жену¹¹⁹; снова оживилась телеутская торговля в Томске (в 1643 г. воеводы докладывали Москве, что в город приходили многие телеуты)¹²⁰; воеводы Томска кн. И. И. Ромодановский и А. А. Бунаков намеревались уже послать Абака в поход против киргизов, чтобы он царю «свою службу показал»¹²¹.

Эта нормализация явилась результатом активной дипломатической деятельности русской администрации, направившей в течение лишь одного года (IX.1633—IX.1634) к Абаку 4 посольства. Чем объясняется такая настойчивость томских воевод?

Мы считаем нужным отметить, по крайней мере, три момента:

1. Завершался процесс консолидации ойратов вокруг Хара-Хулы и его сына — Батура-тайши, уже вырисовывались контуры единой Джунгарии. В этих условиях для русских властей было крайне важно не допустить подчинения Телеутской землицы ойратам. Сохранение этого буфера и прорусской ориентации телеутов служило бы залогом мира на южных границах русских уездов.

2. Усиление киргизской активности на Саяно-Алтае, частично объясняющееся тем, что киргизских князьков поддерживали ойратские феодалы, вновь остро ставило вопрос о военном

заслоне ясашных волостей от Киргизской землицы. Гарнизоны Томска и Кузнецка были по-прежнему недостаточно велики и благонадежны для успешной борьбы с киргизами, с чем говорит заговор томской Литвы в 1634 г.¹²². Для борьбы с киргизами было крайне желательно использовать военные силы Телеутской землицы.

3. Русская сторона испытывала острейшую нужду в развитии торгового обмена с телеутами: не случайно, почти все посольства 1633—1634 гг. к Абаку упорно ставят на обсуждение вопрос о расширении торговых связей между телеутами и русскими¹²³.

Со своей стороны Абак вынужден был сделать ряд уступок воеводам (выслать в Томск Айдека, детей Тарлава и др.). Что заставило его идти на уступки и возобновить союзные отношения с русскими властями Томска?

1. Все союзники телеутов по событиям 1628—1631 гг. были либо разгромлены (Тарлав в 1631 г., Аблайгерим в 1634 г.), либо миром возвращены в прежнее состояние (тарские и барабинские татары). Готовы были подтвердить шерть орчаки. Прекратились волнения ясашных в Кузнецком уезде, где в 1628—1631 гг. отмечалась «шатость великая». В итоге — телеуты оказались в изоляции перед лицом царских воевод, а продолжать борьбу с ними в одиночку было бессмысленно.

2. Консолидация ойратов таила в себе угрозу независимому существованию Телеутской землицы. В этих условиях важно было заручиться поддержкой русских властей на случай борьбы с ойратами: недаром Абак бьет челом о возвращении на Мереть, поближе к Томску.

3. Обострились отношения с киргизами Енисея, требовавшими ясака и грозившими войной¹²⁴. Русские власти, как и раньше, были естественными союзниками телеутов в борьбе против енисейских киргизов.

4. Улус Абака был ослаблен перед сильными соседями — ойратами и киргизами сепаратизмом Мачика Койшебурина¹²⁵.

5. Телеуты не меньше русских нуждались в возобновлении заглохшего в годы конфликта торгового обмена с русскими уездами: не случайно в 1643 г. несколько раз в Томск приходили с лошадьми и другим скотом большие (по 30—40 чел.) группы телеутов, желавших получить в обмен на скот русские товары.

Итак, к середине 30-х гг. XVII в. обе стороны одинаково

¹²² Там же, стб. 40, л. 265—285. В заговоре участвовало 150 казаков и пашенных крестьян. Они хотели перебить верных царю людей, пограбить казну, город и посад сжечь и, «взяв лошединое стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и проиматца в Литву». По окончании следствия 10 «пущих заводчиков» (И. Белиловец, К. Михайлов и др.) были повешены, а часть заговорщиков посажена в тюрьму.

¹²³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, 49 и др.; Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. II, прилож. 314.

¹²⁴ Фишер И. Указ. соч., кн. IV, отд. IV, § 9, с. 462.

¹²⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 149, л. 232об.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 332—337.

¹¹⁷ Там же, стб. 49, л. 236—238.

¹¹⁸ На 135 г. ускатцы были обложены ясаком (Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34; здесь они названы просто «белыми калмыками»).

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 497—498.

¹²⁰ Там же, л. 499—500.

¹²¹ Там же, л. 500.

нуждались в мире и союзе, в налаживании добрососедских отношений. Это и вынудило телеутскую знать и русскую администрацию в Томске урегулировать свои взаимоотношения, пойдя на уступки друг другу.

Едва возобновив союз с Телеутской землицей, томские воеводы попытались отправить Абака в поход на киргизов, придав ему в помощь небольшое число русских ратников. Чтобы ускорить выступление Абака, воеводы даже прибегли к провокации, прислав к Абаку чатских татар К. Енбаева и К. Терлеметева с известием о подготовке киргизами похода против Телеутской землицы. Но Абак решил выждать, он лишь попросил воевод во-время известить его о начале киргизского похода и обещал снабжать воевод своей информацией о действиях киргизов¹²⁶.

Поход 1635 г. так и не состоялся: в начале 1635 г. от Улуса Абака отделился со своими людьми Мачик Койшебурин; вскоре прибыли киргизские послы с требованием уплаты им дани и с угрозой войны; а в июле 1635 г. (когда в ставке Абака находились Енбаев и Терлеметев) туда приехали алманщики Батура-хунтайджи с требованием дать алман ойратскому хану¹²⁷.

Трудно сказать, насколько был прав И. Фишер, считавший, что все эти события стали причиной смерти Абака: князь был старым и больным человеком. В середине сентября 1635 г. Абак умер, и в его место вокняжился его старший сын Кока¹²⁸.

Со смертью Абака закончилась целая эпоха в истории телеутско-русских отношений, длившаяся более 30 лет. Абак был крупной политической фигурой в Южной Сибири первой трети XVII в. Ни киргизские князьки, ни еуштинский Тоян, ни орчакский Кексеж, ни барабинский Когутей, ни чатский Тарлав не могут идти с ним в сравнение. Он пользовался большим влиянием как среди них, так и среди калмыцких тайшей.

В годы княжения Абака были установлены торговые и политические связи Телеутской землицы с русскими уездами. При нем определились основные направления «внешней политики» ее, основы ее отношений со всеми соседями. Эти отношения были обусловлены не личными качествами Абака, а прежде всего интересами телеутской феодально-племенной знати, типичным представителем которой был Абак.

В своем стремлении отстаивать независимость Телеутской землицы Абак умело применял тактику лавирования между сильными соседями, проявив качества неплохого дипломата. События 1628—1631 гг. говорят о том, что он был не лишен организаторского таланта. По-видимому, Абак был отважным воином и военачальником: Кока рассказывал с гордостью, как его отец лично убил в бою Турала Харахулина не то выстре-

лом, не то ударом меча «в глаз», как он воевал с самим Харахулой¹²⁹.

Большую часть 30-летнего периода телеутско-русских контактов Абак придерживался русской ориентации, две трети этого отрезка между телеутами и русскими царили мир и сотрудничество, а это способствовало укреплению их экономических и культурных связей, развитию производства и культуры.

В то же время, яро защищая интересы телеутской аристократии в ясачном вопросе, Абак вел упорную борьбу против царской администрации в Сибири, используя при этом недовольство ясачного населения Юго-Западной Сибири усилением феодального гнета и произволом местных русских властей (1628—1631 гг.). Поддерживая политическими и военными средствами всех противников русского царизма от барабинцев на западе до шорцев на востоке, Абак надеялся закрепить ведущую роль Телеутской землицы в этом регионе Сибири и упрочить ее позиции в борьбе за сохранение независимости от соседних государств, превратить некоторые из этих групп в своих кыштимов. Таким образом, освобождение ясачных барабинцев, чатов, северных алтайцев и др. от феодального гнета царизма отнюдь не гарантировало им независимого существования: в исторических условиях XVII в. для малых народов и этнических группок Сибири это было исключено; они неизбежно должны были стать кышtimaми монгольских государств, телеутских или киргизских князей. Но только в условиях Русского государства они были гарантированы от физического истребления в бесконечных войнах и сохраняли возможность для своего экономического и культурного прогресса. Поэтому борьба Абака против русской администрации объективно мешала развитию хозяйственных, политических и культурных связей русского населения Сибири с аборигенами, в частности с северными и южными алтайцами, а потому носила реакционный характер.

Глава III

ТЕЛЕУТЫ И РУССКИЕ НАКАНУНЕ ТЕЛЕУТСКО-ОЙРАТСКИХ ВОЙН (середина 30-х — начало 50-х гг. XVII в.)

В течение более чем трети века большую часть Телеутской землицы (Улус Абаковичей) возглавлял князь Кока Абаков (1635 — около 1670 гг.). Кока стал старшим князем в Улусе в зрелом возрасте (ему было не менее 35 лет), имея за плечами не только жизненный опыт, но и опыт военачальника (он участ-

¹²⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 149, л. 232, 233.

¹²⁷ Там же, л. 232об.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 182.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 24.

вовал в походах против енисейских киргизов, возглавлял отряд, преградивший путь Пушину, и пр.) и дипломата. В последние годы жизни Абака он был фактически соправителем отца.

В отличие от Абака Кока был сторонником решительных мер в борьбе за независимость Телеутской земли и действовал в этом направлении более последовательно и круто. Он, например, много воевал с ойратскими феодалами и с русскими воеводами. Однако эти войны в конечном счете привели к разорению и гибели многих улусных людей, к ослаблению Улуса Абаковичей и установлению зависимости его от Джунгарского ханства, а также к переходу части его улусных людей в подлинное подданство Русского государства.

Дело, конечно, не в просчетах князя и не в проигранных боях, дело в обреченности этой политики на неуспех, в нереальности ее в условиях Южной Сибири середины и второй половины XVII в.

Князю Коке, в отличие от Абака, пришлось действовать в более сложной международной обстановке, когда позиции главных держав-соперниц в Центральной Азии окрепли (Россия построила новые крепости и остроги в Сибири, увеличила их гарнизоны, улучшила вооружение; ойраты создали единое государство; на равных с ними были Алтын-ханы).

В то же время внутривосточное положение Телеутской земли в это время ухудшилось, так как она была разделена на два самостоятельных, независимых друг от друга Больших Улусов — Улус Абаковичей и Улус Мачика. Каждый из Больших Улусов был непрочным политическим объединением, так как братья и племянники Коки и Мачика, будучи владельцами малых улусов, не хотели подчиняться старшим князьям, конфликтовали с ними и при этом не стеснялись приглашать на помощь иноплеменных феодалов.

Между тем после раздела Абакова Улуса собственный домен князя Коки стал меньше домена его отца. Иными словами, материальная база, на которую опирался Кока Абаковичей, была заметно слабее, нежели в улусе его отца. Нечто подобное, в связи с развитием феодальных отношений происходило и в Большом Улусе Мачика.

Мачик возглавлял свой улус с 1635 по 1688 г. Абаку он, по видимому, приходился племянником, так как в одном документе Кока и Мачик названы братьями (но родными братьями они не могли быть, так как отца Мачика звали Койшебурой). Мачик, очевидно, отколовшись от Абака, наследовал улус своего отца, входивший при жизни Койшебуры в Улус Абака. Улус Мачика был значительно меньше Улуса Абаковичей: по некоторым данным, в середине XVII в. в нем насчитывалось около 1000 чел. (200 воинов)¹. Поэтому Мачик стремился увеличить его за счет

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 525об.

подчиненных керсагальцев и других соседей и укрепить его материальную базу путем нещадного ограбления алтайских кыштимов, набегов на саянцев, беглых ойратов и т. п.

В борьбе против русских властей, в соперничестве с Кокой Абаковым Мачик пытался опереться на Батура-хунтайджи. Его зависимость от хана Джунгарии была более крепкой. Иногда Мачик давал шерть русскому царю, но при первом же удобном случае разрывал свой договор с царскими воеводами, причем действовал более коварно и дерзко, нежели Кока Абаковичей.

Естественно, что и русские власти неодинаково относились к Коке и Мачику. Поэтому есть смысл проследить развитие телеутско-русских отношений в этот период по отдельности с каждым Большим Улусом.

Уже с первых шагов независимого от Абаковичей существования Улуса Мачика последний начал борьбу с русскими воеводами за ясачных людей. Так, он подчинил в 142 г. керсагальцев, и они не стали платить ясак русскому царю².

Не брезговал он заниматься и прямым грабежом и разбоем. 7 октября 1639 г. Мачик и его люди подошли к Кузнецку «с торгом». Не подозревая, что телеутский князек прибыл «с обманом, с заводными людьми» (тут были и телеуты и керсагальцы), кузнечане вышли из ворот на подгородное торговиче. В разгар торга люди Мачика напали на горожан: 15 чел. было убито, многие ранены. Захватив русские товары, Мачик поспешно ушел к Оби³. Боясь ответного удара, Мачик пустил в шорских волостях слух, что он будто бы выполнял приказ джунгарского хана. С этого года в течение десяти лет Мачик был настоящим бичом как русского, так и ясашного населения Кузнецкого уезда.

В 1643 г. его алманчики грабили жителей Кондомских и Кумандинских волостей⁴. В это время кузнецкий воевода Д. Кафтырев направил большой отряд во главе с П. Дорофеевым и К. Владимировым против керсагальцев, чтобы миром или ратью возвратить их в подданство (после Кузнецкого «побоища» они откочевали «за Бию и за Катуню»)⁵. 23 февраля 1643 г. служилые люди вернулись в Кузнецк, приведя в полон керсагальские семьи. П. Дорофеев доложил, что поскольку керсагальцы отказались миром дать шерть и ясак, то над ними был учинен «поиск», во время которого керсагальцы потерпели поражение. Тогда же (на обратном пути в Кузнецк) в Кондом-

² ЦГАДА: ф. 214, стб. 241, л. 193; Миллер Г. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, прилож. 409, с. 486—487.

³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 241, л. 193; стб. 91, л. 98—100; стб. 252, л. 82; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 231, л. 441—441об.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 241, л. 200; Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 409.

⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 241, л. 207.

ской и Кумандинской волостях П. Дорофеев разбил группу «Мачиковых мужиков» — алманщиков⁶.

Удар по керсагальцам был также ударом и по Улусу Мачика. Новый воевода Кузнецка А. Зубов оставил без внимания протест Батура-хунтайджи и его требование о возврате керсагальского полона, а когда в 1644 г. тарха Аблая Чечень Бакиши попытался напасть на уезд, дал ему достойный отпор⁷. Все это показало Мачику, что джунгарский хан — не такая уж надежная защита от русских воевод. А после похода на «схожих дербетов» («Талаевых людей») Мачик, по словам Коки, жил «в похоронах», опасаясь погрома со стороны их владельцев — детей Далай-тайши⁸. И Мачик решил позондировать почву у русских властей на случай, если ему придется искать убежище от дербетских владельцев.

Глубокой осенью 1646 г. он прислал в Кузнецк своего посланца Биличека с челобитьем об отпуске его вины за то, «что они воровским обычаем... служилых людей и татар на Кузнецком торговще обманом побили». А. Зубов решил воспользоваться затруднительным положением Мачика и добиться его подчинения. Он задал вопрос Биличеку: «Бачик (Мачик.— А. У.) и его улусные люди нам шертуют ли на том, что им надо служить и прямить и с нашими людьми на наших непослушников и изменников ходити и самим с себя и с улусных людей ясак давати?» Биличек ответил, что и прислан в Кузнецк затем, чтобы дать шерт, но возражает против уплаты ясака, обещая от имени Мачика давать лишь «поминки»⁹.

Шерт, которую затем дал Биличек (войной на уезды не ходить, служилых людей не побивать, ясашных не воевать, семьи их не полонить и т. п.), была по сути дела односторонней декларацией о ненападении Мачика и его людей на русские уезды.

Воевода настаивал, чтобы шерт подтвердил сам Мачик, но, когда Биличек попросил послать с ним для этой цели русского посла, А. Н. Зубов потребовал на время поездки посла к Мачику оставить «доброво человека в оманаты». Биличек уверял, что Мачик так и сделает, но просил, чтобы воевода «впредь у них, колмацких людей, оманатов имать не велел»¹⁰. Однако после отъезда Биличека Мачик не присылал ни поминок, ни аманатов, тем более не торопился сам с приездом в Кузнецк для шерти. Он знал теперь, что прощение за «побойще» и покровительство воевод он может получить только ценою принятия русского подданства с выдачей аманатов и уплатой ясака, а на это он не был согласен.

⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 241, л. 193—207 и др.

⁷ Там же, стб. 252, л. 190 и сл.; Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии, с. 47.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 84—85.

⁹ АИ, т. IV, № 17, с. 48—49.

¹⁰ Там же, с. 49.

Враждебная деятельность Мачика не прекратилась. В 1647 г. люди Мачика и Самаргана Ирги, идучи «в киргизы» мимо Тагапской волости, эту волость «воевали, мужика де убили до смерти, а иных де переранили, а жены их и дети поимали в полон и животы розграбили». Отправленный А. Н. Зубовым в погоню отряд П. Лаврова «съехал» в Бакчетаевом улусе на Кондоме их «кош» и схватил 4 «кошовых людей», отобрал взятый с тагапцев алман и отпустил пленных. На допросе в Кузнецке «кошовые люди» признали, что... «они Самаргановы да с нами же де Мачиковы люди» и подчеркивали «а Самарган де Контайше зять». Свой грабеж тагапцев они выдавали за операцию по возвращению долгов («имели свой долг, потому что у них те... ясашные люди должатца»), что начисто отвергли тагапцы, заявив: «колмацким людям никаких долгов нет»¹¹.

В июне 1648 г. томский воевода И. Бунаков писал в Москву, что «князец Мачик живет от Томска города и Кузнецкого острогу в 4 или в 5 днищах, и твоим де государевым томским и кузнецким ясашным людям чинитца от него изгоня многая. Приезжаючи он, Мачик, и ево братья и дети и улусные люди» в волости, ясашных бьют, пытают, грабят и «к себе емлют». Сообщив, что Мачик «перекочевал через Обь» и живет теперь «в 3-х днищах» от Томска, И. Бунаков выражал опасение, что он разорит ясашных, если царь не прикажет смирить его ратью. Он уверял, что разбить Мачика будет легко: у него всего около 200 воинов, с дербетскими тайшами он в соре, Кока обещает воеводе дать помощь и «вожей», так что «по здешнему делу» над Мачиком «мочно поиск учинить и задоров за него, Мачика, с колмацкими людьми не чаять», несмотря на то, что его и «оберегает» контайша¹².

Предложение И. Бунакова было принято. Царский указ гласил: Мачика «воевать», но чтобы в большую ссору с ойратами не ввязываться и ратников уберечь; если не удастся его «смирить войною», то заманить в город и схватить¹³. Но события Томского бунта отвлекли томских воевод от претворения царского указа в жизнь, и Мачик продолжал грабить ясашные волости.

В сентябре 1648 г. «Мачикова улуса мужики Канас с товарищи 3 человека» по дороге «в киргизы» били и грабили кондомцев. Канас и раньше совершал набеги на пашенных крестьян и юртовских татар под Кузнецком. Воевода А. Сытин послал на «колмацкую дорогу» отряд во главе с С. Алексеевым, чтобы «переимать» их и доставить в Кузнецк, позаботившись также о том, чтобы взбешенные шорцы «тех Мачиковых мужиков по сердцу не побили». С. Алексееву удалось внезапно («ношною

¹¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 192.

¹² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 525—525об.

¹³ Там же, л. 525об.—526.

порою») схватить алманщиков Мачика, среди которых оказались дети и жена Канаса и живший в Улусе Мачика киргиз Бугой. Пленные сообщили о намерении Мачика шертовать и даже платить ясак царю. Воевода, оставив Бугоя «за приставом скована в железа», запросил решение Москвы (в Томске, в это время была «смута»), ибо сам верил в правдивость показаний пленников¹⁴.

В октябре 1648 г., по некоторым данным, Мачик вместе с Сакылом готовился к походу на русские уезды после рекоставы¹⁵, но на самом деле Мачик не принимал участия в набеге Сакыла на Шегарскую волость Томского уезда¹⁶.

Ответ на вопрос А. Сытина получил уже его преемник Г. К. Засецкий (13.11.1649 г.). Царская грамота призвала воеводу «однолично порадеть» и непременно привести Мачика «в ясак», но действовать лишь методом уговора, содержа до приведения к шерти Мачика в аманатах Бугоя и семью Канаса¹⁷. Уже 30 ноября 1649 г. от сменившегося А. Сытина в Томске узнали, что Мачик шертовал царю. Для принятия шерти к нему в улус ездили подъячий И. Васильев и толмач-татарин Конайко. Мачик дал шерть на условиях 1646 г.: ясака и аманатов не давать, а присылать лишь поминки «сколько ты, государь, изволишь»¹⁸.

Засецкий был рад и такой шерти (в надежде на прекращение грабежа ясачных людей и получение дополнительной толики пушнины), но в Томске ею были недовольны. Кн. М. П. Вольнский и Б. А. Коковинский забросали Кузнецк запросами: дает ли Мачик аманатов и если да, то «ково именем»; добавит ли он поминков и т. п.¹⁹. Но и в Томске понимали, что сладить с Мачиком трудно, ибо кочует он от Кузнецка «летнею конною лехкою ездою в 15 днищах и больши, а зимним де лыжным ходом в 5 неделях и больши»²⁰.

Итак, в конце 1649 г. отношения русских властей с Улусом Мачика на некоторое время нормализовались. Отвечая на запрос Москвы о поведении Мачика после дачи шерти (грамота от 31 марта 1652 г.), кузнецкий воевода Ф. Е. Баскаков писал, что Мачик, хотя и навещает дальние волости, но «не почаству, года в два по однажды» и насилий над ясашными не чинит²¹.

Но фактически Мачик был верен своей шерти один год. Уже в 1651 г. он прислал «в поминках» вдвое меньше куниц, чем дал при шерти (обещал А. Федорову дослать остатки с «поминками»

за 160 год)²². В марте 1652 г. он объяснил П. Дмитриеву и М. Селиванову, почему не дослал «поминков» за 159 г. и вообще не дал «поминков» за 160 г. (ходил войной против «мугальских» и саянских барантовщиков, кравших у него лошадей), и снова обещал дослать «поминки» в Кузнецк²³. Осенью (октябрь — ноябрь) 1652 г. к Мачику за «поминками» ездил А. Колокольцев: князец телеутов дал «в поминках» худой мягкой рухляди всего на 10 соболей, мотивировав недоплату тем, что живет он в чужой земле, у Самаргана Ирги, воюет с племянником — князем Ирккой Уделековым, и обещал внести недостачу, как только контайша помирит их и Мачик возвратится на старые места²⁴. Зимой 1652/53 г. воеводы дважды посылали к Мачику ясачников «для поминков» на 1653 г. Но оба раза Мачик «поминков» не дал. Больше того, если раньше он «знатно манил» с ними, не желая платить, то теперь «и впредь отказал»²⁵.

Воеводы, конечно, понимали, что все эти проволочки с выплатой «поминков» делаются умышленно, тем более, что Мачик снова развернул враждебную русским властям деятельность в ясачных волостях. Он, как известно, активно поддержал саянского князца Манзея, который вместе с телесцами ограбил ясачников — Ш. Яковлева «с товарищи»²⁶. Ф. Баскаков, писавший в начале 1652 г. о лояльном поведении Мачика, уже в конце этого же года доносил о том, что от Манзея и Мачика ясашным людям стала «обида великая»: грабят и «побивают» и даже «жгут огнем» тех из двоеданцев, кто не дает им ясака, полонят их семьи и т. п.²⁷. Слова был поставлен вопрос об «умиротворении» Мачика, и кузнецкий воевода, не имевший в наличии нужных военных сил, просил прислать ему «ста с три ратников, тем более что Мачик укрылся у саянов, до которых «тяжелым путем две недели» ходу и добраться можно лишь весной, когда «конский корм поспеет»²⁸.

Как видим, отношения между русскими уездами и Улусом Мачика развивались очень неровно.

Почти так же складывались отношения русских властей и с Улусом Абаковичей во второй половине 30-х — первой половине 50-х гг. XVII в.

Получив известие о смерти Абака, томские воеводы немедленно отправили на Мереть посольство во главе с с. б. Зиновием Амосовым, дав ему наказ добиться от Коки шерти на тех же условиях, на которых шертовал Абак, и для «утверждения» в шерти привезти его в Томск. В Томск Кока не поехал, а шер-

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 377, л. 178—181.

¹⁵ Там же, стб. 469, л. 199—201.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стб. 377, л. 181.

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 526—527.

¹⁹ Там же, л. 526—526об.

²⁰ Там же, л. 527.

²¹ Там же, кн. 18, № 4, л. 5—5об.

²² Там же, кн. 17, № 283, л. 554—554об.

²³ Там же, л. 554об.—555.

²⁴ Там же, кн. 18, № 4 и 5, л. 4об.—6.

²⁵ Там же, л. 5об.—6.

²⁶ Там же, № 4, л. 4об.—5.

²⁷ Там же, л. 5об.

²⁸ Там же.

товал за всю родню и улусных людей в своей ставке. С томскими послами он отправил брата Имеса и трех «лутчих людей». Телеуты «ударил» в Томске 6 собольми, 2 бобрами, ярцом и конем, подтвердили шерть за Коку и весь Улус, а воеводы одарили князей Коку и Имеса (по портищу желтого «аглицкого» сукна) и послов (по портищу летчины)²⁹.

Такое начало, казалось, не предвещало конфликтов. Но весной 1636 г. во время нападения киргизов на Кузнецкий уезд Кока, по словам И. Фишера, попытался захватить Кузнецк, из которого на перехват киргизов вышел сводный отряд томичей и кузнечан во главе с Г. Черницыным. Спешно собрав «великое множество подданных своих», к которым присоединились не то ойраты, не то орчаки, Кока двинулся к Кузнецку и выделил особый отряд, который должен был отрезать Г. Черницына от Кузнецка. Но Кузнецк стойко («по возможности сил») оборонялся, Г. Черницыну удалось пробиться сквозь осаждающих в острог, и Кока якобы отступил³⁰.

К сожалению, нам не удалось по документам проверить, так ли обстояло дело, как пишет И. Фишер. Некоторое сомнение вызывает тот факт, что уже летом 1636 г. Кока, как полагалось русскому союзнику, отправился в поход против енисейских киргизов: как-то трудно совместить эти две акции. Впрочем, поход на киргизов, возможно, был формой принесения вины царю. А попытка захватить Кузнецк, очевидно, имела место: в челобитной кузнечан от 7182 г. содержится упоминание о том, что в 7146 г. (1637—1638) телеуты «побили» многих «всяких чинов людей», юртовских татар; скот «отогнали без остатку», «на пашнях жатой хлеб пожгли, а не жатой потоптали»³¹. По-видимому, в челобитной речь идет о походе Коки под Кузнецк в 1636 г., но за давностью лет служилые не могли вспомнить точной даты (ибо ни в 1637, ни в 1638 г. телеутские набеги на Кузнецк нам неизвестны). Эти данные опровергают утверждению Н. Я. Бичурина о прекращении конфликтов между русскими властями с одной стороны и телеутами и киргизами — с другой в 1636 г. вследствие того, что телеуты и киргизы якобы сосредоточились на Алтае для поддержки ойратов, начавших новую войну с халхасцами³².

Одним из последствий кузнецкого похода Коки Абакова было перевооружение кузнецкого гарнизона. Сразу же после него воевода Г. Кушелев и 110 служилых людей били челом царю о замене так называемых «коротких пищалей». Допрошенный

²⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 215, л. 410об.—421; ЦГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 182.

³⁰ Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. Спб., 1774, кн. IV, отд. IV, § 10, с. 463.

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 357.

³² Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия и до настоящего времени. Спб., 1834, с. 45—46.

по этому поводу П. Дорофеев жаловался в Сибирском приказе: ...«киргизские и колмацкие люди приходят войною — люди збруйные в куюках и в пансырях и в шоломах, и ис тех ис коротких пищалей в тех куюках и пансырях на бою не пробивают»³³. И хотя правительство находилось в трудном положении (недавно закончилась поражением Смоленская война, причем под Смоленском была потеряна вся артиллерия; просили помощи захватившие Азов донские казаки и др.), оно направило в Кузнецк 63 ручных пищали и 50 карабинов, а также колокол «для сплошного времени»³⁴.

Довольно широкое распространение приняла в 30-е гг. XVII в. телеутская баранта. Типичным образчиком ее является набег 4 октября 1638 г. на Шегарскую волость братьев Октудаевых и группы бежавших с томской службы чатов во главе с «Сергейком» Арыскаловым, когда они «ночью украдом» отогнали 6 лошадей, ранив трех улусных шегарцев³⁵. Этот набег послужил предлогом для отправки к Коке посольства З. Амосова и других с «выговором» за нарушение им шерти и с требованием наказать виновных, «чтоб им впредь так воровать неповадно было», возратить лошадей, прекратить впредь баранту и задоры. В противном случае воеводы грозили послать на Коку ратников «с вогненным боем». Послы должны были напомнить Коке с намеком на кузнецкий поход, что он и Имес шертовали «войной под города не ходить»³⁶.

Но и после этого «выговора» Кока, видимо, вел себя двусмысленно по отношению к царской администрации: внешне он был настроен вполне лояльно, но не упускал случая преподнести «сюрприз» воеводам. Они, кстати, считали, что Кока был в сговоре с Мачиком, учинившим в 1639 г. побоище на Кузнецком торгу³⁷, а уже упомянутая челобитная от 7182 г. вообще всю вину за это злодеяние возлагала на Коку, а не на Мачика³⁸, тем более, что он кочевал в это время от Кузнецка всего «в дву днищах... лыжным ходом, а конем во днище»³⁹. И хотя ясашные шорцы, чье мнение можно считать объективным, винят в событиях 1639 г. только Мачика⁴⁰, полностью исключить возможность участия людей Коки в кузнецком побоище на торгу, по-видимому, нельзя.

В начале 40-х г., судя по тому, что в 1640—1644 гг. Кока не давал новой шерти (что обычно следовало за серией враждебных царю актов), телеуты из Улуса Коки, очевидно, не пред-

³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 72, л. 68—70.

³⁴ Там же, стб. 72, л. 60—74 и др.

³⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 225, л. 435—435об.

³⁶ Там же, л. 434об.—436.

³⁷ Фишер И. Указ соч., кн. IV, отд. IV, § 11, с. 464.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 357.

³⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 231, л. 441об.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 199, л. 57.

принимали откровенно агрессивных действий против русских уездов и их администрации. Однако активизация ясачной политики воевод на Алтае (поход П. Сабанского на телесов в 1642 г., «кержасальский» поход П. Дорофеева в 1643 г., объяснение Ш. Яковлевым «захребетных» Мундусской, Тотюшской и Кезегецкой волостей в том же году⁴¹ и др.) не могла не тревожить телеутскую знать, которая считала население северо-восточного Алтая своими кыштиями. Снова обострились противоречия между воеводами и телеутской знатью по ясачному вопросу. В эти годы известны случаи увода феодально-зависимых людей от прежних господ, случаи укрывательства беглых. Так, крепостная с. б. Рыхлевского новокрещенка Катеринка нашла убежище в Телеутской земле⁴². Бежали к телеутам ясашные чаты Коштейка и Изсечка⁴³. Некто Ишмаметка Маметкулов, живший на Оби с холопами чатских мурз, увел у телеута Курумыша «Курленую, жонку Бугоякову» и телеута Кузюка в Кузнецкий острог⁴⁴ и т. п.

Обоюдные претензии в эти годы разрешались мирным путем, между Томском и «Ургой» Коки поддерживались нормальные посольские отношения: так, в 1641—1642 г. к Коке приезжали С. Неверов и П. Жук «для государева дела», а в 1645 г. в Томске давали шерть послы кн. Коки — Ентугай и Урузак⁴⁵.

Ясачная политика воевод, по-видимому, подтолкнула Коку к укреплению связей с Джунгарией: в 1645 г. он был у Батурахунтайджи, и там его представители дали шерть хану⁴⁶. Этот факт насторожил томских воевод, ибо они были не заинтересованы в ориентации Коки на контайшу, в укреплении власти последнего над Телеутской землицей, и потому решили срочно уравновесить шансы царя и хана.

К тому же в первой половине 1646 г. накопился ряд претензий к телеутским князьям в связи с их акциями в ясашных волостях. Кузнецкий воевода А. Зубов в своей отписке (1646 г.) привел факты о том, как родичи и улусные люди Коки били, грабили и вводили к себе в улусы ясашных Кондомской и Кумандинской волостей⁴⁷. Эти факты говорили о том, что Кока активизировал свою борьбу за сохранение власти над кыштиями. Воеводы, разумеется, не могли спокойно смотреть на такие действия телеутской знати. Тем более, что для очередного урегулирования спорных дел представился «удобный случай».

В связи со смертью царя Михаила Федоровича и воцарением Алексея Михайловича (1645 г.) воеводы были обязаны привести

к присяге новому царю все подвластное, в разной степени зависимое и союзное царской фамилии население. Летом 1646 г. из Томска были отправлены послы с «шертоприводными» грамотами к киргизам, орчакам и другим, племенам и народам Южной Сибири. Одно из таких посольств возглавлял с. б. П. Сабанский — один из самых опытных и авторитетных служилых дворян Томска. Его посольство имело целью привести к шерти Абаковичей, орчакских князьков «Кокодея», Мохоная, Бакуя и Енчиная, а также ойратского тайшу Кулу. Если князья откажутся сами ехать в Томск для шерти или прислать туда своих представителей, то надлежало принять у них шерть в улусах по тексту шертовальной грамоты и «по их колмацкой вере». П. Сабанскому предстояло также обсудить с Кокою и его братьями конфликтные ситуации в ясачных волостях, предъявить им претензии по этому поводу.

12 июня 1646 г. посольство П. Сабанского прибыло в ставку Коки. Послы предложили Коке и его брату Кулудая ехать в Томск для шертования, подчеркнув, что объем их обязательств новому царю останется таким же, каким он был при Михаиле Федоровиче. Князья телеутов на это резонно заметили, что никто из них лично прежнему царю не шертовал, а потому не обязан давать шерть и новому царю, что от них якобы русским людям «дурна никакова не бывало». Они заявили, что в Томск не могут ехать потому, что «на весну ожидают на себя войною от Мугальских людей»⁴⁸, но они готовы шертовать у себя в улусах. Ссылка на ожидаемую войну (через год!) была неудачным предлогом: шертуя дома, братья надеялись оставить для себя некоторые лазейки на будущее, чтобы не связывать себя по рукам и ногам, что не преминули бы сделать воеводы в Томске, если бы Кока или Кулудай поехали туда. Возможно, князья просто побоялись ехать в Томск.

В день приезда послов в их палатке была принята шерть от брата Коки — Кулудая, его дяди — Ентугая Конаева, «лутчих людей» — Битеня Невтигина, Торгая Басбейкова, Читая Тереева, Чундугара Базыбекова и Бочюги Тенбикеева за весь Улус и за князя Коку, который лично не шертовал, мотивируя свой отказ тем, что за него уже в Томске дали шерть Ентугай и Урузак, а в Улусе — брат и другие, а также боязнь разорения контайшой за этот поступок. Как бы там ни было, отказ от личной шерти позволял Коке лавировать, сохранял ему свободу действий в отношении царских воевод, ибо он лично никаких обязательств им не давал. Кока, видимо, полагал, что и Россия и Джунгария были заинтересованы в таком характере связей с его Улусом, при котором никто из них не получает преимуществ; всякое нарушение этого статус-кво могло привести к нежелательным для них же последствиям. Это позиция типичного владельца буферной землицы: в представлении Коки согласие русских и ойратских властей с отказом его от личной шер-

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 241, л. 208—218.

⁴² Там же, стб. 252, л. 133—134 и др.

⁴³ Там же, л. 196—201.

⁴⁴ Там же, л. 128, 133—134 и др.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 128.

⁴⁷ Там же, л. 130—133.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 119—122, 126 и др.

ти и царю и хану было равнозначно признанию независимости Улуса Абаковичей и от России и от Джунгарии.

После шерти П. Сабанский одарил «государевым жалованьем» за шерть телеутскую элиту. Кока получил по портищу «настрофилю червчатово» и «летчины красные», а за коня, подаренного царю, и за воеводские поминки — еще одно портище «настрофили червчатой» и 3 портища «летчины зеленой». Кулудай был одарен портищем красной настрофили, Ентугай — портищем «острожу темносинего полчетверта аршина». Получили дары и остальные участники шерти»⁴⁹.

Затем начались деловые переговоры. Сабанский предъявил претензии воевод по действиям Коки и его людей в ясачных волостях, охарактеризовав эти действия как «негораздые». В своем ответе Кока начисто отрицал свою вину и вину его людей, сваливая ее на Мачика и его улусных.

Возможно, в ряде случаев так и было: под видом людей Коки в уезде бесчинствовали Мачик, его родичи и улусные люди, но нельзя не видеть наивной хитрости в ответе Коки, который пытается себя обелить, а Мачика и его людей очернить в глазах русских властей.

На требование Сабанского возратить беглую «жонку Катринку» Кока отвечал, что она сама «прибежала к ним в Колмаки», жила у Урузака Бурлакова, но вскоре ее «звел» с собой ее родной брат ойрат Манчичак Конделеев⁵⁰. Посольство Сабанского впервые поставило вопрос о возвращении беглых феодально-зависимых людей, во второй половине XVII в. такие претензии становятся обычными в практике посольских отношений между русскими уездами и телеутскими Улусами.

Сабанский потребовал возратить лошадей чата И. Маметкулова, украденных телеутами. Кока обещал, если они «объявятца», прислать в Томск и заявил контрпретензию в связи с уводом И. Маметкуловым в Кузнецк телеутки Курленой и телеута Кузуюка⁵¹.

В заключение П. Сабанский заверил телеутов, чтобы они «на царское жалованье были надежны и в своих кочевьях жили безбоязненно и в Томский город приходили бы с своими торговыми», а братья Абаковы в свою очередь заверили его, что они на царскую милость «надежны» и обещали направлять людей с «торгами» в Томск⁵².

Н. С. Модоров считает, что миссия П. Сабанского к Коке «закончилась успешно»⁵³. Иначе думали об этом в Сибирском

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 128—130. В Томске Урузак и Ентугай ударили челом царю коня, а воеводам — поминки (там же, л. 129).

⁵⁰ Там же, л. 130—134.

⁵¹ Там же, л. 134—135.

⁵² Там же, л. 135—136.

⁵³ Модоров Н. С. Из истории русско-алтайских посольских связей в 40—90 гг. 17 в. — «Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ», Барнаул, 1969, вып. 8, с. 64. Кстати, тут много ошибок в фактах.

приказе: ни его руководителей, ни самого царя не устраивал беспрецедентный отказ Коки от *личной* шерти царю, что было чревато осложнениями в русско-телеутских отношениях.

Резолюция на отписке томских воевод, затем царская грамота от 29 марта 1647 г. предписывали воеводам во что бы то ни стало добиваться *личной* шерти Коки. Для этого надлежало послать к князю «людей добрых, кого пригоже и кого б с такое наше дело стало и мочно им б верить». Послы должны были «уговорить всякими мерами, смотря по томашнему делу» Коку, чтоб он шертовал царю «по записи, как дядя и братья» шертовали⁵⁴. Иными словами, правительство требовало от воевод принять все меры, чтобы не допустить ослабления своих и укрепления джунгарских позиций в Улусе Абаковичей.

Но ко времени получения царского указа в Томске отношения с Кокой еще больше осложнились. Причиной этого явился поход кузнечан во главе с Б. Зубовым против телесов (1646 г.), которых Кока считал своими кыштимками. Получив известия о погроме телесов, Кока тотчас направил посла Ч. Битенева сначала в Кузнецк, затем в Томск с протестом и запросом о причинах этого похода. Воевода Кузнецка А. Зубов сослался на распоряжение томского воеводы О. Щербатова⁵⁵. Последний отрицал это и был вынужден направить в Кузнецк запрос о причинах («по каким их задорам, или по государевым грамотам, или своим произволом») и результатах похода Б. Зубова и осудить произвол своего кузнецкого коллеги и превышение им своих полномочий («А преж сего кузнецкие воеводы без ведома томских воевод войною никуда не посылавали») ⁵⁶. По словам Ч. Битенева, Кока не верил, что какие-то «задоры» были со стороны телесцев, ибо при нем перед П. Сабанским «за всех телесских мужиков» шертовал их представитель, и все телесцы хотели шерть подтвердить и «ясок с себя давать»⁵⁷.

Неудовлетворившись объяснением О. Щербатова, Кока прислал в Томск нового посла — Урузака с заявлением о том, что князь Кока «опасаетца, что приведчи их к шерти и на них посылаем войною, а преж де сего, от прежних воевод таково образца не бывало»⁵⁸. Кока заявлял также, что «в торге своем отказывает и с торговыми присылать к Томскому не хочет и от государевых людей опасен»⁵⁹.

Поход Б. Зубова заметно ухудшил отношения между Улусом Абаковичей и русскими властями: а) прекратился торг в Томске, б) Кока, видимо, отказался от плана привлечения русских воевод на борьбу с тайшей Кулою, в) в конце 1646 г. он под-

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 119об., 120об., 157—161.

⁵⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 260, л. 509об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 509.

⁵⁸ Там же, л. 509об.

⁵⁹ Там же.

верг погрому Боянскую, Тюлюберскую, Тогульскую волости и подгородных абинцев, увел к себе часть тогульских семей (Языбалыка и др.)⁶⁰.

Воеводы пытались поправить положение: в том же году к Коке было направлено посольство С. Александрова (Гречанина) с «выговором» за насилия «ево Кокиных и Мачиковых людей» в ясашных волостях. Принимая посла, чтобы подчеркнуть недовольство политикой воевод, Кока, хорошо знавший дошность русских послов в деле соблюдения дипломатического этикета, проявил полное пренебрежение к нормам последнего: про здоровье царя он не спросил, при чтении его титула не встал и т. п. На замечание Гречанина, что князь «это делает негораздо», Кока заявил, что «у них де у колмаков вера такова, что де они по своей вере и богу молятся сидя». Посол настаивал, чтобы Кока встал, но Кока «ево не послушал»⁶¹. Послование Гречанина кончилось полной неудачей: у самого посла украл коня, члена миссии К. Кызланова даже избили.

Однако вслед за С. Гречанином в Томск прибыл известный нам Урузак с извинением за бестактное поведение Коки во время приема Гречанина, которое он объяснил тем, что князь попросту был пьян⁶². Это была маленькая хитрость (Гречанин не мог не заметить, пьян был Кока или нет), к которой прибег Кока, ибо при враждебных отношениях с Мачиком и тайшой Кулою всерьез ссориться с русскими властями ему было не только невыгодно, но и опасно.

В свою очередь воеводы Томска попытались воздействовать на Коку и Мачика через Батура-хунтайджи. В 1647 г. они жаловались ойратскому послу Хорохаю на бесчинства родичей и улусных людей Коки и Мачика в ясашных волостях, особенно в Кондомской, Тюлюберской и Боянской, где те ясашных «огнем жгли и морозом знобили», «животы их — соболи и русские товары и котлы и железо» грабили и т. п. Посол обещал передать эти жалобы хану, но позитивного эффекта эта акция воевод не имела: хан не внял просьбам царских слуг⁶³.

События 1648—1649 гг. в России и особенно в Томске («Томский бунт») ослабили внимание воевод к сбору ясака, их контроль за ясашными волостями. В лагере служилой мелкоты в Томске возник план покинуть город и «завести Дон» «вверх по Бии и Катуню»⁶⁴. Была предпринята попытка втянуть Коку в воеводскую распрю. Казалось, все это создало условия для вмешательства Коки в дела воевод, но этого не случилось. Од-

нако Кока, а также Мачик воспользовались занятостью русских властей внутренними делами и постарались укрепить свои позиции в ясашных волостях, при этом явно соперничая в бесчинствах над ясашными. Документы 1648—1649 гг. полны сообщений о сборах алмана (дани) телеутской знатью. Поскольку подробно об этом мы говорим в другом месте, ограничимся общим указанием на то, что Кока и его родичи в эти годы буквально грабили кузнецкие волости, творя произвол и насилие, пытая огнем ясашных, полоня их семьи и т. п. В 1649 г. Кока провел широкую алманную операцию во всех волостях северных алтайцев, собирая на себя по 5 соболей с лука (царю он приказал платить вместо 10 только 5 соболей с лука)⁶⁵. От Коки старался не отставать Мачик.

Томские воеводы кн. О. И. Щербатов и И. Н. Бунаков протестовали против алманной политики Коки и Мачика, но их взаимная враждебность приводила к тому, что воеводы нередко блокировали действия друг друга, либо пытались (И. Бунаков) привлечь на свою сторону Коку, закрывая глаза на его бесчинства в ясашных волостях. Задача «умиротворения» телеутских князей легла на плечи кузнецких воевод. Им, как известно, удалось привести к шерти на условии внесения поминок Мачика (конец 1649 г.). Они же посылали послов к Коке, чтобы миром урегулировать взаимные претензии и оградить волости от грабительских наездов его родичей и улусных людей. Так, в июне 1649 г. во исполнение царской грамоты от 18 июня 1648 г., кузнецкий воевода А. Сытин направил к Коке Ш. Яковлева и И. Иванова. Царь обязывал воевод положить конец хозяйничанью Коки в кузнецких волостях, «чтобы Кока з братьями и з детьми по... государевым ясашным волостям со многими своими колмацкими людьми не ездили и... государевых людей не грабили и мяжкие рухляди и всякие животины и жен их и детей к себе сильно не имали и... не били и не мучили и огнем не жгли, и за то [бы] впредь от... государя он, Кока, на себя опалы не навел». ...Послам надлежало сделать «выговор» Коке за погромы в ясашных волостях в 1646—1648 гг. и особенно в 1649 г., когда в Кумандинской, Кузнецкой, Щелкальской и других волостях он стал ясак на себя брать по 5 соболей⁶⁶. Послование Ш. Яковлева успеха не имело: Кока квалифицировал челобития ясашных с жалобами на него и его родню, как ложные и отвел от себя все предъявленные ему обвинения⁶⁷.

Что касается томских посольств в Улус Абаковичей в 1648—1649 гг., то появление их в Телеутской землице было связано с борьбой двух враждовавших между собой воевод О. И. Щербатова и И. Н. Бунакова и их сторонников. Официальной целью

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 188, 101—102 и др.; стб. 471, ч. I, л. 37 и др.

⁶¹ Там же, стб. 252, л. 190—191 и др.

⁶² Там же, л. 191.

⁶³ Там же, л. 101—102, 189—191; стб. 471, ч. I, л. 37.

⁶⁴ Ослоблин Н. Н. К истории Томского бунта.— ЧОИДР, М., 1903, кн. 3, с. 25.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 377, л. 238—239, 285; стб. 446, ч. I, л. 215; стб. 471, ч. I, л. 35; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 18, л. 28об.; и мн. др.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 377, л. 53, 238—242, 276, 285 и др.

⁶⁷ Там же, л. 285—286.

этих посольств было «проведование вестей», но в основном они интересовались отношением телеутской знати к томской администрации, ее оценкой томских событий и деятелей. Как правило, послы сочетали свою дипломатическую деятельность с торгово-меновыми операциями.

После посольства С. Гречанина, в конце 1647—1648 гг. Улус Абаковичей посетило несколько таких посольств⁶⁸. В конце 1648 г. у Коки побывало посольство Н. Попова, ездившее с целью разведки и торгового обмена. Оно получило от Коки сведения о больших военных приготовлениях волжских калмыков, о подготовке Сакылом Кулиным и Мачиком похода на русские уезды и др. Сообщая свои «вести» о намерениях Сакыла и Мачика, Кока руководствовался не только враждебностью к ним, но и верностью союзническому долгу в отношении русских властей. Он усиленно подчеркивал свою лояльность в отношении последних, готовность сотрудничать с ними в борьбе против Сакыла и Мачика. Он рассказывал, как отверг предложения тайши и князя о совместном походе на русские города и деревни; заявлял о своем желании участвовать в походе русских ратников против них⁶⁹. Таким образом, несмотря на обострение телеутско-русских противоречий по ясачному вопросу, Кока сохранял прорусскую ориентацию во внешнеполитических делах.

Послованием Н. Попова, И. Бунаков воспользовался для того, чтобы оклеветать кн. О. Щербатова, а также, возможно, втянуть в их распрю кн. Коку. Как позднее показало следствие по этому делу, статейный список Н. Попова был частично фальсифицирован И. Бунаковым: в конце его была сделана приписка, в которой от лица Коки именно И. Бунакову адресованы: 1) сообщение о «ссылках» (связях) О. Щербатова с контайшей на предмет «воевания» Коки «с двух сторон» (это предложение будто бы содержалось в «грамотке», написанной по-калмыцки, которую от Щербатова вез хану посол последнего Бакши и которую якобы прочел брат Коки Суртай); 2) нелестный отзыв Коки о Щербатове, который якобы отбирает у казаков «добрых» лошадей и «добрых жонок»; 3) жалоба на кузнецкого толмача С. Микитина, который «уграживает» телеутам «имать» их в острог, ссылаясь на какое-то указание сверху⁷⁰. Сам Н. Попов не мог «наклепать» на Щербатова, ибо принадлежал к чиелу его сторонников⁷¹. Как убеждает сопоставление со списком В. Бурнашева (сторонник И. Бунакова), приписка к списку

⁶⁸ Есть, правда, нечеткие указания о посольстве Е. Вершинина, которое, видимо, приезжало в основном с торговой целью. (ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 18—19; стб. 469, ч. I, л. 62—64 и сл.).

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 20—21. Сакул присылал своего посланца к Мачику, а Мачик — к Коке.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 469, ч. I, л. 7—8; стб. 393, л. 5—25.

⁷¹ Там же, стб. 307, л. 421.

Н. Попова была сделана И. Бунаковым во время домашнего ареста О. Щербатова, чтобы клеветническими обвинениями в «измене» оправдать отстранение последнего от управления уездом. При этом ссылка на доезд Н. Попова придавала действиям и объяснениям И. Бунакова видимость объективности⁷².

Сфабрикованное обвинение против О. Щербатова, И. Бунаков «получил» «основание» для «расследования» этого дела. В апреле 1649 г. он отправил к Коке посольство во главе с В. Бурнашевым «допрашивать Коку и брата его и улусных людей..., для чего он, Кока, многое время людей своих в город неприсылавал ни с какими вестями ни с торгом; нет ли... какие шатости или от калмацких людей, от Контайши, вестей какой или от мунгальских (людей)»⁷³. Посол вручил Коке «жалованье» — мед, вино и два портища («черное аглинское» и «кострыж темносинее»). Это был фактически подкуп, ибо «жалованье» полагалось давать лишь при шерти, и Бунакову поставили это в вину во время следствия по делу о Томском бунте.

Трудно сказать, удалось ли послам склонить Коку к клевете на Щербатова подарками, вином и медовухой или они попросту фальсифицировали его ответы на вопросы послов. Во всяком случае статейный список В. Бурнашева содержит серию обвинений Коки против Щербатова: 1) он якобы запрещает торг русским, остякам, татарам и «белым калмыкам»; 2) грабит казаков и «всяких людей», «в тюрьму сажает и кнутом бьет и живот вымучивает» и т. п.; 3) в «грамотке» к хану «непристойными речами пишетца... государя-царя братом называется», предлагает хану воевать Томск и ясашные волости, и хан «якобы уже звал Коку в поход на Томск и присылал к нему Чюлыма-Кутугура Карагаева сына узнавать, кем приходится Щербатов царю»; 4) в этой же «грамотке» Щербатов будто бы предлагал хану воевать Коку, отчего тот «побежал было в верх по Обе в Камень, слышачи такие вестии»; 5) князь Осип якобы хотел «бить кнутом и повесить» посла Коки Ч. Базыбекова, присланного справиться о здоровье царя; 6) он присылает к Коке таких послов как С. Гречанин, Е. Вершинин, которые «отгоняют от государевы милости»; 7) Щербатов будто бы «подозвал войною» на теренинцев Сакула Кулина, и тот «побил» теренинцев, а «жен в полон взял и дети»; 8) он не привлекает Коку к походам против «непослушников», в частности, не известил о походе Б. Зубова «в телези», о походе П. Сабанского «на колмаков-дюрменцев». В списке не раз повторяется «объяснение» Коки — почему он «посекову пору» не сообщил послам Томска о ссылках Щербатова с ойратами (такая возможность появилась, дескать, только с приездом В. Бурнашева, ибо Н. Попов приезжал лишь с

⁷² ЦГАДА, ф. 214. Ср.: стб. 393, л. 10—25; стб. 469, ч. I, л. 59—66 и сл. с л. 7—8 в стб. 469, ч. I (списки В. Бурнашева и список Н. Попова); см. также: стб. 469, ч. I, л. 3.

⁷³ Там же, стб. 393, л. 11; стб. 469, ч. I, л. 59.

торгом, а не был послом) и не присылал своих людей с торгом («блудя», дескать, князя Щербатова, который «велит вешать» телеутов, грабит «колмаков не токмо что русаков»)⁷⁴.

Положительно обрисован в списке воевода И. Н. Бунаков: он и добр, и «сильно ничего не отнимает» и послы его (В. Бурнашев и др.) — люди якобы добрые и «смирные», «худа никакова» не говорят, «смуты» не делают и т. п.⁷⁵ Верным союзником русских властей изображается Кока: он отговаривает якобы хана от похода на Томск, сообщает ему, что братом царя Щербатов «худо называется», заботится будто бы о соблюдении своей шерти, в частности, что должен «дурно какое слышачи сказывать» и со всякими вестями слать гонцов в Томск и пр.

В конце статейного списка отмечается, что будто бы Кока велел записать его речи, сам к ним «руку приложил по-своему — лук» за неграмотностью и велел брату Суртаю «руку приложить в свое место по-калмацки, а он грамоте умеет», что Суртай и сделал⁷⁶.

Мы пришли к выводу, что по содержанию списка В. Бурнашева нельзя судить о подлинном отношении кн. Коки к томской администрации, ибо этот акт — результат подлога и фальсификации бунаковцев, в нем легко определить те «речи», которые несомненно приписаны Коке. О насилиях Щербатова, его «затейном» письме к контайше и др. в списке В. Бурнашева говорилось то же самое, что и в приписке к списку Попова, почти идентичными фразами. Тенденциозная характеристика воевод-соперников (очернение Щербатова и восхваление Бунакова) указывает на то, что обе фальшивки (приписка к списку Попова и список В. Бурнашева) происходили из лагеря, возглавляемого И. Бунаковым. Следствие по делу Щербатова — Бунакова выяснило некоторые обстоятельства, при которых появился на свет текст бурнашевского списка: В. Бурнашев по уговору с И. Бунаковым, будучи у Коки, попросил, чтобы тот написал на «порозжей» (чистой — А. У.) бумаге свое «знамя» (лук), а Суртай написал несколько строк по-калмацки. Остальной текст списка был составлен уже в Томске: в основу его был положен текст приписки к списку Н. Попова, а содержание приписки было «умыслено» по приказу И. Бунакова Т. Елбагачевым, который был членом посольства Н. Попова, и записано Н. Жарковым также по велению И. Бунакова⁷⁷.

Таким образом, список В. Бурнашева, порожденный интригами и закулисной борьбой воевод в Томске, нельзя считать надежным источником и судить по его содержанию об истинном отношении телеутской знати к событиям в Томске в 1648—1649 гг. Но это не значит, что *все* сведения списка не заслужи-

вают доверия, например, данные о походе Сақыла на Шегарскую волость, о борьбе телеутов с киргизами, калмыками, кужегетами подтверждаются другими документами.

С «затейкой» И. Бунакова связан дальнейший обмен посольствами в 1649 г. Как только О. Щербатов узнал о содержании статейного списка В. Бурнашева и о доносе И. Бунакова в Москву, кн. О. И. Щербатов послал в Телеутскую землицу к Коке С. Скворцова узнать, действительно ли Кока просил внести в список те «речи», которые В. Бурнашев называет его «речами», или это ложь, подтасовка И. Бунакова? Телеутский князь не только «очистил» Щербатова от обвинений перед С. Скворцовым⁷⁸, но и прислал в Томск специальных послов — Кожана и Батыя с сообщением, что никаких речей он не говорил и не приказывал В. Бурнашеву записывать, что все это последний «затеял собою». Любопытно, что бунаковцы пытались «обработать» послов Коки: подослали к ним Урузака (зять Бурлака Аиткулина, которого сторонники Щербатова считали «советником» И. Бунакова), и Урузак стал уверять их, что сам слышал такие «речи» Коки и т. п. Но Кожан и Батый уличили Урузака во лжи: оказалось, что он уже больше года не видел Коку и потому не мог знать его недавних «речей»; дело чуть не дошло до драки. Позднее Т. Елбагачев хотел принести повинную О. Щербатову — признаться в своей лжи и лжи Урузака, но по приказу И. Бунакова был брошен в тюрьму, откуда вместе с холопом Б. Аиткулина бежал «в телеуты»⁷⁹.

По докладу новых томских воевод М. Волынского и И. Коковинского, заподозривших В. Бурнашева и других в подлоге, царь приказал провести сыск в Томске: В. Бурнашев и его товарищи по посольству к Коке были арестованы, «пытаны крепко и огнем жжены», но твердо стояли на своем.

Тогда в конце 1649 г. к Коке было срочно отправлено посольство с б. Лаврова и тобольского подъячего В. Третьякова. Послам наказали «никаких посулов и поминков» (Коке — А. У.) не чинить», по-видимому, чтобы не повлиять на его показания. Но, вопреки ожиданиям, это имело обратный эффект: обиженный Кока прекратил послование, кратко подтвердив... версию В. Бурнашева⁸⁰. Истину пришлось устанавливать, не прибегая больше к помощи телеутского князя.

Итак, в годы Томского «бунта» была предпринята попытка втянуть Коку Абакова в воеводскую усобицу. Но Кока, по сути дела, отказался и от роли союзника И. Бунакова и от роли арбитра в его распрях со Щербатовым. Его вмешательство во

⁷⁸ Там же, л. 10.

⁷⁹ Там же, л. 10—12 и др.

⁸⁰ Там же, стб. 393, л. 86—91, 95 и др. Н. С. Модоров считает, что посольство В. Бурнашева привело к укреплению добрососедских отношений с телеутами, а посольство Лаврова, наоборот, посеяло холод и недоверие (Указ соч., с. 65), с чем мы не согласны.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. 11—23; стб. 469, ч. I, л. 59—64.

⁷⁵ Там же, стб. 393, л. 19—20; стб. 469, ч. I, л. 63.

⁷⁶ Там же, стб. 393, л. 12—15; 21—25об.; стб. 469, ч. I, л. 61, 63—65.

⁷⁷ Там же, стб. 469, ч. I, л. 9—10.

внутренние дела русских уездов касалось лишь сферы ясака: в 1648—1649 гг. он не только усилил сбор алмана, но и попытался регламентировать и свою и царскую долю прибавочного продукта с двоеданцев: если ранее он довольствовался в основном тем, что ему удавалось «выбить» из ясашных сверх ясака, то теперь он добивается дележа прибавочного продукта с русским царем на паритетных началах: 5 соболей — царю, 5 соболей — князю Коке.

Это привело к резкому недобору ясака в 1648 и 1649 г. Правительство грозило взыскать недобор ясака на кузнецком воеводе⁸¹. Но попытки последнего «обуздать» Коку потерпели крах (посольство Ш. Яковлева и И. Иванова, завершилось, как известно, неудачей: Кока, а равно и Мачик, продолжали хозяйничать в ясашных волостях Кузнецкого уезда).

Между тем при М. П. Волинском и И. А. Коковинском воеводское правление в Томске вошло в нормальную колею. «Бунт» был подавлен, активные его участники наказаны, в частности И. Бунаков был публично бит кнутом на «козле» и отправлен для суда и следствия в Москву⁸².

Зимой 1650 г. в Томске была получена царская грамота, обязавшая воевод добиться шерти от князя Коки. Послам рекомендовалось проявить «тонкость»: если «лаской» не удастся привести Коку к шерти, то не давать ему «государева жалованья» — вина, меду, сукон. Условия шерти оставались прежними — служить без измены, не брать на себя дани, не «воевать» русские города и деревни и т. п. Кроме указных положений, воеводы включили в наказную память послов небольшие имущественные претензии к телеутскому князю⁸³.

В начале апреля 1650 г. посольство во главе с с. б. Петровым прибыло в ставку Коки. Встретившие его телеутские «приставы» Едерек и Ендой пытались узнать, «для какова дела приехали» послы, но Петров заявил, что о «государевом деле» он объявит лишь самому князю. В тот же день ему была дана аудиенция в юрте Коки. На сей раз князь проявил знание посольского этикета и вел себя в соответствии с ним.

Вопреки ожиданиям воевод, Кока с большой готовностью дал шерть⁸⁴. Тот факт, что шерть была дана лично Кокой, означал большой успех миссии И. Петрова. Но дело было не в искусстве послов, а в податливости Коки. Чем же была вызвана эта податливость?

Во-первых, Кока не мог не учитывать укрепления воеводской власти в Томске. Кока побаивался, что за все его злодеяния в ясашных волостях изувверившиеся в нем воеводы могут применить против него силу. Доверие русской администрации мож-

но было заслужить только личной клятвой: шерти его родичей было уже недостаточно для этого. А в этом доверии Кока сейчас очень нуждался, как мы увидим ниже.

Во-вторых, обострились противоречия между Улусом Коки и владениями других кыштимов и вассалов джунгарского хана: а) события 1649 г. показали, что Саклы подчинил орчаков — союзников Коки (а князь телеутов заботился об укреплении своего влияния на орчакскую знать); б) Кока надеялся подчинить всех телеутов своей власти (этим объясняется его стремление всячески изолировать Мачика, но Мачику удается избежать изоляции, то укрепляя союзные связи с тайшой Сакылом, то устанавливая контакты с русской администрацией); враждебность к Мачику со стороны Коки объяснялась также тем, что Мачик в эти годы успешно соперничал с Кокою в деле алманских сборов в ясашных волостях. Фактически Кока к 1650 г. был готов пойти на тесный союз с русскими властями, направленный против Сакыла-тайши и Мачика, — в течение 1648—1649 гг. он ставил в известность томских воевод о враждебных акциях Кулы и Мачика через русских послов (Н. Попов) и своих посланцев⁸⁵, заявлял о своем желании вместе с русскими воинами идти в поход на Мачика и пр.

Таковы, по нашему мнению, те обстоятельства, которые вынудили князя Коку дать, наконец-то, личную шерть русскому царю.

Обрадованные русские послы щедро одарили князя и его «ближних людей» «государевым жалованьем». Сам Кока получил сразу 3 портища — «червчатое», темносинее и зеленой летчины, Кулудай — «червчатое» портище, сын Коки Ишик — портище летчины и т. п. «Да их же... поили вином и подчивали медом пресным»⁸⁶.

В конце приема Кока обещал прислать позже («по траве») своих послов, которые уведомили бы воевод о шерти князя⁸⁷. Казалось, договор 1650 г. надолго нормализует положение в ясашных волостях и улучшит условия для развития русско-телеутской меновой торговли. Однако уже в 1651 г. начались новые трения и осложнения из-за зависимого населения. В 1659 г. послы Коки заявили резкий протест в Томске по поводу происков чатского мурзы Бурлака Аиткулина в Улусе Коки: оказалось, что холоп Бурлака, бежавший «в телеуты» вместе с племянником Бурлака Т. Елбагачевым, «окормил... до смерти» (отравил. — А. У.) шурина Коки — Идерека (Едерека)⁸⁸. Кока считал, что Идerek отравлен «по наученью» Бурлака. Но этот протест был лишь предлогом для демонстрации телеутской

⁸¹ АИ, т. IV, № 21, с. 53—54.

⁸² Бояршинова З. Я. Волнения в Томске в XVII веке. — «Вопросы истории», 1956, № 6, с. 113.

⁸³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 273, л. 533об.— 535; № 268, л. 522—523об.

⁸⁴ Там же, № 274, л. 535об.— 537об.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 469, ч. I, л. 199—201.

⁸⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 274, л. 537об.

⁸⁷ Там же, 537об.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 469, ч. I, л. 10—11, 151 и др.

знатью прилива недовольства своим русским союзником. А «прилив» недовольства объясняется следующими причинами.

Во-первых, в 1651 г. из Улуса Абаковичей перебежали в Кузнецк 11 телеутских семей — «холопы» телеутской знати. Кока попытался «добром» вернуть своих улусных людей, но кузнецкий воевода Ф. Баскаков отверг эти домогательства⁸⁹.

Во-вторых, после ряда безуспешных попыток проникнуть к саянам, мугатам и точам, жившим «за Биею рекою вверх по Катуне реке» (керсагальцы не давали «вожей» в 1645, 1648 и 1650 гг.) кузнецкому казаку А. Попову удалось добраться до саян и их соседей. В июле 1651 г. он возвратился в Кузнецк в сопровождении «улусного мужика» Самаргана Ирги, вассала Чокура Убаши. Самарган предлагал воеводам построить острог на устье Бии и Катуну и обещал давать ясак с названных выше групп тувинцев по обычной норме обложения⁹⁰. Воеводы немедленно направили запрос в Сибирский приказ. Это не могло не беспокоить Коку: сооружение острога на Бие и Катуну привело бы к утрате им власти над алтайскими кыштивами. (По-видимому, не случайно, в конце 50-х гг. Кока предлагал свои услуги для приведения «в ясак» саянов и точей: не исключено, что он опасался возвращения воевод к плану строительства острога на устье Бии и Катуну в связи с объяснением саянов и точей и хотел предотвратить такой оборот дел).

Не получив своих беглецов из Кузнецка, К. Абаков предпринимает ряд ответных мер. Во-первых, уже в 1651 г. «теленгуты грабят окрестности Кузнецка»⁹¹. Во-вторых, князь Кока стремится укрепить свои позиции в интересующем русских воевод районе, а именно на оз. Алтын. Он воспользовался благоприятной обстановкой, сложившейся к этому времени в Телесской земле. Уже вскоре после похода Б. Зубова в 1646 г. князек телесов Айдар перестал вносить ясак, что чувствительно ударило по ясачной казне (в 30-е гг. телесы вносили по 70, а в конце 40-х гг. — по 50 соболей)⁹². В августе 1648 г. Сибирский приказ рекомендовал кузнецкому воеводе А. Сытину «приманить» Айдара в Кузнецк «да с ним телесского лучшего человека кого доведетца» и оставить их в «оманатех»⁹³. Между тем телесы вошли в контакт с саянцами Манзея и стали брать дань с кондомских шорцев, терроризируя их: они «с большим угрозом» требовали, чтобы кондомцы не давали «вожей» русским ясатчикам на Телесское озеро⁹⁴. Боясь «смертного убийства» от телесов и саянцев, шорцы отказывали служилым в провожатых, но в конце

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 420—421, 428—429об.

⁹⁰ Миллер Г. Указ. соч., т. II, прилож. 472, с. 534—535.

⁹¹ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири..., Кяхта, 1884, с. 104.

⁹² ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. II, л. 29.

⁹³ Там же, стб. 377, л. 53—54; АИ, т. IV, № 25, с. 58—59.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 377, л. 277—278.

1648 г. русские ясатчики все-таки побывали на Алтын-озере, после чего, в 1649—1651 гг., телесы, по-видимому, вносили ясак⁹⁵. Ясно, что знать телесов была недовольна этим, чем и воспользовался Кока.

Компенсируя себя за потерю нескольких семей перебежчиков, он увел в 1652 г. в Телеутскую землю всю Телесскую волость вместе с ее князем Айдаром и обложил телесов алманом в свою пользу⁹⁶. Это отвечало и интересам телесской знати, которая власти русского царя предпочитала власть телеутского князя.

В этом же году Кока возобновил сбор алмана с кузнецких волостей и улусов. Его алманщики побывали в Шелкальской и других волостях. Сам Кока «навестил» Тагапскую волость, взял с нее алман и увел к себе 5 семей (Кулука «с товарищи»). Ф. Баскаков снова жаловался томским воеводам, что Кока, его братья и дети грабят ясашных, полонят их семьи и т. п.⁹⁷. Дело дошло до того, что ясашные люди стали бить челом царю, жалуясь на чинимое им людьми Коки разорение (захват лошадей, пушнины и «всякой животины»). Так, 22 декабря 1652 г. в Кузнецк поступила челобитная ясашных кондомских волостей, которые просили «бережи» от телеутских княжат и улусных людей Коки.

Ф. Баскаков, подсчитав убытки, понесенные ясачной казной от телеутского «раззора» (355 руб. 50 коп.), делал вывод, что если Коку (и Мачика) не «смирить войною», то ясака и впредь ждать нечего и требовал от томских воевод соответствующих распоряжений⁹⁸.

Но широко проводимые Кокой и его людьми алманские акции в Кузнецком уезде в 1652 г., конечно, нельзя отождествлять со вторжением огромного ойратско-телеутского войска, как думал В. В. Радлов, а за ним Н. С. Модоров⁹⁹.

Не полагаясь на томских воевод Н. О. Нащокина и А. Ф. Болтина, Ф. Баскаков решил пресечь телеутские набеги на волости военными средствами. Так как без разрешения Москвы «воевать» Коку и его людей было строго запрещено, то воевода решил обойти этот запрет, выдав свою затею так сказать за «глас народа»: он инспирировал челобитие всех кузнецких служилых людей об отпуске их на «изменников телеских людей и азкештимцев» за то, что они не платят ясака и грабят ясашных

⁹⁵ ЦГАДА, л. 277—278; стб. 446, ч. II, л. 29. По отписке Ф. Баскакова, 162 г. был третьим по счету, в течение которых с телесов не брали ясака, так как они «откочевали в Белые Калмыки к князю Коке Абакову» (стб. 446, ч. II, л. 29). Значит, до 160 (1652) г. они платили ясак царю.

⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 284, л. 555об.

⁹⁷ Там же, л. 555об.; кн. 18, № 1, л. 1; ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 219.

⁹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 6, л. 6—6об.

⁹⁹ Radloff W. Aus Sibirien, S. 176, 179; Модоров Н. С. Указ. соч., с. 64—65.

шорцев¹⁰⁰, в челобитной указывалось также, что «Кокины люди», кочуя «блиско», «походя украдом» уводят лошадей у служилых, пашенных крестьян и ясашных «иноземцев».

Челобитная была вручена воеводе в конце февраля 1653 г. Ф. Баскаков получил хотя и не имевшее юридической силы, но все-таки обоснование для организации военных походов и оправдательный документ для вышестоящих инстанций. Организуя свои экспедиции, воевода уповал на их устрашающий эффект: «услышат иные захребетные люди и, убоясь на себя войны»¹⁰¹, дадут ясак царю,— рассчитывал он. Небольшой опыт в этом деле он уже имел до подачи челобитной.

Мы имеем в виду действия отряда П. Лаврова и И. Васильева, который был отправлен 10 января 1653 г. на Кондому для сбора ясака и сыска беглых и захребетных людей, не плативших ясака. За Нижней Кумандой отряд нашел «Чабатцкую» и Колбинскую волости, «которые от царской милости бегают». Они не стали платить ясак и якобы даже «бой поставили», но были разбиты. Пленные мужчины были приведены к шерти (обещали платить ясак по полной мере) и отпущены, а семьи их уведены в Кузнецк¹⁰². Лавров уверял, что ни с ойратами, ни с телеутами его люди «никакова задору не чинили», но, по данным Коки кузнечане погромили как раз телеута Юдутку и кочевавших с ним других кыштимов князя¹⁰³.

Ф. Баскаков хвалился, что именно эта «посылка» устроила неких «захребетных людей» и «многие с себя государю ясак вновь дали»¹⁰⁴.

Окрыленный этим успехом, Ф. Баскаков решил провести более широкие карательные операции. Около 10 марта 1653 г. он отправил из Кузнецка большой отряд (150—200 чел.) во главе с атаманом П. Дорофеевым против телесов и беглых азкештимцев. Воевода наказал атаману сначала уговаривать последних *по доброй воле* вернуться в подданство и платить ясак по прежней норме, а в случае отказа «поиск над ними чинить»; велено было также не обижать ясачных и «не задиратца» с ойратами¹⁰⁵.

Уже 26 марта отряд возвратился из похода, и П. Дорофеев доложил воеводе, что «телесских изменников» — Босея «с товарищи», который вместе с саянцами не раз совершал набеги на Кузнецкий уезд, он не нашел.

За 16 дней совершить рейд на Телецкое озеро было невозможно: до Босея Дорофеев не дошел. Он ограничился тем, что

¹⁰⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 16, л. 23—24.

¹⁰¹ Там же, № 23, л. 43.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 382—386; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 23; л. 41об.—42об.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 187, 215 и др.

¹⁰⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 23, л. 43.

¹⁰⁵ Там же, № 22, л. 38об.—39.

«повоевал» Азкештимскую волость, кочевавшую где-то в верховьях Чумыша. Атаман сообщил воеводе, что азкештимцы угрожали и сопротивлялись его отряду в надежде на помощь телеутов князя Коки: братья Коки — Койбас и Имен, сыновья и племянники Коки, улусные люди Абаковичей (их насчитывалось «ста с три») занимались лучшим промыслом (охотой. — А. У.) «в Қалмыцких урочищах вверх по Чумышу реке»¹⁰⁶.

Узнав о лешующих телеутах, Ф. Баскаков срочно отправил отряд П. Лаврова и И. Васильева, чтобы «тех белых колмаков осадить в пустых местех». Кузнечане, действительно, осадили и ограбили зверовщиков: отобрали у них, по разным данным, от 100 до 170 лосиных туш «с кожами и с мясом», «взяли у них мужика Манжу» (холоп Койбаса) и 15 ясырей из людей Имена¹⁰⁷. Часть «погромного ясыря» была подарена служилыми воеводе, часть разобрана «по рукам», часть отпущена за выкуп по домам¹⁰⁸ и т. п.; некоторые из ясырей были срочно крещены¹⁰⁹.

Узнав о погроме его братьев и кыштимов, Кока немедленно прислал свое посольство в Кузнецк (Моохай Телеков, Бок Сайранов и др.) с резким протестом и требованием объяснить мотивы, которые побудили воеводу «воевать» телеутов: Кока знал, что местные воеводы имеют строгий наказ «не задиратца» с телеутами, но после описанных походов кузнечан Ф. Баскаков, по словам Коки, усиленно сеял слухи о том, что он якобы получил из Москвы грамоту, которая разрешает ему «воевать» телеутов «по вся годы», «трижды на год». (С такими «вестями» воевода даже присылал в Улус Коки, чтобы запугать его, сначала кузнецкого татарина Бохточю, а потом «погромного языка» Язбалька). Послы были уполномочены Кокой узнать, получил ли воевода такой приказ из Москвы или действует «самовольством»¹¹⁰.

Ф. Баскаков ответил, что его «посылки» служилых людей — отместка за ограбление и унижение кузнецких ясатчиков саянцами в 1652 г.¹¹¹. На это послы заявили, что Кока не может отвечать за действия саянцев: «князю их Коке до саянских лю-

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 217, 219 и др.; ф. 216, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 35—36; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 22—23, л. 38об. и 41об. № 41, л. 73 и др.

¹⁰⁷ ААН, ф. 21, оп. 1, кн. 18, № 41, 42, л. 73—75; ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 214; ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 3 и др.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 216; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 4, л. 4об.—5об.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 210; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 23, л. 41—43об.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 265; стб. 446, ч. I, л. 212, 214; ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 3; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 41, л. 75.

¹¹¹ При возвращении «из верхних саян» от кн. Ерунты, Ш. Яковлева и А. Попова «сугнали на дороге» телесы и саяны, «всякой русской товар и лошади и пищали поотымали и бороды у них пообрезали» (летом 1652 г.) (См.: ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 4, л. 4об. и мн. др.).

дей дела нет, живут де они в своих урочищах, а он, де Кока, ими не владеет»¹¹². Тогда воевода заявил, что «есть в Кузнецком государева грамота: велено ево, Коку, воевать. А не воевать де ему, Федору, и ево, де Федора, велит государь в котле сварить»¹¹³.

Кока не поверил этому объяснению и направил своих послов в Томск. Здесь Б. Саиранов и М. Телеков 22/VII 1653 г. заявили воеводам, что Ф. Баскаков «воюет» их без царского указа, чтобы «разорять до основания»: кузнецкие служилые «повоевали» телеута Юлутку, полонили его «жену два сына да трех дочерей, да с ним же Юлуткою взяли Кокиных кыштимов шесть юрт, а те де кыштимы кочевали з белыми калмыками с Юлуткою» и давали ясак по 3 соболя «по 3 года» и т. п.¹¹⁴ Н. Нащокин и А. Болтин, взяв грех на душу, уверяли послов Коки, что они «не ведают, есть ли или нет государев указ, чтоб ево, Коку, воевать» (они-то не могли не знать этого, ибо на них были возложены обязанности вести сношения с местными владельцами, и все указы по этим вопросам, прежде всего, получал Томск). Но задетые тем, что Ф. Баскаков «затеял» походы, даже «не списався» с ними, томские воеводы потребовали объяснений от кузнецкого коллеги¹¹⁵ и решили провести следствие по жалобе Коки непосредственно в Кузнецке¹¹⁶.

В августе 1653 г. в Кузнецк была направлена следственная комиссия во главе с с. б. Р. Старковым. Она имела два поручения: 1) «сыскать накрепко» о всех проступках Ф. Баскакова по челобитью Коки, «сыскать калмыцкой полон» в Кузнецке и доставить его в Томск и 2) за дерзкое противодействие властям арестовать и доставить в Томск П. Дорофеева, наказать на месте П. Лаврова, Р. Грожевского и др. (они не дали описывать свои угоды и к тому же призывали всех жителей Кузнецка)¹¹⁷.

Но Ф. Баскаков все сделал для того, чтобы сорвать работу комиссии. Когда 31 августа 1653 г., после оглашения царского указа, комиссия пыталась «разоблочь» Р. Грожевского для наказания батогами, то, «по наущенью» воеводы, служилые чуть не побили томичей, не дали наказать ослушников, крича Р. Старкову: «бей и нас всех!». Затем воевода укрыл виновных в своем дворе, а когда их прямо там арестовал Р. Старков и повел на съезжий двор, то служилые во главе с П. Карнауком и другими пришли на томичей «гилем и многим шумом», отбили

¹¹² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 21, л. 35об.; ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 212 и сл.

¹¹³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 264; ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 3 и мн. др.

¹¹⁴ Там же, стб. 446, ч. 1, л. 187; ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 3; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 41, л. 75—75об.; № 16, л. 22об. и мн. др.

¹¹⁵ ААН, ф. 21, кн. 18, оп. 4, № 16, л. 22—25.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 213 и др.

¹¹⁷ Там же, л. 210—216, 226—228; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 21, л. 34—36об. и др.

арестованных и намяли бока членам комиссии¹¹⁸. При этом они грозили покинуть Кузнецк: «А говорили атаман Петрушка Дорофеев да пятидесятник Поспелка Лавров да казак Степка Варламов с товарищи: Кузнецкой де мы острог покинем и поставим себе острог на усть Бии и Катуня или на Алтыне озере. И там де пахоты будет много, а ис Томского де хотя пришлют и тысячу людей и болши, и мы де не дадимся»¹¹⁹.

Но несмотря на все препоны со стороны воеводы, комиссия провела сыск по жалобе Коки, допросив «разных чинов» людей.

Большинство служилых (в основном участники походов 1653 г.) повторяли одну (воеводскую) версию. Образчиком ее изложения служат показания пятидесятника А. Васильева. Он утверждал, что кузнецчане ходили «чинить поиск» над телесами (Босеем и его людьми) и азкештимцами, что они (79 чел. во главе с П. Дорофеевым) сами били челом воеводе об этом, и он *лишь уступил* их настоятельным просьбам; что поход Дорофеева был намечен против телесцев в ответ на их издевательства над Ш. Яковлевым и А. Поповым, но «повоевать» их не удалось, ибо они «живут в Кокиных улусах врознь»; отряд «повоевал» всего 8 юрт азкештимцев (хозяин 9-й юрты сразу внес 5 соболей в ясак); телеутов Коки при этом не «воевали», а волости «на Бие и Катуня» и «воевать нечево», ибо они «издавна государевы». По А. Васильеву, Кока грабит эти волости, отчего происходит недобор ясака; он увел к себе Тогульскую волость — «Кулука з братьею 10 человек с их женами и з детьми и со всеми животы», а они платили ясак в 10 соболей. Далее А. Васильев, как и его коллеги, все отрицал: ни Бохточю, ни Язбалыка с «угрозными речами» к Коке воевода не посылал; Кокиных детей и братьев на Чумыше кузнецчане не осаждали, на убитых лосей наткнулись случайно, а мясо взяли служилые татары («чем до города сытым быть»), «кож с пять» изрезали всем «войском» на лыжи; холоп Кобыса Манжи сам пришел в русский стан не то в разведку, не то для воровства и т. п.¹²⁰

Часть служилых (дети боярские, десятники, не участвовавшие в акциях 1653 г.) подтвердили факты о походах этого года, но якобы «не ведали» о том, против кого ходил П. Дорофеев и др., но упирали на то, что ясырь уже отпущен воеводою из Кузнецка¹²¹.

Пашенные крестьяне заявили, что вообще ничего не знают ни о походе, ни о происхождении ясыря у кузнецких служилых людей¹²².

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 224, 225; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 21, л. 36об.—37.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 224; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 21, л. 36об.—37.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 220; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 24; л. 43об.—45.

¹²¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 221—222.

¹²² Там же, л. 218.

Только группа ясашных азкештимцев полностью подтвердила предъявленные телеутским князем обвинения воеводе¹²³.

К концу следствия служилый А. Жернаков, объявив за собой «государево дело», показал, что Ф. Баскаков в январе 1653 г. посылал П. Лаврова в ясашные волости, и тот разорил одну из них (разбил 7 юрт), что Лавров также «повоевал» Байтанака из Бойдарской волости, присвоил его «животы», а жену с ребенком привел в Кузнецк. Он же с других ясашных брал ясак «собольими хвостами и железом — крицами, и таганами, и шапками собольими». «Малой погромной полон» П. Лавров отдал воеводе, который с ним «во всем дружит», и эта дружба, по мнению А. Жернакова, является причиной того, что ясашные люди боятся говорить комиссии правду¹²⁴.

Р. Старков «извещал» Баскакова о «воровских речах» и поступках Дорофеева, Лаврова и других и требовал отправки «калмацкого полона» в Томск. Но Баскаков заявил, что не отдаст ни одного ясыря в Томск, ибо томские воеводы действуют не по указу, а по «воровской андрейкиной (Жернакова.— А. У.) известной челобитной для своей бездельной корысти». Распалившись, воевода утверждал, что его отец, будучи на воеводстве в Кузнецке в 1623—1624 г., не только «воевал» Абака и оставлял у себя полон, но будто бы даже послов Абака «бил... кнутом нещадно». «А и мне де на белых колмаков на князца Коку войною посылать, а томских де отписок я не слушаю», — заявил он Р. Старкову¹²⁵. Со Старковым Ф. Баскаков отправил в Томск пространное объяснение, в котором по-прежнему отрицал какую-либо вину перед Кокой. Не имея указа на «поиск» над телеутами, он в качестве индульгенции использовал челобитную служилых людей Кузнецка. В свое оправдание он также утверждал, что Кока «подговорил» телесов не платить ясака, и они его не платят после смерти Мандрака, а Босей «с товарищи» («юрт с 50») — еще с 1635 г. Именно поэтому он послал на них Дорофеева, а если тот не нашел Босея, так зато привел к шерти 15 юрт захребетных азкештимцев. Воевода утверждал, что и Лаврова он посылал не «воевать» ясашных, а собирать ясак, и если тот «побил» и привел к шерти 6 юрт, живших за Бией, то сделал только после того, как они отказали в ясаке и «бой поставили» против ясатчиков. А телеутов воевода не «воевал», войной Коке не грозил, и в том Кока на него будто бы «солгал»¹²⁶.

Что касается полона, то Баскаков ссылался на указы, позволяющие ему силой «приклонять» к шерти «иноземцев» и «воевать» телеутов, если они нападут на ясашные волости, полон возвращать за выкуп, а не посылать в Томск. Именно так он

якобы и сделал, отпустив ясырей за выкуп ((остались лишь «две жонки», за которых по уговору следовало получить две лошади). По словам воеводы, пленные азкештимцы Казак «с товарищи» якобы просили его не посылать их в Томск, чтобы их не отдали Коке. Он уверял, что после похода Дорофеева «в государеве ясаке большая прибыль учинилась»¹²⁷.

Все материалы следствия были направлены из Томска в Сибирский приказ. Решение Москвы по его итогам ожидалось лишь почти через год. Между тем томских воевод серьезно беспокоила усилившаяся телеутская баранта и прекращение торговли между телеутами и русскими. 24 мая 1653 г. к Кузнецку приходили телеуты с торгом, «...и оне, не торговав, пошли торговать и для ясаку в государевы ясачные волости на Кондому и Мрассу и вверх Томи... кукяками и шапками и всяким железом»¹²⁸. Этот случай говорит о том, что Кока прибег к испытанному средству нажима на воевод — к прекращению торгова с русскими уездами; 2) оставался нереализованным русский жетов с шорцами, ибо: 1) это давало отдушину телеутскому торгу, в котором у них была нужда из-за прекращения обмена с русскими уездами; 2) оставался нереализованным русский железный товар, так как телеуты приобретали железные поделки у шорцев; 3) приобретая у шорцев оружие, телеуты усиливались в военном отношении; 4) шорцы, продав свои изделия телеутам, подчас не имели ничего для сдачи в ясак и т. п. Однако Ф. Баскаков был не в состоянии помешать телеутскому торгу в ясачных волостях, «не смея» нарушать прерогативы томских властей, которым и предъявлял такое требование¹²⁹.

В октябре 1653 г. в Томске была получена царская грамота с приказом слать к Коке новых послов. Составив на ее основе наказную память, воеводы снарядили к Коке посольство во главе с с. б. Былиным. В январе 1654 г. оно выехало из Томска в Телеутскую землю¹³⁰. В. Былин имел наказ вновь призвать Коку под «высокую руку» царя, обещая ему «обережение» от его «недрузей», и потребовать, чтобы его люди не обижали ясашных, а его кыштимы платили ясак и русскому царю.

Задача В. Былина была очень трудной, если учесть, насколько телеутская знать была восстановлена против русских властей действиями Ф. Баскакова. Поэтому была разработана особая тактика, которой Былин должен был следовать при пословании. Она нашла отражение в наказной памяти посольству В. Былина от 30 ноября 1653 г.

¹²⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 23, л. 43—43об.

¹²⁸ Там же, № 11, л. 16—17об.

¹²⁹ Там же, л. 16об., 17об.

¹³⁰ Сопоставление двух вариантов наказной памяти от 30 ноября 1653 г. позволяет утверждать, что задержка с отправкой посольства произошла из-за убийства Ш. Яковлева и его спутников.

¹²³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 216.

¹²⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 21; л. 37об.—38.

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. 1, л. 224.

¹²⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 23, л. 39об.—42об.

Эта тактика должна была быть не оборонительной, а наступательной.

Полагалось «ошарашить» Коку серией контрпретензий, предъявить ему «иск» на 355 р. 50 к. за разорение его людьми ясашных, выговорить за кражу ими лошадей у кузнечан, за ограбление и убийство Ш. Яковлева «с товарищи» и др. Чтобы контрпретензии были весомее, посол обязан был свести на-нет все претензии Коки, отрицая начисто «вины» Ф. Баскакова: никого, дескать, он не «воевал», никому не грозил войной и т. п. (в этой части наказная память была написана по объяснению Ф. Баскакова, данному комиссии Р. Старкова).

Воевода предписал послу строго потребовать от Коки, чтобы удерживал улусных от «дурна», а если он не станет искать «грабежный живот» и будет говорить «непристойные речи», В. Былин должен был обвинить князя в том, что тот забыл свою шерть. Интересно, что послу надлежало «говорить с большим смельством, ни в чем не убоаяся» и даже демонстративно записать «речи» Коки, якобы для посылки их в Москву, чтобы он впредь не мог «зачиратца». Все это должно было произвести определенный эффект на князя¹³¹.

10 января 1654 г. В. Былин прибыл в ставку Коки на р. Мереги и в тот же день был принят князем. После обмена традиционными вопросами о здоровье царя, воевод и князя и вручения последнему портища «червчатого аглинского» сукна В. Былин зачитал по статьям наказную память и заверил Коку, что в Томске ожидается царский указ по жалобе Коки на Ф. Баскакова.

Когда В. Былин закончил, Кока ехидно заметил, что этого указа «ждут» уже давно: «Только де и преж сего и то, о чем государю бивал челом с своими послами и которые русские государевы послы ко мне, Коке, прихаживали и мое челобитье и речи писывали в статейные списки, по сие место ево, государева, указу ко мне ни о чем не бывало». Он заявил, что намерен направить своих послов в *Москву*, минуя Томск, «бити челом обо всяких своих обидах» от Ф. Баскакова. «Ныне де он во всем отпираетца,— говорил Кока В. Былину,— а мои де ясыри у него в Кузнецком остроге. А иной де ясарь отдавали людем моим на выкуп, взяли за 5 ясырей 30 лошадей. И всево тово ясырю взято было 15 душ»¹³².

Тогда В. Былин снова пустил в ход обвинения, содержащиеся в царской грамоте от 5.10.1653 г. и в наказной памяти, и заявил, что ясашные тагапцы сами били челом Ф. Баскакову, чтобы тот их «оборонил» от Коки и его людей, грабивших волости.

Но Кока отверг все эти обвинения, возведенные на него, по его мнению, Ф. Баскаковым «напрасно, по недружбе». Он зая-

вил, что его родичи и улусные люди ездят по ясашным волостям «для своих долгов, а не для воровства»; ясашных же бьют и грабят «Мачиковы люди да Торгоут-Увелеков сын (Уделек был братом Мачика — А. У.) ...и всякое... дурно чинитца от них, от Мачика с товарищи, а не от нево, Коки». В заключение он повторил свои жалобы на Ф. Баскакова и подтвердил свое намерение слать послов к Москве не через Томск, а через Тару¹³³.

На этом переговоры были закончены. Разработанная воеводами тактика не помогла: отношения с Улусом Коки остались неурегулированными.

Но посольство В. Былина еще раз убедилось в том, что между телеутскими князьями Кокой и Мачиком сохраняются серьезные противоречия: в противном случае едва ли Кока стал бы сваливать всю ответственность за конфликты в ясашных волостях на Мачика и его родню. Стало также ясно, что Кока все-таки еще надеется на положительное для него решение русского правительства по челобитию на кузнецкого воеводу, ибо думает направить с ним в Москву своих послов. Вместе с тем идея отправки этого посольства через Тару была призвана оказать давление на томских воевод.

Отписка воевод по итогам посольства В. Былина была получена в Москве 3 июня 1654 г.¹³⁴, а незадолго перед этим (май 1654 г.) из Москвы в Кузнецк был отправлен царский указ за подписью дьяка В. Третьякова с заключением по результатам следствия в Кузнецке. Ф. Баскакову напоминали, что от измены и неуплаты ясака он должен «отвращать» ясашных уговорами, угрозами и пр., не прибегая к оружию. Что касается телеутов Коки, то посылать на них «войною» без разрешения Москвы и Томска *ему категорически запрещается* якобы потому, что «Кока Абаков нам служит и ясак улусные ево люди и кыштимы нам платят»¹³⁵ (как известно ясак платили лишь телеуты степных волостей — азкештимцы, тагапцы, тогульцы и керетцы). Указ грозил воеводе заслушание наказанием и царской опалой.

Ф. Баскакову было приказано некрещеных телеутов и их кыштимов из полона отослать «со всеми животы назад», к Коке, а «крещеного ясыря» отправить из Кузнецка в Томск¹³⁶. Однако сам воевода не понес серьезного наказания за превышение своих полномочий: он оставался кузнецким воеводою еще и в 1654—1655 гг.¹³⁷

Но царский указ запоздал: отношения между русскими властями и Улусом Коки к 1654 г. были окончательно испорчены¹³⁸.

¹³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 197—198, 200—201.

¹³⁴ Там же, л. 197об.

¹³⁵ Там же, л. 209—211 и др.

¹³⁶ Там же, л. 210—211 и др.

¹³⁷ Газенвинкель К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих.... Тобольск, 1892, с. 36—38.

¹³⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 38, л. 64об.

¹³¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 78, № 16, 17, л. 24—27.

¹³² Там же, кн. 18, № 18, л. 27об.—30.

Еще с весны 1653 г. Кока искал случай, чтобы «свои обиды отмещать»¹³⁹. В надежде на поддержку контайши он послал к хану своего посла Бютеня¹⁴⁰, но начавшаяся после смерти Батура-хунтайджи борьба за власть в Джунгарии внесла серьезные коррективы в планы телеутского князя: он решил воспользоваться ею, чтобы избавиться от ойратского кыштимства.

Глава IV

ТЕЛЕУТСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ ТЕЛЕУТСКО-ОЙРАТСКИХ ВОЙН. ПОСОЛЬСТВО ТЕЛЕУТСКИХ КНЯЗЕЙ В МОСКВУ

В начале телеутско-ойратских войн (вторая половина 50-х гг. XVII в.) телеутско-русские отношения быстро эволюционировали от острой конфронтации до тесного военно-политического союза. Кульминацией их была поездка телеутских послов в Москву и их переговоры с дьяками Посольского приказа (конец 1658 — начало 1659 гг.).

В конце 1654 г., как отмечено в предыдущей главе, телеуты из Улусов Коки и Мачика совершили ряд набегов на Томский уезд. Но томские воеводы не предприняли против них ответных мер. На их позицию, видимо, повлияли события, развернувшиеся в Телеутской землице: началась борьба младших Абаковичей против старшего, глубокой подоплекой которой являлось развитие феодальных отношений в телеутском обществе. На стороне братьев Коки выступили некоторые ойратские тайши. Их вмешательство во внутренние дела Улуса Абаковичей сыграло роль предлога для активизации его борьбы против кыштимской зависимости от Джунгарии.

Томские воеводы решили воспользоваться затруднительным положением Коки, а также междоусобными войнами в Джунгарии, чтобы обеспечить прорусскую ориентацию Улуса Абаковичей, добившись принятия князем Кокой хотя бы формального подданства.

Едва в Томске узнали о поражении Коки от ойратов в 1655 г., как воеводы Н. О. Нащокин и А. Ф. Болтин отправили к нему посольство во главе с Я. Поповым (18.07.1655 г.)¹. Главная задача послов заключалась в том, чтобы призвать Коку к «прямой службе» царю, т. е. привести его снова к шерти, за что воеводы обнадеживали его обещанием от «недрузгов оберегать». Послы должны были склонить князя к возобновлению телеутского торгового дела в Томске, в чем русские люди испытывали острую

нужду: недаром в разгар враждебных отношений с телеутскими Улусами, пренебрегая опасностью, служилые люди ездили для обмена в Телеутскую землицу².

Кроме того, послам надлежало навести справки об Итегмене Тарлавова, уехавшем «в телеуты» для женитьбы на сестре князя Уделека Койшебурина и где-то застрявшем в Телеутской землице. Этот незначительный сам по себе факт приобретал значимость и актуальность, если учесть, что И. Тарлавова занимал высокое служебное положение и пользовался большим влиянием в среде служилых татар Томска, он был племянником Коки Абакова, а князец Уделек приходился родным братом князю Мачику. Возможно, с браком И. Тарлавова и его поездкой воеводы связывали какие-то надежды на нормализацию отношений с Мачиком и Кокой Абаковым. Едва ли можно сомневаться в том, что И. Тарлавова должен был собрать сведения о внутреннем положении Телеутской землицы, об отношениях телеутов с ойратами и пр. Все это объясняет, почему в Томске его ждали с нетерпением.

Впрочем, не исключено, что воеводы боялись измены И. Тарлавова: недаром на тот случай, если Кока откажется сообщить о местонахождении и причинах задержки И. Тарлавова, воеводы рекомендовали послам напомнить Коке, что по шерти 1650 г. он обязался сообщать о заговорах и вообще «злых умыслах» против русских городов³.

Но миссия Я. Попова не достигла цели. Кока шерти не дал, его не соблазнило даже обещание воевод об «обереже», хотя как никогда раньше он нуждался в русской защите, но он также знал, что воеводы ни за что не решатся на военные действия против ойратов, ибо имеют строгий наказ не чинить с последними никаких «задоров».

Мелкие стычки между телеутами и русскими продолжались в течение 1655 и 1656 г. Летом 1656 г. люди Коки угнали более 100 лошадей у ясашных шегарцев, а Мачик более 200 лошадей у чатов. В ответ на это служилые «погромили» несколько юрт Коки на Мерети, а также улусы Мачика, взяв у него в плен «женку да пятеро робят»⁴. Тогда же в Томске стало известно, что Кока начал зондировать почву в Киргизской землице с целью создания общего фронта борьбы против русских властей и ойратских феодалов.

Разорительные набеги телеутов, контакты их князей с киргизскими князьками вынудили И. Н. Приемкова-Ростовского и А. В. Коковинского направить к Коке в октябре 1656 г. посольство во главе с А. Сартаковым и К. Капустиным. Воеводы на-

² Например, с торгом ездили «в телеуты» Э. Теплинский и К. Капустин (ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 15, л. 19об.—20).

³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 15, л. 19об.—20.

⁴ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 1—3; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 36, л. 60—61об.; № 37, л. 63—63об.

¹³⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 24, л. 45об.—47—47об.

¹⁴⁰ Там же, л. 47—47об.

¹ Там же, № 15, л. 19об.—20.

казали им в переговорах с Кокою сделать упор на благой пример Абака, который «вместе сопча з государевыми людьми на киргиских людей с своими улусными людьми ходил и бился», и выразить надежду на такую же «прямую» («безо всякие хитрости») службу Коки и увещевать его, чтобы не громил ясачных и русские деревни⁵.

Ссылки на факты совместной борьбы телеутов и русских ратников против киргизов Енисея были извлечены из забвения, дабы не допустить даже временного альянса телеутской и киргизской знати.

Поскольку посольство А. Сартакова не имело цели добиваться от Коки подтверждения прежней шерти, то воеводы отправили его без «государева жалования», и это сослужило плохую службу послам. Их поставили «меж улусов», а не «в юртах» князя; пристав Коки, зять князя Курумша бесцеремонно интересовался наличием даров и целью приезда послов («Што вы, государевы послы, приехали?»). Послы отвечали, что прибыли «пословать без даров», чтобы узнать, «за што де Кока праведному государю измену свою показал» — посылал на уезды «войною» «в три поймы», когда его люди «коней отгоняли и людей побивали и коров много кололи»⁶.

Выслушав доклад Курумши, разгневанный Кока отказал послам в аудиенции. Только на 5-й день он прислал к ним «лучших людей» — Бютеня, Юргая и Курумшу. «Дипломаты» Коки попросили прочесть наказную память. Капустин «выговорил» про все «обиды» от телеутов, подчеркнув, что «неправда» Коки заключается в том, что он приказал своим людям служилых «побивать, коров сетчи» и т. п.⁷

В ответ на это Бютень сделал заявление о воеводских «неправдах»: «То ли де воеводская правда: который воевода выехал, за што нас велел воевать на Мерете, за которую Кокину вину, и погромил де Кокиных семь юрт?» Когда же Кока посылал в Томск «трою послов» с просьбой возвратить «погромный живот», то ее не удовлетворили. «И то де какая правда?» — спрашивал Бютень послов⁸. Он уверял, что Кока «не посылавал» своих людей в набеги на Томский уезд, ибо жил в это время на Оби, а набегами занялись телеуты, «развоеванные» в районе Мерети русскими ратниками⁹. Кока же намерен направить с А. Сартаковым своих посланцев в Томск и велит русским подождать их.

После этого русские послы жили «в телеутах» еще «недели з две и болши», но Кока так и не принял их и не отправил с ними своих послов. Через Курумшу А. Сартакову был передан

приказ Коки — выехать в Томск: князь телеутов не признал Сартакова «с товарищи» официальными персонами. Он требовал, чтобы воеводы прислали «подлинных» послов, и предупреждал, что если они не сделают этого до его переговоров с Мачиком, то он своих послов в Томск не пришлет («а будет де в тое поры и от Мачика переговор, а не будет к нему, Коке, послов из Томска, и он не пошлет»)¹⁰. Повторив, что он непричастен к набегам на Томский уезд, Кока самоуверенно добавлял, что если воеводы решат его «воевать», то им теперь известно, куда посылать служилых людей — «вино де воюйте: яз де живу на Мерете»¹¹.

Интересно указание на возможность переговоров между Кокою и Мачиком. Инициатива их, как видно, исходила от Мачика. Видимо, уже имел место предварительный зондаж, и Кока ждал Мачика либо его послов на «переговор». Очевидно, общая опасность со стороны русских воевод и ойратских феодалов заставила их забыть прежние распри и попытаться создать общий фронт борьбы как против царской России, так и против ханской Джунгарии. Уже само по себе сообщение русским послам о предстоящих переговорах Коки с Мачиком должно было оказать давление на томских воевод, сделать их более уступчивыми в требованиях и в отношении к телеутам.

А. Сартаков «с товарищи» прибыли в Томск «ни с чем»¹². Весть о сговоре Коки с Мачиком, привезенная ими, встревожила воевод, которым раньше удавалось играть на противоречиях телеутских князей. Но воеводы недооценили всей ее серьезности, полагая, видимо, что Кока хитрит, что примирение его с Мачиком невозможно.

Однако в начале 1657 г. «переговор» между Кокой и Мачиком завершился полным успехом: уже в марте этого года в Томске стало известно, что Кока принял в свои улусы «изменника государева и вора князца Мачика», что оба князца объединили свои силы¹³. Словхатившись, томские воеводы немедленно (март 1657 г.) направили к Коке посольство во главе с с. б. И. Петровым с протестом против предоставления Кокою убежища Мачику. Основная цель посольства заключалась в том, чтобы расстроить во что бы то ни стало союз телеутских князей¹⁴.

По наказу воевод И. Петров во время послования, уповая на давнюю шерть Коки, в которой был специальный пункт — «с изменники не ссылатца», потребовал от Коки, чтобы тот изгнал Мачика из своих улусов. Чтобы доказать измену Мачика, он привел длинный список «воровских дел» последнего, начиная

⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 36, л. 60—61.

⁶ Там же, л. 60об.— 61.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 61об.— 62.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 62.

¹¹ Там же.

¹² Там же, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 3.

¹³ Там же, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 37, л. 62об.

¹⁴ Там же, л. 62об.— 64.

с побоища на Кузнецком торгу в 1639 г. и кончая угоном лошадей и уводом людей И. Тарлавова в 1656 г.¹⁵ За все эти дела царь, по словам посла, велел воеводам, собрав ратников «с огненным боем» из Тобольска и других городов, «разорить без остатку» Мачика; но воеводы, «ведаючи», что люди Мачика живут среди улусных Коки и будто бы не желая «оскорбления» последним, а также помня верную службу царю отца Коки князя Абака, не послали против Мачика карательного войска, «оберегая твоих (т. е. Кокиных. — А. У.) улусов», а это позволило Мачику безнаказанно «многихжды» «воевать» служилых людей, красть лошадей у чатов и подбивать на «воровство» людей князя Коки¹⁶. И. Петров подчеркивал неодинаковое отношение русских властей к Коке и к Мачику и тем фактом, что воеводы пленных из Улуса Коки всегда «отпускали и ничего животов не имали и шкоты им никакой не чинили», в то время как ясыри из людей Мачика все еще содержатся на аманатском дворе в Томске¹⁷.

Послование И. Петрова, очевидно, закончилось неудачей, ибо весной 1657 г. Кока и Мачик действовали в тесном союзе.

Одновременно с этим воеводы кн. И. Н. Приемков-Ростовский и А. В. Коковинский предприняли попытку перетянуть на свою сторону кн. Мачика, добившись его подданства. Они воспользовались тем, что Мачик прислал выкуп за ясырей (20 «соболишков худых вешних»), и потребовали от его посланцев взамен ясырей оставить в Томске аманатов, что фактически было бы равносильно принятию подданства царю. Но и этот план сорвался: посланцы Мачика отказались исполнить требование воевод, и те были вынуждены не брать выкупа, оставив ясырей Мачика в городе¹⁸.

Не смущаясь неудачей, они еще раз попытались обратиться к подданных царя и Коку и Мачика «купно». Они направили к телеутским князьям посольство во главе с Т. Путимцем с предложением выдать в обеспечение своей верности аманатов, «а ясырь их — жонку и робят — отдадут»¹⁹. Но ни Кока, ни Мачик не собирались становиться «холопами» царя; предложение воевод привело их в ярость; послам не только «в аманатах отказали», но и, ограбя их, морили голодом и хотели «побить до смерти»²⁰.

Таким образом, томским властям не удалось ни расстроить союз телеутских владетелей, ни обратиться к ним (порознь и «купно») в подданных русского царя.

Союз Коки и Мачика привел к усилению разорительных набегов телеутской знати на Томский и Кузнецкий уезды. В от-

¹⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 37, л. 62об.

¹⁶ Там же, л. 63—63об.

¹⁷ Там же, л. 63об.—64.

¹⁸ Там же, л. 64; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 3—4.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 4.

²⁰ Там же.

писке томских воевод в Москву от 12.VII.1657 г. сообщалось, что «белых калмаков князец Кока Абаков и Мачик содиначились, сопча воруют», что их люди отогнали у служилых томичей и пашенных крестьян «многие лошади»²¹. Но самым дерзким из телеутских набегов 1657 г. было нападение на Сосновский острог 21.VI.1657 г. В 7164 и 7165 г. «воровские люди» белых калмыков «приходили многижда» «на государевы пашни» по р. Сосновке²². В конце 1656 и начале 1657 г. в центре новой «государевой пашни» и пашен служилых людей был построен большой острог. Для «обережи» в нем попеременно находилось по 50 служилых людей²³.

Князя телеутов направили сюда «людей своих многих», и те 21 июня отогнали более ста лошадей, принадлежавших служилым и посадским людям, а также пашенным крестьянам. Гарнизон острога во главе с с. б. Р. Копыловым догнал телеутов и «поставил бой». В этом бою сам Р. Копылов и еще 6 служилых были убиты, 3 человека ранены, и служилые томичи отошли «на великую силу» в Томск. После этого набега князя телеутов, уверовав в свою безнаказанность, кочуя всего «в трех днищах» от Томска, похвалялись и впредь «воевать» Томский уезд²⁴.

Дело принимало серьезный оборот еще и потому, что стали известны факты о «ссылках» Коки и Мачика с Лоджан-ханом, который предлагал Коке совершить совместный поход на Томск²⁵.

Воеводы срочно отправили в Сибирский приказ отписку с обзором телеутско-русских отношений за последние годы и в ожидании инструкции Москвы усилили меры по охране уездов. Так, в августе 1657 г. они направили к южной границе Томского уезда отряд с. б. Р. Старкова и Д. Вяткина для предупреждения «безвесного прихода» телеутов. Русские ратники и «воровские телеуты», «съехавшись», «учинили бой». Телеуты были разбиты, потеряв 25 человек убитыми, многих ранеными и двух войнов пленными²⁶.

Однако принятые меры были явно недостаточными: осенью 1657 г. мелкие пограничные инциденты происходили по всей «телеутской меже», телеуты отгоняли лошадей у чатов и русских крестьян²⁷.

²¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 27, л. 47об.—48.

²² Там же, № 26, л. 45—47об.

²³ Там же, № 27, л. 48об.; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 4—5.

²⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 27, л. 48об.; № 38, л. 64об.—65; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 4—5.

²⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 28, л. 51; № 30, л. 55—56; № 35, л. 59об.—60.

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 272—275.

²⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 38, л. 65—65об.; ЦГАДА, ф. 214, стб. 470, ч. 1, л. 69—72.

Только 11 апреля 1658 г. в Томске была получена царская грамота от 2 декабря 1657 г. с инструкцией об отношениях с телеутскими Улусами. Руководство Сибирским приказом и на сей раз предлагало добиваться нормализации отношений с телеутами дипломатическими средствами. Правительство предлагало воеводам Томска направить к Коке и Мачику толковых послов с большим опытом «послования». Послы должны напомнить князьям телеутов об их шерти, подчеркнув обязательства не воевать уездов и не грабить ясачных, а затем перечислить все «вины» князей (набеги, баранту и пр.), квалифицировав все эти акции как «большое дурно».

После этого надлежало предъявить Коке и Мачику следующие категорические требования: 1) «отстать от всяких неправд», «служить и прямить» по шерти; 2) не ссылаться с Алтын-ханом и киргизскими князьями и не заключать с ними союзов; 3) прекратить набеги на города и уезды, не делать «дурна» как русским, так и нерусским подданным царя; 4) выдать главных виновников нападения на Сосновский острог, а остальным учинить «жестокое наказание» и впредь «унимать» своих людей от «воровства»; 5) возвратитъ всех пленников и угнанных лошадей; 6) подтвердить шерть на указанных условиях и выдать аманатов.

Исполнение всех этих требований гарантирует князьям прощение царя («вины их отдати велим»). Если же Кока и Мачик не примут этих условий, то царь велит «послать на них из Казани и из Астрахани и с Терека и з Дону и из дальних запольных рек и из Сибири многих наших ратных людей с вогненным боем и з большим нарядом и их улусы... разорить без остатку, и то им и их улусным людем разоренье будет от себя»²⁸.

Содержание и тон царской грамоты говорят о том, что в Москве, наконец, решили перейти от обороны к наступлению на телеутских князей, дабы не мытьем, так катаньем возвратитъ их в лоно прорусской ориентации. Никогда еще князья телеутов не получали столь категоричных требований от царских властей. Никогда еще последние не возлагали ответственность за все последствия в случае неисполнения предъявленных требований на телеутскую сторону. Но похоже на то, что руководители приказа хотели лишь устроить телеутских князей: разумеется, ни о какой мобилизации ратных людей «с Терека и з Дону» для похода против Телеутской земли ни в Москве, ни в Томске не думали. Ряд требований (выдача аманатов, прекращение «ссылок» с Алтын-ханом и киргизскими князьями и др.) существенно ущемлял суверенитет Больших Улусов, и трудно было ожидать, что они будут безропотно приняты телеутскими князьями, несмотря на их почти ультимативный характер. Да в Сибирском приказе и не питали иллюзий

в этом отношении: не случайно, воеводы получили приказ отдать Мачику «ясырей», *если даже князья телеутов не дадут аманатов*, во избежание осложнений («чтоб за то от них вперед большого дурна не было»²⁹).

В мае 1658 г. «в Телеуты» выехало посольство во главе с пятидесятником Д. Вяткиным. В основу его наказной памяти легло содержание царской грамоты от 2.XII 1657 г., дополненное новыми фактами. Д. Вяткин долго искал Улусы Коки и Мачика, только 20 июня послы прибыли в ставку князя Коки. «Приставы» Юргай и Бельтерек, исполняя приказ Коки, отвели им «резиденцию» «блиско» к его юрте, дабы послам «ниотково никаковы тесноты не было», ибо «все его улусные люди скочевали вместо». Вяткин объявил «приставам», что прибыл говорить о «многих неправдах» Коки и Мачика. Известный нам «дипломат» Коки Бютень попытался уточнить, о чем будут вести речь послы, под тем предлогом, что Кока, согласно этикету, «к себе не емлет» послов в день их приезда и что он, Бютень, «не чужей» Коке, но Вяткин отказался удовлетворить это любопытство. Прием у Коки состоялся на следующий день, 21 июня. На вопрос князя «Для какова дела царского величества воеводы вас, Дмитрея с товарищи, ко мне, Коке, прислали?» Вяткин ответил чтением наказной памяти. Озадаченный ее тоном, Кока попросил отсрочки для ответа до следующего дня, сказав: «о том де яз, Кока и Мачик, с своими улусными людьми подумаем»³⁰.

Но на другой день во время аудиенции, пожаловавшись на воевод, приказавших «воевать» его на Мерети, Кока сообщил послам, что полный ответ им даст лишь на отпуске. Сейчас он ограничился кратким заявлением-обещанием: «что де преж сего бывало и яз, Кока и Мачик, с своими улусными людьми *все покинем*, чтоб де жить вперед царского величества с его великого государя людьми *навеки в совете*»³¹. Доброжелательное отношение Коки к русским послам, его готовность жить в мире и совете с русскими объясняются не столько угрозами царского ультиматума, сколько неблагоприятным для Коки ходом борьбы с ойратами и братьями-сепаратистами. Это же объясняет и проволочки Коки с окончательным ответом русским послам: потерпев уже ряд поражений от врагов, Кока хотел еще раз попытать счастья. Не случайно собрались вместе его улусные люди, не из боязни отместки русских воевод за набег Бебея (так думали воеводы)³² перекочевал Кока снова на левобережье Оби — он готовился к решительной битве с врагами,

²⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 10.

³⁰ Там же, 1658 г., д. 1, л. 5—7; ф. 214, стб. 1567, л. 243—245; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 40, л. 68—69об.

³¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 40, л. 69об.—70; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 7—8; ф. 214, стб. 1567, л. 246.

³² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 38, л. 66об.—67.

²⁸ ЦГАДА, ф. 126, оп. 4, 1657 г., д. 1, л. 1—11.

от исхода которой многое зависело в его отношениях и с ойратами, и с братьями, и с русскими властями: в случае победы он мог занять менее сговорчивую позицию по отношению к требованиям воевод, а поражение, наоборот, диктовало ему большую уступчивость.

В день боя (27.06) Кока приказал взять послов «с кошем» к себе «на степь». На вопрос Вяткина «Для какова дела он к себе емлет?» Кока ответил, что хочет, чтобы они присутствовали «на том бою» против ойратов. Возможно, князь хотел, чтобы послы царя, став свидетелями его победы, заговорили с ним другим языком, но, скорее всего, он рассчитывал на то, что их присутствие в стане Коки окажет психологическое воздействие на противника и поможет победить его. Вяткин, опасаясь осложнений в отношениях русских властей с Джунгарией, воспротивился приказу Коки, заявив: «не для тово они к нему, Коке и Мачику, присланы, чтоб ево, Коку и Мачика, от воинских людей оберегать...» Но как ни упирались послы, телеуты увезли их «с собою силно и лошади дали свои», причем изворотливый Кока предложил им посмотреть бой в порядке, так сказать, взаимной учтивости: дескать, он обещал царю своих воинов «на государеву службу с томскими служилыми людьми посылать. А ныне де он, Дмитрий с товарищи, с ним, Кокою, против черных калмыков на бой поехали и посмотрели б, как у него, Коки с Черными калмыки бой будет».

Как известно, Кока и Мачик снова потерпели поражение. Пострадало при этом и русское посольство: один член его был убит, другой — дважды ранен; у послов отбили 2 коня с вьюками меновых товаров³³.

Только 14 июля подавленный поражением Кока дал прощальную аудиенцию русским послам. На вопрос Вяткина «Какой приказ от него будет?» Кока ответил пространной речью. Вспомнив о своей и отцовской шерти царю, о совместных походах телеутов с русскими войсками против енисейских киргизов, Кока выразил согласие подтвердить свою клятву, но при условии, что шертованье состоится не в Томске, а в его ставке и лишь после возвращения плененных русскими телеутов в его улусы.

Поскольку взаимное доверие томских воевод и телеутских князей еще не было восстановлено (и Кока это прекрасно понимал), то князь предложил вполне приемлемую, по его мнению, для обеих сторон программу действий: 1) в качестве первого шага для восстановления доверия воевод к телеутским князьям Кока отпускает с Вяткиным пленного татарина томской службы; 2) с Вяткиным же он направляет своих посланцев с челобитьем об отпуске из Томска телеутов-ясырей; 3) воеводы высылают с Вяткиным пленных телеутов в Улус Коки; 4) Кока, получив

³³ ААН, ф. 21, кн. 18, № 40, л. 70—71об.; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 8—10; ф. 214, стб. 1567, л. 247—250 (нумерация листов перепутана).

полон, подтверждает шерть и посылает с Вяткиным в Томск «иных добрых людей» в ранге послов Коки и Мачика в Москву; 5) на время поездки Вяткина в Улус Коки с ясырями первые посланцы Коки остаются в Томске в качестве аманатов; 6) как только послы телеутских князей выедут из Томска в Москву, воеводы отпускают заложников домой; 7) если царь «укажет» князьям телеутов впредь давать аманатов, то после возвращения телеутского посольства из Москвы Кока и Мачик пришлют в Томск «аманатов добрых» «на перемену» отпущенным заложникам³⁴.

Войны истощили ресурсы Телеутской земли. Во избежание окончательного разгрома князь Кока бил челом царю об убежище и «береже», чтоб ему... «кочевать на... государеве земле, где он, великий государь, укажет, чтоб ему, Коке, ниотково обиды не было и от его, Кокиных, недругов велел великий государь ево, Коку, оборонить своим государевым томским служилым людям». Уповая на царскую милость, Кока со своей стороны обещал не только уведомлять воевод о нападениях врагов, но и присылать «людей своих на помочь». Кроме того, он предлагал за время поездки телеутских послов в Москву привести в подданство царю саянцев и точей, но просил в помощь для этого русских ратников «с огненным боем»³⁵.

Таким образом, оказавшись в безвыходном положении, Кока и Мачик решили еще раз славировать, заключить военный союз с Россией, заручиться ее помощью и, укрепив свои позиции внутри Телеутской земли, обратиться всеми силами на ойратов, противостоять которым они могли, лишь опираясь на мощь своего северного соседа.

29 июля 1658 г. Вяткин в сопровождении телеутских посланцев прибыл в Томск. Воеводы были удовлетворены итогами его миссии: их устраивали предложенная Кокою программа действий, ибо она давала надежду на превращение института аманатства из исключения в правило (воеводы были уверены, что царь «укажет» телеутским князьям впредь давать аманатов в Томск), т. е. в конечном счете на полное подчинение Телеутской земли.

Воеводы решили немедленно воспользоваться критическим положением телеутских князей: с удивительной оперативностью было снаряжено новое посольство, весьма представительное по составу (11 чел., в том числе Д. Вяткин, К. Капустин, И. Тарлапов и др.), во главе с с. б. Д. Копыловым. Уже 31 июля оно выехало «в Телеуты». С ним возвращались 3 (из 7) телеутских посланца и отпущенные домой ясыри.

³⁴ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 11—13; ф. 214, стб. 1567, л. 250—252; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 40, л. 71—72.

³⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 253—254; ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 13—14; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 40, л. 72—72об.

2 сентября 1658 г. на аудиенции у князя Коки Д. Копылов объявил, что посольство прибыло для приема шерти, и сообщил князю о царском «пожалованье»: «полоненный ясырь» его отпущен, посыл телеутов разрешено ехать в Москву, князья могут слать своих людей в Томск с торгом «безо всякого опасенья». Копылов предложил, чтобы Кока сыскал «грабежный живот» Т. Путимца и других русских послов, и напомнил князю его «уговор» (обещание.— А. У.) объяснить две волости, за что будет вознагражден царем: «А великий государь пожалует ево: велит ему кочевать, где он похочет, на Мерете»³⁶.

Затем была зачитана шертовальная запись, по которой Кока и Мачик обязывались быть «в вечном холопстве неотступно навеки и служить «в правду», не совершать набегов на города и уезды, не чинить обид ни русским людям, ни ясашным и т. п. После этого Кока, Мачик и многие их «лучшие люди» шертовали, «пили золото» за себя и за остальных улусных телеутов. Далее Кока обнародовал состав посольства, объявил цель его (челобитье на Ф. Баскакова, от «изгони» которого Кока якобы «отбегал, жил за Обь рекою года с три» и лишь с прибытием в Томск новых воевод возвратился «блиско Томскова города»), сообщил о подарках, которые высылает с послами в Москву царю.

Кока подтвердил намерение объяснить саянцев и точей и обещал прислать в Томск специальных посланцев для челобития о русских ратниках, «сколько пригоже», которых сами князья поведут против этих «непослушников». Он просил разыскать и прислать лошадей, отнятых служилыми людьми у телеутских посланцев и «торговцев», взамен лошадей, отобранных телеутами у русских послов. В заключение Кока заверил послов, что он «учинил заказ крепкой, чтоб ево, Кокины, люди с государевых людей насильством ничево не отнимали и ссоры не делали»³⁷.

Уже 7 сентября посольство Д. Копылова возвратилось в Томск. С ним прибыли телеутские послы в Москву — Мамруч, Келкер, Дайчин и др.

Вскоре после их отъезда в Москву в Томске появились посланцы Коки — Кожан и Бура с челобитьем, чтобы царь «велел к нему, Коке, прислать своих государевых ратных людей ста с три или з два» для подчинения Саянской и Точинской волостей. Но воеводы смекнули, что русские воины нужны Коке для войны с ойратами: во-первых, посланцы сами проговори-

³⁶ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 1; д. 2, л. 6—7; ф. 214, стб. 1567, л. 262—263, 257, 259 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 41, л. 73—73об., 74, № 44, л. 78—79об.; и др.

³⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 41, л. 74—76, № 44, л. 78—79об. и др.; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 1, л. 1—4; д. 2, л. 2—4, 6—8; ф. 214, стб. 1567, л. 262—268, 257, 259, 260.

лись, что Кока «с черными калмыки хочет управливатца»³⁸, во-вторых, 300 русских ратников могли и без телеутов объяснить точей и саянцев, вооруженных лишь лучным боем. Воеводы заявили, что они без указа «не смеют» послать ратников Коке, «потому что ныне у него, Коки, ссора с черными калмыки и чтобы с ними ссоры не учинить». А затевать войну с ойратами было опасно (у них «улусы великие»), да и «дурна» от них русским людям «никакова не бывало»³⁹. Выход из положения воеводы нашли в том, что пообещали послам Коки запросить решение Москвы по этому вопросу. Хитрость Коки не удалась: военной помощи для борьбы с ойратами он не получил.

Кожан и Бура подняли снова вопрос о возвращении телеутам лошадей, отнятых служилыми людьми на торгах в Томске еще при воеводах Нащокине и Болтне. Кн. Приимков-Ростовский и Коковинский обещали выполнить эту просьбу, «буде сышутца» таковые, но, видимо, и не собирались искать их, так как уверяли послов, что лошадей у телеутов в Томске отнимали «за долги», иными словами, на законном основании. Чтобы успокоить посланцев Телеутской земли, воеводы заверили их, что они, подобно Коке, учинили в Томске «заказ крепкой всяким людям, чтобы они з белыми калмыками ссоры не чинили и за свои старые долги у белых калмыков насильством ничево не отнимали и тем ссоры не делали»⁴⁰.

Итак, вопросы, поднятые Кожаном и Бурой, не получили положительного для телеутов разрешения в Томске. Теперь телеутские князья возложили свои надежды в этом вопросе на переговоры их послов с царским правительством в Москве.

Телеутское посольство выехало из Томска 14 сентября 1658 г. В качестве пристава с ним ехал Д. Вяткин, а в провожатых — 5 казаков. Пристав и провожатые имели наказ следить за тем, чтобы послы «городов не рассматривали и ни с кем ничево не разговаривали», никого к ним не подпускать, самим вести разговоры «костерегательно», хранить их мягкую рухлядь (150 красных лисиц) в сумках, запечатанных «государевыми печатями». Хлебом и мясом послов кормили «как им сытым быть», на каждый день давали по 2 чарки вина и по алтыну денег.

30 декабря 1658 г. посольство (через Тобольск, Устюг Великий, Ярославль) прибыло в «первопрестольную»⁴¹. В тот же

³⁸ Эти слова приписываются то посланцам Коки (ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 18), то воеводам (там же, л. 2; ф. 214, стб. 1567, л. 267). В одном акте говорится, что Кока просил 150 ратников «для оберегания его улуса». (ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 43, л. 78—79).

³⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 1—3, 17—18; ф. 214, стб. 1567, л. 267; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 43, л. 77об.—78; № 44, л. 78—79об.; и др.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 3, 19; ф. 214, стб. 1567, л. 268; и др.

⁴¹ Там же, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 23—25, 46; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 42, л. 75—77об.; Уманский А. Посольство телеутских князей в Москву (1658—1659 гг.).— «Алтай», 1968, № 2, с. 115—124.

день о приезде послов было доложено царю. Знаменательно, что царь указал дьяку Сибирского приказа В. Герасимову «тех калмытцких посланцев ис Сибирского приказу послать в Посольский приказ». Переговоры с ними было поручено вести фактическим руководителям этого приказа, известным русским дипломатам XVII в. думным дьякам Алмазу Иванову и Дмитрию Шубину⁴². Это означало, что Москва признавала телеутских князей суверенными правителями Телеутской земли.

Судя по довольно высоким размерам царского жалованья телеутским послам (они были установлены по нормам для посольства Ирки-муллы, приезжавшего осенью 1658 г. от ойратского хана Аблая)⁴³, царские дьяки сочли возможным приравнять Коку и Мачика в могущественному Аблаю, владения которого располагались на Иртыше по соседству с Телеутской землей и который фактически не зависел в это время от центральной власти в Джунгарии и обменивался послами с русским царем⁴⁴.

После месячного ожидания, 29 января 1659 г. телеутских послов пригласили «на розговор» с А. Ивановым и Е. Юрьевым. Сохранился (правда, неполностью) протокол этих переговоров, позволяющий судить как об их содержании, так и об атмосфере, в которой они проходили⁴⁵.

Прием послов состоялся в Посольской палате Кремлевского дворца. «А как они вошли в Посольскую палату, а дьяки с ними хорошевались»⁴⁶. Затем А. Иванов спросил: «К царскому величеству князцы их, Кока и Мочак (Мачик. — А. У.) челобитную прислали их и о чем с ними речью (устно. — А. У.) великому государю приказали бить челом?» Послы ответили, что князцы их «челобитной и грамоты с ними не послали для тово»

⁴² ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 23. Алмаз (Ерофей) Иванович Иванов возглавлял Посольский приказ в 1653—1667 г.: (ИЭ, т. 5. М., 1964, с. 735—736). Вместо Д. Шубина в переговорах участвовал Е. Юрьев (ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 28 и сл.).

⁴³ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 21—27; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 182, 211—214 и др. Всем членам посольства было жаловано «по сапогам телятинным, по 2 сапоги человеку», послам — «по однорядке червчатой с круживы и з завязки», «по кафтану по камчатному», «по шапке бархатной», по полотну «золотному», а кошеварам — по однорядке и по шапке ценою подешевле. Общая цена жалованья по курсу XVII в. составила около 127 руб. (ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 21—22)

Для отопления «резиденции» послов было «давано по возу дров на неделю», а для «береженья» — 5 стрельцов и сторож с Земского двора. Нормы денежного и «питьевого» довольствия были несколько ниже, чем у послов Аблая (ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 25—27; Уманский А. Указ. соч., с. 120—121).

⁴⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 211—214; ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 21—22, 26—27; и др.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 28—35.

⁴⁶ Хорошевание состояло в том, что дьяк клал руки на плечи посла и спрашивал о его здоровье (там же, ф. 119, 1618 г., д. 2, л. 24—25).

по их де языку у них грамоты нет, а приказали бить челом великому государю словесно»⁴⁷.

Послы изложили суть челобитья. По их словам, Кока и Мачик верно служили покойному и здравствующему государям Руси, но 4 года назад, после того, как телеуты угнали у шегарцев лошадей, «учинилась меж государевых и их улусных людей ссора». Боясь «государевых людей приходу», князцы «ис под государевы высокие руки откочевали вверх по Оби» и только после приезда томских послов возобновили свою шерть и прислали их, Мамрача «с товарищи», бить челом о прощении царю Алексею Михайловичу.

На вопрос дьяков о том, подкрепили ли князцы телеутов свою шерть выдачей аманатов, послы дали отрицательный ответ: «аманатов в Томской они, князцы, не дали, потому что послали к великому государю послов». Дьяки начали было убеждать послов, что их князцы, ценя царскую милость к себе, обязаны дать не обычных аманатов, а «детей от своих прямых жен». Но это требование; обычно вызывавшее отпор у телеутских князей, ничуть не смутило их послов. Наоборот, с неожиданной готовностью они заявили (если верить протоколу) о том, что князцы их будто бы сами приказали им бить челом о согласии давать в аманаты «детей от прямых жен». «Да не токмо, что детей своих,— добавили послы,— хотя де великий государь изволит из них, князцев, ково в аманаты, и они и сами в аманатах быть готовы»⁴⁸.

В этой части переговоров обращает на себя внимание ряд моментов.

1. Дьяки, требуя в аманаты княжеских детей от «прямых» жен, стремились гарантировать царские власти от всяких случайностей, ибо, стараясь обеспечить себе свободу рук, сибирские князцы нередко прибегали к подлогу, давая в аманаты не своих детей, а просто «худородных» людей.

2. Послы, в свою очередь, явно преуменьшили вину своих князей, сведя причины «ссоры» их с русскими властями к единственному случаю отгона лошадей телеутами, и столь же явно упростили историю восстановления прежних отношений с русскими воеводами, сведя ее опять-таки к присылке томских послов. Все это преследовало цель охарактеризовать Коку и Мачика как весьма покладистых людей.

3. Телеутские послы по первому же требованию дьяков, т. е. слишком легко, обещали в аманаты не только княжеских детей, но и самих князей.

В таком поведении послов мы видим определенную тактику, особый расчет: по-видимому, они имели наказ проявить максимум уступчивости в вопросах, связанных с условиями шерти,

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 28—29.

⁴⁸ Там же, л. 29—31.

с тем, чтобы получить некоторые уступки русской стороны по другим, более важным для Коки и Мачика вопросам.

Одним из таких вопросов, ради которых князья телеутов были готовы обещать себя в аманаты, был вопрос о военной помощи Коке и Мачику в связи с их намерением объяснить две волости. Видимо, князья решили добиваться русской помощи под этим предлогом для использования ратников в борьбе с ойратами и родичами-сепаратистами: в этом убеждает весь последующий ход переговоров в течение которого послы не раз пытались поднять этот вопрос. Правда, в челобитье послов фигурировали уже не 300 и не 200 ратников, а только 100, вместо Точинской волости названа Телеская, жители которой, по словам послов, раньше уже платили ясак царю, «а ныне де те телеские мужики кочуют заодно с саянцы»⁴⁹.

Замена точек телесцами, по нашему мнению, была сделана сознательно: князьям телеутов ничего не стоило привести в подданство телесов, уже с 1652 г. кочевавших в их владениях, зато этим актом они могли легко заслужить доверие русских властей.

Но дьяки проявили большую осторожность при обсуждении данного челобитья Коки и Мачика. Сначала они спросили: «Много ль тех саянцов и телеских мужиков и далече ли от их, князцовых, кочевьев?» Послы отвечали, что «саянцов и телеских мужиков с 300 юрт» живут неподалеку от телеутов, а до «больших де людей саянцов», кочующих в верховьях р. Келчи» (Кемчик?— А. У), «ходу... с месяц».

Затем дьяки уточнили численность и местонахождение телеутов: оказалось, что «с 1000 человек» кочует близ Томска, а еще «с 1000» — «в степи на Мерете».

Сопоставив численность телеутов и саяно-телесцев, дьяки, видимо, пришли к выводу, что Кока и Мачик могут объяснить последних собственными силами, без помощи русских ратников, что русские воины им нужны не для этой цели, а, как писали об этом томские воеводы⁵⁰, для борьбы с ойратами. Русское правительство не хотело обострять отношений с джунгарами, и дьяки, по-видимому, замяли этот вопрос (в протоколе это челобитье оставлено без ответа).

Далее послы подняли вопрос об «обидах» телеутов от кузнецкого воеводы Ф. Баскакова. Претензии телеутских князей касались их права на сбор дани с шорцев железом, а также имущества, отнятого у телеутских зверовщиков в конце зимы 1653 г. (имеются в виду лосиные шкуры и пр.) кузнецкими служилыми людьми. «Прежде де сего кузнецкие государевы ясачные люди

платили князьям их ясак железом. А ныне де им те государевы ясачные кузнецкие люди железа не дают»,— жаловались Мамрач и его коллеги. Они просили, чтобы царь приказал шорцам платить дань телеутским князьям железом и чтобы кузнецкий воевода возвратил лосины князьям Имену и Койбасу Абаковым.

Царские дипломаты умело отклонили эти претензии, заявив, что факты, о которых говорят послы, имели место еще «до шерти» их князей, а тогда «с обеих сторон многие зацепки... чинились». Дьяки ограничились неопределенным обещанием на будущее: «А как князцы их ныне учинились под высокою рукою великого государя, и им, князцам, никаких обид от государевых людей не будет»⁵¹. Интересно, что конкретно об «ясачном железе» дьяки снова ничего не сказали, они замяли и этот щекотливый вопрос. Дьяки прекрасно понимали значение кузнецкого железа для хозяйства и военного дела телеутов и поэтому не могли пойти на признание прав Коки и Мачика на сбор дани с шорцев железом, ибо это усилило бы их в военном отношении, нанесло бы ущерб русскому торгу железными изделиями и пр. Кроме того, такое согласие означало бы признание за телеутскими князьями права на дань с шорцев в принципе и узаконило бы фактическое двоеданство шорцев, с чем никак и раньше не мирились царские воеводы.

Любопытно, что послы попытались сохранить лазейку для телеутской баранты, получить «индальгенцию» на возможные набеги в будущем на русские уезды: они предупредили, что если случится «какое... дурно между ясачными и телеутами-найманами», соседними с Кузнецкой землицей, то виноваты в этом будут подгородные кузнецкие татары Кургоят Анбияков и Кокочек Казанаков, которые, якобы, «наводят де их (найманов.— А. У.) на такое дело», а опала царя может несправедливо пасть на телеутских князей. А. Иванов обещал доложить об этом самому царю:

Затем Мамрач и его коллеги попытались снова возвратиться к вопросу о военной помощи их князьям, высказав просьбу, чтобы русскими ратными людьми командовал Д. Вяткин. Но дьяки уклонились от ответа, переведя разговор на другую тему⁵².

История телеутско-русских отношений за последние десятилетия, да и самый ход переговоров, во время которых послы дважды ставили вопрос о военной помощи телеутов, держа в тайне подлинные цели ее использования, с подозрительной готовностью предлагали своих князей в аманаты и пр., по-видимому, не внушали дьякам большого доверия к телеутским князьям.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 31—32; ср. там же, л. 1—2 и 18—19; ф. 214; стб. 1567, л. 267—268; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 44, л. 78.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 2, 32; ф. 214, стб. 1567, л. 268; и др.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 33; Уманский А. Указ. соч., с. 122.

⁵² ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 33—34; Уманский А. Указ. соч., с. 123.

Послы еще били челом царю, чтобы он пожаловал Коку и Мачика: «велел прислать им пищаль винтовальную, да пансырь, да сукон». Эта просьба послов была уважена.

После окончания переговоров телеутское посольство еще около месяца проживало в Москве, пока в Посольском приказе послам готовили проездные документы, писали наказ приставу Д. Вяткину, грамоты томским и кузнецкому воеводам. 23 февраля 1659 г. телеутские послы отправились в обратный путь в сопровождении того же пристава и той же охраны (проводящих), которым было вручено под сохранность царское жалованье — пищаль «турская», две половинки сукна, панцирь и чай «для гостинцы». На все время пути до Томска послам и кашеварам было сохранено довольствие по нормам их московской жизни⁵³.

В грамоте томским воеводам сообщалось о содержании и результатах московских переговоров и была дана инструкция-предписание о том, как строить отношения с Телеутской землицей дальше. Этот документ любопытен во многих отношениях. В констатирующей части грамоты излагалась история шертованья телеутских князей, начиная с Абака, история появления телеутского посольства в Москве, сообщалось о челобитье послов об отпуске вины их князьям. Много места в ней уделено челобитью телеутских князей о пищали, панцире и сукнах. Но ни слова не говорится о челобитье послов насчет военной помощи, об «ясачном железе», о возвращении «живота» И. и К. Абаковым. И это неслучайно: челобитье послов было «словесным», что давало возможность дьякам не фиксировать в грамоте указанные просьбы и решения царских властей по ним, если это было для них нежелательно; самих же послов можно было всегда обвинить в том, что они не били челом по данному вопросу, ибо в грамоте ничего не говорится об этом. (Приказные нередко прибегали к такому приему, когда имели дело с представителями племен и народностей, не знавших письменности.)

Грамота позволяла воеводам «отослать к князьям» царское «жалованье» лишь после того, «как они аманатов в Томской дадут». Воеводы должны были задержать в Томске Мамрача и других послов до тех пор, пока к Коке и Мачику съездит специальный посланец с известием о прибытии посольства из Москвы, о прощении Коки и Мачика царем, о принятии их в русское подданство и присылке им «жалованья»⁵⁴.

Этот посланец должен был тенденциозно изложить ход и итоги переговоров в Москве: ему полагалось сделать упор на то, что, прося царя о прощении, Кока и Мачик обещали даже себя в аманаты, и на то, что царь простил их и пожаловал

дорогими дарами; зато ему надлежало обойти молчанием решения царя по челобитьям о военной помощи, об «ясачном железе», о возвращении лосиных шкур и пр. Абаковым; ему полагалось сообщить в заключение о дополнительных обязанностях телеутских князей, требовавших от них чисто вассальной службы царю: 1) «и где наше государское повеление будет на неприятелей наших и непослушников, и они б с нашими царского величества ратными людьми ходили на них и промысл над ними чинили»; 2) князья телеутов должны были приводить в подданство царю «иных, свою братью» и давать в аманаты непременно детей от «прямых» жен. Только исполнение всех этих условий может гарантировать телеутским князьям «милость», «призренье» и «от неприятелей оборону».

Таким образом, одна из задач специального посланца состояла в том, чтобы «подготовить» князей и напомнить им об отправке аманатов в Томск «на перемену» послам.

Другая важная задача этого посланца носила разведывательный характер: ему надлежало, будучи в Телеутской землице, «разсмотреть и проведать» — действительно ли князья хотят быть в «неотступном подданстве царю, пришлют ли они в аманаты «от прямых жон детей». Если посланец подтвердит подлинность намерений Коки и Мачика и привезет в Томск аманатов, то воеводы могут отпустить в Телеутскую землицу Мамрача и других послов, вручив им («по росписи!») царское жалованье телеутским князьям⁵⁵.

Несомненно, томские воеводы исполнили все указания, содержащиеся в царской грамоте, как только посольство добралось до Томска. Телеутские князья, насколько нам известно по ойратским источникам, прислали в Томск «в приставы или в оманаты для посредства 4-х человек, а именно Тавжия с товарищи»⁵⁶.

Итак, переговоры в Москве завершили серию дипломатических акций, предпринятых русскими властями в 1657—1658 гг. по упорядочению отношений с Телеутской землицей. В итоге их был заключен новый телеутско-русский союз, правда, на условиях, менее выгодных для телеутской знати, нежели союзные договоры прежних лет уже по одному тому, что, по мнению царских властей, князья телеутов согласились давать в обеспечение своей верности аманатов, хотя сами Кока и Мачик, по-видимому, не считали себя связанными подобными обязательствами.

В целом новый договор был выгоден обеим сторонам как в военно-политическом, так и в экономическом плане.

Несомненно, поездка телеутского посольства в Москву в 1658—1659 гг. явилась важной вехой в развитии телеутско-рус-

⁵³ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 43—45; Уманский А. Указ. соч., с. 124.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1; д. 4, л. 1. Но в этом документе («Известие о обидах...») годом присылки Тавжия и других назван не 1659, а 1658 г.

⁵³ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 38, 39, 41, 45 и др.

⁵⁴ Там же, л. 40, 41а, 42, 45; Уманский А. Указ. соч., с. 124.

ских отношений в XVII в. Уже сам по себе факт приема Мамрача, Келкера и Дайчина в Посольском приказе является показателем того значения, которое царское правительство придавало делу нормализации отношений с Телеутской землицей, и той роли, которую оно отводило ее князьям в политической жизни Южной Сибири: русское правительство было вынуждено считаться с Улусами Коки и Мачика как с заметной политической силой и стремилось привлечь их на свою сторону. Этот же факт свидетельствует о том, что оно не признавало зависимости Телеутской землицы от Джунгарии в эти годы. Обеспечение прорусской ориентации телеутских Улусов, как уже отмечалось, было важной задачей русских властей, особенно в условиях кровавой борьбы за ханскую власть в Джунгарии в 1653—1658 гг. Политика России в эту пору имела целью ослабление Джунгарии путем привлечения на свою сторону противников сильной ханской власти: не случайно в конце 50-х гг. XVII в. начались посольские связи России с ханством Аблая. В этом аспекте внешней политики России заключение союза с Телеутской землицей, посольские связи с нею означали известный успех царских властей.

Но переговоры в Москве на самом высоком уровне следует расценивать и как большой успех телеутской «дипломатии». Это была кульминация телеутско-русских посольских связей в XVII столетии: ни до, ни после 1658—1659 гг. послы Телеутской землицы не бывали в Москве. Правда, в конце XVII в. снова возникла идея послышки телеутской миссии в Москву, но она так и осталась неосуществленной⁵⁷.

Переговоры в Москве подняли престиж телеутских князей в глазах других феодальных владетелей Южной Сибири (киргизских, саянских и др.), а также среди их алтайских кыштимов.

Результаты московских переговоров были важны для Телеутской землицы прежде всего в плане ближайших перспектив борьбы ее за ликвидацию кыштимской зависимости от Джунгарии, а также за единство ее Больших Улусов, против сепаратизма удельных князьков. Правда, Кока и Мачик не получили военной помощи, но тем не менее их противники должны были понять, что отныне за Телеутской землицей стоит могущественный союзник, обещающий ей «обереженье» от всех «недрузей». Такую позицию русских властей в отношении Телеутской землицы нельзя недооценивать: какими бы субъективными мотивами ни руководствовалось царское правительство, принимая на себя обязательство «оберегать» Коку и Мачика от их врагов, объективно эта поддержка русской администрации помогла телеутским князьям избежать окончательного разгрома ойратскими феодалами в 1658—1659 гг. Заключив союзный договор с русскими

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 12, л. 2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 228, л. 400; № 248, л. 428 и мн. др.

властями, Кока и Мачик получили возможность возвратиться на правый берег Оби, поближе к Томску и Кузнецку. Здесь они чувствовали себя в большей безопасности от ойратов (Томск, например, находился всего в трех днях пути от кочевий Коки на Мерети), нежели в степях Обского левобережья, где улусам Телеутской землицы пришлось кочевать в течение нескольких последних лет.

Чрезвычайно важным и выгодным для обеих сторон следствием московских переговоров и заключенного между Телеутской землицей и русской администрацией союзного договора было прекращение военных столкновений, нарушавших нормальное течение хозяйственной жизни как в русских уездах, так и в телеутских улусах, уносивших человеческие жизни и обостривших враждебные чувства и настроения друг к другу и у русских и у телеутов.

Урегулирование телеутско-русских отношений в 1658—1659 гг. сразу же сказалось на состоянии экономических связей между русскими уездами и Телеутской землицей — был восстановлен и даже усилился торговый обмен между русскими людьми и телеутами, имевший важное значение для обеих сторон. В таможенных книгах Томска за 1658—1662 гг. содержится значительно больше записей о взятии пошлин с русских людей, покупавших у телеутов лошадей, «рогатых скотин», овец, пушнины и других товаров, нежели когда-либо раньше⁵⁸. Это были годы самого интенсивного торгового обмена между телеутами и служилыми и посадскими людьми Томска. К тому же следует иметь в виду, что меновый торг производился не только в Томске и на подгородном торжище у Кузнецка, но и в Улусах Телеутской землицы, куда для этой цели выезжали русские купцы, служилые люди, где торгом занимались и «государевы послы». И, конечно, объем товарооборота был более значительным, чем это зафиксировано таможенными книгами, так как пошлины удавалось собирать далеко не со всего проданного и купленного русскими людьми товара⁵⁹.

Телеутское посольство в Москву оставило глубокий след в памяти телеутов. Прежде всего посещение столицы великого Русского государства произвело огромное впечатление на самих телеутских послов. Мы полагаем, что в критический период телеутской истории Мамрач и его дети (Баскаул и др.) выехали «на государево имя» в Кузнецк, сделав совершенно сознательно свой выбор в пользу Русского государства, и на это не могла не повлиять поездка Мамрача в Москву. Имена Мамрача и его детей затем, в 70-х гг. XVII в., нередко встречаются в русских актах о «выезжих телеутах» Кузнецкого уезда⁶⁰.

⁵⁸ См., например: ЦГАДА, ф. 214, кн. 392, л. 2об.—3, 12-а, 52 и мн. др.

⁵⁹ С телеутов, как известно, пошлины не взимались.

⁶⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137—138, л. 233об.—237; № 143, л. 247—247об.; № 175, л. 328—330 и мн. др.

Предания о поездке телеутских послов в Москву, правда, уже заметно искаженные, судя по челобитной внука князя Коки — Байгорока Табунова, были живы в памяти телеутов еще в первой четверти XVII в.⁶¹

Конечно, результаты послования Мамрача в Москве не могли удовлетворить телеутскую феодально-племенную знать в целом, ибо не ликвидировали основных противоречий между нею и русскими властями, не оправдали некоторых надежд Коки и Мачика.

Глава V

ОБОСТРЕНИЕ ТЕЛЕУТСКО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В 60—70-х гг. XVII СТОЛЕТИЯ

История взаимоотношений Телеутской земли с русскими властями в конце княжения Коки и Мачика известна плохо. Особенно мало сведений об отношениях с Улусом Мачика. Кроме того, в связи с усилением кыштимской зависимости телеутских Улусов от Джунгарии в это время постепенно нивелировалась та разница в политике царских властей по отношению к Улусу Абаковичей и к Улусу Мачика и то различное отношение этих Улусов к русским властям, которое было достаточно четко заметно до телеутско-ойратских войн¹. Совместная борьба против ойратских феодалов, а также русской администрации (в самом начале этих войн), а затем одинаковое положение кыштимов хана в составе Джунгарии, по-видимому, существенно ослабили противоречия между телеутскими Улусами, хотя едва ли ликвидировали их вовсе. Во всяком случае русские акты этого времени обычно отмечают, что телеутские князья действуют либо сообща, либо порознь, но в одном направлении и в одном «ключе», и почти не фиксируют какой-либо розни между ними. По-прежнему и в это время доминирующее положение в Телеутской земле занимал Улус Абаковичей. Все сказанное выше объясняет почему в нашем изложении основное внимание уделяется контактам русских властей именно с Улусом Абаковичей.

В 1659—1661 гг., т. е. несколько лет после заключения договора, отношения между Телеутской землей и русскими уезда-

ми были мирными и добрососедскими. Процветал меновый торг между телеутами и русскими людьми².

Но уже вскоре телеуты «заворовали», и началась новая полоса напряженных и часто враждебных отношений между Телеутской землей и русскими уездами, длившаяся вплоть до 1679—1680 гг. Общую краткую характеристику начальной стадии этого этапа дал в 1680 г. кузнецкий воевода И. И. Давыдов: «...а как белые калмыки заворовали, ис Томскова аманатов перевели, и за то воровство ис Томска и из Кузнецка были многие посылки войной, и с тех де посылок они (телеуты.— А. У.) с своева житья на инья места отошли, в дальние места во 172-м году»³.

Когда же «заворовали» телеуты? И. Давыдов указывает, что они ушли с Мерети в 172 (1663—1664) г., после того, как за это «воровство» воеводы организовали ряд «посылок» сюда служилых людей; значит, «заворовали» они в конце 1661 или в 1662 г. Эта дата подтверждается другими данными, которые приводятся нами ниже.

Каковы же причины телеутского «воровства»?

Еще в XVII в. было высказано мнение о связи событий 60-х гг. XVII в. в Южной Сибири с восстаниями башкир в Приуралье и подстрекательством ойратских феодалов. Так, красноярский воевода в те годы писал «... а чайть... та шатость учинилась во всех иноземцах по ссылке и по заводам изменников Удненских, Башкирцев и колмацких тайшей, которые воуют в Сибири, и почала у них ныне быть ссылка с здешними сибирскими украинными со всеми иноземцы»⁴. Нам не удалось обнаружить непосредственных связей между событиями в Башкирии и Западной Сибири в 1662—1665 гг. и событиями на Алтае в эти годы. Не исключая целиком и полностью возможность подстрекательства телеутов ойратским феодалами, мы тем не менее считаем, что такая возможность маловероятна, так как Телеутская земля воевала с ними в конце 50-х и в начале 60-х гг. XVII в. Следовательно, причины телеутского «воровства» в начале 60-х гг. надо искать в области взаимоотношений ее знати с русской администрацией.

Не лишено любопытства то объяснение причин обострения телеутско-русских отношений в 60—70-х гг. XVII в., которое давала телеутская сторона, в частности сам князь Табун Кокин, принимая в январе 1678 г. русского посла с. б. В. Бубенного.

Первостепенной причиной телеутско-русских раздоров в начале 60-х гг. князь Табун считал уклонение русских властей от исполнения своих союзнических обязательств по отношению к Телеутской земле, а именно отказ царя помочь князьям в

⁶¹ Байгородок рассказывал, что будто бы в Москву ездил сам его дед, т. е. князь Кока, «со знатым томским дворянином»; он якобы был принят царем и пожалован его милостью. (*Памятники Сибирской истории XVIII века*. Кн. II. 1713—1724. СПб., 1885, № 77, с. 295—296).

¹ Тем не менее в составе Джунгарии Телеутская земля и в эти годы сохраняла значительную самостоятельность. Именно это и позволяет отдельно рассматривать телеутско-русские отношения в 60—70-х гг. XVII в., независимо от русско-ойратских отношений.

² Уманский А. К вопросу о русско-телеутской торговле в XVII в.— Матер. науч. конф., посвящ. 50-летию образ. СССР. Вып. 3. Томск, 1972, с. 268—270.

³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 163, л. 306об.—307.

⁴ ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 4, с. 39.

борьбе с Сахылом Кулиным. Выше мы уже приводили в другой связи слова Табуна о том, как он просил у царя «людей на помощь битца с Сакилем» и как «великий государь Табунку людей не дал», отчего «с серцов» князь «посылал под Томской город людей своих войною и на уезд».

Другую причину Табун видел в том, что томские воеводы предоставили убежище и оказали помощь врагу Коки и Табуна Чаткаре (Чату или Чоту Карою?), который «ис Томсково войну поднял» и разорил и Коку и Мачика, как уже упоминалось выше.

Еще одной причиной князь считал отказ томских воевод в выдаче ему перебежчиков — «выезжих телеутов» из Томска и Кузнецка: «А какие де люди от нево, Табуна, в Томской бегали и ему изменили и тех людей ис Томсково ему, де Табуну, не отдают».

Важное место в обострении телеутско-русских отношений занимало обладание охотничьими угодьями. Виновниками этой «сердеки» из-за угодий Табун считал «выезжих телеутов» Мамрача, Балыка Кожанова и др. Он склонен был вообще возложить на Б. Кожанова всю ответственность за телеутско-русские распри второй половины 60 — начала 70-х гг. XVII в., полагая, что «ссора де и смута вся от нево была, Балыка»⁵. И еще много лет спустя, в 1685 г. Табун уверял русского посла М. Ржицкого, что во вражде между Томском и телеутами виноват Б. Кожанов («А смучал де нас з городом холоп наш, живучи в Томском, белой выезжий колмак Балык»...)⁶.

Во многом Табун винил и томских воевод, приверженцев военных мер борьбы с телеутами («А преж сево были начальники в Томском свирепые»...), особенно кн. Д. А. Бярятинского, которого так и называл «свирепым воеводой» («А свирепый де воевода съехал...»)⁷.

Эти объяснения причин телеутско-русской «конфронтации» в 60—70-х гг. XVII в. в их телеутской трактовке не лишены наивности, желания обелить телеутскую сторону, свалив всю вину за состояние телеутско-русских отношений на царскую администрацию и т. п. Но нельзя отрицать и того, что ряд причин Табун видит в сфере материального производства («сердека» (вражда) из-за промысловых угодий), в политике томских воевод, царского правительства (отказ в помощи ослабленному борьбой с ойратами Коке, поддержка сепаратиста Чаткары Торгоутова, отказ в выдаче перебежчиков и др.).

Что касается русской стороны, то ее объяснения причин долголетней конфликтной ситуации между Телеутской землицей и русскими властями сводились в основном к одному — к измене

⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245об.— 248.

⁶ Там же, № 180, л. 338.

⁷ Там же, № 143, л. 246об.— 248.

телеутских князей, нарушению ими своих обязательств по шерти и т. п. Воеводы при этом даже не задавались вопросом: а чем, в свою очередь, вызвана сама измена князей, какая у нее подоснова, каковы те объективные и субъективные факторы, которыми руководствовались князья, нарушая данную ими же самими шерть русскому царю?

Мы полагаем, что одной из причин обострения телеутско-русских отношений в начале 60-х гг. было недовольство телеутской знати тем, что договор 1659 г. ставил ее в зависимое положение от царских властей, о чем свидетельствует превращение томскими воеводами телеутских приставов «для посредства» в аманатов. Князья телеутов никогда не мирились с таким положением.

Другой причиной создавшегося положения было невыполнение царской администрацией своего обязательства по «обереже» Телеутской землицы от ее врагов. Воеводы, как мы знаем, имели строгий наказ «не задиратца» с ойратами, всячески избегать акций, которые прямо или косвенно могут осложнить отношения с Джунгарией и т. п. и неукоснительно исполняли этот наказ, в чем можно убедиться, припомнив позицию русских властей в связи с просьбами Коки о военной помощи в 1658—1659 гг. Неудивительно, что и в начале 60-х гг. томские воеводы отказали Коке и Табуну в военной помощи, когда последним понадобилось «битца с Сакилем»⁸, что вызвало разочарование и недовольство телеутской аристократии.

Важной причиной разрыва телеутско-русских союзных отношений и перехода к враждебности явилось вмешательство царских воевод во внутренние дела телеутских Улусов, причем на стороне врагов Коки и Мачика. Это вмешательство, по-видимому, имело место в начале телеутско-русских раздоров и выразилось в том, что томские воеводы предоставили убежище противнику кн. Коки и Табуна — князьку Чаткаре Торгоутову и, вероятно, оказали ему военную помощь; не случайно Табун позже корил их за то, что Чаткара именно «ис Томсково войну поднял и отца ево (Коку.— А. У.) и ево, Табунка, совсем разорили»⁹.

Третью причину мы видим в резком обострении в начале 60-х гг. противоречий из-за феодально-зависимого населения. В результате неудачных войн, которые вела Телеутская землица, эпизоотии скота, голода и мора в телеутских Улусах в самом конце 50-х и в начале 60-х гг. XVII столетия несколько десятков телеутских семей из улусов Коки и Мачика в 1661—1662 гг. приняли русское подданство при условии уплаты льготного яса-

⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245об.

⁹ Там же, л. 146. Точная дата этого события неизвестна, но есть основания считать, что оно имело место не позже 172 (1663—1664) г.

ка и несения военной службы, переселившись в Томский и Кузнецкий уезды¹⁰.

Хотя мы не располагаем документальным подтверждением того, что Кока и Мачик требовали от воевод Томска и Кузнецка выдачи им перебежчиков («выезжих телеутов»), но сомневаться в этом не приходится, во-первых, потому, что князь Кока в 1652—1653 гг. упорно добивался выдачи ему значительно меньшей по численности группы телеутов, бежавших от него в 1651 г. в Кузнецк, и, значит, тем более не мог легко поступиться большим числом своих подданных; во-вторых, уж если Табун много лет спустя после событий 1661—1662 гг. ставил вопрос о возвращении телеутских перебежчиков начала 60-х гг. перед русскими послами В. Бубенным (в 1678 г.)¹¹ и М. Ржицким (в 1685 г.)¹², то тем более этого должны были добиваться Кока и Мачик по горячим следам. Однако перебежчики не были возвращены Коке и Мачику. Продолжал борьбу за возврат «выезжих телеутов», как мы видели, и князь Табун, но также не имел успеха.

Обострилась борьба между царскими властями и телеутской знатью из-за дани и двоеданцев. Воеводы, считая по букве шерти 1658 г. Коку и Мачика подданными царя, запрещали им брать дань с их же кыштимов, которые были в то же время ясачными людьми царя, принимать и укрывать в Телеутской землице беглых ясачных и т. п. Телеутская элита была недовольна этими стеснениями в ясачном вопросе и отказом воевод выдать перебежчиков, тем более что князья телеутов сразу же после шерти в 1658 г. возвратили телесов на прежние кочевья на Алтын-озеро, и те снова стали платить ясак в царскую казну¹³.

Наконец, с самого начала 60-х гг. усилилась борьба за промысловые угодья в междуречье рек Берди и Ини (Таволган) и в Чернолесье, которые Табун и его улусные люди считали собственностью Улуса Абаковичей. До 60-х гг. в этих урочищах изредка появлялись русские промышленники и чаты, нарушая тем самым право собственности Телеутской землицы. С начала 60-х гг. Табун и его люди стали считать такими же нарушителями и «выезжих телеутов», которые продолжали добывать здесь пушного зверя для уплаты льготного ясака царю. Но на первых порах столкновения происходили эпизодически, не сопровождались человеческими жертвами, являясь частным делом отдельных зверовщиков, а затем, во второй половине 60-х гг., видимо, прекратились вовсе, так как Табун со своими людьми в это

¹⁰ Уманский А. К истории появления «выезжих белых калмыков» (телеутов в сибирских уездах в XVII веке). — Научные тр. НГПИ. Вып. 45. Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1970, с. 3—21.

¹¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246.

¹² Там же, № 180, л. 338.

¹³ Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли.... Спб., 1774, кн. IV, § 6, с. 460.

время кочевал в среднем течении Алея и Чарыша, его люди почти не появлялись в названных урочищах; их активно эксплуатировали «выезжие телеуты», чаты, русские. Возвращение Табуна на правобережье в начале 70-х гг. снова обострило борьбу за угодья, особенно между людьми Табуна и перебежчиками.

Таковы, по нашему мнению, основные причины телеутско-русских конфликтов в 60—70-х гг. XVII в. Что касается жесткого курса воевод в отношении телеутов («свирепость»), который Табуном возведен в ранг причины, то он порожден отказом телеутской знати от мирного решения спорных вопросов, набегами на уезды, барантой и т. п. Разумеется, нельзя видеть причину «смуты и ссоры» в каких-то происках Балыка Кожанова: дело не в нем, а в боязни телеутской знати, что примеру «выезжих телеутов» могут последовать многие улусные люди «землицы».

«Воровство» телеутов Табуна началось уже в 1662—1663 гг., когда, судя по жалобе томских воевод послам хана — Мулле и Балбану, а затем русскому послу с. б. В. Литасова самому хану Сеньги, люди Коки и Мачика ходили «войною» на оба уезда¹⁴. Не посчитавшись с ханской «жесточью», они продолжали набеги на уезды и позднее. Из челобитной служилых кузнецан известно, что в 173—175 гг. (1665—1667) «воры и изменники Белые Калмыки у кузнецких служилых и у всяких чинов людей многих лошадей отогнали»¹⁵. В 181 г. воевода Кузнецка Л. Доможиров жаловался на то, что «в прошлые годы непослушники и изменники белые калмыки Кокина улуса Кока Абаков и сын его Табун и их улусные люди приходили под Кузнецкой острог войною большими людьми и воровски тайно и служилых людей и татар и ясачных людей побивали», отгоняли у них коней и пр.¹⁶ То же самое происходило и в Томском уезде. В 1669 г. посол М. Ржицкий выговаривал хану Сеньги, что «в прежних годах теж Кокины люди под Томском много воровали, монастырь и деревни разоряли, и людей побивали, и лошади и рогатый скот отгоняли», а в 1668 г. разорили монастырскую деревню Пачу под Томском и т. п.¹⁷.

Таким образом, до конца 60-х гг. не прекращались баранта, набеги и даже крупные военные походы телеутов на русские уезды.

Естественно, что эти действия Коки и Мачика вызвали ответные «посылки войной» из Томска и Кузнецка, о которых говорил И. Давыдов. В 1663—1664 гг. в район Мерети было

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 646, л. 83—92об., 94.

¹⁵ ДАН, т. VI, Спб., 1857, № 93-XI, с. 32.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 611, л. 151.

¹⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 101-б, л. 176—180; ДАН, т. V, Спб., 1853, № 92, с. 420.

совершенно не менее двух походов. Один из них (в 1663 г.) совершили кузнечане¹⁸.

Другой поход (в 1664 г.) был предпринят, по ойратским данным, из Томска против аймака Бойдона, Цороктоя и Нилхая¹⁹.

Положение, в котором оказался князь Кока, «раздружаясь с Россианами» (И. Фишер), закономерно привело его к миру с ойратами, возвращению в кыштимство (1663 г. по И. В. Щеглову)²⁰, хотя до конца дней своих он не проявлял полной покорности хану. Тем не менее, Сеньги взял под защиту телеутских князей-кыштимов: стал требовать от воевод и царя выдачи «выезжих телеутов» и т. п. Эта поддержка князей ханом Джунгарии помешала русским воеводам объясачить Телеутскую землю в 1662—1663 гг. по частям «миром и ратью».

Походы русских отрядов на Мереть заставили Коку и Мачика переключать с правого берега Оби в степное левобережье (1664 г.)²¹. Именно отсюда в 1665—1669 гг. совершались систематические набеги телеутов на русские уезды. Частые стычки между отрядами телеутов и русских привели к полному прекращению русско-телеутской торговли. Такое положение сохранялось до самой смерти Коки (ок. 1670 г.). И хотя последний в конце своей жизни, по-видимому, снова начал борьбу против кыштимской зависимости от Джунгарии, это не привело к миру с Россией: телеуты продолжали совершать набеги на уезды. Чтобы уцелеть в этой борьбе на два фронта князю Коке, по данным И. Фишера, приходилось обычно укрываться «в дальних местах», в степи, где он и умер²². После смерти Коки в Улусе Абаковичей вокняжился Табун.

Старший сын Коки князь Табун был последним выдающимся князем Телеутской земли. Подобно деду и отцу, он возглавлял Улус Абаковичей около 30 лет (ок. 1670—1697 гг.). Табуну пришлось действовать в еще более сложных, нежели его отцу, условиях, когда Русское государство и Джунгария усилились, а телеутские Большие Улусы, наоборот, стали еще слабее. О причинах ослабления Телеутской земли мы уже частично говорили выше и здесь не будем повторяться. Добавим только, что известную роль в ослаблении материальной базы Телеутской земли сыграли и военные потери, которые последняя понесла в годы борьбы Коки и Мачика против Джунгарии и Русского государства. При тех материальных и людских ресурсах, кото-

рыми располагали Табун и Мачик в начале 70-х гг. XVII в. успех дела в отношениях с соседями чаще решали не военные, а дипломатические средства. И Табун продолжал тактическую линию деда и отца, постоянно лавируя между двумя могучими соперниками — Россией и Джунгарией. Личные качества Табуна вполне соответствовали времени и потребностям телеутской знати: подобно отцу, он стал старшим в Улусе князем уже в зрелом возрасте, имея за плечами большой жизненный опыт, а также опыт политика, дипломата, военного предводителя; в последние годы жизни отца Табун, видимо, был фактически соправителем Коки, что нашло свое отражение в русских актах, где телеуты Улуса Абаковичей именуются «Кокиными и Табункиными»²³. Табун отличался большой изворотливостью, хитростью и в то же время жестокостью, он беспощадно устранял своих политических противников²⁴.

Все это помогло ему сохранить значительную самостоятельность Улуса Абаковичей в рамках Джунгарии еще в 80—90-х гг. XVII в., когда киргизские князьки ее уже безвозвратно утратили, попав в полное подчинение джунгарскому Галдан-хану.

Табун продолжал борьбу отца против ойратского кыштимства, чему благоприятствовала смерть хана Сеньги и начавшаяся в Джунгарии междоусобная борьба за ханский трон. Но против него выступил давний враг Телеутской земли и верный страж интересов Джунгарии в Обь-Иртышском междуречье тайша Сакул Кулин. Тогда Табун обратился за помощью к томским воеводам, но так как воеводы не хотели вступать в конфликт с Джунгарией, получил отказ²⁵. Вероятно, в поисках спасения от ойратов Табун в это время снова переправился со своими улусами на правый берег Оби. Первыми сведения об этом привезли служилые люди Н. Шибалин и Г. Бедарев, ездившие в Керсагальскую волость в начале лета 1671 г. По их донесению, Табун кочевал «по сю сторону Оби реки», на устье Чумыша вместе с Мачиком²⁶. Мачик всего год назад активно помогал хану Сеньги в подготовке похода на русские города. В ноябре 1670 г. в Кузнецке стало известно, что «Сеньга-тайша поднимаетца войною с своими воинскими людьми, с черными и з белыми колмаки под Кузнецкой острог и уезд воевать». Когда Мачик узнал, что кузнечанам об этом сообщили керсагальцы, он лишил их возможности предупредить о приходе Сеньги кузнецкого воеводу: услышав, что с такой вестью в Кузнецк выехал керсагалец Урускай, Мачик догнал и схватил Урускай;

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246; ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 30б.—4.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 10б. Видимо, в акте ошибка: аймак Бойдона и группа «Чойковых детей» обитали на устье Чумыша, куда в 1663 г. совершил поход кузнецкий отряд с. б. Р. Грожевского. (См.: ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 46—47, 50—54).

²⁰ Щеглов И. В. Хронологический перечень..., с. 117.

²¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 163, л. 306об.—307.

²² Фишер И. Указ. соч., с. 471.

²³ За это говорит и тот факт, что Чаткара Торгоутов в 60-х гг. «поднял войну *«на нево, Табунку»*, а разорили не только Табуна, но и *«отца де ево»*. (ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246).

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 360—361; ДАИ, т. VI. Спб., 1857. № 93-XII, с. 323

²⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245об. и сл.

²⁶ Там же, кн. 18, № 96, л. 168об., № 98, л. 169—170.

его семья и еще 8 керсагальских семей были отправлены к Сеньги-хану, кроме того, Мачик конфисковал у керсагальцев всех лошадей, чтобы им невозможно было во-время «весть подать» в Кузнецк²⁷.

И вот сразу же после смерти Сеньги Мачик откочевывает далеко от ханской Урги, к Табуну, что мы объясняем его стремлением, воспользовавшись усобицами в ханстве, освободиться от ойратского кыштимства. Но такая позиция неизбежно должна была привести Мачика в лоно прорусской ориентации — третьего пути не было дано. И вполне возможно, как мы предположили выше, и Мачик и Табун даже шертовали царю, чтобы получить от него «обережу» и военную помощь против ойратов. Отказ воевод в помощи телеутским князьям послужил предлогом для организации ими набегов на Томский и Кузнецкий уезды (...«и он де, Табунко, не смог с сердцов, что де ему великий государь людей не дал, и он де, Табунко, посылал под Томской людей своих войною на уезд»²⁸), — так объяснял сам Табун В. Бубенному причины телеутских набегов в начале 70-х гг. XVII в. на русские уезды).

Уже летом 1671 г. телеуты Табуна «тайным воровским обычаем» отгоняют скот у крестьян и служилых, грабят и «емлют» к себе ясажных в Кузнецком уезде, и гарнизон бьет челом воеводе М. Б. Доможирову об организации совместного с томичами похода, чтобы «тех воров белых калмаков смирить». Челобитчики пугали воеводу походом, который якобы готовит против Томска и Кузнецка князь Табун, и перспективой «отстать» от службы и «в конец погинуть» из-за разорительных телеутских набегов. Когда Доможиров обратился с предложением о совместном походе против телеутов к томским воеводам, последние не поддержали этой инициативы, но прислали в Кузнецк годовальщиков, пороху и свинца и, видимо, разрешили воеводе Кузнецка самостоятельно нанести удар по Телеутской земле²⁹. И такой удар кузнечане нанесли Табуну в 1672 г., когда, если верить «Известию о обидах», были «побиты теленгуты Замахашка и с ним 50 кибиток людей...»³⁰.

Томичи также не оставались в стороне от борьбы. Позднее (в 1678 г.) Табун Кокин утверждал, что они «многжда» «приходили войной» на его улусы и перечислил ряд фактов, правда, без указания точных дат. По его словам, после похода Чата Кары томичи «убили у нево (Табун.— А. У.) лутчих людей. Уделея и Тубана и жен и детей в полон поймали»³¹. Видимо, князь тут имел в виду походы томичей начала 70-х гг.

Но Табун не остался в долгу. Третьего июня 1673 г. отряд

телеутов («человек со сто и больши») совершил набег на ряд деревень Кузнецкого уезда — была сожжена деревня Д. Шебалина, служилый человек Тихонов при этом был сожжен в избе во всей семьей («сам-девять»), у казака С. Недорезова сожжен «авин» (овин — А. У.), убито 3 ясажных, некоторые ранены, другие взяты «в полон»³².

Сразу же после этого набега служилые люди Кузнецка обратились с челобитьем к воеводе Л. Доможирову. Отметив «воровство» и бесчинства телеутов, грозящие служилым «конечным» разорением, они просили воеводу разрешить им «поиск над этими ворами. Не ожидая разрешения свыше, тот организовал и отправил против «воровских телеутов» отряд из 250 воинов во главе с атаманом И. Бедарем, дабы привести их в подданство. Улус «воров» был обнаружен «на Усть-Чюмышу реке», в нем насчитывалось 50 юрт, главой улуса был князец Иван (Имен?) Абаков. Сначала толмач И. Савинов предложил телеутам добровольно принять подданство, выдать аманатов, но те «розговору не послушали», стали стрелять в русских ратников из луков, причем был ранен («в шоку») сам атаман. Тогда кузнечане открыли огонь. В бою, благодаря численному и техническому превосходству, отряд И. Бедаря наголову разбил телеутов: многие мужчины были ранены и убиты, а семьи их, в том числе сын Ивана Абакова — князец Бол «с женою, з детьми и с матерью» были уведены «в полон»³³. Судя по всему, Табун имел в виду поход И. Бедаря в 1673 г., когда, по его данным, кузнечане «побили Кызбухту да Мамрача Кохтенева да Ивана лутчих людей с улусными людьми и жен и детей их поймали», но почему-то он датировал это событие 180 (1671—1672) г.³⁴

Тогда же или несколько раньше похода И. Бедаря отряд томичей, действуя самостоятельно, выше по Чюмышу, «побил», по словам Табуна, Буйлачака и «небольших людей» Табуна³⁵.

³² ЦГАДА, ф. 214, стб. 611, л. 151—152; ДАН, т. VI, Спб., 1857, № 93-III, с. 314—315.

³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 611, л. 152—157об.; ДАН, т. VI, № 93-III, с. 314—315.

³⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246об. В 1959 г. на оз. Кокуйском (старика в устье Чюмышу) нами обнаружено городище, имевшее 2 вала и ров. Внешний вал был укреплен частоколом, узкий проезд в городище закрывался деревянными воротами. Во время раскопок в проезде городища были обнаружены обугленные столбы, а на дне рва — толстый слой угля, золы. По всем данным, частокол и ворота были сожжены во время осады городища. Мы считаем, что телеуты во второй половине XVII в. (в частности, в 1663 г. (группа Бойдона) и в 1673 г. (Иван Абаков со своим улусом) использовали городище Хара-Хулы (1621 г.), расширив и укрепив его. Сожжено городище было скорее всего в 1673 г. И. Бедарем, ибо после пожара уже не восстанавливалось. (Уманский А. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ — «кокуев». «Вопросы археологии Сибири». Новосибирск, 1972, с. 47—59. (Науч. тр. НГПИ, вып. 38).)

³⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246—246об.

²⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 88, л. 160об.—161об.

²⁸ Там же, № 143, л. 245об. и сл.

²⁹ Там же, № 96, л. 167об.—168; № 98, л. 169—170.

³⁰ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 4.

³¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246.

Однако походы томичей и кузнечан не прекратили телеутских набегов. Много беспокойства причиняли отряды Васьки Кривого и Ивана Бия³⁶. Челобитные кузнечанских служилых людей этих лет полны жалоб на них: в 181 г. они «в деревнях людей... и в житницах хлеб пожгли, и лошадей и рогатый скот отогнали, и ясачных людей побили»; в 182 г. «Табунковы люди» снова отгоняли лошадей и рогатый скот. Из-за этих набегов, по словам челобитчиков, у них «хлеба не жаты, снегом запали, а которые... и пожаты были и те де в суслонах погнили»³⁷.

Аналогичное положение создалось и в Томском уезде, куда телеуты Табуна «воровским вымыслом многижда» приходили и «ратных людей по сторожам и пашенных крестьян и всяких чинов людей на пашнях побивали и конские стада и всякой рогатой (скот) отгоняли»³⁸.

В конце 1673 г. в набеги на Томский уезд включились «выезжие телеуты», бежавшие из Томска — князец Ирка Уделеков и некий Баскаул. На их измену явно повлияла активизация враждебных действий телеутской знати в начале 70-х гг. XVII в. Ирка и Баскаул для своего бегства воспользовались подкочевкой к Томску тайши Донжина, владевшего 5 тыс. улусных людей. В мае 1673 г. он прислал в Томск посла Баташа с просьбой о «повольном торге» и обещанием служить царю. Опасаясь такого соседства, томские воеводы отправили к Донжину с Баташем В. Бубенного, С. Бурлакова и И. Уделекова, которому «колмацкая дорога за обычай», с требованием, чтобы тайша откочевал подальше от города во избежание «тесноты и разорения». При пословании у Донжина кн. И. Уделеков перешел к ойратам, тогда же бежал из Томска Баскаул³⁹. Томский воевода кн. Д. А. Барятинский отправил погоню за беглецами и ойратами — отряд во главе с Р. Старковым. Догнав их «за Обью рекою в Калмыцкой земле» (на речке Илеусе — А. У.), в 7 дней пути от Томска, Р. Старков дал им бой. В ходе боя томичи «побили» и ранили многих ойратов и некоторых из беглецов, «кошь их и лошади отбили», полонили сына кн. Ирки-Шама, но самому Ирке и Баскаулу удалось спастись бегством в глубь Телеутской земли⁴⁰.

Тогда, по совету братьев Кожановых, для поиска изменников воевода послал вверх по Оби большой отряд (250 чел.) под командованием П. Лаврова (ноябрь 1673 г.)⁴¹.

К этому времени кн. Табун развернул широкую борьбу против русских властей на всех уровнях. Буквально на 3-й день после погрома улуса И. Абакова кузнечанами Табун, как известно, обратился за помощью к Кегеню-кутухте, «с кем воевать Кузнечкой острог и уезды»⁴². В середине сентября Табун получил от хана 200 воинов-ойратов и, находясь еще «у Бийских вершин», отправил в свой улус авангард под командованием двоюродного брата — Кечюя Торгоутова с приказом «его, Табунковым, людем всем конным и пешим со всех мест... быть в одно место, к нему, Табунку, в улус», где у него уже стояло «в сборе ноне конных и пеших 200 человек»⁴³.

В 1673 г. Коронай Тайчи (зять Табуна), ехавший во главе телеутско-ойратского отряда «красть лошадей» под Кузнечк, схватил возвращавшихся из Кузнечка керсагалыцев Уруска (Уруская — А. У.), его сына и улусного человека Мелгеду. Все трое были убиты как агенты царских властей (они ездили в Кузнечк «извещать» про «воров Белых Калмыков и про иных воров»). Тогда керсагалыцы, «собрався за кровь Урускову и сына его и улусного человека Мелгедейка», напали на Коронай Тайчи, убив 2 и ранив 8 черных калмыков⁴⁴.

В том же году люди Табуна на р. Чарыше ограбили барабинцев, везших алман контайше, отпустив их в свои волости пешими: поскольку барабинцы были двоеданцами, то можно считать, что эта акция была направлена и против русских властей⁴⁵.

Узнав о движении отряда П. Лаврова, Табун выступил ему навстречу и закрыл дорогу в глубь Телеутской земли. Хотя в бою телеуты были разбиты и понесли заметные потери⁴⁶, но не допустили томичей до тех мест, где, по мнению Кожановых, могли укрываться «воры и изменники» («опричь де тово места... детца негде») ⁴⁷.

Таким образом, Табун взял под свою защиту беглецов из Томска. А вскоре он привлек их к участию в набегах на Томский уезд. Уже в конце 1673 г. Ирка «вверх по Томи русские деревни и пашни повоевал и выжег и многих русских людей побил и в дворах сжег»⁴⁸. Затем он установил контакты с И. Баем и другими организаторами телеутских набегов. Русские акты конца 1673 — начала 1674 г. постоянно отмечают,

³⁶ ДАИ, т. VI. Спб., 1857, № 93-III, с. 318; ЦГАДА, ф. 214, кн. 1400, л. 163.
³⁷ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1400, стб. 886, л. 357—358; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 116, л. 194об.—196об.; ДАИ, т. VI, № 93-XI, с. 321.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 358; ДАИ, т. VI, № 93-XI, с. 321; т. VII, Спб., 1859, № 72-III, с. 335; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 116, л. 194об.—198об.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 347—349.

⁴⁰ Там же, л. 350 и сл.; стб. 623, ч. I, л. 463.

⁴¹ Там же, л. 356—357; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246об.

⁴² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 110—111, л. 186—188; ДАИ, т. VI, № 93-VIII, с. 316.

⁴³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 110, л. 186об.—187об.

⁴⁴ Там же, № 111, л. 187об.—188об.; ДАИ, т. VI, № 93-VIII, с. 316—317.

⁴⁵ ААН, кн. 18, № 150, л. 258.

⁴⁶ Там же, № 143, л. 246об.; ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 356—357.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 356—357.

⁴⁸ Кузнецов-Красноярский И. Исторические акты XVII столетия, вып. 2. Томск, 1897, с. 84—85.

что «Боскаулко и Иркачка кочуют от Томского не в дальних местах и свещаютца де с Белыми Калмыки, с Табунком и его улусными людьми, хотят приходить под Томской и Кузнецкой войною»⁴⁹.

Собрав известия о подготовке этих походов, Д. Барягинский решил нанести телеутам «превентивный» удар. Весенней порою 1674 г. он отправил против кн. Ирки и других изменников отряд Р. Старкова, но на защиту их снова стали люди Табуна и, «не допустя» до них, дали бой томичам. Последние одержали верх и в этом бою, взяв в плен «человек с 400 и больши» «жен и детей», но все-таки были вынуждены оставить Телеутскую землю⁵⁰. По признанию Табуна, он потерял на этой «вешней службе» «лучших людей» Азея Тумакова, Караголя и многих рядовых телеутов⁵¹. Это было, по-видимому, самое крупное столкновение между телеутами и русскими ратниками в XVII в.⁵²

Но и это поражение телеутов не остановило их. 24 июня 1674 г. Баскаул и другие совершили налет на томские деревни и «на пашнях убили служилых людей 5 человек, да казачьих детей 6 человек, да посадских людей 4 человека, да пашенных крестьян 6 человек, да выезжих белых калмыков Балыка Кожанова з братьями и з детьми 5 человек, да сожгли 6 дворов»⁵³.

В погоню за Баскаулом бросился отряд Р. Старкова. Он настиг налетчиков на переправе через р. Томь. Завязался упорный бой, дело дошло до рукопашной, обе стороны понесли заметные потери («Табунковых людей многих побили, а цных переранили и в Томе реке многие перетонули»; томичи потеряли 7 человек убитыми и 20 ранеными), но служилые люди отбили у телеутов «животы их и лошади и всякой скот»⁵⁴.

Ответные удары воевод были чувствительны для телеутской знати, поэтому она стремится объединить все телеутские улусы для борьбы с царскими властями. Табуну, в частности, удалось привлечь к совместным действиям кн. Мачика, который осенью 1674 г., по сведениям ездившего в Джунгарию В. Бубенного, стоял «в скопе» «неведомо с каким умышленьем»⁵⁵. На равных с Табуном и Мачиком выступал И. Абаков.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 358; ДАИ, т. VI, № 93-XI, с. 321; т. VII, № 72-III, с. 335.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 468—469; стб. 886, л. 358—359; ДАИ, т. VI, № 93-XI, с. 322.

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246об.

⁵² В одном акте (ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 463) эти телеуты названы туматами, улусными тайши Чагана (Цэван-Рабдана.— А. У.). Возможно, речь идет об ойратах, присланных ханом Табуну на помощь.

⁵³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 360—361; ДАИ, т. VI, № 93-XII, с. 323.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 361—364; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 117, л. 196об.; ДАИ, т. VI, № 93-XII, с. 323.

⁵⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 107, л. 184об.—185.

В октябре 1674 г. керсагальцы уверяли кузнечанина Т. Себрянникова, что как только «реки постаноятца», Табун, Мачик и Иван Абаков намерены напасть на Кузнецкий уезд — «людей побивать, и скот отгонять, и деревни, и хлеб жечь без остатку». По их мнению Мачик, будучи в Керсасальской волости, с целью дезинформации русских воевод муссировал слухи о том, что «войны не будет» (осенью 1674 г.), что за поход стоит лишь И. Абаков («наговаривает Ивашко»), а Мачик якобы «его, Ивашка, разговаривает, чтоб он, Ивашко, от такого воровства унялся и на государевы города и уезды войною не ходил»⁵⁶. Но даже неискушенные в таких делах рядовые керсагальцы поняли, что Мачик говорил «те слова с оманкою, хотя того, чтобы служилые люди оплошали и войны от них, Белых Калмаков не опасались»⁵⁷. Кузнецкий воевода Г. Волков всю осень ждал нападения телеутов, но ранняя распутица, холода и бескормица, видимо, не позволили совершить им поход.

В стычках и тревожном ожидании телеутских нападений прошел для русских властей и 1675 год.^{57а} Одновременно с этим телеутские князья активизировали свои алманские акции: в 1675 г. Табун и его люди собрали алман с Кондомской, Керсасальской, Азкештимской, Тагапской и Тогульской волостей, а Мачик — с кумандинцев⁵⁸.

С начала 70-х гг. заметно обострилась борьба за охотничьи угодья в междуречье Ини и Берди и в верховьях Чумыша. Воспользовавшись отходом Табуновых улусов за Обь, в этих угодьях стали охотиться русские промышленники, служилые люди, а также «выезжие телеуты» — «Балыковы люди», Мамрач из Кузнецка и Изерек Ячинский. Последние не видели криминала в своем промысле в урочищах, принадлежавших Улусу Абаковичей, так как, видимо, считали себя по-прежнему собственниками общеплеменных угодий. На этой почве в охотничьих урочищах происходили мелкие стычки. Во время одной из них в 1674 г. Мамрач убил улусных людей Табуна — Бояна, Карамышана и Карачана⁵⁹. Так было положено начало кровавой «сердеке» из-за пользования охотничьими угодьями между улусными людьми Табуна и телеутами — подданными русского царя⁶⁰.

⁵⁶ Там же, № 111, л. 187об.—188об.; ДАИ, т. VI, № 93-VIII, с. 318.

⁵⁷ ДАИ, т. VI, № 93-VIII, с. 318.

^{57а} ДАИ, т. VII, № 72-1, л. 332—333, № 72-III, с. 335—336; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 110, л. 186об.—187об., № 125, л. 208—209об.

⁵⁸ ДАИ, т. VII, № 72-1, с. 332; № 72-IV, с. 339—340; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 125, л. 208—209об.

⁵⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 140, л. 247; Уманский А. Социально-экономические отношения у «выезжих телеутов» в XVII—XVIII вв.— В кн.: Вопр. истории СССР. Барнаул, 1974, с. 31. (Учен. зап. БГПИ).

⁶⁰ Уманский А. Социально-экономические отношения..., с. 31; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 247об.

В течение 1672—1675 гг. томский воевода кн. Д. Барятинский не раз пытался восстановить мир с телеутами. В конце 1672—начале 1673 г. он направил к Табуну послов М. Ржицкого, Р. Старкова, И. Тарлавова с заданием, сделав «выговор» князю, добиться прекращения телеутских набегов на уезды. Но во время переговоров Табун всю ответственность за инциденты 1671—1672 гг. возложил на «выезжих телеутов» Мамрача, Б. Кожанова и других, потребовал, чтобы воевода выдал ему Б. Кожанова на расправу либо сам повесил его в Томске⁶¹. (Позже, как мы знаем, Табун приказал убить Балыка.)⁶² Далее телеутский князь заявил протест против промысла «выезжих телеутов» в Таволгане и других угодьях и потребовал, чтобы воевода запретил эту практику подданных царя, ибо, предупредил он, имея в виду Мамрача в частности, «либо де он наших убьет, либо наши его убьют»⁶³. И предсказание это сбылось в 1674 и 1676 гг.

В итоге посольство М. Ржицкого и Р. Старкова вернулось ни с чем. В 1674—1675 гг. Д. Барятинский дважды посылал к Табуну с протестом против набегов И. Бая, Баскаула и др. Оба посланца были им уполномочены звать Табуна в подданство, причем если князь подтвердит или заново даст шерть, прекратит набеги и откажется от подготовки походов на Томск и Кузнецк, то воевода отдаст ему весь телеутский полон, взятый П. Лавровым и другими⁶⁴.

Табун задержал Илзека (Изсечка) и других посланцев воеводы, отвергнув его предложение. А 11 мая 1675 г. в Томск «прибежал» томский «выезжий телеут» Бабужак с вестью о том, что по приказу Табуна «Ызсечка с товарищи» были убиты⁶⁵.

Таким образом, попытки добиться мирного соглашения с Табуном, предпринятые воеводой кн. Д. Барятинским в первой половине 70-х гг., оказались тщетными.

Опасаясь возмездия за злодейское убийство русских посланцев, Табун расширяет военный союз против царской администрации, привлекая на свою сторону князька Коокен-Матура и других телеутских, ойратских и прочих «владетелей», держит своих людей и союзников в постоянной мобилизационной готовности. Уже в мае 1675 г. Бабужак сообщил, что «Табун Кокин и Иркачка да Мачиков сын Чаавайко (Шаадай.— А. У.) да карагайской Коокенко Матур с товарищи с своими улусными людьми стоят все в сборе от Томского в ближних местех, а хотят де те воры

и изменники, белые Калмыки Табунковы товарищи, под Томской и на уезды приходить войною»⁶⁶. В сентябре этого же года в отписке Д. Барятинскому Г. Волков из Кузнецка отмечает, что к ним присоединился «вор же и изменник Тудучка (бежал из Тобольска.— А. У.) с товарищи» и что все они стоят «вверх по Обе в ближних местех» и намерены напасть на Томск и Кузнецк⁶⁷. А в ноябре 1675 г. азкештонец Бахтучак (жил в 2—4 днях пути от ставки Табуна) рассказал в Кузнецке, что Табун послал к Матуре-тайше посланцев за помощью для нападения на русские города и уезды. Правда, ни время, ни направление подготовляемого Табуном похода Бахтучаку были неизвестны⁶⁸. Но привлечь Матура-тайшу к борьбе с русскими властями, судя по последующим событиям, Табуну не удалось.

Под впечатлением «угрозных вестей» лета и осени 1675 г. Д. Барятинский сетовал царю, что он не в состоянии эффективно оборонять свой уезд: «...томчане... дети боярские и служилые и всяких чинов люди живут от Томского в дальних в розных местех от города верст по 20 и по 30 и по сороку и по сту. А живут... все порознь, по одному двору и по два и по три, и от воинских... людей уберечь их никоими мерами немочно»⁶⁹. В городе ощущалась и хлебная скудость, ибо 1674 год был неурожайным («хлеб морозом побилло и снегом укинуло»), а из Тобольска «недосылка учинилась»⁷⁰.

Но походы телеутов на Томск и Кузнецк в 1675 г. не состоялись.

Таким образом, первая половина 70-х гг. прошла в острой борьбе между телеутской знатью и русскими властями. Эта борьба привела к перенесению главных кочевий Табуна и Мачика в междуречье Алея и Чарыша, где они и находились в течение всей второй половины 70-х гг. Здесь телеутские Улусы были в сравнительной безопасности от русских ратей. На правобережье остались лишь небольшие «воровские» улусы, вроде «Куттуйки з братьею и с родом своим», что находился «во шти днях лыжным ходом» (от Кузнецка) и насчитывал «в разных местех з 25 юрт»⁷¹.

Однако ни отдаленность от русских уездов, ни занятость Табуна джунгарскими делами в 1676—1678 гг. не ослабили телеутскую баранту. Зона ее даже расширилась. В 1676 и 1677 г. люди Табуна «многжда» приходили «войной» и «кражей» на уезды; дважды совершали набеги на Верхотомский острог, на

⁶¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 247—247об.

⁶² Там же, кн. 18, № 180, л. 338.

⁶³ Там же, кн. 18, № 143, л. 247об.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 468—469; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 258; и др.

⁶⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 258; ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 469.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 469.

⁶⁷ Там же, ф. 214, стб. 886, л. 386—387.

⁶⁸ ДАИ, т. VII, № 72-IV, с. 340.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 469.

⁷⁰ Там же, стб. 886, л. 287—288. Отписка Г. Волкова от 20 сентября 1675 г.

⁷¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 129, л. 217об.; ДАИ, т. VII, № 72-1, с. 332—333. Ближе к Табуну, в «Карагае», кочевали Коокен-Матур и И. Уделеков.

деревни Сосновского острога «да на Обь реку, на Тагап речку и за Обью рекою на русские деревни, и у верхотомских пашенных крестьян и на Тагапе у чатских татар отогнали многих лошадей да чатского татарина убили, ис Пачи, ис монастырской деревни отогнали 20 лошадей»⁷². В челобитных служилых людей этих лет снова содержатся жалобы на то, что телеуты чинят разорение, «лошадей и рогатый скот безпрестани згоняют» и т. п.⁷³

Табун и Мачик и во второй половине 70-х гг. продолжали сбор дани на себя в ясачных волостях: в 1677 г. оба князя взяли алман с азкештимцев⁷⁴, в 1678 г. алманщики Табуна обобрали забийские волости⁷⁵.

Значительно обострилась в это время и борьба за охотничьи угодья. По приказу Табуна Кутуй всю осень 1676 г. вел розыски Мамрача в Таволгане, на притоках Берди и Ини. Мамрача он не нашел, но 2 октября наткнулся на его сына Баскаула, Которея, телеутов-новокрещенов Семена и Дмитрия и русских Ивана и Алексея Старченко, составлявших одну промысловую артель. Баскаул Мамрачев был убит, остальные (кроме бежавшего «Митьки») попали в плен. Тогда же Кутуй ограбил 5 охотничьих станок, угнал около 40 лошадей и пр.⁷⁶ Налет Кутуя имел целью не только отомстить за убитых Мамрачем телеутов и ограбить охотников, но и запугать «выезжих телеутов», чатов и русских промышленников, дабы они перестали промышлять зверя в Таволгане и Чернолесье.

Все это вынуждало царскую администрацию искать пути нормализации телеутско-русских отношений.

В частности, воевода Д. Барятинский предпринял еще одну попытку «ратным» путем добиться прекращения телеутских набегов и разбоя. Вообще кн. Д. А. Барятинский, судя по его действиям во время 5-летнего воеводства в Томске⁷⁷, был сторонником крутых и решительных мер в отношении телеутских набегов и баранты. Дипломатии он явно предпочитал военные средства, в чем его убеждал собственный дипломатический опыт (неудача посольства М. Ржицкого в 1673 г., убийство телеутами посольства И. Кулугачева в 1675 г.). Не случайно князь Табун назвал Д. А. Барятинского «свирепым» воеводой⁷⁸.

Сразу же после набега Кутуя томские служилые люди подали воеводе челобитную с просьбой заявить протест («сделать выговор») Табуну или принять более действенные меры к нему⁷⁹. В своих отписках в Москву кн. Барятинский настаивал

на разрешении «Табунку смирить войною» и добился такого указа⁸⁰. Началась подготовка к походу против Телеутской земли.

План совместного с томичами похода был разработан кузнецким воеводой Г. Волковым, сын которого был назначен «полководцем». Соединение ратных сил было намечено на рч. Булахте (бассейн р. Берди). Поход надлежало начать «первым осенним путем», как только «реки поставятца», но «не испустя времени», а именно, пока «в лесах и в степях не укинуло снегами»⁸¹. «Выезжие телеуты» Итпола Изенбеков и Маирай Бурчаев забраковали предложенный воеводой маршрут («к Обь реке, а возле Оби реки ити вверх до Усть-Чюмышу реки яланными местами»), отметив, что это «непрочно, потому что на тех местех ездят Табункова улуса зверовщики, а возле Обь реки живут рыболовы и о государевых служилых людях те Табунку весть подадут и Табунка по тем вестям от государевых людей остережетца и уйдет в дальние места». К тому же этот путь «в околицу», и на переход потребуется 10—14 дней. Г. Волков предложил иной маршрут — «прямея и безлюдственно», чтобы соединиться с томичами 21 ноября на рч. Ур («в вершинах Соускана»), и отправил И. Изенбекова и казака К. Ерофеева изучить новый путь движения⁸².

Однако когда кузнечане находились уже на 3-м стане по пути к Уру, Д. Барятинский отменил поход⁸³. Отмена была, вероятно, вызвана не столько наступлением зимы и трудностями длительного (около месяца) зимнего похода, сколько боязнью воеводы обострить отношения с Джунгарией. Дело в том, что он попытался добиться прекращения телеутских набегов и баранты, используя еще одно средство — давление на Табуна ойратских феодалов. Так, условием пропуска в Москву Абдар-Яйзана, прибывшего в Томск в мае 1676 г. и называвшего себя послом Кегеня, он поставил прекращение набегов на уезд «ясашных ево людей, Табункова улуса», а также предъявление «листа» или «печати» хана⁸⁴. Ни «листа», ни «печати» Абдар-Яйзан, специально для этого ездивший в Джунгарию, не привез, но с ним приехал ханский посол в Томск Конжин, присланный, по его словам, «унять белых калмыков Табуна от воровства», а если «не уймутца», то Кегень якобы обещал их «выдать головами» царю⁸⁵.

Абдар-Яйзан и Конжин (Донжин?) уверяли кн. Д. Барятинского, что больше набегов на уезды не будет, но все эти заве-

⁷² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137, л. 231об.—232.

⁷³ Там же, № 150, л. 258—258об.

⁷⁴ Там же, № 129, л. 215—216.

⁷⁵ Там же, № 131, л. 218.

⁷⁶ Там же, № 137, 143, л. 233об.—235; 247—247об. и др.

⁷⁷ Газенвинкель К. Б. Указ. соч., с. 34—36.

⁷⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246об.—247об.

⁷⁹ Там же, № 138, № 237—237об.

⁸⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 131, л. 218.

⁸¹ Там же, № 137, л. 231об.—233.

⁸² Там же, № 138, л. 235об.—237об.

⁸³ Там же, № 135, л. 227—228.

⁸⁴ Там же, № 139, л. 239—239об.; № 138а, без №, л. 238—238об. л. 238—238об.

⁸⁵ Там же, № 135, л. 225—226. Конжин прибыл в Томск 21 октября 1676 г.

рения, как правильно понял Г. Волков, они давали лишь для того, чтобы Абдар-Яйзана пропустили в Москву⁸⁶. Об «эффективности» Кегеневых угроз Табуну можно судить и потому, что за весну и лето 1676 г. телеуты «многичда» совершали набеги на Томский уезд, и по тому факту, что Батый Кокин (брат Табуна), получив приказ Абдар-Яйзана о возвращении отряда Баатая Торгоутова, посланного «для воровства», не выполнил этого приказа — в дни вторичного пребывания Абдар-Яйзана в Томске (Баатай) совершил нападение на томские деревни⁸⁷.

Таким образом, надежды воеводы на действенную помощь со стороны ойратов в деле «смирения» телеутов не оправдались. Мы знаем, что они и не могли оправдаться, так как Табун в эти годы не очень-то считался с джунгарским ханом. Но поскольку набеги телеутов не прекращались, воевода не пустил Абдар-Яйзана «к Москве», а дал ему провожатых «до калмыцких улусов» и отправил к Кегеню. Тогда взбешенный Абдар-Яйзан, избив плетью провожатых, самовольно поехал на Тару и Тобольск в надежде там получить пропуск в Москву⁸⁸. Весть об этом Барятинский получил накануне подхода томичей и кузнечан против Табуна. Помня наказ не обострять отношений с ойратами, воевода отменил поход, ибо на фоне истории с Абдар-Яйзаном это грозило осложнениями в отношениях с Джунгарией.

Хотя поход и не состоялся, Табун, видимо, был изрядно напуган решимостью русских властей положить конец его набегам и разбою, и он начал искать путей к мирному решению спорных вопросов, для чего в конце 1676 — начале 1677 г. представился удобным случай: в его ставку, что находилась «за Обью рекою, на Алие и на Сараче (Чарыше. — А. У.) в 10 днях «лыжного хода» от Кузнецка, приехали азкештимцы Бохтучак и Язбалык, чтобы по просьбе И. А. Старченко выкупить его сына Ивана, плененного Кутуем 2/Х 1676 г. «на лешем промысле»⁸⁹. Они выкупили Ивана (за «кофтан суконный, за сукно да красные кожи», «поголовьем против 12 портищ»)⁹⁰ и имели беседу с Табуном. Табун заявил, что за И. Старченко следовало бы взять выкуп в 2—3 раза больше, но князь делает уступку, ибо просит передать воеводе Томска, чтобы он прислал своих послов для «прямого договора»⁹¹. Фактически это означало приглашение русских властей к переговорам. Табун, очевидно, знал и об указе царя «смирить» его войной и о под-

⁸⁶ ААН, ф. 1, оп. 4, кн. 18, № 135, л. 227—229; № 138а, без №, л. 238—238об.; и др.

⁸⁷ Там же, № 137, л. 231—232; № 135, л. 227; № 136, л. 230об.—231; и мн. др.

⁸⁸ Там же, кн. 19, № 139, л. 240.

⁸⁹ Там же, № 137, л. 233об.—235; № 138, л. 236об.—237; и др.

⁹⁰ Там же, кн. 18, № 129, л. 216об.—217.

⁹¹ Там же, л. 217.

готовке воеводами Томска и Кузнецка похода против Телеутской земли и стремился предотвратить его. Он прямо заявил Бохтучаку и Язбалыку, что договор ему нужен для того, чтобы на него служилые люди «войной не ходили», и обещал сделать «заказ» своим улусным людям, чтоб и они не «воевали уездов», не «побивали» подданных царя, не отгоняли скота и т. п.⁹²

Заявление Табуна свидетельствовало о новом повороте телеутской феодально-племенной аристократии на сближение с русскими властями. Чем же был обусловлен этот поворот?

Конечно, большую роль тут сыграла угроза совместного похода томских и кузнецких ратников на телеутские Улусы. Телеуты и их союзники не могли противостоять русскому войску, оснащенному оружием «огненного боя». Кегень-кутухта не мог оказать помощи Табуну, так как был занят борьбой со своими врагами — Чокурор Убаши и Очирту-ханом, тем более, что сам Табун, заняв в ойратской усобице сторону последних, не оказал помощи Кегеню в 1676 г. Что касается Чокура Убаши и Очирту-хана, то они также не имели возможности помогать Табуну, ибо были поглощены борьбой с Кегенем.

Кроме того, Табуна к этому повороту в его политике выпудило развитие событий в Джунгарии, не сулившее ничего хорошего Телеутской земле. Борьба враждующих сил там в 1676 г. шла с переменным успехом: разбитый врагами в конце 1676 г. Кегень попал в плен и отказался от светской власти, но вскоре вернулся на ханство, и борьба разгорелась с новым упорством⁹³. Оба лагеря стремились втянуть в эту борьбу и Телеутскую землю. Табун не желал далее участвовать в усобице ойратских феодалов и хотя он не помогал Чокуру Убаши и Очирту-хану войнами, он не без основания опасался мести Кегеня за отказ ему в военной помощи. Поэтому Табун решил перебраться поближе к русской «меже», но для этого следовало нормализовать отношения с северным соседом.

Наконец, поворот в политике Табуна был обусловлен и необходимостью возобновления торгово-меновых отношений с русскими уездами, прекратившихся в 1670—1676 гг. Никакие набеги не могли восполнить телеутам тот ущерб, который они терпели от прекращения торга с русскими, ибо основную долю продуктов земледелия и ремесленной промышленности русских кочевники могли получить не путем грабежа, а в ходе систематического мирного торгового обмена с крестьянами и посадскими.

К этому следует добавить, что многолетняя борьба с русскими властями привела телеутские Улусы к материальным и людским потерям, это не могло не вызвать недовольства боль-

⁹² Там же, л. 217.

⁹³ Там же, кн. 18, № 136, л. 229об.—230об.; № 140—142, л. 240об.—242; и др.

шинства улусных людей политикой знати, а последняя, в свою очередь, не могла не учитывать такого их настроения.

Все это, вместе взятое, объясняет, почему князь Табун заговорил о «прямом договоре» с русской администрацией.

Но пока это предложение изучалось в Томске и Москве, телеуты, вопреки обещаниям Табуна, продолжали совершать набеги, баранту. Продолжалась и борьба за промысловые угодья, давно уже из частного дела отдельных охотников превратившаяся в составную часть «государственной» политики телеутских князей⁹⁴.

Сложившаяся обстановка заставила нового воеводу кн. П. Л. Львова форсировать со своей стороны заключение «прямого договора». То, чего кн. Барятинскому не удавалось достичь «крутыми» мерами, кн. Львов надеялся добиться средствами дипломатии — прекратить телеутские набеги и ясачные поборы, наносившие большие убытки царской казне и экономике Томского и Кузнецкого уездов. Осенью 1677 г. он отправил к Табуну посольство во главе с И. Даниловым с «выговором» об его «неправдах»⁹⁵. Успеха оно не имело, так как и после этого телеуты совершали набеги на деревни и волости Кузнецкого уезда, и кузнецкий воевода И. Давыдов наивно полагал, что это происходило потому, что И. Данилов не имел наказа протестовать по поводу именно кузнецких «обид», и предлагал направить к Табуну особого посла от Кузнецка⁹⁶.

В конце 1677 г. кн. Львов снарядил второе посольство к Табуну во главе с с. б. В. Бубенным, предписав ему «внятно, тихо, по статьям» прочесть наказную память Табуну, а ответы его точно зафиксировать в своем статейном списке. Первая задача послов состояла в том, чтобы сделать «выговор» Табуну за набеги на Кузнецкий уезд в 181 г., за баранту И. Бая в 182 г., за защиту изменников — кн. Ирки и Баскаула⁹⁷. Вторая задача заключалась в том, чтобы под давлением этих обвинений вынудить князя к шерти о подданстве.

Табун принял В. Бубенного 3 января 1676 г. Когда посол вычел по наказной памяти все статьи об «обидах» от телеутов, Табун в ответ предъявил еще более длинный список претензий к русской стороне. Он попытался объяснить причины телеутского «дурна», переложив ответственность за набеги и прочее на русскую сторону. В качестве этих причин фигурировали и союзническая неверность томских воевод, и оказание ими военной помощи его противникам, и отказ их возратить перебежчиков, и ссоры из-за угодий, и «происки» Б. Кожанова, и крутой нор «томских начальников», и военные походы русских рат-

⁹⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 247; № 150, л. 259.

⁹⁵ Там же, л. 244об.—245.

⁹⁶ Там же, № 131, л. 218—219.

⁹⁷ Там же, № 143, л. 244—245об.

ников «на ево, Табуновых, улусных людей», в результате которых воеводы якобы «многих де побили и жен и детей в полон поймали и оба города их людьми наполнили». Табун привел перечень русских походов против телеутов в 60—70-х гг. и подробно перечислил всех своих «лучших людей», погибших во время военных акций томских воевод. В заключение он потребовал освободить из тюрьмы телеутских зверовщиков К. Мандыкаева, Бока и Зела⁹⁸.

Основная задача посольства не была выполнена: Табун наотрез отказался дать шерть царю, ссылаясь на свою кыштимскую зависимость от хана, без ведома которого шертовать де не смеет; в принципе он не отказывался от дачи шерти в будущем, если хан даст ему на то согласие. Весьма обнадеживающим было заверение Табуна в том, что его люди не будут впредь нападать на русские уезды. Это решение он мотивировал, во-первых, тем, что, будучи кыштимом хана, он «не смеет» без «веленья» последнего «воевать» русских людей, подобно тому, как воеводы не могут «воевать» телеутов без позволения царя, а во-вторых, обоюдным миролюбием Табуна («И войне де мы не радеем, а ради мирному поставленью») и воеводы Львова («и ради ж они мирному поставленью»)⁹⁹.

Итак, миссия В. Бубенного, хотя и не увенчалась заметным успехом, породила надежды на «мирное поставленья» в скором времени.

С В. Бубенным в Томск прибыл посол Табуна Кирей, видимо, для подтверждения заверений Табуна и в знак возобновления регулярных посольских контактов между Телеутской землей и царскими властями. И, действительно, с 1678 г. посольские связи телеутских князей с томскими воеводами стали нормальной¹⁰⁰.

Конечно, все спорные вопросы не могли быть урегулированы немедленно: например, по-прежнему, в 1678 г. Табун собирал с двоеданцев (шорцев, кумандинцев, тогульцев, азкештимцев и тагапцев) алман, отчего в царском ясаке получился недобор¹⁰¹. Но уже в 1678 г. заметно сократилось число набегов, пошла на убыль баранта.

В августе 1679 г. в Томск одновременно прибыли два посольства: от кн. Табуна (во главе с Бааранем) и от ойратского князька Коокен-Матура Сакылова (во главе с Себи). Послы сообщили, что после отъезда В. Бубенного Табун, отказавшись шертовать царю без «Калданова (Галдан-хана. — А.У.) веленья», ездил «к Калдану Контайши спрашиватьца». Галдан-хан якобы приказал Табуну и Коокен-Матуре, чтоб они «с великим

⁹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245об.—247.

⁹⁹ Там же, л. 247—247об.

¹⁰⁰ Там же, л. 245об. и др.

¹⁰¹ Там же, № 152, л. 276; № 177, л. 330об.—331.

государем отнюдь ни в чем и никакие ссоры нигде не чинили» и даже будто бы «велели им великому государю шертовать, аманатов в Томской давать». На этом основании князья просили воеводу прислать к ним «послов людей добрых», «а оне де, Табун и Коокен-Матур, великому государю шертуют». Условия шерты изложены (в их русской интерпретации) в наказной памяти В. Бубенному от 1.IX.188 г. (1679 г.). Обращает на себя внимание готовность князей давать аманатов: как правило, телеутские князья не соглашались на такое условие. Трудно поверить, что такой именно наказ получили послы князцов, создается впечатление, что данное условие «примыслено» не то русскими послами, не то толмачом, не то воеводою.

Кн. П. Л. Львов с Бааранем и Себи отправил в «Телеутскую» и «Карагайскую» «землицы» представительное посольство (12 чел.) во главе с тем же В. Бубенным, поручив ему принять шерть от Табуна и Коокен-Матура. Кн. Львов был настолько обрадован решением последних шертовать царю, что наказал В. Бубенному объявить князьям об отпуске им их «вины» еще до дачи ими шерты¹⁰².

В шертовальную запись помимо общих фраз о «прямой службе» и «вечном холопстве» князей были включены сугубо конкретные обязательства Табуна и Коокен-Матура: 1) самим не приходить и людей не посылать «войною» под города; 2) у русских крестьян и у чатов с Оби скота не красть; 3) русских людей «всяких чинов» и ясашных «не побивать и не грабить» «на промыслах и иньде нигде»; 4) в ясачные волости не въезжать, ясачных не бить и не грабить «и ясаку на себя не збирать»; 5) присылать в Томск аманатов «детей своих прямых и братьев родных и племянников и людей добрых, было бы кому можно верить, а худых бы людей в аманаты не посылали». «На словах» В. Бубенный должен был еще добавить, что князья обязаны «ходить» на царских «непослушников», «где великий государь укажет», а аманатов менять «почасту», что за верную службу ждут их царские «милость и жалованье».

После дачи шерты В. Бубенный должен был потребовать аманатов для доставки их в Томск. «Речи» князей, наряду с именами шертовавших лиц, полагалось внести в статейный список. Для успеха послования воевода предписывал послу говорить «тихо и внятно», а толмачу — переводить «аккуратно»¹⁰³.

Судя по наказной памяти В. Бубенному, кн. Львов совершенно неверно истолковал цели миссий Баараня и Себи, поверив, что Табун и Коокен-Матур по собственной инициативе решили дать шерть царю. Отсюда он заключил, что они находятся в безвыходном положении и поэтому примут все условия шерты,

которые им предложат русские власти. В качестве образца шертовальной записи кн. Львов использовал самую последнюю по времени шерть Коки и Мачика (за 1658—1659 гг.); наказная память В. Бубенного почти дословно повторяет ее, включая обязательство князей давать аманатов из числа собственных детей от «прямых» жен и т. п.¹⁰⁴

Расчеты П. Л. Львова были абсолютно беспочвенны: никогда и прежде ойратские и телеутские князья не соглашались на выдачу аманатов. Нечего было надеяться на то, что Коокен-Матур и Табун шертуют на таких условиях.

Посольство В. Бубенного сначала побывало у Коокен-Матура в Карагае. Чем закончилось послование у карагайского князька, нам неизвестно, но едва ли он согласился дать шерть на условиях кн. Львова. На рубеже 1679 и 1680 годов В. Бубенный прибыл в Улус Табуна¹⁰⁵. Об итогах миссии В. Бубенного к князю Табуна можно судить по наказной памяти Г. Пущину (1680 г.). Оказывается, что Табун, якобы обещавший и «аманатов давать по вся годы попеременно» и «с служилыми людьми жить советно» (о чем, по русской версии, говорил его посол Баарань), — «во всем том солгал; сам не шертовал и улусным людям шертовать не велел и аманатов не дал, а государевых людей морил голодом — корму не давал, а когда и даст и то не по большому месту». Царское жалованье, которое посол имел право отдать лишь после шерты князя, Табун «взял в неволю, отымал сильно»¹⁰⁶. Табун даже задержал послов до возвращения улусных людей со «зверовий», а сам выехал на сбор алмана в Тогульскую и другие волости¹⁰⁷. По этой реакции Табуна можно предположить, что он не уполномочивал Баараня обещать выдачу аманатов царским властям; князь телеутов, видимо, заподозрил, что это условие было добавлено воеводой «к речам» Баараня, и потому пришел в ярость. Отношение Табуна к послам, явная демонстрация им своих владельческих прав на двоedanцев Кузнецкого уезда доказывали, что он не намерен идти на какие-либо уступки царской администрации. В конце зимы 1679/80 г. В. Бубенный возвратился в Томск. Снаряжать новое посольство Львов не стал, это было убыточно для казны¹⁰⁸. Только в конце 1680 г. свершилось «мирное поставление» между Телеутской землицей и русскими уездами, но для этого томскому воеводе пришлось обращаться за содействием к Галдан-хану.

¹⁰⁴ Ср. например: ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658 г., д. 2, л. 43—45, 16—17; и др.

¹⁰⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 152, л. 276; № 177, л. 330об.—331.

¹⁰⁶ Там же, № 150, л. 259—259об.

¹⁰⁷ Там же, № 152, л. 275об.—276.

¹⁰⁸ Снаряжение двух посольств во главе с В. Бубенным стоило казне «болши двусот рублей». (ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 259об.).

¹⁰² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 177, л. 330—331об.

¹⁰³ Там же, л. 331об.—332об.; ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 248—249.

Период 60—70-х гг. был самым мрачным временем в истории телеутско-русских отношений XVII в. Вся ответственность за гибель людей, за сожжение деревень, разорение кочевий и прочие эксцессы, неизбежные при ведении борьбы военными средствами, должна быть прежде всего возложена на телеутскую феодально-племенную знать, а также на царских воевод.

Глава VI

ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XVII в.

Последние десятилетия XVII в. были временем мирного добрососедства, оживленных торгово-меновых и посольских связей между Телеутской землицей и русскими уездами. Редкие небольшие конфликты обычно удавалось ликвидировать дипломатическими средствами, не доводя дело до военных столкновений, хотя противоречия между телеутской знатью и русскими властями оставались прежними. Только с XVIII в. начался период новой конфронтации телеутских Улусов и русских уездов.

Известно, что с конца 70-х — начала 80-х гг. усилилась кыштымская зависимость Телеутской землицы от Джунгарии. Но было бы неверно в связи с этим рассматривать телеутско-русские отношения в конце XVII в. только в рамках России и Джунгарии, не видя их самостоятельного, особого аспекта, ибо и в 80—90-х гг. телеутские князья все еще сохраняют большую долю самостоятельности в своих внутренних и внешних делах, причем сама по себе степень кыштымской зависимости и в эти годы не была константой: более крепкая в 1680—1688 гг., она ослабла в связи с внешними авантюрами Галдан-хана и борьбой его с сыном Сеньги Цэван-Рабданом в 1688—1697 гг. и снова окрепла в начале XVIII в.

На первом этапе этого периода (1680—1688 гг.) наблюдается оживление посольских связей между Томском и ставкой Табуна. Воеводы Томска, озабоченные сохранением мира на южной меже уездов, добиваются заключения соглашений о ненападении телеутских князей на Томский и Кузнецкий уезды.

На втором этапе (1689—1700 гг.), пользуясь сначала занятостью Галдан-хана восточными войнами, а затем занятостью Цэван-Рабдана борьбой за единовластие в Джунгарии, телеутские князья по сути дела снова обретают прерогативы суверенных владетелей своих Улусов. Они заключают союзные договоры с русскими властями и т. п.

В целом развитие отношений между телеутами и русскими в конце XVII в. идет под знаком усилившейся тяги телеутов к

к русскому подданству, ибо только оно могло избавить их от угрозы истребления врагами Джунгарии (казахами, бурятами и др.). В это время заметно укрепляются добрососедские отношения между русскими уездами и телеутскими улусами, поддерживаются регулярные посольские связи, развиваются торгово-меновые контакты, что в целом способствует укреплению взаимного доверия и доброжелательности соседних народов.

После неудачного посольствия В. Бубенного кн. Львов прекратил диалог с Табуном. Инициатива упорядочения телеутско-русских пограничных отношений на сей раз была проявлена Галдан-ханом, который прислал в 1679 г. в Москву посла-бухарца Сейбедина (Себевди)-ходжу с предложением прекратить «задоры» с обеих сторон, установить прочный мир на границах Русского и Джунгарского государств¹ и «про то розыскать, кому от кого обиды чинят»². У себя в ханстве Галдан обещал учинить розыск и «жестокую казнь» всем «ворам» за преступления против русских уездов и их населения³. Русское правительство приняло это предложение, и уже 24 апреля 1680 г. в Джунгарию выехало из Томска посольство во главе с с. б. Г. Пушиным⁴.

Г. Пущин получил наказ потребовать, чтобы хан строго «заказал» своим подданным совершать набеги и чинить прочие «задоры» с русскими подданными, и пообещать, что аналогичный «заказ» со своей стороны сделает русский царь⁵.

Пущин должен был потребовать также, чтобы хан, сыскав «воров» из числа телеутов и киргизов, грабивших во всех трех южносибирских уездах, прислал их в Томск, Кузнецк и Красноярск вместе с награбленным «животом» — «скотом и платьем». После того, как хан «ворам, телеуцким и киргизским людем, за их воровство казнь учинит», томский воевода в присутствии посланцев хана произведет розыск и наказание тем ратным людем, которые «воевали» подданных хана вопреки указам царя, «за их непослушание», при этом если «сыщется» отогнанный ими скот и некрещеный полон, то все это будет возвращено в «Телеутскую» и в «Киргизскую» «землицы»⁶.

Для вящей убедительности Пущин должен был предъявить иск о «неправдах» телеутских и киргизских князей. Собственно «телеутский» список содержал в себе: набеги телеутов на Кузнецкий уезд в 1673 г.; «измену» и набеги кн. Ирки, Баскаула и И. Бая в 1673—74 гг., убийство русского посла И. Кулугачева,

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 122—131, 132—134 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 256—256об.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 178.

³ Там же, л. 126—127 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 256об.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 256, № 151, л. 262; и др.

⁵ Там же, № 150, л. 257; Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, № 99, с. 304.

⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 257—257об.; Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 304.

набеги телеутов в 184 и 185 г. на оба уезда, на остроги, на чатов, на д. Пачу, убийство Б. Мамрачева, баранту К. Мандыкаева⁷. Воевода обвинял Табуна в том, что он «велит» телеутам грабить русские уезды, что он отказался дать шерть, о которой сам же просил, что он отнял у В. Бубенного царское жалованье, что своими действиями ввел русские власти в большие расходы по снаряжению двух посольств В. Бубенного, которые оказались безрезультатными⁸.

12 июня 1680 г. посольство Г. Пушина вместе с посланцем хана в Кузнецк Булатом Качей прибыло в ханскую Ургу «за Имель реку». Сам Галдан был в походе, послы приняли жена Галдана и зайсаны Вязут Яйзан и Манжин Яйзан, правившие в отсутствие хана. 12 июля в Ургу прибыл вызванный для разбирательства кн. Табун, и в «судейской юрте» состоялось разбирательство по жалобе кн. Львова на телеутов и киргизов.

Табун не отрицал своей вины, но утверждал, что «задоры» имели место с обеих сторон, что сейчас они с его стороны запрещены: «...было де прожеж нами с государевыми людьми..., томские служилые люди приходили к моим улусным людям войною по многие времена и разорили их без остатку. А против того приходили и мои люди на Томской уезд. А ныне де у меня приказано накрепко людям своим, чтобы с государевыми людьми жили в миру и в совете и задоров никаких не чинили»⁹. Легко заметить, что Табун при этом поставил ход событий с ног на голову, изобразив томичей агрессивной, а телеутов — обороняющейся стороной и «забыв» о набегах его людей на Кузнецкий уезд.

По поводу отказа от шерти перед В. Бубенным в 1679 г. Табун снова ссылался на отсутствие «Галдан контайшина веленья» и предлагал: «А как де Галдан контайша будет с службы в свою землю, и чтоб де великий государь послал из Томскаго послов своих к Галдану контайше, и я де в то время шертью и служить великому государю рад вечно со всеми своими улусными людьми»¹⁰. Табун отвел от себя обвинение в оскорблении царской чести: «А казны де великого государя я у него, Василья (Бубенного, — А.У.) сильно не отъимывал: привез де он, Василей, ко мне казну великого государя чесно, я де с честью и принял»¹¹.

Надежды П. Л. Львова на «жестокую казнь» Табуна в ханской Урге не оправдались. Зайсаны лишь «заказали накрепко»

ему, чтобы с подданными царя телеуты «жили смирно и задоров никаких не чинили», под города «ни с каким дурном не ходили» и отпустили послов, назначив Табуна провожатым. На телеутско-русской меже Табун снабдил их «кормом» и провожатыми до места, долго убеждал в своем миролюбии и в лояльности к русским властям. Он приводил в пример свою позицию осенью 1679 г., когда, несмотря на все «подзывы» Шанды Сенчикеева «с зарешной стороны воевать Томской уезд», он с Шанды «в совет не пошел ни на какое дурно»¹². Он обещал послам, что и «впредь де никакого дурна не будет под Томской город и под Кузнецкой острог» как от него, так и от его людей и повторил свое предложение прислать в Ургу специальных послов для приема шерти от него в присутствии Галдан-хана¹³.

Поведение Табуна в Урге и на отпуске Г. Пушина существенно различается: в Урге он предстал как верный кыштим хана, который «не смеет» шертовать без разрешения хана, но с радостью это сделает, если позволит его государь; часть обвинений в свой адрес он признал, часть отвел, выдвинул ряд контробвинений против воевод. Такая тактика вполне устраивала зайсанов хана, ибо они и не думали привлекать Табуна к серьезной ответственности за его «дурно», ограничившись «заказом» на будущее. Поведение его на отпуске Г. Пушина (уверения в миролюбии и пр.) свидетельствует уже не столько о дисциплинированности ханского кыштива, сколько о приверженности его к политике лавирования, к которой прибегали и дед и отец его по причине слабости и буферного положения их Улуса. Табун явно тяготился усилившейся зависимостью от Галдан-хана и стремился не только обезопасить себя со стороны русских властей, но и на всякой случай расположить их к себе, ради чего он готов дать шерть царю и уже в практике своих отношений с русскими властями стремится избежать осложнений. Впрочем и в случае сохранения кыштимской зависимости от хана заключение договора с русскими властями поднимало значение князя-кыштива в глазах его сюзерена-контайши и даже создавало Табуну известный простор для «фронды» против хана, для маневрирования между ним и царем. В 80—90 гг. Табун стремился сохранить максимум самостоятельности своего Улуса; он стоял в оппозиции к Галдан-хану из-за зависимого положения от ойратской элиты и необходимости делиться с нею прибавочным продуктом. Но феодально-племенная знать телеутов руководствуясь своекорыстными расчетами, предпочитала ойратское кыштимство русскому подданству

⁷ Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 304; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, л. 257об.—258 (№ 150).

⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 259—259об.

⁹ Там же, № 151, л. 264; Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 307.

¹⁰ Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 307; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 151, л. 265

¹¹ ААН, кн. 18, № 151, л. 265; Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 307.

¹² Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 307, 308; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 151, л. 265—265об.

¹³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 151, л. 265—265об.; Сборник кн. Хилкова, № 99, с. 307—308.

(в надежде на сохранение привилегий, полновластия в своих кочевьях и пр.). Все это объясняет, почему Табун, будучи недовольным ханской властью, по-видимому, пока еще всерьез не помышлял о переходе в русское подданство. Но вместе с тем, это не мешало ему уже сейчас спекулировать на этой идее в высших кругах Джунгарии. Такой спекуляцией можно считать заявление Табуна в Урге о том, что он рад дать шерть русскому царю. Едва ли было случайным, что Табун так и не получил от Галдан-хана позволения на шерть царю, а все те шерти, которые он позже давал в присутствии русских послов, были даны им «собою».

Следует отметить, что разбирательство в Урге не сняло полностью напряженности в отношениях Телеутской земли с русскими уездами: в начале 80-х гг. усилились поборы телеутских и киргизских князьков в двоеданческих волостях, что привело к резкому «умалению» поступлений пушнины в ясачную казну. В уплату ясака пришлось брать железо и поделки из него. Так, в 1681 г. с шорцев было взято «по великой нуже» 8 таганов (за 2 соболей) и 600 криц железа (за 20 соболей)¹⁴. В феврале 1682 г. томский воевода кн. И. М. Кольцов-Мосальский писал, что ясак «взять не на ком, потому что ясашные люди от киргизских и калмытских воровских людей разорены и в рознь разбрелись»¹⁵. Таким образом, телеутские князья активизировали сбор дани в ясашных волостях с самого начала 80-х гг., но теперь львиная доля алмана с двоеданцев уходила в казну джунгарского хана.

Однако после 1680 г. кн. Табун не предпринимал крупных военных акций против русских уездов и не только сам не проявлял инициативы в организации походов против Томска и Кузнецка, но и обычно отклонял все предложения к таким походам со стороны князей-соседей, вассалов и кыштимов Галдан-хана.

Типично в этом плане отношение Табуна к походам Матура-тайши, Коокен-Матура и других князьков на Томск и Кузнецк в 1682 г.¹⁶ Есть данные о том, что Матур-тайши присылал гонцов «с приказом» Табуну выступить вместе с ним против Томска¹⁷. По утверждению кузнецкого воеводы Дубровского, после отражения первого приступа Матура-тайши к Кузнецку с подкреплением к нему прибыл Коокен-Матур, а Табун якобы шел «со своим собранием» на Кузнецк и Томск с другой стороны¹⁸, что и в отрядах тувинских князьков Смана Жеучина и Кана Жеучина (подкрепления Матура-тайши) «колмацких

людей было болши дву тысяч»¹⁹. Анализируя вести, в том числе и содержащиеся в отписке Дубровского от 12.06.1682 г., мы пришли к выводу, что они недостоверны, что Табун и его люди не участвовали в походах Матура-тайши и Коокен-Матура в 1682 г. Сам Табун позже не отрицал, что в 1682 г. «Когон Батырь подзывал (Табуну. — А.У.) под Томской город и под Кузнецкий острог и под уезды», но он, Табун, «памятуя отца своего шерть, ни на какое дурно не похотел»²⁰.

Томский воевода кн. Кольцов-Мосальский, учтя эту стойкость Табуна, лояльность его по отношению к русским властям, усилил свой нажим на него в надежде привести к шерти.

В октябре 1683 г. к Табуну выехало посольство во главе с с. б. М. Ржицким²¹. Посол должен был напомнить Табуну о прежних предложениях воевод насчет шерти и об его собственном желании дать шерть (о чем князь говорил и В. Бубенному и Г. Пущину) и предложил Табуну шертовать на условиях, которые ему предъявил еще В. Бубенный в 1679 г. Если Табун и его люди шертуют, то после свершения обряда Ржицкий обязан вручить князю царское жалованье — портище «анбургского» сукна и ведро «вина горячева»²².

19 ноября 1683 г. на приеме у Табуна М. Ржицкий, вычитав наказную память, предложил князю шертовать царю. Но Табун снова отказался от шерти. Он заявил, что держит свое слово — не посылает своих людей на города и уезды, отказывается от участия в совместных походах (например, с Ш. Сенчикеевым, с Коокен-Матуром и др.) против них и т. п. Табун даже пообещал выдавать «головою» телеутов, виновных в «задорах», и заявил о готовности отвечать собственной головой за подобное «дурно»: «...а будед де мои люди учинят какое дурно под Томском и под Кузнецком и в уездах, и о том бы де ко мне присылали ис Томскова послов, и я де тех людей, сыскав, пришлю к великим государем головою... и в том де великих государей воля и с моею головою». Что касается формальной стороны дела, то Табун предложил, чтобы кн. Кольцов-Мосальский сам направил послов к Галдан-хану с просьбой разрешить Табуну шертовать царю: «...и буде Бушукту-хан велит мне шертовать, и яз де шертую, а без ево де ведома шертовать не смею»²³.

Итак, Табун еще раз отказался от шерти царю. Но томский воевода и после этого не оставил своих попыток добиться его подданства царю во что бы то ни стало.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 737, л. 57, 59.

¹⁵ Там же, л. 25—26.

¹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 184, л. 347—347об., л. 350.

¹⁷ И. Кузнецов-Красноярский. Исторические акты XVII столетия, с. 17—18.

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 190, л. 359—360об.; и др.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 189 и сл.

²⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 178, л. 335.

²¹ Там же, л. 332об., 334об.

²² Там же, л. 334об. В случае отказа князя от шерти жалованье надлежало привезти обратно в Томск.

²³ Там же, л. 334об.—335об.

В конце ноября 1684 г. кн. А. М. Кольцов-Мосальский отправил «в телеуты» новое посольство во главе с тем же М. Ржицким и с тем же заданием — добиться принятия Табуном русского подданства²⁴. На сей раз воевода, видимо, не посылал «жалованья» Табуну, так как в наказной памяти (а она идентична наказу М. Ржицкого в 1683 г.) об этом ничего не говорится. Посол должен был составить список шертовавших лиц, если шертованье состоится²⁵.

На послонанье Табун признался М. Ржицкому, что, «не смея» шертовать царю без позволения хана, он до сих пор за разрешением в Ургу «не ездывал» и пообещал съездить после отправки своих посланцев в Томск. Но основной смысл «речей» Табуна на приеме М. Ржицкого сводился к тому, что в данное время нет необходимости в заключении специального мирного договора между Телеутской землицей и русскими властями, так как между ними и так царит мир, намерения князя в отношении русских сугубо миролюбивы. По его мнению, прежняя острота противоречий между телеутами и русскими исчезла: «А что де промеж нами, — заявил он, — была какая ссора и война, и то де ныне прошло ветром и вешнею водою»²⁶. Всю вину за эти ссоры он свалил на Б. Кожанова и уверял, что после убийства Балыка по его приказанию русским людям «никакова дурна не было и впредь не будет», ибо ему приятнее получать «государево жалованье» («пить, есть и платье носить»), нежели воевать с русскими ратниками, а также потому, что хан приказал Табуну «с великими государи» «жить в миру»²⁷.

Вместе с тем Табун изложил М. Ржицкому два требования: 1) возвратить «выезжих телеутов» из Томска и 2) запретить чату Баараню из Томского уезда и «выезжему телеуту» Мараяю из Кузнецка ловить бобров в телеутских урочищах, ибо они «землею нашу смучают ездят, речки наши вылавливают»²⁸. Впрочем князь имел трезвое суждение по данному вопросу, ибо причину усиления борьбы из-за зверовий видел во все растущих потребностях обеих сторон в пушнине (выше мы приводили его слова о клетях «русаков» и о «коробьях» телеутов). В заключение он снова просил ставить его в известность, когда его люди «что у вас здуруют не по делу», и розыск «воров» брал на личную ответственность («А будет, что в своих людях воровства не сыщу, и в том де вольны великие государи со мною») ²⁹. Фактически это был аванс русским властям за удовлетворение ими претензий телеутской стороны. Итак, прихо-

дится констатировать, что и второе посольство Матвея Ржицкого не выполнило стоявшей перед ним основной задачи.

11 февраля 1685 г. М. Ржицкий возвратился в Томск в сопровождении посланцев Табуна-Юргутая (Ергутана) и Кочканака, «ударивших» царю от имени князя ярцом рыжим, 2 красными лисами и недолисью. Посланцы Табуна подняли в Томске три связанных между собой вопроса: 1) «о бобровых речках» (протест против охоты Баараня и Марая в урочищах Табуна); 2) «чтоб им (телеутам Табуна.— А. У.) уководать на Береть», 3) «о выезжих белых калмыках ево (Табун.— А. У.)»³⁰.

По первому вопросу кн. А. М. Кольцов-Мосальский обещал посланцам провести расследование и принять соответствующие меры. И, действительно, сразу же после отъезда последних (22.02.1685 г.) он запросил своего кузнецкого коллегу И. Конищева о местонахождении урочищ, в которых охотится Марай. На допросе у Конищева Марай показал, что он и его «товарищи» из «выезжих телеутов» промышляют в урочищах по рекам Тарсме, Косме, Уру, Чумышу и в Таволгане (междуречье Берди и Ини). Марай называл эти урочища «своими»; «а Табуново де урочища ныне за Обь де рекою». Свидетель по делу атаман И. Кузьмин подтвердил, что Марай и другие «выезжие телеуты» охотятся в Таволгане и даже на р. Мерети, но что «тому 27 лет на том месте бывало кочевье белых калмыков князца Табуна с улусными ево людьми. А как де он, Табун, отъехал с того своего места за Обь реку и на тех урочищах никто не промышляет» (из людей Табуна.— А. У.), а охотятся русские люди и «татаровья»³¹.

Докладывая в Томск о результатах следствия, И. Конищев предложил перенести «межу» с телеутами с Ини на Бердь: «...а межа, господине, положить промышленным всяких чинов людям за Таволган по Бердь реку и Чернолесье. А та межа от Кузнецкого невдальних местах з запасом ехать из Кузнецкого два днища». Как видно, И. Конищев мотивировал необходимость перенесения межи соображениями безопасности и удобства эксплуатации данных урочищ кузнецкими людьми вследствие близости их к Кузнецку. Кроме того, он полагал, что если не перенести границу на Бердь, то это нанесет ущерб ясачному сбору: «А естли, господине, будут Табунковы люди кочевать, промышлять по сю сторону Берди реки и государскому ясаку помешка будет большая и русским людям утеснение»³².

Видимо, по этой рекомендации в конце XVII в. межа с Телеутской землицей на русских чертежах была перенесена

²⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 179, л. 335—336об.

²⁵ Там же, л. 335—336об.; № 180, л. 337 и сл.

²⁶ Там же, № 180, л. 338.

²⁷ Там же, № 180, л. 338.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 338—338об.

³⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 180, л. 338об., № 181, л. 339об., № 202, л. 370.

³¹ Там же, кн. 18, № 180, л. 338об., № 202, л. 371—371об.

³² Там же, № 202, л. 371об.

к югу, с Ини на Бердь, и междуречье последних включено в состав Томского уезда³³.

Таким образом, по претензии Табуна было проведено исследование по всей форме, в ходе которого было установлено, что урочища между Бердью и Иней, на Чумыше и другие действительно принадлежали Улусу Абаковичей. В связи с этим кн. А. М. Кольцов-Мосальский запретил чату Баарану охотиться в этих урочищах и распорядился, чтобы кузнецкий воевода И. Конишев сделал такой же запрет «выезжому телеуту» Марая³⁴. Иными словами, формальная сторона дела была соблюдена. Но фактически запрет касался лишь чатов и «выезжих телеутов», на русских промышленников он не распространялся. Больше того, на деле и чаты и «выезжие телеуты» позднее тоже продолжали промышленять в этих урочищах, и воеводы сквозь пальцы смотрели на нарушение запретов: полное прекращение промысла подданных русского царя в спорных угодьях шло вразрез с интересами ясачной казны, вредило не только сбору ясака, но и поступлению пушнины в казну вообще.

Положение воевод, конечно, можно понять: ясак всегда был для них альфой и омегой финансово-административной деятельности. А если вспомнить, что поступление его в 70—80-х гг. XVII в. сократилось из-за стихийных бедствий и разорительных поборов и набегов телеутских и киргизских князьков, то станет ясным, почему так ухватились воеводы за телеутские урочища в междуречье Ини и Берди. В феврале 1682 г. томский воевода кн. И. М. Кольцов-Мосальский докладывал Москве: «И на 177 и на 178 и на 179 и на 180 и на 181 и на 182 и на 183 и на 184 и на 185 и на 186 и на 187 и на 188 годы и впредь твоего великого государя поминков и ясаку взять будет не на ком от киргизского и калмацкого разоренья»³⁵. В этой отписке речь шла о недоимках, накопившихся с 1669 г. в порубежных волостях Томского уезда, куда за ясаком в 189 г. ездил Г. Пущин, привезший эти безрадостные вести воеводе.

И. Давыдов в Кузнецке в зачет ясака брал, как мы уже знаем, железные крицы и таганы (за 189 год). Эта «великая нужда» была вызвана рядом причин: 1) многие ясачные «за старостью и за увечьем и за болезнями» зимой на промысел не ходили; 2) «кинские многие от голоду разбрелись в разные места в черные и в белые калмыки и в киргизы и в точи и в мунгаты и в саяны и в горы безвестно»; 3) леса, в которых промышленляли северные алтайцы (по р. Кондоме и верхней Бие, «забийские леса»), сначала «вешним пожаром выгорели», а затем летним палом («А после того ж волею божиею были молнии велики

³³ Чертежная книга Сибири 1701 г. С. У. Ремезова, л. 13. См. также чертежи Томского уезда в «Хорографической книге» и в «Служебной книге С. У. Ремезова» (Эрмитажное собрание).

³⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 224.

³⁵ Там же, стб. 737, л. 27.

и громы сильные, и теми молниями и теж леса и черни выгорели без остатку»); 4) осенью 189 г., как уже отмечалось, черные и белые калмыки, киргизы, саяны, точи, мунгаты порознь (всего более 300 чел.) «пограбили без остатку» приготовленный к сдаче ясак и «что было ячмени на семена и на обмен»³⁶; 5) многие ясачные находятся в бегах «от воровства киргиз и белых калмыков и иных земель от немирных иноземцев и от смертного их убойства и от голоду»³⁷.

Ясно, что в такой обстановке воеводы не были заинтересованы в монопольной эксплуатации названных урочищ людьми кн. Табуна.

Соображения такого же порядка определили и решение второго вопроса — о разрешении Табуну «кочевать на прежних ево урочищах, на Мерете»³⁸.

Выше мы уже частично касались причин, объясняющих постановку этого вопроса перед русскими властями. Просьба Табуна о перекочевке на Мереть — прежде всего проявление политики лавирования: поскольку усилился нажим со стороны хана и возросла угроза полной потери Табуном суверенных прав на Улус Абаковичей, телеутская знать считала полезным для себя сближение с русской администрацией (для чего были прекращены набеги и другие враждебные акции) в надежде на ее помощь и защиту от контайши, а для этого надо было жить поближе к русским уездам, к телеутско-русской «меже».

Во-вторых, перекочевка на Мереть облегчала телеутам ведение торгово-меновых связей с русскими крестьянами и посадскими людьми. Ни один из соседних с Телеутской землицей народов, ни одно из племен не могли заменить ей русских в качестве торгового партнера.

В-третьих, это приближало телеутов к их основным промысловым угодьям на правобережье Оби, их удобнее было эксплуатировать, кочуя на Мерети. Заобские ленточные боры были не столь богаты пушным зверем и другой дичью, как Чернолесье, Таволган и остальные урочища телеутов, находившиеся между Обью и русскими уездами.

Таковы, по нашему мнению, основные причины челобитья Табуна об «укочевании на Мереть».

Что же мешало Табуну в этом, ведь до конца XVII в. район Мерети принадлежал Телеутской землице? Дело в том, что Табун хотел получить от русских властей известные гарантии на то, что, кочуя на Мерети, он не подвергнется ударам с их стороны, как это было в начале 60-х гг. XVII столетия. Не случайно, послы Табуна при переговорах в Томске совершили экскурс в прошлое телеутско-русских отношений: они вспомнили верную службу Абака царю, его походы против киргизов, утверждали,

³⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 737, л. 57, 59.

³⁷ Там же, л. 61, 63.

³⁸ Там же, стб. 715—716, л. 223—224.

что кн. Кока «с государевыми людьми войны не вчинял», заверяли, что и Табун «с русскими и иноземцы отнюдь войны вчинять не будет» (следовали примеры с «подзывать» Табуна Ш. Сенчикевым в 1679 г. и Коокен-Матуром в 1682 г.)³⁹. Смысл этого экскурса был в том, чтобы убедить воеводу в миролюбии телеутов, дабы он не опасался последних, разрешил им перекочевку.

Конечно, администрация Томска могла бы ухватиться за это челобитье и позволить телеутам Табуна возвратиться на их кочевья в районе Мерети: это как будто сулило благоприятные перспективы развития русско-телеутских отношений и в политическом (легче было бы добиться прорусской ориентации, а возможно, и подлинного подданства Табуна) и в экономическом (легче развивать торговый обмен) плане. Но кн. А. М. Кольцов-Мосальский не внял заверениям послов Табуна о желании последнего «жить в миру и в совете»⁴⁰ с русскими — томские власти хорошо помнили телеутские набеги в 60—70-х гг. и боялись иметь под боком столь опасных и беспокойных соседей. Вторая причина отрицательного отношения воеводы к плану Табуна заключалась в том, что перекочевка телеутов на Мереть привела бы к усилению эксплуатации ими угодий на правом берегу Оби (Таволган и др.), в которых уже шел промысел для ясачной казны русского царя.

И хотя воевода запросил (в связи с челобитьем Табуна о перекочевке на Мереть) решение Сибирского приказа, он, не дожидаясь этого решения, «собою» отказал Табуну в его просьбе: «И я, холоп ваш,— писал кн. А. М. Кольцов-Мосальский царю,— ему, Табуну, на Мерете кочевать не велел, потому что ныне в тех урочищах ваших великих государей всяких чинов русских людей многие деревни и пашни роспахали»⁴¹. Выставленная воеводой причина — не что иное, как заведомая ложь во спасение. На чертежах Томского и Кузнецкого уездов (конец XVII в.) из всех трех собраний Ремезова никаких русских деревень, а также пашен в районе Мерети и значительно севернее ее — в междуречье Ини и Берди — не обозначено. Только *на правом берегу р. Ини*, на рч. Кудулу, обозначена д. Гутова, *да еще севернее, на правом берегу р. Ояш* — деревни крестьян Пашкова и Красулина⁴². Еще в 1697 г. томский воевода В. Ржевский сообщал в Москву о районе р. Ояш: «А кочуют около тех урочищ чаткии татаровя и ясашные люди розных волостей»⁴³. О русских деревнях и пашнях на Ояше в отписке В. Ржевского не говорится ни слова и неудивительно, ибо их тут в 1697 г. не было. Но тем более их не было южнее, в междуречье Ини и Берди, а также на Мерети.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 222—224.

⁴⁰ Там же, л. 223.

⁴¹ Там же, л. 224.

⁴² Чертежная книга Сибири 1701 г. С. У. Ремезова, л. 13.

⁴³ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 41, л. 4.

В середине 80-х гг. XVII в. русская администрация еще не ставила вопроса об интенсивной эксплуатации названного района путем заведения пашенного хозяйства и более продуктивного, чем у кочевников, скотоводства, а народная колонизация еще не докатилась до междуречья Ини и Берди, так как этому препятствовали южные соседи в лице Телеутской земли. Этот район представлял для казны интерес лишь в качестве поставщика пушнины, а стремление сохранить поступление мягкой рухляди на прежнем уровне (в конце XVII в. оно заметно снизилось) было главным мотивом, толкавшим воевод на присвоение, точнее — на захват явочным путем промысловых угодий, принадлежавших Телеутской земле.

Стремление к монополюющей эксплуатации этих угодий — источник серьезных противоречий между телеутской знатью и русскими властями в конце XVII столетия.

Таким образом, интересы безопасности и ясачной казны мотивировали отказ томского воеводы удовлетворить челобитье кн. Табуна о переселении его Улуса на Мереть.

Третий вопрос — о возвращении кн. Табуну пленных и «выезжих телеутов» — был поставлен телеутской стороной уже вторично. Воевода заявил послам Табуна, что он неправомочен решать этот вопрос и запросит о том Сибирский приказ⁴⁴. На положительный ответ Сибирского приказа Табуну, впрочем, нечего было надеяться: во-первых, потому, что воеводы не хотели лишаться исправных плательщиков ясака и неплохих воинов, каковыми были «выходцы на государево имя», ясачной казне и делу обороны уездов это нанесло бы ущерб, а за пленников можно было бы получить выкуп; во-вторых (и это главное) выдача перебежчиков кн. Табуну могла негативно сказаться на отношении других аборигенов Южной Сибири к переходу в русское подданство. Предоставление убежища подданным соседних государств не противоречило нормам международного права, и потому выдача перебежчиков нанесла бы ущерб престижу Русского государства.

Таким образом, и решение по третьему вопросу было продиктовано интересами ясачной казны и обороны, соображениями престижа.

Нам представляется, что посольство Юргутая и Кочканака было прислано Табуном для зондирования почвы об условиях шерти телеутского князя царям (недаром он обещал русским послам съездить весной «как снег сойдет» к Бошту-хану за разрешением на сей счет)⁴⁵. Вопросы, поставленные Табуном перед воеводой, мы рассматриваем как предварительные условия, решение которых в пользу Табуна обеспечило бы переход его Улуса в русское подданство, как своеобразный аванс, который хотел

⁴⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 181, л. 339об.

⁴⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 181, л. 339об.

бы получить кн. Табун за этот шаг. Мы видели, почему воевода не мог принять этих условий. В целом переговоры в Томске закончились обещанием воеводы разобраться с жалобами насчет эксплуатации угодий русскими подданными, а об остальном доложить Москве.

В то же время кн. А. М. Кольцов-Мосальский почувствовал, что хотя Табун и отказался от дачи шерти в 1684 г., но его позиция по этому вопросу стала менее жесткой, и сделал новую попытку привести его в русское подданство: 31 октября 1685 г. к Табуну выехало посольство во главе с с. б. И. Вербицким. Наказная память ему содержала обзор телеутско-русских отношений за последние 5 лет, начиная с посольства Г. Пушина к Галдан-хану и кончая посольством Юргутая и Кочканака в Томск в 1685 г.

И. Вербицкий должен был лично подтвердить Табуну, что воевода, будучи неправомочен решать вопросы о выдаче беглых телеутов и «об укочевании на Мереть», запросил об этом Москву и теперь ждет ответа. Он имел поручение звать Табуна в подданство на условиях, которые неизменно фигурировали в наказах всех русских послов, начиная с В. Бубенного (1679 г.). Особо подчеркивалось обязательство Табуна не собирать дани на хана и на себя с двоеданцев. Русская сторона брала на себя обязательство защищать и не «воевать» Улус Табуна («береженье и милость, а войны и разоренья ему, князю Табуну, от великих государей никакова и ни от ково не будет») ⁴⁶.

Кроме того, посол должен был потребовать от Табуна выдачи бежавшего из тюрьмы в 193 г. Калту Мандыкаева и «черного калмыка иноземной породы», холопа, бежавшего от своего господина — Е. Тинцова: «А бежали те люди к ним, в Белые Калмыки, и он, Табун, тех беглых людей велел бы сыскать, а, сыскав, прислать в Томской...» ⁴⁷

24 декабря 1685 г. на приеме у Табуна И. Вербицкий в конце своей «речи» предложил князю принять шерть и снова встретил отказ: «Без вельня Бошекту-хана,— заявил Табун,— шертовать и золото пить не смею» ⁴⁸. Он опять обещал съездить за разрешением на шерть к хану и прислать в Томск с уведомлением об этом специальных посланцев. Однако в отношении Табуна к шерти произошел еще один сдвиг — если раньше он сам не давал шерти и улусным не разрешал делать этого, то теперь заявил: «...а ныне велю шертовать братьям своим и всем лутчим улусным людям». Вербицкий ухватился за это и потребовал личной шерти Табуна: «Прежде ты, Табун, шертуй великим государем, а после тебя братья твои и все лутчие улусные люди». Посол подчеркнул, что прислан принять шерть именно от Табуна

и что если не будет шертовать сам Табун, то не дадут шерти и его люди. Он упрекнул князя в том, что тот никогда раньше не давал шерти. «И то твоя, Табунова, неправда», — заключил И. Вербицкий.

А дальше началась настоящая торговля между послом и князем. Табун припомнил, что все прежние послы привозили ему царское жалованье — по портищу сукна и по ведру вина. Посол отвечал что, и он привез жалованье, но вручит его лишь после дачи князем шерти. Мы уже знаем, как, обвинив послов в желании присвоить царское жалованье, Табун приказал доставить царские подарки в юрту, но когда принесли их, то принял «жалованье» «с честью» (даже встал на ноги при этом) ⁴⁹. Принимая дары, Табун в краткой речи повторил, что «не смеет» без ханского приказа дать шерть, но добавил: «а их государево жалованье — вино *пью на своей правде* с своими детьми и з братьями и лутчими улусными людьми» ⁵⁰.

Далее, он, по сути дела, дал «усеченную» шерть (без традиционной части формулы о вечном холопстве и т. п.), содержащую конкретные обязательства: 1) под города и на уезды «войной» не приходить; 2) русских людей и ясашных «не бить и не грабить»; 3) «на Бошекту-хана и на себя с ясашных наперед сего ясаку не имывать». В заключение он утверждал, что и раньше, якобы, не обижал ясашных «и впредь такох не буду имать». «И хочу,— сказал далее князь,— я, Табун, быть под царского величества высокою рукою и чтоб великие государи пожаловали меня, князца Табуна, и всех улусных людей жить на наши прежние житья, на Мереть и на Алаковы горы» ⁵¹.

Итак, Табун фактически декларировал ненападение телеутов на русские уезды и отказ от сбора дани с ясашных на себя и хана, он был готов к принятию русского подданства при условии возвращения его улусов на старые кочевья.

Следует заметить, что позднее Табун твердо придерживался декларации о ненападении на русские уезды. Например, в 1686 г., когда воеводы Томска и Кузнецка, опасаясь повторения событий 1682 г., предполагали возможность совместного выступления Коокен-Матура, Матура-тайши и телеутов Табуна, ясашные барабинцы Коста и Кучек «тайным обычаем» сообщили в Томск, что Коокен-Матур, собравшись «с воинскими людьми в полутретье тысячи», у Табуна «*прошал на помощь людей и Табун де ему, Кокону, людей не дал и в том отказал, а сказал ему, Кокону, что с государскими людьми ссорица не будет*» ⁵². Судя по этим вестями и донесениям разведчиков, Коокен-Матур намеревался напасть на русские уезды. Свидетельство о твердом от-

⁴⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 181, л. 339об.—340об.

⁴⁷ Там же, л. 340об, В тексте: «Калтумас Дыкаев». Ошибка кописта XVIII в.

⁴⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 182, л. 341об.—342.

⁴⁹ Там же, л. 342—342об., 343.

⁵⁰ Там же, л. 343.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, № 214, л. 378.

казе Табуна участвовать в этом антирусском мероприятии тем более ценно, что оно исходит из достаточно объективного источника, «от третьих лиц».

В следующем, 1687 г. воеводы, не надеясь на верность Табуна, продолжали внимательно следить за событиями в Телеутской землице и у ее соседей. Русские разведчики, проезжие станицы подолгу находились в двоеданческих волостях, скрупулезно собирая сведения о передвижениях телеутов, ойратов и др. В июле 1687 г. из Керсагальской волости с тревожными вестями возвратились кузнецкие казаки О. Ананьев и Ф. Рыжков: «керсагальские мужики взяты к Матуру-тайше», князец Лобашка (брат Матура-тайши.— А. У.) пошел к Матуру, «а Матур-тайша и Табунко с своими улусными людьми стоят в скопе в своих улусах, а по высоким местам у... керсалов и саянов стоят караулы конные...»⁵³. Эти вести о совместном кочевании Табуна с Коокен-Матуром и другими ойратскими тайшами обеспокоило кузнецкого воеводу И. Конищева. В августе 1687 г. он направил в Азкештимскую и Тагапскую волости И. Бедарева «с товарищи» в проезжую станицу, чтобы уточнить, «где стоят черные и белые калмыки князцы Табунко и Коокен Матур с товарищи»⁵⁴. В начале сентября казаки возвратились в Кузнецк, узнав от тагапцев, что «князец Табунко с Коокенко кочуют вблиз Оби реки, на зарешной стороне, по Шолмону речке с своими улусными людьми...»⁵⁵. Но и на сей раз опасения воевод в отношении намерений Табуна были не основательны, действия Табуна и на этот раз не были связаны с планами походов князя против русских уездов: начатая Галдан-ханом война за Халху превратила Алтай в арену бурутских вторжений. Уже осенью 1687 г. буруты «Коокеня Матура побили и улус его... разорили»⁵⁶. Остатки Карагайского улуса и улус Табуна покинули Карагай, междуречье Алея и Чарыша, подкочевав к самой Оби.

В этой критической ситуации (угроза новых бурутских погромов,— с одной стороны, и угроза мобилизации людских ресурсов и конфискации материальных средств — лошадей, рогатого скота в условиях тяжелой войны — с другой) вассалы и кыштимы хана, владельцы окраинных частей Джунгарии стремятся срочно нормализовать отношения с русскими властями, ищут у них защиты от врагов Джунгарского ханства. Так, Матур-тайши уверял служилого человека из Кузнецка К. Заболоцкого и толмача Я. Турзуна, что «от него з государскими людьми никаких задоров не будет», при этом он даже вспомнил, что

⁵³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 215, л. 379об. В тексте «саченов» вместо «саянов».

⁵⁴ Там же, № 216, л. 379об.—380; ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 65.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 65; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 216, л. 379об.—380.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 65; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 217, л. 381об.

когда-то шертовал царю «на том»⁵⁷. В конце 1688 г. «Матурко (Коокен-Матур.— А. У.) и Табунко, и Шалдайко (Шаадай, сын кн. Мачика, вокняжившийся после его смерти в Улусе Мачиковичей.— А. У.) со всеми своими улусными людьми и Боштукановы достальные люди ис Карагаю перешли и кочуют все по сю сторону Оби реки повыше усть Бии и Катуня рек, около Иткульского озера к черням. А перешли они от теснения буртских и мунгалских людей». Оставшийся пока «на Кону» (р. Кан.— А. У.) Матур-тайши готовился «итти х Телесскому озеру»^{57а}.

Что касается рядовых телеутов, то некоторые из них в это время находят выход в переходе в русское подданство, ибо в той обстановке только он давал спасение от разорения, порабощения и гибели. Так, 26 ноября 1688 г. в Кузнецк приехал со всей семьей телеут Котон из «Бачикова улуса»⁵⁸. Конечно, Котон был не единственным перебежчиком из Телеутской землицы в 1688 г.

Известно, что буруты вытеснили самого Галдан-хана с верховий Иртыша в долину Чулымшана, где в кочевьях своего вассала Тоухар (Духар)-зайсана он в сентябре 1687 г. потерпел поражение от бурутов и Очирой Саин-хана. По приказу Галдана весной 1688 г. на помощь ему пошли Матур-тайши, Коокен-Матур и многие другие князьки. Но Табун отказал в помощи Бошту-хану, сидевшему в осаде «от буртов»⁵⁹.

Объяснение этой недисциплинированности ханского кыштима мы видим в том, что Табун продолжал последовательно проводить линию на сближение с русскими властями (разрешение подданным дать шерть царю, декларация о ненападении и прекращение набегов на уезды и пр.). Отказав хану в помощи, Табун фактически тем самым заявил о выходе из подчинения Галдану. Но он понимал, что этот шаг может вызвать карательные меры со стороны последнего, и, видимо, это обстоятельство положило конец колебаниям князя: он решил укрепить отношения с воеводами, дав шерть русским царям по полной формуле.

В свою очередь, едва в Томске и Кузнецке узнали об отказе Табуна оказать помощь Бошту-хану, как воеводы этих городов поспешили направить послов в Телеутскую землицу, чтобы, наконец, склонить его к русскому подданству. В апреле 1688 г. из Томска выехал посольство во главе с с. б. С. Лавровым «для того, чтобы он, Табун, з детьми и з братьи и с племянники великим государем служить и прямить и во всем добра хотеть и быть ему, Табуну, под их величества государевой самодержавною рукою в вечном холопстве навеки неотступно». На этот раз

⁵⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 217, л. 381—381об.

^{57а} ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. III, л. 22.

⁵⁸ Там же, л. 22.

⁵⁹ Там же, ч. I, л. 69, 70—73; ч. II, л. 27—30; ч. III, л. 23—24, 27, 28; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 218, 219, 221, 229 и др., л. 383—405.

послам не пришлось долго уговаривать Табуна: обстоятельства изменились, согласия на шерть у Галдан-хана он уже не собирался испрашивать, никаких предварительных условий Табун не выдвигал (вроде выдачи «выезжих телеутов» и т. п.): за спиной стояла опасность со стороны бурутов и угроза карательных мер Галдан-хана. Он лишь повторил свое челобитье о разрешении перекочевать на Мереть⁶⁰. «И он, Табун, и брат ево Ишитень, собрався з братьями и з детьми и со всеми своими лутчими людьми и великим государем» Петру и Ивану Алексеевичам «при томском сыне боярском Семене Лаврове шертовали и золото пили» на условиях, приведенных выше и дополненных обязательством «под сарские города и уезды войною не ходить и детей своих и братьев и племянников и улусных своих людей войною не посылать»⁶¹.

Мы привели полный текст этой шерти, ибо для нас важны не столько сами по себе условия, сколько самый акт шерти: ведь Табун до сих пор уклонялся от нее и лишь в конце жизни решился на этот шаг. Это — первая шерть кн. Табуна на «подданство» (т. е. договор о союзе с русскими властями). В этом плане шерть Табуна расценивается как несомненный успех томской дипломатии.

В то же время заключение союза с русскими властями явилось логическим завершением мер, предпринятых самим Табуном с целью сближения Телеутской земли с русской администрацией, развития добрососедских отношений с русскими уездами (начало этому было положено еще в 1678—1679 гг.), постепенного отхода от Джунгарии и разрыва политических связей с нею. В этом аспекте шерть Табуна была важной вехой в истории телеутского общества. Табун понимал всю значимость этого шага и предвидел возможные последствия его для телеутско-ойратских отношений. Именно поэтому он ратовал за перекочевку его людей на Мереть и по примеру отца предлагал направить своих послов в Москву, дабы на самом высоком уровне закрепить союз с Русским государством и получить гарантии безопасности Улуса Абаковичей от Джунгарского ханства: ведь такая поездка послов была бы равнозначна признанию независимости Улуса Абаковичей от Джунгарии (а также и от Русского государства).

24 июня 1688 г. С. Лавров возвратился в Томск⁶². Обрадованный успехом его миссии воевода кн. С. П. Вяземский срочно известил об этом Москву. Но еще за полмесяца до возвращения С. Лаврова кузнецкий воевода И. М. Конищев послал к Табуну

свое посольство во главе с А. Сметанниковым и И. Бедаревым. Он наказал послам звать Табуна в подданство «лаской и приветом», «обнадеживать жалованьем и обережью», но в то же время (из опасения «продешевить») потребовать от Табуна платить «по вся годы» ясак «по лисице с лука» и «слать» аманатов в Кузнецк. Если эти условия не удовлетворят Табуна, он может прислать своих послов «для договору» в Кузнецк⁶³. И. Конищев явно стремился использовать затруднения кн. Табуна и добиться его подданства на условиях уплаты ясака и выдачи аманатов. Этих обязательств мы не видели в наказной памяти С. Лаврову, и Табун, разумеется, был огорошен предложением И. Конищева: выше мы не раз могли убедиться в том, что на таких условиях телеутские князья шерти не давали

Так случилось и на этот раз: Табун заявил послам Кузнецка, что он уже дал шерть С. Лаврову, «а с вами де шертовать в другорядь не буду»⁶⁴. И так, Конищеву не удалось изменить условия шерти Табуна: но, поскольку шерть, данная Табуном, не обязывала его давать ясак и аманатов, не санкционировала вмешательство томских воевод во внутренние и внешние дела Улуса Абаковичей, то мы вправе считать «подданство» Табуна, как и «подданство» его деда и отца, формальным, а зависимость его от русских царей номинальной.

После дачи шерти Табун активно добивается разрешения на перекочевку его улусов на Мереть. На этом настаивают его посольства 1689 г. Так, 17 марта 1689 г. в Томск прибыли послы Табуна — Собай Тюрязев и Тоян Урмаев. Они привезли «в дарах 5 лисиц красных белодушчатых»⁶⁵. На приеме у С. П. Вяземского послы, справившись о здоровье царей Петра и Ивана и регентши Софьи, извинились от имени князя за незначительность его подарков и объяснили это разорением в их земле: «А прислал бы он, Табун, великим государем в дарех и многое число, только де ныне в их земле разорение чинитца, война с Кошеуцкою землею, с князем Араптаном Тарлаевым»⁶⁶.

Послы подтвердили факт дачи шерти кн. Табуном. Объясняя, почему этого не случилось раньше, они повторили стандартную фразу о том, что на шертованье требовалось разрешение хана. Другую причину они видели в политике прежних воевод. *Изменение этой политики*, по их мнению, привело их князя в русское подданство: «А ныне де услышали милость великих государей к себе и признание, ласку и любовь стольника и воеводы князя Семена Петровича Вяземского, он, Табун, з братьи и с племянники и со всеми своими улусными людьми шертовал...»⁶⁷

⁶⁰ ЦГАДА, стб. 1071, ч. II, л. 31—32; ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 12, л. 1; л. 32, л. 1—2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 228, 231, 248, л. 400—428.

⁶¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 228, л. 400—400об.; № 231, л. 406об.—407; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 12, л. 1—2.

⁶² ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 231, л. 406об.

⁶³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 73.

⁶⁴ Там же, стб. 1071, ч. II, л. 31—32.

⁶⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 232, 233, л. 407об.—408об.

⁶⁶ Там же, № 233, л. 407об.

⁶⁷ Там же, л. 407об.—408.

Эта мысль о милости и призрении царей и о ласке и любви воеводы, означающая оценку Табуном доброжелательного к телеутам курса томских властей и центрального правительства, дважды повторена в отписке воеводы в Москву; подчеркнута, что именно по этой причине, а также видя «градских людей правду и совет», Табун и его люди дали шерть. Наконец, причину ссор «в прежних годах» («как Балык Кожанов ис Телеут в Томской выехал») они усматривали в происках Балыка, «а ныне то все покинули, потому что де он, Табун, великим государем шертовал *вправду* и хочет быть в вечном холопстве з братьи своими и с племянники и со всеми своими улусными людьми».

Второе поручение послов Табуна состояло в том, чтобы договориться об установлении свободного торго с татарами-чатами (чтобы «им, Табуна и Иштению и улусным их людем торговать было повольно» как с русскими, так и с чатами). Судя по всему, в целях обеспечения стопроцентного поступления покупных пошлин с подданных царя (телеуты ни покупных, ни продажных пошлин не платили) прямой торг между телеутами и подданными царя, в частности чатами, на телеутской «меже», где невозможно было обеспечить сбор торговых пошлин, был запрещен. В качестве повода к возбуждению этого вопроса (о повольном торге) послужила пропажа «шубы лапчатой лисьей под камкою, 4 бобров рыжих, 5 бобров черных, 5 лисиц красных белодушчатых да 4 лисиц белодушчатых же»⁶⁸, отправленных на обмен в Томск двоюродными братьями Табуна князьями Иштением и Бехтением Суртаевыми с купцом-бухаретином Тюлеком. Послы Табуна получили частное поручение братьев Суртаевых просить воеводу о розыске их «живота», во избежание ссоры с томичами и чатскими татарами.

Но главной целью приезда послов было их «словесное» челобитье регентше и царям о позволении перекочевать на Мереть, «а Мереть,— спешил добавить в своей отписке С. П. Вяземский,— государи, от Томского в самых ближних местех»⁶⁹.

Настойчивость Табуна в последнем вопросе можно понять лишь с учетом событий, происходивших в Центральной Азии (война Галдан-хана с «Кошеуцкою землею», т. е. с хошоутскими владетелями Кукунора и др.)⁷⁰. Хотя Табун и дал шерть царю, ему не удалось избавиться от кыштимской зависимости от хана Джунгарии. Можно думать, что начатая Галдан-ханом война в Монголии привела к увеличению алмана, к конфискациям лошадей и другого скота для нужд ханских войн и пр. Табун потому и рвался на Мереть, что перекочевка могла избавить телеутов от тягот военных авантюры Бошту-хана, от

разорительных усобиц, от вторжения бурутов или ослабить это бремя.

Но, боясь беспокойного соседства, томские воеводы пугали этим и Москву. В результате дело с перекочевкой на Мереть безнадежно затягивалось: С. П. Вяземский, по примеру своих предшественников, запросил решение Москвы, тут же дав понять руководству Сибирского приказа, что телеутская перекочевка на Мереть нежелательна⁷¹.

В декабре 1689 г. в Томск прибыло второе в этом году посольство Табуна — Номой Киреев «с товарищи». Они снова подняли на переговорах с новым воеводой — стольником И. И. Дурново два вопроса: 1) о перекочевке на Мереть и 2) о пропуске послов Табуна в Москву. Воевода, как и его предшественники, пообещал запросить Сибирский приказ по первому вопросу, но, видимо, сообщил о положительном решении второго. Во всяком случае, в первой половине 1690 г. в Томске, по всей видимости, было получено разрешение на пропуск телеутских послов в Москву, и воевода некоторое время ждал их приезда в город, однако они до нового года (до 1 сентября 1690 г.) так и не появились.

Тогда 31 августа 1690 г., действуя по царскому указу, И. Дурново отправил к Табуна конных казаков И. Рыбникова, Я. Легачева и А. Коновалова. Задача посланцев заключалась в том, чтобы, напомнив Табуна об обмене посольствами в 1688—1689 гг., еще раз заверить князя, что об его просьбе насчет переселения на Мереть воевода будет писать в Москву. А главное, посланцы должны были узнать, почему Табун не посылает своих послов в Москву, и сообщить, что И. Дурново пропустит их в столицу Русского государства⁷².

Результаты этой миссии нам неизвестны. Но, видимо, послы Табуна в Москву не ездили: возможно, недовольный проволочками в решении вопроса о переселении на Мереть, Табун отказался от намерения искать решения своих проблем в Москве; не исключено, что ему пришлось отказаться от этой идеи под давлением усилившего свои позиции в Джунгарии Цэван-Рабдана. Впрочем, 1691—1694 гг. плохо обеспечены источниками, и многое по этой причине остается пока неясным в развитии телеутско-русских отношений.

Итак, хлопоты Табуна о возвращении на Мереть закончились безрезультатно; «выезжих телеутов» он не получил; монопольная эксплуатация промысловых угодий на верхнем Чумыше и в Бердь-Иннинском междуречье не была восстановлена: поездка телеутских послов в Москву, судя по всему, не состоялась.

Правда, и томские воеводы, приведя Табуна к шерти, не получили с его людей ясака, а равно и аманатов.

⁶⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 233, л. 407об.— 408об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 272 и др.

⁷¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 232, л. 407—407об.

⁷² ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 12, л. 1—3; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 228, л. 399об.— 400об.

Но обоюдная выгода телеутско-русского договора 1688 г. не подлежит сомнению. Она состояла в том, что договором устранялись пограничные конфликты, разорительные набеги и военные экспедиции, укреплялось мирное соседство, расширялись и крепились торгово-меновые, а также культурные связи между телеутами и русскими людьми.

В последнее десятилетие XVII в. русские власти усилили свои позиции в Верхнем Приобье. Русская колонизация подошла к самому порогу Телеутской земли. Почти на телеутской «меже» стали возникать русские деревеньки, началась распашка целинных земель и т. п.⁷³ Томские и кузнецкие воеводы начали исподволь укреплять и заселять юго-западную границу уездов: в 1684 г. был построен Уртамский острог на левом берегу Оби, между Томском и городками чатов, а в 90-е гг. рядом с ним выросла Уртамская слобода. Воспользовавшись новым отходом телеутов на левобережье Оби и в предгорья Алтая, в долинах правых притоков Оби, между Томью и Инею (р. Ояш и др.) стали кочевать чатские татары⁷⁴.

В это же время Джунгария все больше увязала в войнах с извечными своими врагами — владетелями Халки, Кукунора, Восточной Монголии, а затем и Китайской империи. Эти войны не сулили ничего хорошего Телеутской земле, наоборот, активизация союзников Халхи — бурутов в пределах Алтая грозила истреблением и порабощением его населению. Правда, прямого участия в войнах Бошту-хана с Халкой, Циньской империей и другими (1690—1697 гг.) телеуты, видимо, не принимали: захватив Западную Джунгарию, Цэван-Рабдан отрезал их от Галдан-хана, но, вследствие занятости борьбой с дядей, у него на первых порах до телеутских князей, видимо, не доходили руки, и последние вели себя по сути дела как суверенные владетели: без оглядки на хана заключали договоры с русскими властями, принимали и отправляли посольства и т. п.

По отрывочным, правда, данным, в 1691—1694 гг. между телеутскими Улусами и русской администрацией поддерживались нормальные торговые и посольские отношения. Табун, по крайней мере, в течение 7 лет строго выполнял свои обязательства по шерти 1688 г.: в 1696 г. томский воевода В. Ржевский отмечал, что до 1695 г. Табун «против своей прежней шерти устоял»⁷⁵.

В неоднократно упомянутом нами «Известии о обидах» за отрезок 1691—1694 гг. не зафиксировано ни одного столкновения между телеутами и служилыми людьми Томска и Кузнецка⁷⁶.

⁷³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 223, л. 394—395; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 1, 6об., 15об., ед. хр. 1770, л. 1—8; и мн. др.

⁷⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 19, № 37, л. 69—70об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 41, л. 4 (данные за 1697 г.).

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 12, л. 2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 437об.; и мн. др.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1об.

Мирные добрососедские отношения между телеутами и русскими, конечно, не исключали абсолютно все и всякие конфликты. В частности, в эти годы продолжалась борьба за промысловые угодья. Так, братья Бобош и Таулай («выезжие телеуты» из Томска) «опустошали воровски втайне» урочища Булата и Бергетей (улусные Табуна) «верх по Берде реке», вылавливая бобров «без остатку без их (владельцев урочищ.— А. У.) ведома»⁷⁷. Разумеется, это был не единственный случай конфликта на почве эксплуатации охотничьих и других урочищ.

В 90-е гг. не только сохранились, но даже и приобрели известную остроту телеутско-русские противоречия из-за феодально-зависимого населения. Общей чертой социально-политического развития русских уездов и телеутских Улусов в конце XVII в. было усиление феодального гнета. Это привело к росту бегства (как формы протеста) феодально-зависимого населения от господ за пределы государства; улусные люди бегут в русские уезды, в свою очередь ясашные люди и русские холопы ищут «беловодье» в Телеутской земле. Поэтому вопрос о выдаче беглых занимает большое место в дипломатии обеих сторон. В 1696 г. с. б. Прокофьев обнаружил скрывавшегося у Табуна в ставке беглого чатского татарина Етерка Урузакова⁷⁸. Он же нашел на «Ермене-речке» (р. Ирмень.— А. У.) беглого чатского татарина Айганак Бургаева, жившего «в Телеутах, в Ытпалиных юртах»⁷⁹. Воеводы потребовали их возвращения на прежнее местожительство.

В практике торгово-меновых отношений также нередко возникали трения, обе стороны взаимно предъявляли имущественные претензии и т. п. Так, в 1694 г. томич И. Шумилов взял у телеутов ясырей и лошадей в обмен на пищаль, капкан и котел, но затянул с присылкой своего товара, чем вызвал жалобы своих телеутских партнеров по торгу⁸⁰.

Чатские мурзы и их люди тоже нередко обижали, а иногда и просто обворовывали своих торговых партнеров-телеутов. Так, мурза Сары Койбасов взял у телеута Кочканака «кобылу коурюю», а Арык Урузаков — у телеута Менды «кобылу сивую», а взамен ничего не прислали; Кутумат Кужелеков у телеута Бакая забрал «шубу лисьих лап да пять лисиц за узду железом оковану, а за то прислать было ему портище сукна доброва да котел в два ведра» и ничего не прислал; Кармышан взял у Бургудая «шубу сурвью (сурочью.— А. У.) добрую, а хотел де при-

⁷⁷ Там же, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 8; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 441.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 12—13; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 443; и др.

⁷⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 443; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 13.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 6—7; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 440.

слать за то кобылу, ферези белого сукна, и он де не присылывал». Эти примеры можно продолжить⁸¹.

В свою очередь телеуты Табуна стремились возместить свои убытки, насильно отбирая у русских людей, иногда даже у послов, их имущество. Так, Матай Табунов ограбил томичей С.Толстова и И. Салтана, ездивших в Телеутскую землицу, причем он их «везал и держал связанных ночь и хотел побить». Буквально на следующий день после этого князец Матай ограбил возвращавшегося из Карагая русского посла М. Ржицкого, «а грабежом взял десять ферези сукна анбурского..., да ферези камчаты..., семь выдер больших добрых, четыре тулупа новые..., три кожи красных..., двои ферези сукна белова сермяжнова..., десят концов холста добрава тонкова» и всего на сумму 58 р. 10 к. При этом Матай заявил, что ограбил М. Ржицкого «за Ивана Шумилова», который взял у кн. Табуна ясырей — «за тех де я ясырей у тебя, Матвея, живот и взял, а вы де возьмите тот живот свой в Томском на нем, Иване Шумилове»⁸². Это уже был настоящий разбой.

Тогда же Катамыл Бокотов (улусный Матая Табунова) «грабежом сильно взял жеребца гнедова» у томича Ф. Лаврентьева. При этом телеуты «объяснили», что берут коня «за мурзу Кияка Аиткулова и чатского татарина Байчеру», «для того, что де они мяжнова..., десят концов холста добрава тонкова» и всего на у нас забрали животных»⁸³. Безусловно, подобных фактов грабежа и разбоя было больше, чем известно по документам.

Но обращают на себя внимание характер и масштабы подобных инцидентов. Это бескровные распри, масштабы их мизерны. Такие факты — повседневное явление в жизни соседних народов. Их никак нельзя сравнивать с телеутско-русскими конфликтами 60—70-х гг. XVII в., когда обе стороны совершали набеги, военные походы друг против друга, дело доходило до вооруженных столкновений, боев и т. п. К тому же, как правило, претензии имущественного порядка, спорные вопросы о пользовании ловищами и прочее в эти годы решались мирно, дипломатическими средствами. В частности, приведенные выше жалобы табуновых телеутов Булата и Бергетя на «вылавливание бобровых речек» «выезжими телеутами» Таулаем и Бобошем, жалобы телеутов Табуна на обман со стороны некоторых русских и чатских партнеров по торгу были заявлены русскому послу Прокофьеву в ставке Табуна в 1696 г. и зафиксированы им в своем доезде⁸⁴. Есть основания полагать, что частично имущественные претензии получали удовлетворение.

⁸¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 440—440об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 6—8.

⁸² ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 5—6; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 435об.—436.

⁸³ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 5; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 436.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 6—8.

Конечно, обмен посольствами, дипломатическая активность в 90-х гг. XVII столетия объясняются не только наличием спорных вопросов, конфликтных ситуаций в сфере материальной в жизни, но и общеполитической обстановкой в Южной Сибири в эту пору. Телеутская знать не могла не видеть, в каком направлении идет развитие событий. Укрепление в этом регионе позиций России и, наоборот, ослабление позиций Джунгарии вследствие ее бесконечных войн и внутренних усобиц — все это не могло не повлиять на поведение телеутских владетелей. Не случайно, после короткой вспышки антирусских настроений в Улусе Абаковичей в 1695 г. князь Табун снова принимает «подданство»; дает шерть царю (в 1696 г.). Вслед за Табуном шертует Шаадай Мачиков. Пользуясь общим тяготением Телеутской землицы в сторону России, стремится нормализовать свои отношения с русскими властями удельный князец из Улуса Мачиковичей — Ирка Уделеков.

Еще в 1693 г. кн. Ирка Уделеков прислал в Томск своего сына Кумирию с челобитьем «ево вину отдать, а ево, Ирку, по прежней шерти принять в Томской со всеми ево улусными людьми»⁸⁵. Князец этот, как известно, приняв шерть, в 1661—1673 гг. жил в Томске, затем бежал, воевал против русских, а после поражения кн. Табуна и его союзников ушел на юг и обосновался в Карагае (северо-западный Алтай). Томские воеводы не теряли его из виду в надежде заново привести в русское подданство. Такая возможность представилась в связи с приездом Кумири.

В сентябре 1694 г. воевода В. Ржевский в соответствии с указом царей Петра и Ивана отправил «к князю Ярке» посольство во главе с опытным дипломатом с. б. М. Ржицким. Посол должен был сделать кн. Ирке «выговор» за то, что «выбежав» «з детьми своими и з братьями и с племянники и со всеми своими улусными людьми в Томской» и дав шерть царю «служить и прямить» и «во всем добра хотеть», под остроги и города «войною не ходить», не изменять царю («ис Томского никуда не отъезжать»), быть «в вечном холопстве» «под высокою государевою рукою», он, Ирка, эту шерть нарушил, царям, изменил «и отъехал в Телеуцкую землицу со всеми своими улусными людьми».

Напомнив о присылке князем Иркой Кумири с просьбой о прощении его вины, М. Ржицкий обязан был «во всем обнадеживать» Ирку и предложить ему ехать в Томск «безо всякого опасения» — посольство, следовательно, не имело поручений принять шерть кн. Ирки на месте, в его улусе; возможно, воевода хотел лишь залучить Ирку в Томск и там наказать за прежние его набеги на русские деревни и за измену царю.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 1, 2, 4; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 433—433об.

В ставку Ирки послы приехали 28 декабря 1694 г., а на следующий день Кумиря пригласил их в юрту князя для переговоров⁸⁶. Когда они вошли в юрту, кн. Ирка, его дети и улусные люди встали на ноги, князь спросил «честно» о здоровье царей и воеводы, т. е. соблюден был весь дипломатический ритуал. После ответа послов был зачитан и переведен наказ воеводы посольству.

Отвечая на обвинения воеводы, кн. Ирка признался, что, живя в Томске, после своего добровольного «выхода» на царское имя, при воеводе И. Бутурлине «от воеводы и от гратцких людей ни от каго никакой обиды и налог не бывало ему». Но воевода Н. Вельяминов отобрал у него две лошади, 15 руб. денег, три ясыря, а Д. Барятинский оскорбил тем, что большую «честь» и «лучшее» жалование дал простому улусному человеку, Балыку Кожанову, а не ему, князю Ирке. Почувствовав «неприятство» воеводы, Ирка отъехал из Томска. Так Уделеков объяснил причины своей измены царю.

Далее, вопреки фактам он утверждал, что после отъезда из Томска, он якобы ни под Томск, ни под другие города и на уезды «войною не приходил и нигде великих государей русским и ясажным людем никакой обиды и налог не дельвал». Однако, понимая шаткость своих объяснений и опасаясь подвоха со стороны воеводы, кн. Ирка отказался ехать в Томск под тем благовидным предлогом, что в Томске живет его сын («... а ныне де в Томской не еду, а вместо меня живет в Томском сын мой Шам»)⁸⁷.

Хотя М. Ржицкий и не требовал от кн. Ирки формальной шерти, последний изъявил готовность преданно служить царям вплоть до участия в военных походах против царских «ослушников»: «А буде великие государи изволят куды послать своих государевых служилых людей войною на своих неприятелей, и я де, Ирка, им, великими государем, служити и прямити и во всем всякого добра хотети с томскими служилыми людьми вместе рад без измены»^{87а}.

Таким образом, хотя М. Ржицкому не удалось завлечь кн. Ирку в Томск, лояльность этого карагайского князька по отношению к русской администрации была проверена.

Когда посольство возвращалось домой, «выше Берди реки» его нагнал Матай Табунов «в дватцати человеках» и насильно отобрал часть «живота», о чем мы уже упоминали выше. 11 февраля 1695 г. посольство М. Ржицкого прибыло в Томск⁸⁸.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 1—2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 433об.—434. В другом акте (ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32) земля Ирки называется не Телеутской, а Карагайской.

⁸⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 434об.—435; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 2—4.

^{87а} ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 4—6; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 434об.—436.

⁸⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 435—436.

В 1694 г. в Улусе Абаковичей также побывало посольство, в составе которого были толмач Шумилов и его сын Иван, несколько чатских татар. О целях этого посольства мы, к сожалению, пока ничего не знаем, известно лишь, что члены его взяли у телеутов Табуна их товары для обмена в Томске и пр. Не исключено, впрочем, что торговый обмен был если не единственной, то основной целью приезда Шумиловых и др. Неблаговидная деятельность Шумиловых, а также чатов во время этой поездки и после нее, о чем говорилось выше, отравила атмосферу мира и дружелюбия между людьми кн. Табуна и подданными русских царей. Недовольство телеутов обманом и проволочками в меновом торге нашли свое проявление во время послования в ставке Табуна Калины Гречанина (Мануйлова) и Алексея Кругликова в 1694—1695 гг.⁸⁹, а также накануне приезда русских послов, о чем свидетельствует факт ограбления М. Ржицкого Матаем Табуновым.

Посольство К. Гречанина и А. Кругликова, как можно судить по отрывочным данным, прибыло к Табуну с «выговором» за недавние «негораздые» действия телеутов. Хотя в источнике прямо не говорится, какими конкретно действиями вызван «выговор», но нетрудно догадаться, что речь идет об ограблении Матаем Табуновым и его людьми посольства М. Ржицкого. Послы должны были призвать Табуна к порядку или, говоря словами акта, они приехали «для переговору, чтоб он, Табун, з детьми своими и з братьями и с племянники и со всеми своими улусными людьми великим государем *служили верно* и во всем был на милость великих государей надежен против прежней своей шерти».

Очевидно, «выговор» князю за его «неправды» вывел Табуна из себя, так как «воеводских неправд» было едва ли меньше. В результате переговоры были прерваны, Табун русских послов «у себя в улусе грабил, а грабежом взял у них всяких русских товаров — сукон и юфтей и котлов, и холста, и всякой мелочи — на пятьдесят на шесть рублей на двадцать на три алтына на три деньги». При этом он якобы угрожал Томску войной. Иными словами, Табун со своими родичами и улусными людьми «солгал и шерть свою нарушил»⁹⁰.

Однако эта размолвка не переросла в длительный и серьезный конфликт: уже в 1696 г. усилиями томских властей она была ликвидирована. Неудача послования К. Гречанина и А. Кругликова, нарушение Табуном шерти, накопившиеся взаимные обиды и недоразумения вынудили В. А. Ржевского срочно направить в Улус Абаковичей новое посольство во гла-

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 32, л. 2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 437.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 1—2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 437.

ве с с. б. Н. В. Прокофьевым, чтобы разобраться в спорных вопросах и снова привести Табуна к шерти.

Воевода предлагал послам сначала отметить верность Табуна своей шерти до 1695 г., а уж затем сделать «выговор» за то, что он преступил ее, допустив ограбление М. Ржицкого, К. Гречанина и А. Кругликова. Прокофьеву следовало добиться, почему Табун «солгал» и шерть нарушил, за что грабил русских людей и почему «во всем великих государей указам чиница противен?». Полагалось разъяснить Табуну всю беспрецедентность его поступка в отношении послов: русские служилые люди ездят из разных городов Сибири и к Бошту-хану и «в Киргизы», в том числе с «выговорами», а «торговые люди для торгов», но нигде «такова разоренья и грабежу не бывало».

Затем надлежало предъявить Табуну настоящий ультиматум — чтоб «от такова дурна перестали и впредь такова разоренья и грабежу государевым русским и ясашным людям не чинили», чтобы князь «унял от такова худова дела» детей своих и улусных людей, за что ему будет милость и жалованье от царей. «А буде он, Табун з детьми... впредь учнет також государевых русских и ясашных людей разорять и грабить и всякие налоги и обиды чинить, и великие государи ево, Табуна з детьми... велят смирить войною»⁹¹. Послы были обязаны вытребовать весь «грабежный живот» М. Ржицкого, К. Гречанина, А. Кругликова, а также лошадей, отнятых у них телеутами.

За два дня пути до ставки Табуна послы встретили тарских бухарцев «Аты-Кожа да Боянко да Мергенко». Они возвращались в Тару из Улуса Абаковичей, где меняли «на всякие товары и на ясари пищали и порох, и свинец, и всякой товар», а из Тары уехали «без отпуску». Зная, что по царским указам строго запрещено торговать с телеутами «заповедным товаром», Прокофьев произвел «досмотр» их имущества: оказалось, что у бухарцев менового товара «сот на пять и больше».

Когда Прокофьев спросил их: «Зачем такой заповедный товар — и порох и свинец — в Калмыцкую землю возите и продаете и для чего без отпуску ездите?», то один из купцов «противо невежливо» заявил: «Мы де живем на Таре, а не в Томске и томского вашего де воеводу и в том ни в чем не боимся, и вам де до нас какое дело есть». Прокофьев решил арестовать бухарцев и, «сковав», отправить под конвоем в Томск. Но налетели «лутчие люди» Табуна Баскаул, Момой, Сокту и другие, отобрали у послов задержанных бухарцев и отпустили их на Тару⁹².

⁹¹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 436—438об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 1—4.

⁹² ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 10—11; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 441об.—442.

В описанном эпизоде, имеющем самое прямое отношение к торгово-меновым отношениям между телеутами и русскими, любопытен сам факт появления бухарцев в Телеутской земле. Во-первых, они появились здесь тогда, когда возникли трения в телеутско-русском торге. Телеуты по-прежнему нуждались в русских товарах, но коль скоро они не поступали из Томска и Кузнецка, то они покупали те из них, которые привозили купцы-бухарцы из Тары. Во-вторых, предприимчивые бухарцы, играя на конъюнктуре и настроениях телеутов, повели бойкий торг огнестрельным оружием и боеприпасами, что имело для телеутской знати особо важное значение, ибо она приобретала у бухарцев, не считавшихся подчас с царскими указами, «заповедный товар». Не случайно поэтому осведомителями задержанных Прокофьевым бухарцев оказались «лучшие люди» кн. Табуна.

Позже, уже в Улусе Табуна, послы узнали, что бухарцы, будучи в Телеутской земле, распространяли ложные слухи о намерениях томских властей «воевать» Табуна, вызвали панику среди телеутов, и кн. Табун «послыша у них... со всеми своими улусными людьми, скочевал против прежних годов дале вверх по Обь реке к каменному броду и жил с великим опасением и боязнию, ожидал к себе ис Томска войны по бухарской смуте»⁹³. Иными словами, бухарцы «учинили ссору большую» в Телеутской земле.

26 декабря посольство Н. Прокофьева прибыло «в белые калмыки» и «стало особо станом в дву верстах от Табуна».

Учитывая важность предстоящих переговоров, а также с целью выявления всех претензий, которые следовало предъявить русской стороне, Табун собрал широкий круг лиц из родичей и лучших улусных людей, разослав своих посыльщиков во все кочевья.

Послование состоялось 6 января 1696 г. в юрте Табуна. Оно началось, как обычно, с вопроса князя о здоровье царей. При этом одряхлевший Табун остался сидеть, но «снем шапку», а «дети ево Коен да Матай да Байгорок и братья и племянники и все улусные люди снем шапки стоя спрашивали чесно».

Затем посол, уличив князя «во всех неправдах и в обидах и в налогах и в грабежах», потребовал возратить отнятое у русских посланцев имущество. Он предупредил, чтобы телеуты не забывали шерти, «прямили... неложно» и «впредь от такова дурна престали». Ссылаясь на показания К. Гречанина и А. Кругликова, Прокофьев требовал дать ответ, почему Табун угрожает разорить Томск и т. п.

Ультимативный тон наказной памяти, угроза военного похода против телеутов произвели на Табуна и его людей заметное впечатление: князь «з детьми и з братьями и с племянни-

⁹³ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 442—442об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 11.

ки» царям России «вину свою принесли и поклонились и договорили на том, что которых русских людей грабили» и что и них отобрано «животов и лошадей», князь Табун «сыскать велел»⁹⁴.

Сразу же после этого Табун от себя и от имени всех детей и родичей дал шерть, заявив при этом: «Как де великие государи з Бошту-ханом тайшею живут в совете и в любви и как де отец ево, Табунов, Кока князец преж сего жил в вечном холопстве и во всяком покорении великим государем до свое смерти без шатости», так и он, Табун, с родичами («окромя Шала») «договорили» о «прямой службе» и «вечном неотступном холопстве».

Конкретные обязательства Табуна по шерти состояли в том, чтобы: 1) ни князю, ни его детям и родичам под города и на уезды «войной не ходить» и своих улусных людей не посылать; 2) русских людей и ясашных не бить, не грабить и не чинить им никакого разорения; 3) «жить без всякого колебания вправду без шатости».

Табун поклялся, что если сам он или его родичи и улусные люди нарушат шерть и «буде под государские города и остроги и уезды войною или воровски учнут приезжать и бить и грабить или чем разорять, и в той неустойке и шатости буди великих государей на них, Табунка и на детей ево, и на братьев, и на племянников, и на улусных людей *мечь и сабля и всякое разорение без остатку*».

И текст клятвы и тон ее свидетельствовали о серьезном намерении князя телеутов жить в мире и дружбе с русскими людьми.

В то же время Табун отвел от себя обвинение в угрозе разорить Томск: «А про воинское дело бытто хочю под Томской итти войною, тех речей Калине Гречанину не говаривал и те смутные речи Калина затеял напрасно»⁹⁵.

В ходе обсуждения спорных вопросов кн. Табун всю ответственность за телеутско-русские трения в 90-х гг. XVII в. возложил на русских и чатов: «А стоит де ныне промеж нами ссора от томских жителей от русских людей и от иноземцев, которые были преж сего в их Телеутской землице в послех и имали де оманом и грабежом головами и товарами и коньми и кобылами и хотели за ту разную взятку ис Томска к ним, калмыком, у ково хто что имал против взятки выслать цену таварами». А коль скоро товары из Томска не были присланы, то, по мнению Табуна, действия телеутов, отнявших лошадей и «животы» у русских послов в 1695 г., имели целью компен-

сировать причиненный им материальный ущерб, а потому вполне справедливы.

Затем Табун конкретно перечислил все, что было взято у телеутов служилыми людьми, чатскими татарами, холопами мурз. Этот перечень был дополнен личными жалобами отдельных телеутов.

Табун просил разыскать ответчиков по телеутским жалобам и «ту взятку на них доправить и прислать к ним, калмыком»⁹⁶. Как только эта «взятка» будет возвращена телеутам, Табун возвратит русским послам их лошадей и «животы»: «А что они отняли насильно у русских и живот и лошадей, то он, собрав, пришлет в Томск» с теми русскими послами, которые привезут имущество телеутов и со своими послами «без остатку чтобы де в том напередки никакие ссоры и грабежи и обиды никому ни от кого не было и жить б меж собою в совете и в любви без шатости». Таким образом, обмен «грабежным животом», по мнению Табуна, создавал основу для мирного и доброго соседства между телеутами и русскими в будущем.

Достигнув полной договоренности, посольство Прокофьева еще целый месяц прожило в «Урге» Табуна, ожидая кн. Шала, ездившего к кн. Ирке Уделекову в Карагай. Наследник Табуна возвратился 6 февраля, и в тот же день состоялась его встреча с послами. Шал заявил о своем желании дать шерть на тех же условиях, что и отец. Несмотря на отсутствие «государева жалованья» («горячее вино» было уже выпито и т. п.), Шал дал «в своей шерти» «слово», что русским царям он «со всем своим улусом поклонитца и хочет быть в вечном холопстве и служить и прямить верою и правдою без всякие шатости безхитростно».

Находясь в ставке кн. Табуна, послы обратили внимание на хорошо поставленную в Улусе Абаковичей разведку и связь. «И с приезде моего, живучи у него (Табунка. — А. У.), — писал Прокофьев в своем статейном списке, — вести к нему, Табуну, приходят ис Томска безпристанно, что ни деетца в Томску и какое ни есть дело. А от кого к нему, Табуну, вести всякия доносятца и про то проведать было некем и немочно»⁹⁷.

Впрочем, и сами русские послы занимались сбором сведений, разведкой. Находясь в Телеутской землице, Н. Прокофьев проведал, что выдававший себя за купца чатский татарин Е. Урузаков был беглым человеком (никакого товара с ним, «кроме ясыря одной девки», не было), и Прокофьев увез его с собою в Томск. Он же установил, что беглым был и чат

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 4—5; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 438об.—439.

⁹⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 438—439об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 5—6.

⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 439об.—440об.; ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 6—8.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 9—12; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 440об.—441об., 443.

А. Бургаев, живший в юртах «Ытпалы» на Ирмени, хотя тот и уверял, что приехал «в телеуты» с разрешения воеводы В. Ржевского «для долгов»⁹⁸ (товаров при себе он также не имел). По всей вероятности, у русских воевод в Телеутской землице так же, как и у Табуна в Томском и Кузнецком уездах, были свои соглашения.

Прежде чем подвести итоги миссии Н. Прокофьева, остановимся еще на одном важном факте. Улус Абаковичей и в конце XVII в. был самым многочисленным, а сам Табун — наиболее значительной фигурой среди телеутских князей. Естественно, что русские власти уделяли этому княжеству наибольшее внимание, а потому и в архивах отложилось больше актов об отношениях русской администрации именно с Улусом Абаковичей. Но в конце XVII столетия продолжал существовать и Улус Мачиковичей, в состав которого входили улусы братьев и других родичей Шаада Мачикова. Улус Мачиковичей не был столь многочислен, как Улус Табуна, но томские и кузнецкие воеводы не сбрасывали и его со счета. Из Улуса Мачиковичей, очевидно, окончательно выделился улус кн. Ирки Уделекова, ибо воеводы посылали к нему особые посольства.

Если Улус Табуна в самом конце XVII в. кочевал на левом берегу Оби по долинам рек Бороноула, Касмели и другим, то южнее «Табуновых телеутов», по долинам рек Алия, Чареса и другим, до устья Бии и Катуня, кочевали «Шаадаевы телеуты»⁹⁹.

Некоторые данные о контактах русских властей с Улусами Шаада Мачикова и Ирки Уделекова в 90-х гг. были приведены выше. Важные сведения об отношениях с Улусом Шаада связаны с посольством Н. Прокофьева. 20 января 1696 г. брат Шаада Бейкон шертовал русским царям в присутствии Н. Прокофьева на тех же условиях, на которых даль шерть кн. Табун. В тексте шерти есть лишь одно дополнительное обязательство Бейкона — «к вора́м не приставать».

Судя по контексту статейного списка Н. Прокофьева, Бейкон Мачиков и его «лучшие люди», видимо, приезжали для шерти в ставку Табуна, в противном случае русский посол не преминул бы сообщить подробности о поездке в Улус Бейкона, а он отмечает кратко, что царям «поклонился» «тоже Телеуцкой калмыцкой землицы вновь князец Бейкон Мачиков з детьми и с племянники и со всеми своими улусными людьми шертовал...»¹⁰⁰. Эта краткая запись представляет интерес не только потому, что свидетельствует о смерти Шаада и вокняжении его младшего брата Бейкона (очевидно, в конце 1695

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 13; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 443—443об.

⁹⁹ «Чертежная книга Сибири С. У. Ремезова 1701 года», л. 14.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 12; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 442об.—443.

или в начале 1696 г., так как Бейкон назван «вновь князцом», т. е. новым князцом этого Улуса), но и потому, что фиксирует стремление второго поколения князей из Улуса Мачиковичей в напряженной обстановке конца XVII в. в Центральной Азии поддерживать добрососедские, мирные отношения с русскими властями.

Итак, следует признать, что послование Н. Прокофьева завершилось несомненным успехом, и недаром глава посольства позднее ставил себе в большую заслугу его результаты. Во-первых, Табун и его люди были вновь приведены к шерти, отношения их с русскими властями были приведены в норму. Во-вторых, неожиданно для послов и воеводы В. Ржевского приведены были к шерти Бейкон и его Улус. В-третьих, Прокофьеву удалось возратить «грабежный живот» М. Ржицкого и других русских послов. «И он де, Табун, после посольских договоров у людей своих те пожитки собрал и ему, Микифору, отдал»¹⁰¹.

В целом послование Н. Прокофьева может служить ярким примером мирного разрешения спорных вопросов между малой Телеутской землицей и соседней с нею великой державой — Россией.

Следует еще раз подчеркнуть, что как правило, мирная инициатива исходила от представителей русской администрации и лишь в редких случаях — от телеутской феодально-племенной знати. Это вообще характернейшая черта телеуто-русских отношений в XVII в.

После смерти кн. Табуна (1697 г.) в Улусе Абаковичей вокняжился кн. Шал. В том же 1697 г. Шал шертовал царям при Н. Прокофьеве. Тогда же, видимо, подтвердил свою шерть и кн. Бейкон Мачиков, так как официальной целью посольства Н. Прокофьева к князьям Телеутской землицы в 1697 г. было подтверждение прежней шерти, но так как Табун умер, то в Улусе Абаковичей состоялось не подтверждение шерти, а новое шертованье. Условия шерти кн. Шала остались такими же, какими они были в шерти Табуна: «...великому государю служить и всякого добра хотеть и войною не ходить и русских и ясашных людей не побивать и не разорять»¹⁰².

В первые годы княжения Шала Табунова отношения между Улусом Абаковичей (а равно и Улусом Мачиковичей) и русскими властями оставались мирными. Правда, по джунгарским данным, в 1698 г. служилые томичи пленили «теленгутинна Чистана» с 3 кибитками, но обстоятельства этого дела мы не знаем (не исключено, что они сами приняли русское

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1961, л. 24—24об.

¹⁰² Там же. Здесь точно названа дата первого посольства Н. Прокофьева к Табуну — «204-й год». В миллеровской копии (ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 12) эта дата и дата первой шерти Бейкона указаны ошибочно — «200-й год», надо: «204-й».

подданство)¹⁰³. Возможно, с ним связана новая поездка Н. Прокофьева в Телеутскую землю. По словам самого Н. Прокофьева, в 1698 г. он ездил «к Шалу и Бейкону для договору и чтоб они жили попрежней своей шерти»¹⁰⁴. Вероятно, посольству пришлось вести речь о каких-то претензиях и в связи с этим ставить вопрос о подтверждении шерти князьями телеутов либо просто напомнить им об условии ее.

В 1699 г. киргизский князец Корчин Ереняков попытался втянуть телеутов в борьбу с русскими воеводами. Готовясь к походу против Томска, он прислал своих представителей в Телеутскую землю, которые «прошали де у князцов у Шала и у Бейкона воинских людей для походу под Томской войною». И телеутские князья Корчину «в том во всем отказали».

Но попытки Корчина установить контакты с князьями телеутов не ускользнули от внимания Томска, где всегда ревниво следили за отношениями между телеутами и енисейскими киргизами. Опасаясь объединения сил Телеутской и Киргизской земель, томский воевода Г. Петрово-Соловово срочно послал в Телеутскую землю (1699 г) с. б. И. Ядловского «с товарищи» с выговором о всяких делах. Фактически же воевода поставил перед И. Ядловским задачу объяснить телеутские Улусы. Впрочем, наказная память И. Ядловскому нам неизвестна, поэтому трудно сказать, кому принадлежала идея потребовать ясак с телеутов — самому воеводе Томска или его посланцам. Можно думать, что русские послы, пользуясь неопытностью в государственных делах кн. Базана Табунова и сына Бейкона, которым была «приказана» Телеутская земля (в отсутствие Шала и Бейкона), проявили инициативу и попытались «под сурдинку» объяснить телеутов.

Посольствие И. Ядловского началось с того, что Базан созвал в свою юрту «лучших людей», и когда появились послы, он «с вежеством встав на ноги з братьями своими и с племянники и со всеми улусными людьми спросал про здоровье царя Петра. Вычитав наказную память, послы вручили царское жалованье «в дарех», которое Базан принял «с великой честью»¹⁰⁵. Затем уже началась деловая часть переговоров.

И. Ядловский поинтересовался, действительно ли приезжали в Телеутскую землю послы Корчина и действительно ли князья телеутов отказались помочь ему людьми. Ответ на этот вопрос Базан дал с экскурсом в прошлое: «В прошлых де годах деда наши и отцы и братья и племянники со всеми своими улусными людьми великому государю шерть свою дали в том, что им, Телеутским князцом и улусным людям, ни под

которые государские города и на уезды войною не приходить и государевых русских и ясашных людей не побивать и не грабить и никакова разоренья не чинить. И впредь де они, князцы и улусные люди, шерть дедов и отцов не нарушат». Затем Базан подтвердил, что, действительно, они получили предложение Корчина Еренякова о совместном походе против Томска, однако отвергли его.

Базан предъявил И. Ядловскому небольшую материальную претензию: И. Шумилов взял ясырь у кн. Матая Табунова, пообещав прислать за него кармазинного сукна, но до сих пор этого не сделал; поэтому Базан просил, чтобы воевода «доправил» это сукно на И. Шумилова и прислал Матая, «чтобы де оттого впредь ссоры не было»¹⁰⁶. Поскольку все остальные претензии, которые Табун и его люди предъявляли русским властям во время посольствия Н. Прокофьева в 1696 г., уже не фигурировали в «речи» Базана, то есть основания думать, что воеводы в 1696—1699 гг. их удовлетворили, пойдя навстречу пожеланиям телеутской стороны, а в ответ на это телеуты возвратили русское имущество¹⁰⁷.

Итак, посольство И. Ядловского получило заверения телеутских князей в их дружественном отношении к русским властям, но объяснить их не удалось.

Следовательно, в 80—90-х гг. XVII в. телеутско-русские отношения развиваются по пути укрепления мирных и дружественных контактов, под знаком усиления тяги телеутов к Русскому государству, чему способствовали меновые связи, а также дипломатические контакты, благодаря которым были заключены соглашения, гарантирующие взаимное ненападение или декларирующие ненападение телеутов на русские уезды.

Глава VII

ТЕЛЕУТЫ И РУССКИЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В конце 1700-х гг. началось новое обострение телеутско-русских противоречий, приведшее к враждебным действиям. Главной причиной этого мы считаем полное подчинение телеутских Улусов Джунгарии, превращение телеутских князьков в послушных чиновников хана. Именно поэтому ухудшение отношений между Джунгарией и Россией в это время немедленно сказалось и на состоянии телеутско-русских контактов. Но в первые годы XVIII столетия отношения между Теле-

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, л. 4, л. 1об.

¹⁰⁴ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1961, л. 24об.

¹⁰⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 275, л. 463об.—464. Имя сына Бейкона в акте не названо.

¹⁰⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, л. 275, 464—464об.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1961, л. 24об.

утской землицей и русскими властями (особенно в сравнении с русско-киргизскими отношениями) не отличались особой остротой. Правда, и в эти годы имели место мелкие конфликты из-за беглого зависимого населения, на почве пользования охотничьими угодьями и сбора дани в ясашных волостях, но масштабы их были незначительны и чаще всего они разрешились мирными средствами.

В 1700 г. изменила царю и бежала «в белые калмыки» группа ясачных «иноземцев», угнавших к тому же лошадей и другой скот томских обывателей¹. В том же году, по джунгарским данным, томичи пленили «теленгутину» Елдоша. В следующем году, если верить тому же источнику, томские обыватели взяли в плен «теленгутину Женецегеша и с ним 7 кибиток», а кузнецкие — телеута Бакбаша с 6 кибитками. В 1703 г. кузнецкие пленили некоего Дошироя. В 1705 г. томские служилые люди взяли в плен телеута Збротия «с двумя кибитками». Тогда же в Таре были задержаны приставы (тут: аманаты. — А. У.) телеуты Бакша и два его товарища. В 1707 г. томичи пленили телеутов Собока «с товарищем», а кузнецкие некоего Галзунку с 5 кибитками².

Мы не только не исключаем, но и вполне уверены в том, что некоторые из названных групп добровольно перешли в русское подданство, хотя «Известие о обидах» упорно считает их плененными.

В ряде случаев и в эти годы дело доходило до стычек, сопровождавшихся потерями. Так, в 1703 г. был «побит» телеут Матий с 6 кибитками³. Несли потери и русские ратники, но цифры, фиксирующие русские потери в начале XVIII в., не должны вводить нас в заблуждение: наибольшие потери в эти годы гарнизоны Томска и Кузнецка понесли в столкновениях не с телеутами, а с нисейскими киргизами⁴.

Стычки происходили во время телеутских набегов на русские деревни с целью отгона скота, при встречах русских ясачников и телеутских алманщиков в двоedanческих волостях, на промыслах и пр.

Самое крупное из таких столкновений произошло из-за охотничьих угодий. Около 1705 г. к промысловым угодьям азкештимцев подкочевали «черных калмыков князцы Моногоч да Аюган с товарищи с своими улусными людьми» и стали

¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1961, л. 24—24об.

² Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1, об. 2, 3, 6, 6об.; 11. Возможно, Доширой, Галзунка и его люди — киргизы.

³ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 5об.— 6.

⁴ Если в 1697 и в 1698 г. томичи потеряли убитыми всего 5 чел., то в 1700—1701 гг. потери у них составили 32—34 чел. убитыми, 1 попал в плен, а кузнецкие только в 1700 г. потеряли пленными около 100 чел., но это были в основном члены семей «выезжих телеутов». (ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 102об.— 103об., 154.

«кочевьем в двустах юртах. И в тех... урочищах бобров и всякого зверя ловят и на том звероловном промыслу... ясашных людей бьют и грабят и промышленного всякого зверя... сильно отнимают»^{4а}. Предложение вносить в царскую казну ясак было «невежливо» отвергнуто Моногочем. Стычки между азкештимцами и кузнецкими людьми, — с одной стороны, и улусными людьми Моногоча и Аюгана — с другой, продолжались до лета 1708 г.

Соперничество наблюдалось в 1700-е гг. и по части сбора ясака в двоedanческих волостях. Джунгарские ханы и телеутские князьки постоянно присылали сюда своих алманщиков за данью, а кузнецкие воеводы не позволяли им собирать алман на хана и на князьков. В 1702 г. в Кумандинской волости сбор алмана вел некто Табаза(к), и «оного посланца Кузнецкого города командир отбил з бесчестьем прочь и ясак збирать запретительно недопустил». В следующем году по приказу воеводы Табазак (Табызак) и другой алманщик Джанацан (Занцан, Замсун) были «заарестованы» в Куманде во время сбора алмана. А когда через год (в 1705 г.) они снова появились там, воевода потребовал, чтобы они явились в Кузнецк. Алманщики направили в город своих представителей, а сами, бросив сбор алмана, «убояся», бежали из волости⁵.

Но все эти шероховатости легко улаживались по инициативе русской стороны. Администрация русских уездов, как и раньше, стремилась к мирному разрешению спорных вопросов и урегулированию конфликтных ситуаций с Телеутской землицей. Проявлением миролюбия и доброй воли была миссия Н. Прокофьева в 1701 г. в Улусы Шала Табунова и Бейкона Мачикова. Из его челобитной мы узнаем, что он ездил затем, чтобы возвратить из Телеутской землицы беглых «ясашных иноземцев с отгонными лошадьми и скотом», о чем уже упоминалось в другой связи. Поездка Н. Прокофьева имела успех: «И они (телеутские князья». — А. У.) по ево (Прокофьева. — А. У.) договору тех воров в Томской выслали»⁶.

Посольство Прокофьева 1701 г. было одним из последних русских посольств в Телеутскую землицу, еще сохранявшую в первые годы единодержавия Цэван-Рабдана некоторую самостоятельность во внешних делах. Правда, есть еще сведения о посольстве 1705 г., в состав которого входил томский конный казак Дм. Черепанов: в челобитной он пишет, что был «в Телеутской землице для переговору»⁷, но о чем велись перегово-

^{4а} ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1409, л. 2—3. Угодья находились в верховьях Чумыша и на р. Бехтемир. Аюган в некоторых актах (ЦГАДА, ед. хр. 1008, л. 17об., 20) назван телеутским князьком.

⁵ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 4—6об.

⁶ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1961, л. 24.

⁷ Там же, л. 25об. В 1708 г. он был там уже «для оберегательства от телеуцких калмыцких людей».

ры, кто возглавлял посольство и т. п., нам неизвестно. После 1705 г. мы уже не встречали сведений о поездках русских послов к телеутским князьям, ибо последние потеряли права на посольские сношения с соседями помимо джунгарского хана.

Если для русской администрации политика мира и добрососедского сотрудничества с телеутами была традиционной, унаследованной от прошлого века, то миролюбие телеутской феодально-племенной знати в значительной степени объяснялось ее недовольством своим положением в Джунгарии начала XVIII в. Князьки телеутов с каждым годом все больше превращались в рабочий инструмент внешней и внутренней политики ханов. Телеутская земля оказалась в трясине внешнеполитических авантур Джунгарии, грозивших не только разорением, но и истреблением улусных людей, задавленных алманскими поборами, тяжелой повинностью по охране ханской Урги и по ведению разведки. В этих условиях телеутская знать все больше задумывалась о «смене вех», вплоть до полного перехода в русское подданство. Как докладывал русский разведчик А. Балаев, побывавший в 1707 г. «в калмыцкой земле белых калмыков», князь «Шал с товарищи с своими улусными людьми помышляют послать в государские русские города посланцев своих, чтоб выехать к ним на Государево имя и быть под ево, великого государя, рукою»⁸.

Готовность телеутской элиты принять подлинное русское подданство, от чего она так упорно отказывалась в течение всего XVII в., была вызвана не столько тяжестью алманских поборов и людскими потерями Улусов, понесенными при охране Урги, обороне собственных кочевий и «проведованиях» бурутов, сколько намерением хана, зажатого с одной стороны восточными монголами, а с другой — бурутами, переселиться со всеми своими улусами с верховий Иртыша в Обь-Иртышское междуречье, т. е. в область кочевания телеутов. Об этом намерении хана стало известно в 1707 г. от разведчиков А. Балаева, Е. Кириллова и А. Буймова⁹... Едва ли такая перспектива вызвала энтузиазм у телеутской знати: осуществление ханского плана привело бы к стеснению телеутов в пользовании пастбищными и промысловыми угодьями на левобережье Оби, это непременно ухудшило бы положение рядовых телеутов и существенно задело бы материальные интересы телеутской знати.

Но пока она задумывалась, стоит ли ей менять господина, произошли события, которые надолго закрыли пути к сближению с Россией. Агентурные данные о плане переселения ойратов в междуречье Оби и Иртыша не на шутку обеспокоили русскую адми-

нистрацию. Она поняла, что в случае осуществления этого плана Обь-Иртышское междуречье целиком и полностью попадет в руки Джунгарии, телеутский буфер будет ликвидирован и южная граница русских владений от Тары до Кузнецка станет «межой» с многочисленными и еще более беспокойными, нежели телеуты, джунгарами. А русские воеводы не желали, как мы видели, близкого соседства даже с телеутами, тем более, что южные рубежи из-за отсутствия естественных преград (крупных рек, высоких гор и т. п.) и достаточного количества военно-инженерных сооружений (крепостей, острогов, форпостов и пр.) были легко уязвимы. Поэтому следовало предупредить ойратскую колонизацию обширного района и принять срочные меры по укреплению южной границы русских владений в Юго-Западной Сибири.

У нас нет намерения анализировать весь комплекс причин, которые привели к борьбе между Россией и Джунгарией за земли Обь-Иртышского междуречья в первой четверти XVIII в., но едва ли случайно, что сразу же после 1707 г. русские власти предпринимают энергичные действия по закреплению за собой этих земель: план Цэван-Рабдана, ставший известным русскому правительству, послужил непосредственным толчком к русскому продвижению на юг, к сооружению в указанном районе цепи русских острогов и крепостей.

Уже в 1707 г. на крайней южной точке левого фланга русских владений в Южной Сибири был сооружен Абаканский острог¹⁰, а 30 сентября 1708 г. Петр I указал стольнику и воеводе Кузнецка М. Овцыну «для збору... ясачной казны и селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепости» «в немедленном времени» в устье Бии и Катуня. Одна из задач острога заключалась в обороне округи «от приходу воинских людей». Строительством Бикатунской крепости было закончено 18 июня 1709 г.¹¹

После 1707 г. началось новое и резкое обострение борьбы русской администрации и ойрато-телеутских феодалов за ясак, ясачное население, за монопольное пользование промысловыми угодьями. Нормальные экономические связи между русскими уездами и Телеутской землицей нарушились.

Прежде всего, в 1708 г. по жалобе азкештимцев и челобитью служилых людей, во исполнение царских указов, разрешавших применять силу против «немирных иноземцев», кузнецкий воевода Качанов направил против Моногоча и Аюгана отряд И. Максюкова и Ф. Сорокина. Отряд «пришел в их Калмыцкую землицу и нашед их воровские калмытские улусы в урочищах по рекам

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1018, л. 14; ед. хр. 1333, л. 106.— 7; ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 5, л. 465; и др.

¹¹ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1506, л. 1—3, ед. хр. 1512, л. 29—30об.; ед. хр. 1660, л. 1—9; ед. хр. 1665-а, л. 1—2; ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 155—155об.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, л. 190б.

⁹ Там же, л. 190б.— 20.

Чюмышу и Битемиру», но Моногоч успел со своими людьми бежать, а Аюган был разбит в бою¹².

Но на этом борьба за уголья не прекратилась: на этой почве имели место стычки в 1714, 1716 и других годах между томскими «обывателями» и телеутами¹³. Борьба теперь шла не только за уголья на правом берегу Оби, но и за ленточные боры левобережья. Так, весной 1717 г. орский чатский татарин Мышка Обкеев (в другом акте: Бекенев. — *А. У.*) «ходил де... в Телеуцкую землю, повыше Кривошекина, за Обь реку на речку Боранаул с товарищи в 9 человек для промыслу». 25 апреля их там поймали ойрато-телеуты, «набольшим» у которых был кн. Манзу Бойдонов (позже Бекеневу с трудом удалось бежать из плена)¹⁴.

Кузнецкие воеводы стали еще бдительнее следить за тем, чтобы ойрато-телеутские алманщики не брали алмана в тех волостях, где не собирали его прежде, и чтобы в двоеданных волостях не собирали алман раньше внесения в царскую казну ясака. Меры пресечения они принимали решительные. Например, в 1709 г. алманщики Манзу и Замсун были арестованы, но по дороге в Кузнецк «бегом свободились»¹⁵. Так как наибольшие препоны ойрато-телеутским алманщикам чинили воеводы Кузнецка, ставшего главной базой русского продвижения на Алтай (на его воеводу была возложена задача возведения Бикатунской крепости в 1708 г., а позже, в 1717—1718 гг., комендант Кузнецка строил Белоярскую и Бийскую крепости), то ойратские феодалы и их кыштымь решили в первую очередь погромить Кузнецк и его уезд. Бельмом на глазу стала для них и Бикатунская крепость, воздвигнутая в самом центре ясашных волостей северо-восточного Алтая.

Вскоре после изгнания Моногоча и гибели Аюгана, в конце июня 1708 г. зайсаны Онбо и Манзу прислали в Тару своего посланца Бочан Улан Хорогоя. «А говорил он на словах: обидят де их Кузнецкие служилые люди и многих побили и Контайшина посланца в 709 г. убили ж до смерти»¹⁶. По докладу тобольского воеводы кн. М. Я. Черкасского «Генеральный Президент и Московский комендант и Сибирских провинций судия» кн. М. П. Гагарин для следствия по этому делу направил в Кузнецк Т. П. Панова (1709 г.)¹⁷.

В том же 1708 г. Моногоч, Бойдон Сахылов и «белой подгородной калмык Табазак ездили к Контайше, чтобы «Кузнецкой воевать приказал, и Контайша де вышеписанным князем Куз-

нецкой воевать приказал»¹⁸. Вскоре хан прислал в Томск особых посланцев с резким протестом против действий кузнецкого воеводы. После приема послов томский воевода Г. Петрово-Соловово счел долгом предостеречь своего кузнецкого коллегу О. Качанова: «...по посольству... и по присланному Калмыцким листам Черных Калмыков князец... Онбо хочет послать под Кузнецком с 3 тысячами». В Кузнецке началась лихорадочная подготовка к отражению «незапного приходу» врага¹⁹. Но в 1708 г. поход на Кузнецк не состоялся.

Зато в 1709 г., по приказу хана²⁰, большое ойратское войско во главе с князьками Бойдоном Сахыловым, Бойканом Уежиным, Бейконом Будаевым, Аюжи (Аюган? — *А. У.*) Оскубиным и Моногочем Сакунским осадило с. Ильинское, «Ускатцкую и Калачикову и Бунгурскую и Шарапскую деревни и дворы и всякие дворовые заводы пожгли и на полях людей побили и в полон брали и всякой хлеб на полях и сено пожгли и лошадьми потоптали». Кузнецкие служилые и посадские люди, служилые абинцы и выездные телеуты во главе с И. Максюковым встретили противника в 3 верстах от Кузнецка и в коротком бою рассеяли его, захватив 677 лошадей и другие трофеи²¹.

В 1710 г. Духар (Тоухар)-зайсан с 4-тысячным войском, в состав которого входили и телеуты, снова напал на Кузнецкий уезд, разорил 8 подгородных деревень (сжег 94 двора и 2 часовни), «побил» многих людей и отогнал 260 лошадей, 839 «рогатых скотин», 949 овец. Отступая из-под Кузнецка, он напал на Бикатунскую крепость. Небольшой гарнизон последней был вынужден оставить ее, после чего ойрато-телеуты сожгли острог²². Эпилогом событий 1710 г. явилась карательная операция против жителей Азкештимской волости в ноябре 1710 г., когда телеутский князек Байгорок Табунов с отрядом в 30 чел. разбил Чеоктонов улус из 6 юрт, а самого Чеоктона, «поймав, у живого глаза вынул и ремни ис спины резал и (повесил) его на дерево за то, что он, Чеоктон, подал ведение в город, усмотря как черные и белые калмыки идут войной в Кузнецкой» в 1710 г., благодаря чему «кузнецкие обыватели от приходу воинских людей и разорения многия спаслися». Кроме того, Байгорок увел «в полону» 6 братьев и племянников Чеоктона «да женского полу человек с тридцать»²³.

¹² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1409, л. 2—10об. (убито 60, пленено — 50 чел.); ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 6об.

¹³ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 3.

¹⁴ Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 7, л. 42—42об.; д. 8, л. 11—11об.

¹⁵ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 6об.—7.

¹⁶ Там же, ф. 214, ед. хр. 1661, л. 1—2об. Ошибка: надо — «в 707 г.».

¹⁷ Там же, л. 1—2об.; ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 52.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1962, л. 6—6об.

¹⁹ Там же, ед. хр. 1294, л. 1об., 2.

²⁰ Там же, ед. хр. 1962, л. 5об.—6, ед. хр. 1660, л. 1—9; и др.

²¹ Там же, ед. хр. 1660, л. 1—9об.; ед. хр. 1962, л. 5об.—6; и др.

²² Там же, ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 158—158об.; ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1844, л. 4об., ед. хр. 1961, л. 5—5об.; ед. хр. 1962, л. 5—5об.; ф. 1134, оп. 1, д. 3; л. 55; ААН, ф. 214, оп. 5, кн. 19, № 150; л. 73—74.

²³ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, № 77, с. 310, и др.; ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 31—31об.; и мн. др.

После походов 1709—1710 гг. резко активизировались алманщики хана и телеутских князьков, при этом в счет алмана брали все, а сами операции по изъятию алмана по сути дела ничем не отличались от военных экспедиций и набегов. «И после оных приходов под Кузнецкой,— доносил кузнецкий комендант полковник Б. А. Синявин сибирскому губернатору М. П. Гагарину в 1715., — оные черные и белые калмыки по вся годы приходят и непрестанно Кузнецкого уезда в ясашные волости и ясашных иноземцов бьют и мучают на смерть и берут с них на Контайше прежде царского величества ясаку алман и на себя грабежом всякой зверь и зипуны, котлы, таганы и кричное железо и лошадей и говорят ясашным иноземцом: хотят воевать Кузнецких ясашных иноземцов — с которых не велено Контайше давать алману — тех всех побить, а иных перевешать и жилища их разорить и хлеба пожечь»²⁴.

Особенно широкий размах алманские операции приобрели в 1713—1718 гг. Весной 1713 г. «белой калмык» Дюренг взял с «хумяндцев» (кумандинцев. — А. У.) алман на хана (до сдачи ими ясака) «по шти соболей с человека». Б. А. Синявин направил на поимку Дюренга отряд с. б. Г. Рыхлевского. Узнав об этом, Дюренг бежал, бросив алман на хранение волостному башлыку. Оказалось, что ему удалось собрать 990 белок-подпалей, по нескольку кошлоков и черевесей бобровых, 66 железных котлов, 109 таганов, 100 железниц, 14 стремян, 2 тавра, 2 комзы (трубки), 900 «стрельных железцов», 50 ковшей и др.²⁵

Подобную картину мы наблюдаем и в 1714 г., когда главным алманщиком был, видимо, кн. Байгорок Табунов, присланный кн. Манзу Бойдоновым.

Житель Себийской волости (на Кондоме) К. Кузедеев сообщил, что Байгорок велел всем ясачным шорцам приготовить на хана «по 30 полиц куяшных в длину в поларшина, в ширину по четверти до по 30 стрелцы железных, по 2 (бугача?) железные, по наковальне, по 2 молота, по клещам» с человека, грозя виселицей и разорением от кн. Манзу за неповиновение²⁶. В «степных» (Азкештимской, Тогульской и Тагапской) волостях Байгорок и его племянник Чап (Чжап) Шалов «в 12 человеках», собирали на себя дань пушнина до сдачи ясака царю: только с Чебышева улуса этой волости они взяли грабежом 12 лисиц, красных, 11 недолисей, 4 выдры, 4 бобра, 2 кошлока, ярца, 300 белок, причинив ясашным «многие обиды и налоги»²⁷.

В степные волости Синявин послал 18.XI.1674 г., б. с. Серебренникова, наказав поймать Байрокова и Чапа и изъять у них

алман. В наказе рекомендовалось «тайно учинить на них незапное нападение, чтобы без бою всех поймать», а если придется «отоковать», то действовать так, чтобы «без потеряния людей сдалися», особо следовало заботиться о том, чтобы во время боя князю «от смерти уберечь», «а собою, прежде их задоров, отнюдь никакова бою не чинить». Серебренникову удалось «на двух станах переимать и перевязать» всех алманщиков и доставить их в Кузнецк. Собранный ими пушнину он отдал азкештимцам (Ч. Изурбееву и др.), которые били челом, чтобы эту мягкую рухлядь им внести «в платеж... в ясак». У алманщиков были конфискованы пищаль, 9 луков с сайдаками, 27 лошадей²⁸.

Однако и после поимки Байгорока, в декабре 1714 г. в Забайских волостях собирали алман на хана и на себя белые калмыки Боотчин Бояндин и Дюренг, забравшие всю мягкую рухлядь «без остатку».

Судя по жалобе Синявина Гагарину, и в 1715 г. ойраты и телеуты, «приходя непрестанно» в ясашные волости, брали на хана и на себя алман до сдачи ясака, отнимали у них «грабежом всякой зверь и сермяжные зипуны, котлы, таганы и лошадей», запрещали платить ясак царю тау-телеутам и другим волостям.

В октябре-декабре 1718 г. телеуты Дюренг и Боотчак Буянтин (Боотчин Бояндин) в Щелкальской, Кумандинской, Кузенской и Керецкой волостях брали алман на хана за 2 года сразу, «да на себя по соболу с человека»²⁹.

Составной частью борьбы за ясак была борьба за зависимое население, также обострившаяся в 10-х гг. XVIII в. Ойрато-телеутские алманщики нередко уводили ясачных людей с собой. Выше мы видели, что Байгорок, погромив Чеоктонов улус, увел с собой более 40 чел. Манзу Бойдоев в 1713 г. многих ясачных из разных волостей «з женами и з детьми» увел «в Телеутскую землю и полон укрывает у себя». Так, из Барсояцкой волости он «неведомо для чего» увел Акайду Шоурчина³⁰.

С усилением феодального гнета шире распространились такие формы классовой борьбы, как отказ от уплаты дани, бегство зависимых людей за пределы России. В марте 1714 г. жители одной из кондомских волостей Боочин Чиквин с братьями «отказали» в ясаке И. Максюкову и бежали в Телеутскую землю. Будучи в разведке в Азкештимской волости летом 1714 г., И. Сорокин узнал, что за Обью, в улусе кн. Бейкова (Бейкона. — А. У.) «многие де есть ясачные беглые люди кондомских волостей — Боотчин Чеквин с товарищи, человек с 40 з женами и з детьми». В августе того же года с. б. А. Ефремов «с товарищи» был направлен в Телеутскую землю для сыска беглых. Кн. Бейкон отправил их «за караулом» к кн. Манзу Бойдонову.

²⁴ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 55—55об.

²⁵ Там же, л. 57; Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 298, 304, 305, 313—318, 337—340.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 58; и мн. др.

²⁷ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 296, 301, 308—309, 327 и др.

²⁸ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 309, 311—312.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 32—32об., 60; д. 9, л. 13, 15.

³⁰ Там же, д. 2, л. 32; д. 3, л. 55об., 58об.

Последний держал служилых под арестом, «морил голодом с неделю», бранил их всячески, грозил бороды и брови оборвать, требовал, чтобы абинцы и «выезжие телеуты» приготовили алман хану. «А ежели полковник того алману давать не велит, и за то он хотел Кузнецкой по вся годы воевать». Отобрав у Ефремова два портища «сукна англискова, юфть кож красных», Манзу отказался выдать беглых ясашных людей³¹.

В 1715 г. Б. Синявин направил сотника И. Годлевского «в порубежные в Таутелеутские волости для ясачной великого государя соболиной казны на предбудущий 1716 год», но тау-телеуты «учинились противны, ясаку великому государю не дали и впредь по ясачной сбор приходит к себе не велели»³². По данным Б. Синявина от 1714 г., керсагальцы, какая-то часть тау-телеутов и азкештимцев, плативших раньше ясак царю, «с давних лет» жила в улусах князцов Шала и Бейкона, которые укрывали их у себя «многие годы». По приказу коменданта И. Макслюков требовал от Манзу возвратить этих беглецов³³. Д. Федоров, направленный Синявиным выдворять алманщика Мергеня Хашку, также имел поручение требовать от последнего возврата плененных в 1710 г. азкештимцев, а также высылки на прежние кочевья укрывающихся в Телеутской землице беглых керсагальцев и жителей Кондомской волости³⁴.

Приведенных фактов достаточно для того, чтобы убедиться, что борьба за промысловые угодья, ясак и зависимое население во втором десятилетии XVIII в. достигла высокого накала. Не касаясь общих, хорошо известных в литературе причин этого (рост спроса на пушнину на международном рынке, хищническая эксплуатация угодий, в результате чего пушной зверь «выпромышился» и др.), назовем ту конкретную причину, которой объясняется большая активность в этой борьбе телеутской знати: львиную долю дани она теперь отдавала джунгарскому хану, и эти потери стремилась компенсировать за счет пушнины, поступающей из двоedanческих волостей в ясачную казну царя.

В этих условиях и царские воеводы, будучи не в состоянии пресечь сбор алмана ойрато-телеутами, были вынуждены брать в зачет ясака все, что представляло какую-либо материальную ценность, лишь бы оно не доставалось последним. Так, ясатчику Я. Ванину, ездившему в мае 1718 г. «для недобору ясачной казны» в Кондомские волости, было предписано брать ясак «зверями, добрыми рослыми соболями с пупки и с хвосты, а лисиц з душки и с лапы, тако же иным зверями и железом и котлами

большими брать за соболи, применяясь ценою». Кроме того, все чаще в памяти ясатчикам вписывались угрозы конфисковать их «движимое и недвижимое» имущество в том случае, если они не сумеют собрать ясак³⁵.

Тяжким бременем на плечи как русского, так и нерусского служилого и посадского населения легло в 1709—1719 гг. острожное строительство. В 1715 г. из Кузнецка бежали в «Контайшина владения в Белые Калмыки» 2 посадских человека. В 1717 г. из Кузнецка же бежали «от строения городского» 7 служилых людей и казачьих детей, да от податей 7 крестьян и посадских людей «да подгородные выезжие белые калмыки» И. Кочконаков, Т. Боянов и др. (всего 5 чел.), причем последние бежали в Телеутскую землицу³⁶.

Власти вели розыск беглецов, возвращали их на прежнее жительство. В предотвращение бегства ясачных людей воеводы, назначая башлыков в ясачные волости, вменяли им в обязанность следить, «чтоб оной волости ясачные люди, зговорясь, куда ис подвласной Царского Величества (земли) не бежали», чтоб из урочищ «никто не откочевывал»³⁷. Беглых ясашных рассматривали как изменников и пойманных беглецов (а иногда и их родственников) «примерно» наказывали — подвергали смертной казни, но карательные меры не достигали своей цели³⁸.

Разумеется, имели место перебежки и феодально-зависимых телеутов в русские уезды. Выше уже говорилось, что ойратское «Известие о обидах» обычно квалифицировало такие факты, как насильственное пленение телеутских групп «обывателями» русских городов. В этом акте, в частности, говорится о пленении (?) в 1711 г. телеута Сасака с одной кибиткой томичами и телеута Тобия с 4 кибитками — жителями Тары в 1715 г.³⁹

В условиях нарастающей напряженности между Россией и Джунгарией указами Петра I под страхом конфискации товаров и всего имущества было запрещено ездить за «телеутскую межу» с торгом, а приезжих телеутов, ойратов, бухарцев велено выдворять за рубеж⁴⁰. В марте 1715 г. по распоряжению М. Гагарина Б. Синявин устроил заставу на одной из дорог, в Барсояковом улусе на р. Кондоме, чтобы торговых караванов «не пропускать»⁴¹. Правда, несмотря на запреты торговли шла «тайным обычаем» и притом подчас в крупных масштабах. Так, в 1708 г. в д. Кривошеково на «телеутской меже» томичи А. Степнов и другие привезли на обмен свой товар (300 аршин сер-

³⁵ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 9, л. 4—4об. 5, 11—12.

³⁶ Там же, д. 3, л. 27об.; д. 4, л. 88—92.

³⁷ Там же, д. 9, л. 3—3об. (Память Ч. Изурбаеву, Азкештимская вол., 1717 г.; д. 9, л. 10—10об. (Память И. Кубодасову, Н. Куманда, 1718 г.).

³⁸ Там же, л. 10—10об.; казнен был, например, Тарлагач — брат Б. Чекина.

³⁹ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 3 и 10об.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 2, 12, 13 и др.

⁴¹ Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 14—15.

³¹ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 59—59об., л. 77об., 80; Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 321—322.

³² ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, л. 3, л. 35об.—36.

³³ Там же, л. 55об. Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 298, 305, 322, 340—344 и др.

³⁴ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, № 77, с. 306, 320—323.

мяжного сукна, 300 аршин холста, юфти, меха и др.) на 3 лодках, а ойраты, телеуты и бухарцы туда же доставили на 22 верблюдах и 10 лошадях десятки вьюков зернодеи, выбоек, китайки, но тем не менее такой торг носил эпизодический характер⁴².

Но обстановку 10-х гг. XVIII в. лучше всего характеризуют участвовавшие набеги телеуто-ойратских князьков на русские уезды. Типичным из них можно считать набег в июне 1717 г. на Тагапскую волость, когда, по рассказам тагапцев У. Чеменеева и других, «прибегали к ним... Контайшины белые калмыки Бяконев сын Могулан в двадцати шести человеках и 12 юрт их, ясачных, они, калмыки, разбили, и пожитки все разграбили и увезли с собой да 8 лошадей отогнали». Сведения о подобных набегах часто встречаются в русских актах этого времени, не случайно Б. Синявин называет этот «калмыцкий задор» «непрестанным». Коменданту Кузнецка приходилось усиливать охрану волостей: в той же Тагапской волости весь август 1717 г. нес вахту отряд в 50 чел.⁴³

Но, пожалуй, наиболее критическое положение на границе Кузнецкого уезда создалось в 1715 г., когда на Алтае появился двоюродный брат Цэван-Рабдана тайша Черен-Дондук с большим войском. Черен-Дондук, по свидетельству И. Унковского, был вторым лицом в Джунгарии, он отличался резкой враждебностью к России⁴⁴. Появление его с войском на Алтае было вызвано тем, что русские власти в 1714 г. фактически сорвали сбор алмана в двоеданческих волостях Кузнецкого уезда, пленили ряд алманчиков (Байгорок, Чап и др.). Целью похода Черен-Дондука как минимум была демонстрация силы, устрашение русской администрации и населения уезда, особенно жителей ясачных волостей. Но, по-видимому, он не хотел ограничиваться этим и планировал нападение на Кузнецкий уезд.

Еще в марте 1715 г. жители Кузенской и Комляшской волостей Б. Карашев и Е. Бобугаев сообщили ясатчику И. Максюкову о приходе «в Белые Калмыки» Черен-Дондука «в трех тысячах». В других Забийских волостях Максюкову рассказали, что тайша имеет приказ «собрать всех белых калмыков и итти войною под Кузнецкой весной сего же 1715 года», «как станут пашни пахать да сеять». Тайша собрал телеутов, точей, саянов и мугатов (в апреле — мае его войско насчитывало 5—7 тыс. воинов) и двинулся к Оби.

В мае кумандинцы, побывавшие на промысле в низовьях Бии, сообщили Максюкову, что они «подсмотрели... тамо многие полатки поставлены на Усть Бий Катуня, на месте, где был преж

сего поставлен... острог. И при тех полатках людей многое число и другие к ним через Бию переправляютца... А по признаку они де, те люди, воинские»⁴⁵.

Незадолго перед этим (9 апреля) в Кузнецк прибыли посланец-телеут Баты Некеров «с товарищем». Они привезли «лист» на ойратском языке, написанный от имени Черен-Дондука, Шала Табунова и Манзу Бойдонова. В письме сделан запрос — по указу ли царя пойманы люди хана (Байгорок и др.), выдвинуто предложение «судом розыскать вину» — «наши ли люди худо зделали или ты», а затем следовал ультиматум Синявину: «мир хочешь — людей моих отдай, воеватца хочешь — скажи». Для ответа был дан срок в 15 дней. Из «речей», что были «у посла в роте» (т. е. устных. — А. У.), следовало, что если не будет отпущен Байгорок, «то придет князец Байдонов сын Манзу под Кузнецкой войною отмещать кровь отца своего Бойдоя» (погиб при нападении на Кузнецк в 1709 г.).

Посланцы пугали Синявина тем, что в случае войны томичи якобы не окажут ему помощи, «хотя де трижды под Кузнецкой придут войною», обвиняли коменданта в том, что он не исполняет царский указ за подписью Гагарина, повелевающий обменять Байгорока на русских, взятых в плен в 1709 и 1710 г., и снова грозили походом на город⁴⁶.

Но Синявин не поддавался шантажу. (Гагарин, действительно, разрешил обменять Байгорока при условии, что ни он, ни Шал больше не будут грабить ясачных, разорять деревни и т. п., но решение вопроса оставил на усмотрение Синявина)⁴⁷. Вместе с тем, понимая, что опасность нападения на Кузнецк вполне реальна, он поставил Гагарина в известность о недостатке пушек и «пороха зелейного» и полном отсутствии «мелкого ружья» — пищалей, фузей. Он также просил к 1 мая 1715 г. прислать из Томска 1000 воинов со всеми припасами и полковыми пушками. Уже в начале июня из Томска в Кузнецк прибыл О. Качанов «з дворяны и детьми боярскими, с конными и пешими казаки и с казачьи дети и с иноземцы»; кроме того, томское начальство обещало «прибавку» людьми в случае появления «калмыцких воинских людей» под стенами Кузнецка. Эту «прибавку» «для военного случая» составила команда из 760 чел. во главе с полковником Черкасовым, которая прибыла в Кузнецк в разгар лета⁴⁸.

По всей видимости, об усилении кузнецкого гарнизона стало известно Черен-Дондуку, и это охладило его воинственный пыл. Но, главное, летом 1715 г. по указу Петра I вверх по Иртышу двинулся отряд Бухгольца, заложивший вскоре крепость у Ямы-

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 8—8об., л. 45—47об., 51об., 79об., 86об., 92об.; и др.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 51об.—52об.

⁴⁷ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 311—312.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 8об., 34об. 51, 52об.—53, 96об., 97об.

⁴² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 1—31об.; ед. хр. 1770, л. 1—7об.

⁴³ Там же, ф. 1134, д. оп. 1, 3, л. 56; д. 8, л. 53—59об.

⁴⁴ Путевой журнал И. Унковского.— В кн.: Посольство к Зюнгарскому хану хун-тайджи Цэван-Рабтану к-на от артиллерии И. Унковского. Зап. РГО, отд. этнографии, т. 10, вып. 2. Спб., 1887, с. 119 и др.

шевского озера. Черен-Дондук перебрался на Иртыш, где возглавил борьбу против русских, позднее он осаждал крепость на Ямыше⁴⁹.

Синявин решил воспользоваться сложившейся благоприятной ситуацией и предложил коменданту Томска М. С. Колычеву нанести контрудар по ойрато-телеутам зимой 1715/16 г. Он обосновывал эту меру интересами обороны и государственного фиска (население страдает от набегов: гибнут и разоряются крестьяне, враги грабят ясашных, уводят их, запрещают давать ясак царю и т. п. и потому «ясак... в зборе умалился и Кузнецкие жители в конец разорились и пашен пахать на Колмыцкой стороне Томи реки опасны и в летнее время всякого чину служилые люди на отъезжих караулах по многим местам и в проезжих станицах и в ясашных волостях живут для обережения за малолетством беспеременно, а томские служилые люди по вся годы приезжают на бережь в Кузнецкой, и от того им чинитца напрасное разорение и волокита») ⁵⁰.

Не ограничившись уже приведенными в отписке примерами, Синявин приложил к ней подробное «Ведение» о калмыцких набегах и ясачных поборах, начиная с 1713 г., о неудаче миссии с. б. А. Ефремова по возвращению беглых, об угрозах князьков «воевать» Кузнецк и т. п.

Указав, что «по ведомости» телеуты будут зимовать в трех днях пути от Оби, у горы Коурты, Синявин предлагал совершить туда поход осенью 1715 г. Для обсуждения плана он отправил с отпиской в Томск И. Максюкова. Но так как М. С. Колычев не решился на «самовольство», то Синявин направил свои предложения Гагарину, дополнив их справкой о враждебных акциях телеутов, начиная с 1710 г., данными о разоренных ими и бежавших пашенных и оброчных крестьянах, о челобитье кузнецких людей «смирить войною» телеутов, о местонахождении последних, зимой 1715/16 г. «по Алию и по Черашу рекам» ⁵¹.

Очевидно, из-за событий, связанных с экспедицией Бухгольца, Гагарин не разрешил Б. Синявину организовать поход против телеутов силами кузнецких и томских ратников, тем более, что с осени 1715 г. князец Шал Табунов начал зондировать почву насчет мира: возможно, узнав о планах Синявина, князь телеутов решил предотвратить нежелательный для Телеутской земли оборот дел.

В сентябре 1715 г. посланцы кн. Шала Бума и Малой «с товарищи» через жителей Нижней Куманды К. Алташева и Е. Ушчакова передали в Кузнецк «лист» на ойратском языке. Они интересовались у кумандинцев — нет ли из Кузнецка «на них военного случая» и просили передать Синявину, что летом

1716 г. кн. Шал пришлет посланца Номоя (Носмоя?), сын которого Тенек был пленен с Байгороком. В «листе» от имени кн. Шала было написано: «Белой Царь и Контайши двое мирно живут. Ты да я двое завоевались для чего? Смирно станем жить — волосы забелеют. За железо примемся — кости и забелеют» ⁵².

Фактически это было предложение мира со ссылкой на благой пример государей.

Летом 1716 г. в Кузнецк, действительно, прибыл посланец Номой. Судя по всему, он имел целью выкупить Байгорока и других телеутов. Но Синявин не отпустил пленников с аманатского двора, хотя, по ойратским данным, взял у посланца «4 лошади ценою в 30 рублей да одну виноходную в 20 рублей, 2 подстава камок в 8 рублей», отобрал 10 лошадей у Номоя лично, а его, сковав, отправил в Тобольск ⁵³. Видимо, поэтому, несмотря на то, что ойраты в 1716 г. осаждали Ямышевскую крепость, в Кузнецке опасались прихода «калмыцких воинских людей»: снова сюда «на береговую службу» летом была прислана половина томского гарнизона во главе с с. б. Кругликовым ⁵⁴.

Конечно, мелкие стычки между русскими ратниками и телеутами имели место и в 1715—1716 гг. «Известие о обидах» на счет кузнецян ставит в 1716 г. «погром» Бецока с 3 кибитками в Куманде, Ханасара с 2 кибитками, Кучука «с товарищи» (4 чел.), пленение некоего Бобуна с 30 кибитками ⁵⁵. В свою очередь, телеуты в 1716 г. пленили с. б. А. Ефремова с 6 ясатчиками, И. Полова с 5 «товарищи» и др. ⁵⁶

Но эти стычки не играли решающей роли для исхода борьбы за Верхнее Приобье, да и далеко не все они объясняются этой причиной.

Не разрешая Б. А. Синявину организовывать военные походы против телеутов, правительство требовало от него мирного медленного, но верного продвижения вверх по Оби и закрепления Приобья путем строительства новых острогов и крепостей; оно рекомендовало коменданту миром решать спорные вопросы с телеутами и ойратами и развивать с ними торгово-меновые контакты ⁵⁷.

Во исполнение этих инструкций, кузнецкие власти, используя в качестве базы Чаусский острог (построен в 1713 г.), возвели близ устья Берди в 1716 г. Бердский острог: это был второй

⁵² ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 48об.

⁵³ Там же, л. 48; ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 8. Синявин отрицал эти факты (*Памятники Сибирской истории XVIII в.*, с. 297, 306—307 и др.).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 1, л. 22; д. 7, л. 12об.—13, 25; и др.

⁵⁵ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 7, 8. Возможно, не все из них телеуты.

⁵⁶ Там же, ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 159. Были в плену до 1729 г.

⁵⁷ Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 4, 14—15 и др.; *История Сибири с древнейших времен до наших дней*. Л., 1969, т. II, с. 40.

⁴⁹ *Памятники Сибирской истории XVIII в.*, с. 171—174 и мн. др.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 55—57.

⁵¹ Там же, л. 31—34, 56—60.

(после Бикатунской крепости) военный объект, возведенный уже в пределах Телеутской земли⁵⁸.

В эти же годы на Иртыше были сооружены Омская (1716 г.), Железнинская (Ступин, 1717 г.), Семипалатинская (1718 г.), Усть-Каменогорская (Лихарев, 1720 г.) крепости. Все это позволило закрепить за Россией правобережье Иртыша.

В бассейне другой главной водной магистрали этого региона — Оби правительство планировало строить крепости на устье Бии и Катуня, на Алтын-озере, на Чумыше и в ясачных волостях. Но полностью эту программу не потребовалось выполнять. В 1717 г., после большой работы по мобилизации и транспортировке материальных и людских ресурсов, И. Максюков соорудил Белоярскую крепость (близ современного Барнаула). В 1718 г. на правом берегу Бии, выше ее устья, была построена Бийская крепость. В итоге междуречье Оби и Томи было также закреплено за Россией.

Приказчики новых острогов и крепостей получили инструкции решительно отклонять протесты ойратов и телеутов по поводу сооружения укреплений, «понеже та земля вверх по Обе реке по левую сторону и до Алтына озера Царского Величества», «нашего великого государя». Если «калмыки» появятся «на сей стороне Оби» близ крепостей, то «отпор им давать и подыск над ними чинить и промышлять над теми, которые сами придут», но самим «на юрты их» и «в походы отнюдь не ходить и воевать без указа никаких иноземцев не велеть». Если «калмыки» будут просить о подданстве, то принимать их «в осторожности» и при условии выдачи ими аманатов.

В 1717—1720 гг., когда в ходе русского продвижения по Иртышу и Оби имели место мелкие стычки с джунгарами, особое внимание приказчиков было обращено на ведение разведки о неприятеле. «А паче домогатца чрез языков... доведыватца о Калмыках — в которых они урочищах кочуют, и что в собрание, и нет ли под государевы города от них воинского прихода»⁵⁹.

Во исполнение этих наказов приказчик Бердского острога И. Буткеев посылал в мае — июне 1717 г. Ф. Криница «вверх по Обе реке горою и водою и низинами»; тот не обнаружил неприятеля, но встретил промышленников — товарищей М. Бекенева, которые «ходили три днища вверх по Алию реке под улусы калмыцкие» и едва ушли от погони⁶⁰.

Еще не достроив Белоярской крепости, ее приказчик посылал по Оби 8 разведчиков «в лотках», они наткнулись ниже устья

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 7, л. 11; ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 152—153об., л. 156; дата Бердского острога здесь неверна — «1717 г.».

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 8, л. 38об.—40, 44—45, 53об.; д. 9, л. 1—1об.; и др.

⁶⁰ Там же, д. 7, л. 47.

Алея на 2 «калмыков», но поймать их не могли и взяли лишь их лошадей⁶¹.

В июле 1717 г. С. Серебренников, нарушив инструкцию Б. Синявина (посылать в разведку по 2—3 чел., «тайным обычаем»), направил на левый берег Оби с целью разведки отряд в 50 чел. Натолкнувшись на калмыцкую сакму, служилые «сѣхались... с калмыки и бились с ними из ружья». После этого случая Серебренникову было под страхом смертной казни запрещено посылать в разведку «многочислом» и приказано «посылать для подсмотру в лотках... по малому числу», дабы многочисленными посылками «не потерять города», подобно тому, как это было с Бикатунской крепостью в 1710 г.⁶²

В августе 1717 г. лодочная разведка не обнаружила неприятеля южнее Белоярской крепости. А в сентябре 1718 г. двое белоярских разведчиков прошли на лодке до устья Чарыша и «у Чарыша реки никаких воинских людей и приходов и подъездов не видали»⁶³.

Это говорило о том, что в 1717—1718 гг. телеуты отошли или, точнее говоря, были насильно уведены Цэван-Рабданом в горы Алтая. Хан, занятый борьбой с Китайской империей, больше не оказывал военного сопротивления русскому продвижению вверх по Иртышу и Оби⁶⁴.

В 20-х гг. XVIII в. усилия дипломатов (посольства Бурокур-гана в 1721 г. и Доржи в 1724 г. в Петербург, И. Унковского в 1722—1724 гг. в Джунгарию) способствовали разрешению спорных вопросов, выявлению и удовлетворению взаимных претензий русских и джунгарских властей и прочему, т. е. в целом на некоторое время ослабили остроту русско-джунгарских противоречий, характерную для 10-х гг. XVIII в.

В нашу задачу не входит подробный анализ отношений между Россией и Джунгарией в первой четверти XVIII в., детальное освещение хода освоения русскими Обь-Иртышского междуречья. Этот процесс и эти события нас интересуют постольку, поскольку в них принимали участие телеутские князья, Телеутская земля.

В этом плане нам хотелось бы подчеркнуть явно несамостоятельный характер действий телеутской стороны в это время, особенно с конца 1700-х гг. Это отчетливо фиксируют приведенные нами выше акты: хан планирует переселение ойратов в междуречье Оби и Иртыша, не спрашивая мнения телеутской знати по этому вопросу; он включает воинов-телеутов в состав ойратского войска, подчиняя джунгарским военачальникам Бойдону Сапылову (1709 г.), Духар-зайсану (1710 г.), Черен-Дон-

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 8, л. 23об.

⁶² Там же, л. 28об.

⁶³ Там же, д. 7, л. 77; д. 9, л. 107.

⁶⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 340—348.

дуку (1715 г.), Манзу Бойдонову (1714, 1717 гг.). Последнего по этой причине документы тех лет иногда даже именуют «белым калмыком». Наоборот, Байгорок Табунов иногда определяется как ойрат — настолько утрачивается и у русских людей и у ясашных представление о какой-либо самостоятельности князьков Телеутской земли. И в самом деле, в 1714 г. Байгорок и Чап Шалов ведут сбор алмана по приказанию Манзу Бойдонова, грозят разорением ясашным от его имени; подчинены Манзу и старшие князья в Больших Улусах Абаковичей и Мачиковичей — Шал Табунов и Бейкон Мачиков, ибо не они, а Манзу решает вопрос о выдаче русским властям беглых ясашных, когда за ними приехал с. б. А. Ефремов.

В 10-х гг. XVIII в. мы не знаем ни одного случая присылки телеутскими князьями своих послов в Томск или в Кузнецк: Номой (1716 г.) не идет в счет, так как он фактически приехал с выкупом за Байгорока, своего сына Тенека и других телеутских пленников и каких-либо иных переговоров не вел, соглашений не заключал, послом он признан не был. Посланцы появляются в Томске и в Кузнецке либо от лица джунгарского хана и тайшей (так, осенью 1713 или 1714 г. в Кузнецк приехал посланец Манзу Бойдонова Саргуш Елдукаев с уведомлением, чтобы Синявин лично прибыл для переговоров с Манзу)⁶⁵, либо от лица ойратских и телеутских князей вместе (Некерев, 1715 г. — от Черен-Дондука, Манзу и Шала). Даже содержание «листов», присланных в эти годы в Кузнецк, не было продуктом самостоятельного творчества телеутских князей: в первом из них были записаны «речи» Черен-Дондука, Манзу и Шала, во втором — соавтором Шала, видимо, был Манзу или другой ойратский тайша.

Все эти факты говорят о том, что телеутские князьки утратили остатки своей самостоятельности, превратившись в служебных князьков, в чиновников джунгарского хана, все действия которых направлялись из Урги, и с этого времени мы уже не можем говорить собственно о телеутско-русских отношениях, ибо они целиком и полностью развивались уже в рамках межгосударственных отношений России и Джунгарии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВЫЕЗЖИЕ БЕЛЫЕ КАЛМЫКИ» (ТЕЛЕУТЫ)

Одной из важнейших и актуальнейших проблем, решением которых занята в наши дни советская историческая наука, является проблема включения в состав Русского государства многочисленных малых народностей и этнических групп в эпоху феодализма. Частью этой большой проблемы является вопрос о принятии в русское подданство в XVII в. группы алтайских телеутов, известной в актах того времени под названием «выезжих белых калмыков» или «выезжих телеутов».

Эти термины по сути дела идентичны, хотя понятие «выезжий белый калмык», по-видимому, шире, нежели понятие «выезжий телеут», так как последнее касается только собственно телеутов, в то время как первое может быть распространено и на других алтайцев.

«Выезжие белые калмыки», или «выезжие телеуты» — это сравнительно небольшая группа алтайцев (в основном телеутов), которая добровольно приняла подданство Русского государства, «выехав на государево имя», т. е. переселившись из своих улусов в пределы сибирских уездов.

Группы «выезжих белых калмыков» складывались в виде своеобразных (сначала кочевых) колоний в Томском, Кузнецком и Тарском уездах на протяжении долгих лет, начиная с 20-х гг. XVII в., но наиболее быстрыми темпами они росли во второй половине XVII столетия. Под влиянием русских крестьян телеутские переселенцы перешли к оседлому образу жизни, научились пахать землю, возделывать хлеб и овощи, содержать в стойлах зимой свой скот и запастись на зиму сеном и т. п. Они занимали особое место в общественно-политической системе Русского феодального государства — платили льготный ясак царю, несли военную службу, за что получали «государево жалованье», исполняли некоторые другие государственные повинности.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 57—57об.

ОБРАЗОВАНИЕ ТЕЛЕУТСКИХ КОЛОНИЙ
В СИБИРСКИХ УЕЗДАХ В XVII в.

Время появления «выезжих телеутов» в русских уездах разными исследователями определяется по-разному. И. Фишер, а вслед за ним И. Георги и другие считают, что это произошло между 1658 и 1665 г.¹, К. Риттер называет лишь один год — 1665². В. В. Радлов и Н. А. Аристов полагали, что о времени появления их в русских уездах точных сведений вообще не имеется, известно лишь, что случилось это в XVII в.³ В. Вербицкий думал даже, что, например, на Б. и М. Бочатах телеуты поселились лишь «по распадении ойратства», т. е. в конце 50-х гг. XVIII в.⁴

Л. П. Потапов и П. Е. Тадыев в определении времени телеутского выезда следуют за И. Фишером⁵. Б. О. Долгих, имея в виду кузнецких телеутов, хотя и приводит сведения ясачных книг о небольшой группе «выезжих телеутов» Уската еще за 1635 г., но считает, что выход большей части ускатских калмыков состоялся несколько позже 1658—1665 гг. Лишь к 1671 г., по его мнению, вошла в состав Кузнецкого уезда «большая группа телеутов, известная в то время под названием ускатских «белых калмыков». Б. О. Долгих выделяет в ней три хронологические группы «выезжих калмыков»: 1) собственно ускатскую (17 чел.), 2) «прежнего выезда которые живут с ускатскими колмаками» (25 чел.) и 3) «белые колмаки последнего выезда, которые выехали... от князя Коки Абакова» (52 чел.). Таким образом, по Б. О. Долгих, кузнецкая группа «выезжих телеутов», насчитывавшая в 1671 г. 94 чел.⁶, сложилась не сразу, появилась в уезде не в одно время. Б. О. Долгих не ставил своей задачей устанавливать точные даты каждого из трех хронологических пластов и потому не сообщает этих дат, но факт разновременного «выхода на царское имя» разных групп телеутского населения, установленный Б. О. Долгих на основании данных ясачных книг, находит свое подтверждение в других документах центральных архивов.

¹ Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. Спб., 1775. с. 471.

² Риттер К. Землеведение Азии. Т. III, с. 412—413.

³ Радлов В. В. Этнограф. обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1897, с. 10; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— «Живая старина», 1896, т. VI, вып. III—IV, с. 339—340.

⁴ Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 7.

⁵ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 124.

⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (нов. сер.). М., 1960, с. 104, 107.

Попытаемся ответить на вопрос о времени появления первых телеутов в русских уездах, пользуясь этими актами.

В сметном списке Томска за 1627 г. (составлен по состоянию на 1626 г.) на томской службе считалось 50 томских татар «да чатских и телеутских мурз 70 человек»⁷. Трудно сказать, сколько из этих 70 мурз было телеутских, но можно предположить, что немного: в это время все чаты (на 1626 г. насчитывалось 100 плательщиков ясака) были русскими подданными, часть из них несла военную службу. Что касается телеутов, то их подданство (с 1609 г.), носило формальный характер, и при таком положении вещей перейти на постоянную русскую службу могли лишь отдельные «мурзы». Случиться это могло не ранее 1609 г., а, скорее всего, после совместных военных походов русских служилых людей, чатов, еуштинцев и телеутов против енисейских кыргызов в 1615, 1621 и в 1622 г.⁸

Таким образом, самая ранняя группа служилых телеутов появилась в Томске, и произошло это не позже середины 20-х гг. XVII в.

Что касается телеутов Кузнецкого уезда, то первая, ускатская, группа «выезжих белых калмыков» сложилась тут не позже начала 30-х гг. XVII столетия. В наказе томскому воеводе кн. И. Ф. Татеву упоминается отписка кузнецкого воеводы кн. И. Волконского от 23.VI-1630 г., в которой фигурирует «подгородный колмак Тенибек», уходивший 4.III-1630 г. «в Белые Колмаки, в Обаков улус, к зятю своему» и «прибывавший» в Кузнецк с важными военными вестями⁹. Значит, уже в 1630 г. близ Кузнецкого острога жили «подгородные колмаки».

В 1633 г. на р. Ускате уже жили «колмыки» — Кошнакай «с товарищи» (5 чел.), с женами и детьми. Люди Абака уводили их на Мереть (сентябрь 1633 г.), но по требованию русского посла Б. Карташева в 1634 или в 1635 г. они были возвращены на прежнее местожительство¹⁰; в 1636 году с ускатских «белых калмыков» был взят ясак¹¹.

Эта группа состояла только из телеутских перебежчиков, ибо северных алтайцев в русских актах XVII в. обычно именуют по названию волостей; это не могли быть, в частности, шорцы, так как в этом же документе о посольстве Б. Карташева особо отмечается факт ограбления телеутами Абака живших там же на Ускате «кузнецких татар» (т. е. шорцев) Байдарака и Изенбека¹². Таким образом, первые небольшие группы телеутских

⁷ Томск в XVII веке. Томск, 1912, с. 29.

⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, II. М.—Л., 1941, прилож. 190.

⁹ Там же, прилож. 285.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 493—494.

¹¹ Долгих Б. О. Указ, соч., с. 107.

¹² ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 493—494.

«выходцев» появились в Томском и Кузнецком уездах еще до начала 30-х гг. XVII в.

Рассмотрим теперь, как происходил рост числа телеутов-перебежчиков в Кузнецком уезде.

В 1642 г. в ускатской группе насчитывалось по-прежнему 5 плательщиков ясака, в ясачной книге за 1650 г. их указано 6¹³. Такое увеличение могло быть результатом естественного роста группы — появилась новая семья. Но в 1651 г. ускатская группа увеличилась сразу на несколько семей. Этот рост нельзя объяснить естественными причинами. В чем же дело?

Ответ на этот вопрос мы находим в одной из воеводских отписок, излагавших статейный список с. б. В. Былина, которого томские воеводы посылали к Коке Абакову с выговором о его «неправдах» и с поручением разобраться в причинах «недружбы» кн. Коки и кузнецкого воеводы Ф. Баскакова. Из этого списка явствует, что незадолго до 1653 г. в Кузнецк бежала группа телеутов из улуса кн. Коки: «А кузнецкой де воевода Федор Баскаков пишет к тебе, государю, на него Коку напрасно по недружбе за то, что он прошал у нево, у Федора, погромнова своего ясырю и беглых своих людей, которые, государь, от нево, Коки, збежали в Кузнецкой острог»¹⁴.

Мы ничего не знаем о том, из каких родов были эти беглецы, но, судя по тому, что в 1671 г. собственно ускатская группа составляла уже 17 чел., что число «выходцев» в последующие выезды достаточно точно зафиксировано (25 и 52 чел. соответственно), можно точно сказать, что их было 11 семей (к 6 плательщикам ясака прибавилось еще 11). Выход этой группы можно точно датировать: 1651 г. К этому выводу мы пришли, анализируя два челобитья служивых телеутов.

В связи с просьбой Е. Чюрина в 1672 г. о возврате ему беглых холопов Ергулаковых, нашедших убежище в Кузнецке, «служилые и подводные» белые калмыки и абинские татары Кузнецкого острога в своем челобитье показали, что выехавшие на имя царя «Соргушачко и Тусчачко Ергулаковы со ста пятьдесят девятого года выезжие калмыки», живут в Кузнецке и «всякие службы служат», что они выехали на русскую службу в Кузнецкий острог «до ево Ергучачкова выезду задолго, лет за 15»¹⁵.

В этом челобитье, кроме приблизительной даты («лет за 15» до выезда Чюрина) есть и точная — 159 (1651) г. выхода группы из 11 телеутов, в которой были и Соргушачко и Тусчачко (в другом месте — Тосчачко и Саргулачко) Ергулаковы. Кстати, Е. Чюркин считал своими 6 из этих 11 «выходцев»¹⁶.

¹³ Долгих Б. О. Указ. соч., табл. 34 на с. 106—106об.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 200.

¹⁵ Там же, стб. 623, ч. II, л. 420—421, 428—429об.

¹⁶ Там же, л. 421.

Так сложилась первая — собственно ускатская — группа кузнецких «выезжих телеутов».

Группа «выезжих телеутов» Кузнецкого уезда, названная в ясачной книге за 1671 г. «белыми калмыками прежнего выезду, которые живут с ускатскими калмыками» и насчитывавшая 25 чел., перешла в русское подданство между 1651 и 1661 г.

Скорее всего, этот переход совершился в разгар телеутско-калмыцких войн 1654—1658 гг., когда телеутские князья терпели поражение за поражением, и во время набегов на русские уезды в 1656—1657 гг. Война на два фронта всей тяжестью легла на плечи рядовых скотоводов, и часть из них перешла под эгиду русских властей.

Кузнецкий воевода И. И. Давыдов, имея в виду эту группу «выезжих телеутов», считал датой их выезда на царское имя 1657—1658 гг. Принимая Шерешека, посланца Галдан-хана, 3.I—1679 г., Давыдов в ответ на требование «выдать выезжих белых калмыков» заявил: «А выехали («выезжие белые калмыки» — А. У.) уже 21 год, и алману ни тайшам, ни князям с тех пор не даывали»¹⁷.

Менее вероятна дата перехода названной группы — 1659—1660 гг.: в это время, как известно, после долгих переговоров, завершившихся поездкой телеутских послов в Москву, между телеутами и русскими был возобновлен военно-политический союз (1659 г.), просуществовавший до 1661 г.: в условиях мира и союза русские воеводы едва ли могли решиться на прием части телеутов в подданство, ибо это грозило нежелательными осложнениями в русско-телеутских отношениях.

Последняя по времени (имеется в виду последняя до 1671 г.) группа телеутов, выехавших в Кузнецкий уезд, именуемая в ясачной книге за 1671 г. «белыми калмыками последнего выезду»¹⁸ и насчитывавшая 52 чел., перешла в русское подданство в 170 (1661—1662) г. По более поздним джунгарским данным, «обыватели Кузнецка» в 1661 г. «завладели несколькими аймаками теленгутов», «а именно телиошев и протчих»¹⁹.

В челобитной кузнецких телеутов (см. подробнее о ней ниже) дата их выезда «на государево имя» указывается менее определенно: отмечается, что они выехали «при прежних воеводах Василии Овцыне и Иване Кокошкине»²⁰.

По данным К. Б. Газенвинкеля, В. В. Овцын нес воеводскую службу в Кузнецке в 1659—1664 гг., а И. Р. Кокошкин — в 1665—1667 гг.²¹ Однако даты, названные К. Б. Газенвинкелем, вызывают сомнения: из ряда документов явствует, что уже в

¹⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 163, л. 306об.

¹⁸ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 107.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 3об.

²⁰ Там же, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 432—432а.

²¹ Газенвинкель К. Б. Указ. соч., с. 36—38. Автор ошибочно называет В. В. Овцына В. Д. Овцыным, а И. Р. Кокошкина И. Ф. Кокошкиным.

1663 г. воеводой Кузнецка был И. Р. Кокошкин. Так, в одной из отписок, поданной в Сибирский приказ 18.II—171 (1663) г., И. Р. Кокошкин, излагая текст данного ему наказа, сообщает о приеме города и острога от бывшего воеводы В. В. Овцына²². В челобитной 125 кузнецких служилых людей от 10.VI—171 г. воеводой Кузнецка назван И. Р. Кокошкин. Отписка И. Р. Кокошкина, сообщающая об этом челобитье, была подана в приказ 24/X—172 г. (т. е. в 1663 г.)²³.

В стб. 661 (ф. Сибирского приказа) есть ряд сведений, позволяющих уточнить даты воеводства В. В. Овцына и И. Р. Кокошкина в Кузнецке. В частности, тут указано, что в феврале 167 (1659) г. в Томск были посланы воеводами И. В. Бутурлин и П. П. Поводов, тогда же в Кузнецкий острог был направлен «Василей Васильев сын Овцын». Далее в столбце есть запись о направлении в Кузнецк в 168 г. воеводой стряпчего И. Р. Кокошкина, что дает основание думать о смене последним В. В. Овцына около сентября 1660 г. Еще одна запись сообщает об отпуске на воеводство в Кузнецк в 170 г. того же стряпчего И. Р. Кокошкина, который снова здесь сменил В. В. Овцына²⁴.

Таким образом, с 1.IX—1659 по 1.IX—1660 г. воеводой в Кузнецке был В. В. Овцын, с 1.IX—1660 по 1.IX—1661 г.— И. Р. Кокошкин, с 1.IX—1661 по 1.IX—1662 г.— снова В. В. Овцын и с 1.IX—1662 — по 1.IX—1663 г.— опять И. Р. Кокошкин.

Из этого следует: 1) что К. Б. Газенвинкель неверно сообщает даты воеводства в Кузнецке В. В. Овцына и И. Р. Кокошкина; 2) что телеуты перешли в подданство в годы, когда воеводы сменялись в названной выше последовательности, а именно: В. В. Овцын — И. Р. Кокошкин. Так как в некоторых документах есть указания на 170 г.²⁵, то, следовательно, временем перехода кузнецких телеутов в русское подданство следует считать именно 1661 и 1662 г. Видимо, часть телеутов выехала в уезд с конца 1661 г. и по сентябрь 1662 г. (при воеводе В. В. Овцыне), а другая — с сентября и до конца 1662 г. (при И. Р. Кокошкине).

Русские и джунгарские данные о количестве телеутов-перевозчиков в Кузнецк в 1661—1662 гг. существенно отличаются. «Ивестие о обидах» называет «более ста кибиток», а ясачная книга 1671 г.—52 чел. т. е. в 2 раза меньше. Более верной следует считать цифру 52, так как, во-первых, она зафиксирована в таком надежном русском источнике, как ясачная книга и, во-вторых, в интересах Джунгарии было завысить число «выходцев на государево имя».

²² ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 37—43.

²³ Там же, л. 46—55 и сл.

²⁴ Там же, стб. 661, л. 107, 108, 126, 175.

²⁵ Там же, стб. 673, л. 46.

Во главе группы телеутов «последнего выезду» стояли Баскаул Мамрачев, Сурнояков, Торгаев, Изибек, Тюлемышев и др. Имена этих телеутов фигурируют в челобитной, подписанной их «знаменами» и поданной от имени 71 служилого телеута Кузнецка²⁶. Челобитную эту можно датировать 1673—1676 гг., так как она находится среди других бумаг 1673—1674 гг., и составлена еще при жизни Б. Мамрачева (в ней упоминается его имя, она подписана его «знаменем»), а Б. Мамрачев погиб в октябре 1676 г.²⁷.

Возможно, в числе телеутов «последнего выезду» были затем включены люди из группы Бойдона и «Чойковых детей» после поражения их в 1663 г. на устье Чумыша. Во всяком случае известно, что Грожевский, «погромив» Бойдона и «Чойковых детей», привел «языков живых» Уренечка Ускерина да Сыланбайка Сарыбашева в Кузнецк, где воевода И. Р. Кокошкин принудил их к шерти «по их вере».

В челобитной Р. Грожевского и других служилых кузнецан есть упоминания о пленных («живцов поймали»), но из контекста неясно, имеются в виду уже названные лица или еще какие-то телеуты. Во всяком случае челобитчики ставили себе в заслугу, что «живцы», которых они «поймали», «ясак впредь платить учнут». Не исключено, что здесь имелись в виду те 24 «иноземца», которые были ранены в бою в устье Чумыша, или некоторые из них²⁸.

Итак, нам удалось проследить, как сложилась кузнецкая группа «выезжих телеутов», насчитывавшая в 1671 г. 94 чел.

Может возникнуть вопрос: почему в 1671 г. ясачных телеутов было 94 чел., а в челобитной, датированной 1673—1676 гг., названо число 71. Противоречия тут нет: в книге приведено число ясачных людей, а в челобитной — только служилых телеутов, а среди «выезжих белых калмыков» были и лица, которые несли подводную повинность, но были освобождены от военной службы.

Позже 1671 г. число «выезжих телеутов» в Кузнецком уезде продолжало расти. В июне 1673 г. произошло событие, которое не могло не сказаться на этом росте: отряд атамана И. Бедаря совершил поход на устье Чумыша и «погромил» находившиеся здесь улусы Ивана Абакова и его сына Бола. При возвращении в Кузнецк служилые привели пленных, в числе «языков» оказался и Бол Иванов²⁹.

Правда, ни воеводская отписка от 14 января 1674 г., ни челобитная служилых кузнецан во главе с И. Бедарем не содержат сведений о приведении к шерти кого-либо из пленных

²⁶ Там же, стб. 623, ч. II, л. 432—432а.

²⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 129, л. 216 и др.

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 46—54.

²⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 129, л. 216 и др.

телеутов-мужчин. Но некоторые телеуты из числа разбежавшихся во время боя позднее сами пришли в Кузнецк и приняли русское подданство. Так, в одной из своих отписок воевода Кузнецка Г. Волков сообщил своему томскому коллеге кн. Д. А. Бярятинскому о факте одиночного перехода в русское подданство: 1.X—1673 г. «из Белых калмыков князца Табуна Кокина татарин Чemenечко Игеев пришел», который убежал «от хозяина своего от Белого Колмана от Ивашка»³⁰.

В 80-х гг. XVII в. число «выезжих телеутов» в Кузнецком уезде продолжает неуклонно расти: если в 1681 г. их насчитывалось 114³¹, то в 1688 г.—уже 144. Из отписки кузнецкого воеводы Конищева, в которой излагается челобитная служилых телеутов от 15.VI—1688 г., явствует, что возглавлял их в эту пору Давыд Торгаев³².

Подданство принимают телеуты из разных телеутских улусов. В частности, в конце 1688 г. (26.IX) выехал «на имя» царей «белый калмык Бачикова (Мачикова.—А. У.) улусу Котонко з женою и детьми». В акте владелец улуса назван неверно. Фактическим владельцем улуса в 1688 г. был уже сын умершего Мачика — Шаадай («Чаадайко», как его называет документ.—А. У.), но это не меняет дела. Суть в том, что в русское подданство переходили не только люди из улусов Абаковичей, но и из улусов Мачиковичей. Котон был приведен к шерти и на общих основаниях обложен ясаком³³.

Переход значительного числа телеутов в русское подданство в 1688 г. нельзя не связывать с войной Джунгарии с владетелями Халхи, начатой Галдан-ханом как раз в 1688 г.³⁴

В 90-х гг. XVII в. наметилась тенденция к уменьшению числа «выезжих телеутов». В 1692 г. в ясачной книге Кузнецкого уезда значится уже только 100 «выезжих телеутов»³⁵. Заметное уменьшение ясашных телеутов в 1692 г. по сравнению с 1688 г. объясняется рядом причин: 1) часть «выходцев» вернулась в горы Алтая, как только ненадолго ослабла напряженность в отношениях Джунгарии и восточно-монгольских княжеств после войны 1688 г.; 2) часть служилых погибла во время походов против енисейских киргизов; 3) часть бежала за пределы уездов в поисках «беловодья», «избываючи ясака», 4) наконец, имела место и естественная убыль.

В 1700-х и 1710-х гг. XVIII г. численность кузнецких телеутов все время колеблется. В 1701 г. число телеутских выход-

цев сократилось до 75³⁶, а в 1703 — до 63 чел.³⁷. В ясачной книге Кузнецкого уезда за 1704 г. указано еще меньшее число: «А Белых де калмыков человек с 50 и живут около города Кузнецка...»³⁸ Существенную роль в этом сыграли набеги на Кузнецк в 1700 г. енисейских киргизов и их союзников (набег возглавляли князьки Тангыт Таин-Иркин и Корчин Ереняков). во время боев за Кузнецк «на выласках» погибло 7 служилых телеутов, около 100 телеутов (большой частью старики, женщины и дети) попали «в полон», в числе их было 43 чел. «мукова пола»³⁹.

В 1706 г. численность ясачных телеутов возросла до 83, но в 1715 г. снова упала до 74 чел.⁴⁰ Причины этих колебаний кроются в обострении борьбы между Джунгарией и Россией по ясачному вопросу. Служилые телеуты принимали активное участие в отражении набегов черных калмыков, киргизов Енисея и других и, естественно, несли при этом потери. Собственно, так было и раньше (в 1679—1680 гг. во время похода Р. Старкова и И. Гречанина в Киргизскую землю было убито 4 верстанных и неверстанных в службу телеута, при нападении Матур-тайши в 1682 г. на Кузнецк погибло 23 служилых телеута⁴¹ и т. д.). Но «в место» «выбылых» воеводы верстали в службу их детей, и общее количество служилых телеутов оставалось в конце XVII в. приблизительно на одном уровне. Однако с начала XVIII в. потери «выезжих телеутов» заметно возросли, так как они активно участвуют в военных действиях, а верстанье их на службу сократилось.

Интересны сведения ойратского источника о численности кузнецких «выезжих телеутов».

По этим данным, Кузнецкая группа телеутов после 1661—1662 гг. увеличилась за счет «пленения» отдельных кибиток (семей) и кочевых общин. Так, в 1696 г. кузнецчане якобы пленили кибитку Галтуева, в 1697 г.—Алгацака с 11 кибитками, в 1698 г.—Алгаша с 2 кибитками, в 1701 г.—Бакбаша с 6 кибитками, в 1707 г.—Галзунка с 5 кибитками (всего около 30 кибиток)⁴².

Правда, в «Известии о обидах» только группа Бакбаша названа телеутской, но, судя по тому, что во всех случаях, когда речь идет о киргизах, их этническая принадлежность в документе указана, есть все основания думать, что Алгаш, Галтуев, Алгацак и их группы, чья этническая принадлежность в переч-

³⁰ ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 93-III, с. 314—315.

³¹ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34.

³² ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 171.

³³ Там же, ч. III, л. 22.

³⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 240.

³⁵ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 108.

³⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 632, л. 3об.

³⁷ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1400, л. 128.

³⁹ Там же, оп. 5, ед. хр. 632, л. 1—4.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 886, л. 39об.—41об. Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 3, 33, 114—117, 171; 191—193; оп. 5, ед. хр. 632, л. 2—2об.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 173, л. 325, и др.

⁴² ЦГАДА, ф. 130, Сибирские дела, оп. 1, д. 4, л. 4—6об.

не не отмечена, также хотя бы частично принадлежат к телеутам.

Конечно, не все эти группы были пленены (такую интерпретацию событий дает джунгарский источник, который даже добровольный переход значительных групп телеутов в 1661—1662 гг. в русское подданство считает результатом насильственных действий русских ратников). Есть все основания считать, что некоторые из этих групп (а может быть, и все) перешли под власть русских воевод исключительно добровольно.

Итак, мы проследили, как складывалось в XVII в. группа «выезжих телеутов» в Кузнецком уезде.

Конечно, это вовсе не значит, что современные телеуты Кемеровской области являются прямыми потомками только «выезжих телеутов» XVII в. В генезисе бачатских телеутов приняли участие окраинные телеутские роды, объясаченные с 20-х гг. XVII столетия и известные под именем Тогульской, Азкыштымской, Тагапской и Керетской волостей. Б. О. Долгих проследил по ясачным книгам, как изменялось количество ясачных (а значит, и общая численность) в этих волостях с 1629 по 1715 г. Не приводя этих цифр, заметим лишь, что до конца XVII в. явно замечается тенденция роста их численности (в основном, надо полагать, за счет естественного фактора). С 1629 по 1692 г. число ясачных тогульцев выросло с 7 до 26, азкыштымцев — с 6 до 49, тагапцев — с 6 до 39; у керетцев отмечена незначительная убыль с 11 до 10 чел. В начале XVIII в. по указанным уже выше причинам число ясачных в этих волостях (кроме Керетской) резко сократилось (у тогульцев — на 7, у азкыштымцев — на 21, у тагапцев — на 18 чел.), а к 1715 г. у первых двух волостей осталось на уровне 1703 г., лишь у тагапцев возросло по сравнению с 1709 г. на 5, а у керетцев — на 4 чел.⁴³

В XVIII в. начались постепенное слияние ускатских («выезжих») телеутов с азкыштымцами и другими, а также процесс обрусения как бачатских телеутов в целом, так и мелких групп телеутов, оставшихся жить на Чумыше.

Аналогичная группа «выезжих белых калмыков» возникла в Томском уезде. Она начала складываться еще, по крайней мере, с 20-х гг. XVII в. К сожалению, мы не имеем возможности подробно проследить, как росла эта группа, изменялась ее численность в течение века. Однако известно, что основная масса «выходцев на царево имя» появилась здесь в 170—172 гг., т. е. в 1661—1663 гг.

В челобитной уже упомянутого выше Е. Чюрина и других, коллективных, челобитных, подписанных Балыком Кожановым, Бураем Мамуровым и другими, а также в воеводских отписках

из Томска⁴⁴ датой перехода в русское подданство части томских «выезжих телеутов» назван 170 г. (с 1 сентября 1661 по 1 сентября 1662 г.).

Но «выход» в Томск был совершен также не одной, а по крайней мере, двумя группами, причем вторая группа «вышла» не в 170, а в 171 или даже в 172 г. В отписке томского воеводы Н. А. Вельяминова тобольскому воеводе сказано, что в 171 и 172 г. в русское подданство в Томске перешла группа «белых калмыков 30 человек з женами и з детьми»⁴⁵. Между тем, судя по челобитным Балыка Кожанова, в его группе насчитывалось 45 чел.⁴⁶ Из ряда других документов явствует, что первую группу томских телеутов возглавляли Кожановы, а вторую — племянник князя Мачика — кн. Ирка Уделеков⁴⁷. Есть основания думать, что вторая группа, состоявшая из 30 семей, перешла в подданство 1—2 годами позже первой; мы видим также, что она происходит из улусов Мачиковичей, в то время как Кожановы «с товарищи» — из улусов Абаковичей.

И в Томском уезде число «выезжих телеутов» не оставалось неизменным. Так, мы уже знаем, что в 1673 г. бежали «за рубеж» кн. Ирка Уделеков, Баскаул и 15 их соплеменников с семьями. В следующем году число «выходцев» сократилось еще на 5 чел.: Балык Кожанов, его братья и дети были убиты агентами князя Табуна Кокина⁴⁸. К 90-м гг. XVII в. в Томске насчитывалось, видимо, около 55—60 «выезжих телеутов» (мужчин)⁴⁹.

По данным счетного списка из 1699 г. в Томске значилось на службе чацких мурз и «выезжих белых (в тексте ошибочно: «беглых». — А. У.) калмыков» 82 чел. Общий оклад их был равен 337 руб. 25 алтынам, соли 31 пуд «с полупудом»; каждый, кроме того, получал по 22 чети ржи и овса⁵⁰.

Джунгарские сведения увеличивают томскую группу также, как и кузнецкую, за счет отдельных семей и кочевых общин, якобы плененных томичами после 1661—1662 гг. Среди таких мелких групп значатся Мейдухай и с ним еще 6 кибиток

⁴⁴ ЦГАДА, стб. 623, ч. I, л. 314—316, л. 323—324, ч. II, л. 326—327, 403—404, 420—421.

⁴⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 92, л. 164об.—165; ЦГАДА, ф. 214, стб. 661, л. 107.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 323—324, ч. II, 326—327 и др.

⁴⁷ Там же, л. 323—327, 423—426; ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 2, л. 3—4; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 430об.—435.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 886, л. 347—349, 360—361 и др.; стб. 623, ч. I, л. 465—466; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 245—245об.

⁴⁹ Еще в августе 1745 г. в Томске среди служивых насчитывалось 16 «выезжих белых калмыков», в то время как в Кузнецке телеуты уже не привлекались к военной службе, и вообще из «иноземцев» служило лишь 20 абинцев. (Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. — ЧОИДР, Спб., 1866, ч. IV, с. 9—10).

⁵⁰ Там же, ф. 214, кн. 1354, л. 268; См. также: Томск в XVII веке. Томск, 1912, с. 48.

⁴³ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34.

(1691 г.), Чнстан и с ним 3 кибитки, Женецгеш с 7 кибитками (1698 г.), Збротий с 2 кибитками (1705 г.), Собок «с товарищем» (1707 г.), Сасак с кибиткой (1711 г.). В документе точно обозначена телеутская принадлежность всех этих общин и семей⁵¹.

Общее число телеутов, оказавшихся в русском подданстве в Томске после событий 1661—1662 гг., по ойратским данным, составляет, таким образом, около 25 кибиток.

Как и в случае с кузнецкими перебежчиками, мы считаем, что если не все, то большинство томских «выезжих телеутов» несомненно перешли в русское подданство добровольно.

В XVIII—XIX вв. томские телеуты отатарились, приняли магометанство и стали известны под именем скедамов⁵².

Наконец, еще одна, третья группа телеутских «выходцев» по некоторым данным сложилась в Тарском уезде.

К сожалению, сведений об этой группе у нас почти нет. Известно лишь по источнику, исходящему из Джунгарии, что в 1695 г. тарские служилые люди «пленили теленгутского владельца и с ним ево аймак шездесят семь кибиток». В 1705 г. в Таре были навсегда якобы насильно оставлены 3 телеута «Бакша с товарищи», исполнявшие роль приставов, а в 1715 г. тарцами был пленен «теленгутенин Тобий с четырьмя кибитками, с которыми взяли 100 лошадей». Возможно, частично телеутской была и группа некоего «орцкойского (видимо, орцкаского владельца? — А. У.), именуемого Бады з двадцатью кибитками», который в 1703 г. ушел жить в Барабинские волости. Во время последнего случая отряд калмыков под командой Адаху «гонял» за беглецами, но тарские служилые люди взяли их под свою защиту, в стычке «погонщики» были разбиты, 1 чел. из них убит, взяты трофеи — 23 лошади, три сайдака и «весь их кош»⁵³.

Следовательно, в тарской группе, составившейся в конце XVII — начале XVIII в., насчитывалось на 1715 г. более 70 кибиток (семей), и по численности она не уступала ни кузнецкой, ни, тем более, томской группам «выезжих телеутов». Мы считаем, что и эта группа сложилась в основном из лиц, добровольно принявших русское подданство, ибо нет основания верить джунгарской версии, по которой и эти группы телеутов были пленены русскими.

Надо полагать, что эта группа телеутов осталась жить на территории Тарского уезда, скорее всего в волостях барабинских или тарских татар. Ее пополнили «калмыки — коурчаки», появившиеся в 1691 г. в Тарском уезде в качестве плательщиков ясака. В 1702 г. их уже было 110⁵⁴. По данным

Б. О. Долгих, они кочевали в Тунусской, Любайской, Турашской (Кулебинской) и Барабинской (на Сарглан-озере) волостях. Б. О. Долгих затруднялся в определении этнической принадлежности этой группы («белые» ли это или «черные» калмыки, т. е. турки или монголы)⁵⁵. Теперь известно, что это тувинцы. Орчаки и часть телеутов входили в улус Кулы и его потомков. В конце XVII в. орчаки разбежались от их владельца Кокон-Батыра (Коокен Матура) Сакылова.

Вероятно, тарские телеуты и орчаки сравнительно быстро растворились в татарской этнической среде, приняв язык, мусульманскую религию, быт и обычаи западносибирских татар, ибо уже у путешественников XVIII в. нет сведений об обособленной группе орчаков и телеутов в Тарском уезде.

Большой интерес представляет вопрос об общей численности «выезжих телеутов» в русских уездах в XVII в.

Точно определить общее число телеутов, выехавших в XVII в. в Томский, Кузнецкий и Тарский уезды, где они приняли русское подданство, нам не удалось. Дело в том, что, когда разгорелся спор между русскими властями и джунгарскими контайши, требовавшими выдачи «выезжих телеутов» и возвращения их на прежние места жительства, то обе стороны явно фальсифицировали эту цифру: ойраты постоянно стремились увеличить, а русские, наоборот, уменьшить количество перебежчиков в 60-х гг. XVII в. Джунгария через своих послов и посланцев требовала возврата от 60 семейств до 1000 чел. (видимо, мужчин, точнее, глав семейств). Такая вариация отчасти объясняется и тем, что, например, сам контайши Сеньги не сразу узнал, сколько же человек из «Кокина улуса» перешло в подданство русских, когда это произошло и т. п.⁵⁶ — поэтому во многих документах, связанных с этим спором, количество перебежчиков вообще не называется.

В 1670 г. томские казаки Скибин, Вакулин и другие ездили к Сеньги с царским жалованьем. В беседе с ними Сеньги потребовал возвратить ему 600 его подданных, выехавших на имя русского царя⁵⁷.

Прибывшие с казаками послы хана, тайши Чокура и его сына — Мергеня Шада, Кадыр Галастан, будучи в 1670—1671 гг. в Москве, называли всего лишь 80 перебежчиков⁵⁸. Новый посланец Сеньги Неурус в 1671 г. привез «лист» хана, в котором содержится требование возвратить уже «улусных ево людей с тысячу человек», которые отъехали в три города — Томск, Кузнецк и Красноярск⁵⁹. Если даже учесть, что кроме телеутов

⁵⁵ Там же, с. 51, 55.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 94—95; ф. 126, оп. 1, 1665, л. 1, л. 4—5 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 152об.—153 и др.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 310 и др.

⁵⁸ Там же, л. 286, 288 и др.

⁵⁹ Там же, л. 320—322.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 130, Сибирские дела, оп. 1, л. 4, л. 1—3.

⁵² Вербицкий В. Указ. соч., с. 121—122 и др.

⁵³ ЦГАДА, ф. 130, Сибирские дела, оп. 1, л. 4, л. 10—10об.

⁵⁴ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 50, табл. 13.

в числа 600 и 1000 включены качинцы, выехавшие в Красноярск (на их выдаче настаивал тайши Чокур, принимая в 1667 г. русского посла Павла Кульвинского)⁶⁰, то и в этом случае явное преувеличение. Интересно, что в «листах» сына Сеньги — Цэван-Рабдана, доставленных в Москву в 1673 г. послами Зайсаном, Чадыром и позднее Девлет Шихай, содержалась просьба вернуть всего 60 семейств белых калмыков, бежавших к Томску⁶¹. Если для определения общего числа выходцев принять коэффициент 1:4, то, по данным владельцев Джунгарии, общая численность перебежчиков будет составлять 240—4000 чел. При коэффициенте 1:5 она составит 300—5000 чел.

Более точные данные о численности «выходцев» дают русские ясачные книги. Но в них могли быть не зарегистрированы отдельные семьи, не имевшие платежеспособных членов, а в ряде случаев и феодально-зависимые люди некоторых глав семейств. Б. О. Долгих (1681 г.) насчитывает в Кузнецком уезде 99 только ускатских ясашных телеутов, а всего «выезжих белых калмыков» — 114. При принятом им коэффициенте 1:4 ускатцы (с членами их семей) составляли в 1681 г. 400 чел., а все «выезжие белые калмыки» — около 460 чел.⁶² В таком случае наибольшее число их в Кузнецком уезде (1688 г.) достигало около 580 чел.⁶³ Если пользоваться этим же коэффициентом при определении численности томских и тарских телеутов, то томские телеуты в конце XVII в. должны были составлять 220—240 чел., а телеуты, выехавшие до начала XVIII в. в Тарский уезд, — около 280 чел.

Следовательно, наибольшее количество «выходцев на царевое имя» в XVII в. не превышало 1080—1100 чел. (Разумеется, в это число не включены объясаченные телеутские волости азкыштимцев, тогульцев, тагапцев, керетцев, число которых, по Б. О. Долгих, в конце века составляло около 530 чел., и близкие по языку и быту телеутам жители нижнетомских волостей — Тюлюберской и Баянской, число которых в 1671—1681 гг. достигло 290 чел.⁶⁴ Всего же телеутов и близких к ним «иноземцев» в Томском, Тарском и Кузнецком уездах в конце XVII в. насчитывалось около 1900 чел.

Проследив, как складывались группы томских и кузнецких «выезжих телеутов», мы имеем все основания утверждать, что все историки, которые ограничивали время их появления несколькими годами XVII в. (1658—1665 гг.), начиная с И. Э. Фишера и кончая Л. П. Потаповым, совершали ошибку. Правда, наиболее значительные группы телеутов перешли в русское подданство именно в этот отрезок времени, однако процесс вклю-

чения их в состав Русского государства начался еще, по крайней мере, с середины 20-х гг. XVII в. и длился до самого его конца. «Выходы» больших групп телеутов имели место не только в 1658—1665 гг., но и в 1651 г., затем в 1681 г. (когда, по данным Б. О. Долгих, в Кузнецком уезде появилась группа «выезжих белых калмыков» в 15 чел.), далее — между 1681 и 1688 г. (когда русское подданство приняло еще 30 чел.) и, наконец, в 1692 г. (когда отмечено появление в этом же уезде 8 новых выходцев-телеутов)⁶⁵.

Больше того, можно сказать, что переход телеутов под власть русского государства продолжался и в первой половине XVIII в. (в одном из телеутских преданий говорится о переходе сеока Мэркит в русское подданство во времена императрицы Екатерины)⁶⁶, вплоть до разгрома Джунгарии и сразу же после него⁶⁷.

Следует коротко остановиться и на вопросе о том, откуда пришли в русские уезды «выезжие телеуты», ибо на сей счет существуют самые различные мнения.

В упомянутом выше предании телеутов отмечается, что сеок Мэркит пришел в Кузнецкий уезд с Верхнего Енисея⁶⁸. Другое предание, на которое опирались Н. А. Аристов и В. В. Радлов, выводит «выезжих телеутов» кузнецкой группы с р. Наймы (Маймы, Горный Алтай). По мнению этих авторов, на р. Найме еще «до учреждения миссии и переселения части телеутов из Кузнецкого округа обратно на Катунь» жила меньшая часть этого племени⁶⁹. И. Г. Георги полагал, что кузнецкие телеуты появились с верховьев р. Томи («перекочевали некоторые колены далее по Томе, вниз до Кузнецка»), но оставлял без ответа вопрос, откуда они пришли на верховья Томи⁷⁰. В. Вербицкий думал, что «выезжие телеуты» сперва прикочевали к вершинам Енисея и Иртыша (после «распада ойратства» — А. У.), затем прошли вниз и жили по Кулунде, Талде, Оби, Алею, Чарышу, а перейдя Обь, пришли к р. Томи и поселились главным образом при реках Б. и М. Бочатах, а так же на правом берегу Томи⁷¹. П. Е. Тадьев считает, что кузнецкие телеуты

⁶⁵ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 108.

⁶⁶ Видимо, Екатерины I либо Елизаветы, ошибочно названной Екатериной, так как при Екатерине II Джунгария уже не существовала.

⁶⁷ После разгрома Джунгарии около 7 тыс. алтайцев и «урянхайцев», добровольно принявших русское подданство, были, по П. Е. Тадьеву, расселены в Кузнецком округе и Красноярском уезде. (См.: Тадьев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, с. 23 и др.). Наше мнение об этом см. ниже.

⁶⁸ Дыренкова Н. Род, классификация система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. В кн. Матер. по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, с. 249.

⁶⁹ Аристов Н. Указ. соч., с. 339—340; Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1897, с. 10 и сл.

⁷⁰ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1779, с. 161.

⁷¹ Вербицкий В. Алтайские инородцы, с. 7.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1667, д. 3, л. 20—22.

⁶¹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 243—244, 246.

⁶² Долгих Б. О. Указ. соч., с. 117, табл. 35 и с. 106, табл. 34.

⁶³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 171—170б.

⁶⁴ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 117, табл. 35.

еще в начале XVII в. жили на р. Ине (в Новосибирской области.— А. У.)⁷², Б. О. Долгих пишет о том, что ускатские (т. е. кузнецкие телеуты «отделились от телеутов, кочевавших по Оби»⁷³. Такого же мнения и придерживается Л. П. Потапов⁷⁴.

Стремление вывести «выезжих телеутов» из какого-то одного сравнительно небольшого района Южной Сибири — будь то верховья Томи или долина Наймы, верхнее течение Иртыша и Енисея или долина Ини — нельзя не признать ошибочным, ибо, как мы видели выше, переход томских и кузнецких телеутов в русское подданство совершился не в один год, не за один прием; область расселения телеутов в XVII в. была значительно шире любого из названных районов, и «выезжие телеуты» были выходцами из разных ее уголков.

Но И. Георги был неправ в своем суждении еще и потому, что телеуты никогда не расселялись в верховьях Томи (здесь в XVII в. жили шорцы). Согласиться с Н. А. Аристовым и В. В. Радловым значило бы признать, что «выезжие телеуты» происходят исключительно из горных или тау-телеутов, живших в долине Наймы в XVII—XVIII вв. Между тем, тау-телеуты состояли только из сеоков Мундус и Тодош («Мундусская» и «Тотошская» волости русских актов XVII—XVIII вв.), в то время как «выезжие телеуты» относятся к самым различным сеокам, а не только к мундусцам и тотошцам. Нет никаких оснований также думать, что с Наймы ушла большая часть телеутов, а меньшая осталась там до XIX в., так как число жителей в Мундусской и Тотошской волостях в XVIII в., по сравнению с XVII в., не только не уменьшилось, но, наоборот, увеличилось.

Нельзя согласиться и с В. Вербицким, ибо нет необходимости выводить «выезжих телеутов» с верховьев Енисея и Иртыша, где они в XVII в. фактически не жили. Кроме того, телеуты кочевали по Оби, а также рекам Кулунде, Алею, Чарышу и другим ее притокам еще за 150 лет до «распадения ойратства», т. е. с начала XVII в.

Нельзя считать (по П. Е. Тадыеву) бачатских телеутов потомками лишь переселенцев из долины р. Ини, ибо, как уже говорилось, предки первых были выходцами из разных мест. Кстати, в обосновании своей точки зрения П. Е. Тадыев допускает ряд неточностей, которые также не позволяют принять ее: 1) в начале XVII в. телеуты жили не на Ине, а на западном берегу Оби⁷⁵; 2) долину Ини в целом нельзя считать местом обитания телеутов, ибо в течение XVII в. эта река была границей между русскими владениями и Телеутской землицей⁷⁶; по правому берегу Ини те-

леуты не кочевали, они жили лишь в левобережной половине долины Ини. И уж если говорить о компактной группе телеутского населения на правобережье Оби в XVII в. то, прежде всего, следует назвать ту, которая принадлежала к Большому Улусу князя Абака и его потомков. Она кочевала долгое время между устьем Чумыша и «Алаковыми горами», затем в междуречье Алея и Чарыша и т. п., т. е. значительно южнее долины новосибирской Ини⁷⁷. Политический центр ее находился на р. Мерети (правый приток Оби в пределах современной Новосибирской области, на границе с Алтайским краем) с 20-х годов и почти до середины 60-х гг. XVII в.⁷⁸, а потом был перенесен на Алей и др. Но при этом получается, что гораздо больше оснований говорить о выезде телеутов с Чумыша, с Мерети, с Сузуна, с Алея и Чарыша нежели с новосибирской Ини.

Б. О. Долгих и Л. П. Потапов гораздо ближе других к истине, ибо в качестве исходного района, откуда появились кузнецкие и томские телеуты, они берут не одну какую-то небольшую долину из речной системы Оби, а обширную область Приобья. И, действительно, если иметь в виду случаи массового перехода телеутов в русское подданство в XVII в., то едва ли можно сомневаться в том, что они были совершены, прежде всего, из правобережного Приобья, в частности, из долины р. Мерети, подвергшейся в 1661—1664 гг. нескольким ударам со стороны Томска и Кузнецка⁷⁹.

Однако более правильным будет считать, что все группы «выезжих телеутов», включая и Тарскую, сложились из «выходцев», живших до того в разных местах Телеутской землицы.^{79а} Телеутская землица включала в себя Верхнее Приобье до линии рек Иня — Уень на севере, междуречье Оби и Томи до верховьев Чумыша на востоке, степи Кулунды почти до Иртыша на западе, а также предгорья и значительную часть Горного Алтая⁸⁰. На протяжении всего XVII столетия в русских уездах появлялись группы «выходцев на государево имя», как из Приобья, так и из предгорной — горной зоны Алтая.

Возникает вопрос: сопровождался ли переход различных групп телеутов в русское подданство в XVII в. территориальными приобретениями русских властей?

Б. О. Долгих считает, что переход части телеутов в русское подданство в XVII в. привел к расширению территории Кузнецкого уезда. «Еще больше стала она (территория Кузнецкого уезда.— А. У.), — пишет он, — когда в состав населения Кузнецкого

⁷⁷ «Алаковыми горами» акты называют увалы и дюны в долине р. Аллак, впадающей в Обь справа несколько выше современного города Камня.

⁷⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 202, л. 371 и др.

⁷⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 182, л. 343 и др.

^{79а} Здесь в значении области обитания телеутов.

⁸⁰ Уманский А. Телеутская землица в XVII столетии. — Учен. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, Барнаул, 1969, вып. VIII, с. 41—62.

⁷² Тадыев П. Е. Указ. соч., с. 7.

⁷³ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 113—114.

⁷⁴ Потапов Л. П. Этнический состав..., с. 130.

⁷⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. I, с. 315.

⁷⁶ Речь идет об Ине, впадающей в Обь в пределах современной Новосибирской области.

уезда вошла большая группа телеутов, известная в то время под названием ускатских «белых калмыков»⁸¹ (имеются в виду 60-е гг. XVII в.—А. У).

Мы полагаем, что это недоразумение: можно согласиться с тем, что объяснение окраинных телеутских родов — волостей — Азкыштымской, Тогульской, Тагапской, Керетской, действительно, расширило территорию этого уезда, поскольку эти волости долгие годы жили на определенных территориях (оговорим при этом, что они фактически были двоеданческими почти на всем протяжении XVII в. и, следовательно, могут быть включены на этом основании и в пределы телеутских улусов Абаковичей и Мачиковичей). Но что касается «ускатских калмыков», то они сложились как «выезжие»: в документах прямо говорится о том, что они выехали «на государево имя», т. е. они перешли в подданство царя не вместе со своими землями, угодьями и т. п., а перекочевали со стадами, с семьями из Телеутской земли, из владений телеутских князей на уже занятую русскими территорию, и, следовательно, расширить пределы Томского и Кузнецкого уездов своим переходом в русское подданство не могли.

Это последнее обстоятельство мы считаем нужным подчеркнуть особо: переход «выезжих белых калмыков» в русское подданство в XVII в. не сопровождался какими-либо территориальными приобретениями Русского государства в Южной Сибири. Русские власти проявили подлинную гуманность по отношению к части телеутов, искавших в русских пределах спасения от губительных войн, от жесточайшего голода, от высокой нормы феодальной эксплуатации, — они дали перебежчикам приют на русской земле, обеспечили их защиту от недругов, фактически спасли от гибели и полного разорения.

Глава II

О ХАРАКТЕРЕ ТЕЛЕУТСКОГО «ВЫЕЗДА НА ГОСУДАРЕВО ИМЯ» В XVII в.

Ключевым вопросом истории телеутского подданства Русскому государству, безусловно, является вопрос о причинах этого подданства и об обстановке, в которой совершался переход группы телеутов под власть русского государя.

Ответ на эти вопросы позволит четче определить характер включения «выезжих белых калмыков» в состав Русского феодального государства.

В свою очередь, правильное определение характера телеутского подданства царю позволит понять специфику положения

⁸¹ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 104.

«выезжих телеутов» в общественно-политической системе Русского государства XVII—XVIII вв., объяснить темпы усвоения перебежчиками русской народной культуры.

Каковы же причины, вызвавшие переход части телеутов в русское подданство в XVII в.?

Джунгарские владетели — Сеньги-контайши, Галдан-хан и другие — усиленно выдвигали версию о том, что единственной причиной отъезда телеутов «на имя» царя был голод, поразивший «белых калмыков» в начале 60-х гг. Русскому послу В. Бубенному хан Сеньги в 1665 г. прямо заявил, что «телеуты, которые живут в Томском, отъехали от голоду»¹. Позднее эту версию нередко повторяли джунгарские послы.

Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер полностью разделяли такое объяснение. И. Фишер, в частности, писал по этому поводу: «Еще ж явствует, что голод показан причиной сего переселения». Правда, историки официального направления дополняли это объяснение еще глухими ссылками на войны, тягело сказывавшиеся на положении телеутов. Например, И. Фишер указывает, что телеуты-выходцы оставили «безпокойное свое житие»², которое, как можно понять из предыдущего текста, было результатом войн телеутских князей с черными калмыками и с русскими воеводами в 50-х гг. XVII в. Кузнецкий воевода И. Давыдов в переговорах с посланцами Бошту-хана в 1676, 1677, 1678 и 1681 г. неизменно (и еще более конкретно) подчеркивал, что кузнецкие телеуты выехали «на царево имя» «от калмыцкие войны»³.

Эта мысль кузнецкого воеводы может быть хорошо проиллюстрирована такими фактами, как переход в русское подданство части телеутов не только в разгар телеутско-джунгарских войн 50-х гг. XVII в., когда в Кузнецкий уезд вышло 25 телеутских семейств, но и событиями 1681 г., когда в Кузнецке появилась новая группа из 15 «белых калмыков», и особенно событиями 1688 г.

Дело в том, что в 1688 г. Галдан-хан начал войну с Халхой, которая с перерывами тянулась до конца его жизни (1697 г.): не случайно в этот период число выходцев выросло со 114 (1681 г.) до 144 чел.

Действительно, голод и мор у кочевников-скотоводов всегда являются результатом резкого сокращения поголовья скота. Однако вовсе не обязательно, чтобы причиной этого был падеж скота вследствие эпизоотии. Ведь поголовье скота может резко сократиться и во время войн в результате реквизиций на нужды войны. Затем, стада скота — главное богатство кочевников, — в случае поражения обычно становились добычей противника.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 95; ф. 126, оп. 1, 1665, л. 1, л. 5; ф. 214, стб. 673, л. 74; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 153.

² Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. Спб., 1774, с. 471.

³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 203—204; и др.

Да и, собственно, эпизоотии нередко вспыхивают во время войн. Тут налицо обусловленность стихийных бедствий социальными потрясениями.

Таким образом, войны и другие бедствия, а именно эпизоотии и как результат этого — голод и мор, обрушившиеся на телеутов в 50—60-х гг. XVII в., неизмеримо увеличили страдания рядовых телеутов. Но социальные и стихийные бедствия служат лишь катализаторами событий, в нашем случае они объясняют лишь сравнительно массовый характер перехода телеутов в русское подданство.

Однако процесс этот имеет более глубокие причины. Сами войны, которые вели в эту пору телеутские князья, были порождением ряда внутренних и внешних факторов.

В телеутском обществе в XVII в. шло развитие феодальных отношений — от раннефеодальных к развитому феодализму. Это нашло свое выражение в политической раздробленности Телеутской земли — незадолго до смерти князя Абака (1635 г.)⁴ возник новый Большой Улус во главе с Мачиком Койшебуриным, отделившийся от Большого Улуса Абака⁵. Внутри Больших улусов шел процесс обособления мелких феодальных владений — малых улусов, возглавляемых родственниками главных князей. Результатом этого явились феодальные войны: улусные князьки стремились выйти из-под власти главных князей. Их сепаратизм был причиной войн князя Коки Абакова с его братьями, особенно с Торгоутом Абаковым⁶, а затем с племянником Чаткарой Торгоутовым, против Мачика вел войну его племянник — Ирка Уделеков⁷ и т. п. В эти войны вмешивались соседи: черные калмыки на стороне Торгоута⁸, русские власти — на стороне Чоткары⁹. От феодальных усобиц страдали, прежде всего, рядовые улусные люди.

Внутренние усобицы дополнялись войнами с внешними врагами.

Внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири XVII в. характеризовалась прежде всего острой борьбой за объясачение населения этого района, развернувшейся сначала между царством Алтын-ханов, Джунгарией и Русским государством, а позднее — между двумя последними великими державами. И Джунгария и Россия не только собирали ясак с кыштымов телеутских князей, но и добивались полного подчинения и объясачения самих «белых калмыков». Между тем у телеутов в XVII в. была собственная феодально-патриархальная знать, не желавшая без боя сдавать свои позиции (привилегированное поло-

жение в обществе, права на угнетение улусных людей, на сбор ясака с кыштымов) и стремившаяся сохранить независимое от великих держав положение своих улусов. Именно этим объясняется то упорство, с которым телеутские князья вели войны с черными калмыками (50—60-е гг.) и с русскими властями (60—70-е гг.)

Больше того, телеутская феодально-племенная знать стремилась не только сохранить, но и расширить сферу своего господства на соседние группы шорцев, тувинцев, и других, надеясь превратить их в кыштымов и тем самым еще больше укрепить свое господство над соплеменниками. Это объясняет те военные акции, которые предпринимали телеутские князья против своих соседей — енисейских киргизов, тувинцев и др. Например, кн. Мачик в 1651 г. совершил поход «на мугалских и саянских людей» и захватил богатую добычу — «болши ста человек з женами и з детми»¹⁰.

Внутренние и внешние войны пожирали людские и материальные ресурсы телеутских улусов, сопровождалась реквизициями, грабежами, разорением и т. п. Они неизбежно вели к росту бремени повинностей «черного народа», к росту количества «дворовых» и «холопей», т. е. угнетенного населения, усилению его феодальной зависимости.

Не случайно, основная масса «выходцев на государево имя» происходила из улусных феодально-зависимых людей. «Дворовыми людьми» Е. Чюрина были С. и Т. Ергулаковы и еще четверо кузнецких телеутов, принявшие подданство в 1651 г.¹¹. Улусным человеком кн. И. Абакова был Чеменечко Игеев (1673 г.)¹². «Улусным мужиком» кн. Шаада Мачикова являлся и некто Котонко со своей семьей (1688 г.)¹³. Наконец, «улусным человеком в своей земле», по словам кн. Ирки Уделекова, был и Балык Кожанов¹⁴, возглавлявший большую группу томских «выезжих телеутов». Это, в свою очередь, дает право думать о принадлежности к простому улусному люду всех 45 семейств его группы.

Но коль скоро большинство «выходцев» могут быть отнесены к феодально-зависимому населению телеутских улусов, то возникает вопрос: только ли голод и войны явились причинами перехода их в русское подданство? Ведь, в конечном счете, голод был кратковременным бедствием, а процесс перехода телеутов под эгиду Русского государства длился три четверти XVII в. и затем продолжался еще более половины XVIII в. Не беско-

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 182.

⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 149, л. 232об.

⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 247 и др.

⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246; № 5, л. 6.

⁸ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658, д. 1, л. 11 и др.

⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246.

¹⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 283, л. 555.

¹¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 428—429об.

¹² ДАИ, т. VI; СПб., 1857, № 93-III, с. 314—315.

¹³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. III, л. 22.

¹⁴ Там же, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 4; ААН, ф. 21, сл. 4, кн. 18, № 250, л. 435об.

нечными были и феодальные усобицы и другие войны, которые вели телеутские улусы. Не ежегодно поражали стада их эпизоды и т. д.

Мы считаем, что главной причиной выхода большей части «выезжих телеутов» в русское подданство было усиление феодального гнета в телеутских улусах во всех его проявлениях.

Исходя из сказанного выше, мы считаем, что большинство «выезжих телеутов», переходя русский рубеж, руководствовалось стремлением избавиться от усилившегося феодального гнета, от феодальной зависимости вообще.

Но наряду с «черным народом» в составе «выходцев» оказались и отдельные представители телеутской феодально-племенной знати — князек Ирка Уделеков из улуса Мачиковичей, кн. Чаткара Торгоутов из улуса Абаковичей, по-видимому, феодалом средней руки был и Е. Чюрин, пекшийся о возвращении ему беглых «дворовых людей» и др. Но таких среди «выезжих телеутов» было немного.

Телеутские феодалы, переходя на русскую службу, руководствовались другими соображениями, причины их перехода были иными. Некоторых вынуждали на это события внутренней междоусобной борьбы. Так, Ирка Уделеков долго воевал против собственного дяди — кн. Мачика. Есть основания думать, что, потерпев поражение в этой борьбе, он решил искать убежище под крылышком томских властей¹⁵. Чаткара Торгоутов, видимо, надеялся получить помощь от русских в борьбе против своего дяди — кн. Коки и его сына кн. Табуна. И, в самом деле, по словам кн. Табуна, Чаткара «воевал» кн. Коку и самого Табуна «на Мерети» «ис Томскова»¹⁶.

Принимая русское подданство, представители телеутской знати, по-видимому, преследовали цель, по примеру чатской и еуштинской верхушки, обеспечить себе высокое служебное положение, большие оклады, получить другие привилегии, которые могли бы компенсировать им потерю права на эксплуатацию своих соплеменников, кыштымов и других групп угнетенного населения.

Таким образом, поскольку по своему социальному составу «выезжие телеуты» не представляли однородной массы, то, следовательно, и причины перехода их в русское подданство и мотивы, которыми они руководствовались, были различными. Но каковы бы они ни были, сам этот процесс является прекрасной иллюстрацией того положения, что сближение малых народов и родоплеменных групп Южной Сибири с русским народом было непреодолимой тенденцией времени. И если бы не яростное сопротивление феодальной аристократии, точнее, ее наиболее

¹⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 5, л. 6.

¹⁶ Там же, № 143, л. 246.

реакционной части, а также стоявшей за ее спиной (особенно в последней четверти XVII в.) Джунгарии, процесс этот совершился бы значительно быстрее и безболезненнее для трудящихся кочевников.

Исторические условия в Южной Сибири в XVII столетии сложились таким образом, что ряд племен и малых народностей этого района — алтайцы, енисейские кыргызы и другие — оказался перед выбором — либо влачить иго монгольских феодалов (Халхи, Джунгарии), либо войти в состав Русского государства. Третьего пути у них не было: буферные телеутские Улусы не в состоянии были сохранить свою самостоятельность в условиях острой борьбы между монгольскими и русскими феодалами за ясачных людей Южной Сибири.

Конечно, телеутскую (да и не только телеутскую) феодально-племенную знать в принципе не устраивало ни русское, ни джунгарское подданство, ибо она ни с кем не хотела делиться прибавочным продуктом, получаемым в виде феодальной ренты со своих единоплеменников и дани с иноплеменных кыштымов. Но все-таки наиболее приемлемым для нее был джунгарский вариант подданства, так как он сулил ей большую самостоятельность во внутренних делах, не затрагивал основ ее господства в улусах.

Что касается трудящихся телеутов, то их надеждам вовсе избавиться от феодального гнета не суждено было сбыться в любом случае. Но в условиях Джунгарии этот гнет становился двойным: феодальную ренту приходилось нести в пользу собственной знати, а алман — в пользу ойратских феодалов, джунгарского хана. При этом методы эксплуатации населения, подвластного ойратским ханам, были исключительно варварскими: выколачивание алмана джунгарскими сборщиками сопровождалось чудовищными издевательствами (недоимочников избивали, сажали голыми в снег, умышленно подвергали членовредительству и т. п.), размеры алмана не были строго нормированными, а в годы войн кроме дани на нужды войска реквизировали лошадей, рогатый скот и другое имущество, не говоря уж об алмане кровью, который тоже платили телеуты.

В условиях же Русского государства большинство «выезжих телеутов» избавлялось от частновладельческой феодальной зависимости со стороны телеутской знати. Русское феодальное государство обязывало их платить легкий ясак и нести военную или подводную службу. При этом ясак был строго нормирован, а сбор его производился без изуверских издевательств и надругательства. В уплату ясака взамен пушнины (если зверь «выпромышился») русские власти принимали кузнечные поделки и другие продукты местного производства; они давали отсрочку в выплате ясака несостоятельным плательщикам и т. п. Те, кто нес военную службу, получили оклад хлебом, солью и деньгами.

В целом подчинение телеутов Русскому государству создавало относительно лучшие возможности для хозяйственного развития «белых калмыков». В рамках Русского государства создавалась возможность перейти от тех примитивных форм хозяйствования, которые ставили телеутов в постоянную и прочную зависимость от стихийных сил (экстенсивное скотоводство полукочевого типа, охота, собирательство, рыболовство), к более прогрессивным — плужному земледелию, интенсивному многоотраслевому скотоводству (разведение не только лошадей, овец и рогатого скота, но и свиней, а также домашней птицы) со стойловым содержанием скота, с заготовкой кормов на зимний период и широким использованием продукции скотоводческого хозяйства, а также к охоте с применением огнестрельного оружия и т. п. Более высокая техника всех видов крестьянского производства обеспечивала телеутскому обществу несомненный рост производительных сил и облегчала условия существования трудящихся телеутов.

Последнего не могли не понимать улусные люди, особенно те из них, кто имел возможность поближе приглядеться к русской культуре, к жизни русского крестьянина, — те, кто побывал в русских уездах с торгом, в качестве посланцев телеутских князей.

Таким образом, уже сама по себе жизнь русских крестьян играла известную агитационную роль в переходе части телеутов в русское подданство в XVII в. Объективно переход в русское подданство обеспечивал телеутам перспективу дальнейшего развития их производства, до уровня, достигнутого русским производством.

Но было бы неверно считать, что дилемма, стоявшая перед улусными телеутами в XVII столетии, состояла только в том, чтобы либо продолжать в традиционных формах хозяйство и владеть полуголодную жизнь (будь то в условиях независимого существования телеутских Улусов или под игом отсталой феодально-патриархальной Джунгарии), либо усвоить прогрессивные методы ведения хозяйства, приобщиться к высокой русской культуре и обеспечить себе сносную жизнь. Для многих улусных людей вопрос этот стоял более остро. Дилемма состояла в том, быть им или не быть вообще. Разорительные грабительские войны, о которых шла речь выше, ставили под угрозу самое существование телеутских Улусов и их населения.

Обеспечить мир для нормальной производственной деятельности скотоводов, избавить их от угрозы истребления во внутренних и внешних войнах (особенно в войнах, которые вела Джунгария во второй половине XVII в.) мог только переход телеутов под эгиду «белого царя».

За переход телеутов в русское подданство «агитировала» и ясачная политика русских властей.

Еще в начале XVII в. еуштинцы, добровольно принявшие русское подданство, были освобождены от уплаты ясака и несли лишь военную и подводную повинность, причем за военную службу они получали от государства хлебное, соляное и денежное жалование. Такую же линию проводили русские воеводы и в отношении телеутских «выходцев». Выезжавшие «на царское имя» телеуты также зачислялись на военную и ямскую службу и облагались лишь льготным ясаком. Русские власти позволяли «выезжим телеутам» вести привычный полукочевой образ жизни, не стесняли их в пользовании сенокосными и пастбищными, охотничьими и рыбными угодьями, не покушались на религиозные верования и на внутреннее самоуправление телеутов. К тому же, как уже было сказано, с переходом в русское подданство зависимые телеуты освобождались от феодальной зависимости.

К концу XVII в. все преимущества русского подданства по сравнению с джунгарским обозначились настолько четко, что джунгарский хан Цэван-Рабдан, вполне обоснованно опасаясь массового перехода телеутов через русский рубеж, в первой четверти XVIII в. приказал загнать телеутов из районов Верхнего Приобья в горы Алтая, на верхний Иртыш, ближе к Урге.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что переход части телеутов в русское подданство в XVII в. был *исключительно добровольным*: он явился результатом сознательного выбора «выходцев». Разумеется, при этом они не могли исходить из учета отдаленных перспектив исторического развития в условиях Русского государства, а учитывали перспективы ближайших лет, руководствуясь соображениями практической целесообразности, — сохранить жизнь и «животы» (скот и другое имущество), облегчить бремя феодального гнета, обеспечить себе и детям мирную жизнь, более сносное существование и т. п.

Калмыцкие тайши и джунгарские ханы, выдавая голод за главную и единственную причину перехода части телеутов в русское подданство, стремились тем самым подчеркнуть *вынужденный характер* этого перехода, *отсутствии подлинной добровольности* в этом акте. В таком объяснении был расчет на то, что удастся доказать незаконность приема телеутов «под высокую руку» царя и возвратить беглецов под иго Джунгарии. Но все происки джунгарской дипломатии в XVII в. умело пресекались русскими властями. Русские официальные лица в переговорах с послами контайши и с самими ханами неизменно подчеркивали полную добровольность предпринятых перебежчиками шагов. Так, русский посол в Джунгарию В. Былин в 1667—1668 гг. дважды делал следующее заявление: «А выезжие белые калмыки выехали в Томской и Кузнецкой служить великим государем из воли и живут они в Томском и Кузнецком *охотою, а не из неволи*»¹⁷. Буквально то же самое не раз повторял в Урге

¹⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. 1, л. 182, 189.

в 1669 г. посол Матвей Ржицкий¹⁸. В 1673—1681 гг. кузнецкий воевода И. Давыдов тоже неоднократно давал отповедь посланцам и алманщикам Галдан-хана, подчеркивая, что «белые калмыки» выехали «от калмыцкия войны, *своею волею*, радея служить» русскому царю навеки и неотступно¹⁹.

Справедливость аргументации русских дипломатов вынужден был признать и сам Сеньги-хан, подтвердивший во время приема В. Былина, что русский царь на «белых калмыков» ратников не посылал — *«силою их не взяли, убежали они от меня»*²⁰.

Впрочем, и после признания Сеньги, его преемники продолжали тенденциозно изображать историю «выхода» части телеутов в состав Русского государства, отрицая добровольность этого акта. Особую тенденциозность обнаруживает джунгарский источник — так называемое «Известие о обидах». В этом документе джунгарские власти объявляют всех «выезжих телеутов» 1661—1715 гг. русскими пленниками, утверждая, что все они были захвачены в плен «обывателями» Томска, Кузнецка и Тары. Подчеркивая насильственный характер включения «выезжих телеутов» в состав Русского государства, ойратский хан Цэван-Рабдан снова стремился доказать, что русский царь не имеет законных прав на «выезжих телеутов». Извращая исторические факты, он надеялся убедить русские власти в законности своих владельческих прав на беглецов и возвратит их в Джунгарию.

Несостоятельность этого объяснения легко доказывается тем непреложным фактом, что большинство «выезжих телеутов» навсегда остались в пределах России. Если бы они были насильно обращены в русское подданство и стремились возвратиться в ханство, они всегда могли бы это сделать, по примеру кн. Ирки Уделекова и некоторых из томских «выезжих телеутов» в 1673 г.

Говоря о добровольном характере перехода части телеутов в русское подданство, мы вовсе не отрицаем фактов использования русскими властями силы, принудительных мер в этом деле, но во всех известных нам случаях сила и принуждение применялись уже для удержания либо для возвращения в подданство лиц, нарушивших свою добровольную клятву верности царю. Так было в 1663 г., когда группа Бойдона приняла подданство, а потом откочевала прочь от Кузнецка, и кузнецкий воевода использовал ратников для возвращения ее вновь «под высокую государеву руку». Кстати, к шерти таким путем удалось привести снова лишь небольшую часть этой группы (У. Ускерин, С. Сарыбашев)²¹. Так было и в 1673—1674 гг., когда томские воеводы посылали военные отряды для поимки и возвращения

в Томск кн. Ирки Уделекова и некоего Баскаула «с товарищи», добровольно принявших русское подданство в 1661—1662 гг. И в результате этих акций в подданство были возвращены лишь отдельные лица, например, сын кн. Ирки — Шам²².

Таким образом, русские власти использовали силу лишь в исключительных случаях и принудили к подданству лишь немногих телеутов. Большинство же «выезжих телеутов» приняли русское подданство «своею волею».

Переход «выезжих телеутов» под власть Русского государства не следует отождествлять с обычной диффузией населения между двумя соседними феодальными государствами, которая, как правило, идет в обоих направлениях. Такого характера диффузия имела тоже место между Русским государством и телеутскими улусами, Россией и Джунгарией в XVII столетии.

Мы знаем немало таких фактов, когда ясашные люди из русских уездов бежали в Телеутскую землю и скрывались там от русских ясатчиков иногда по 10—15 лет. Так, в 1636 г. «откочевала в белые Калмыки в Мундусы» только что пришедшая в 1635 г. «из черных калмыков» Азкештинская волость. В 1642 г. часть челканцев и тиргешей ушла «в телесы и саяны», часть кумандинцев — «в саяны» и «в черные и в белые калмыки»²³. В 1652 г. телесы оказались в Телеутской земле²⁴.

Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Но во всех этих случаях имели место попытки *на некоторое время* избавиться от ясака. Мы знаем и о попытках алтайцев временно избавиться от уплаты алмана джунгарам: так поступили азкештимцы в 1635 г., а в 1681 г. группа из 15 алманских людей, пришедшая из-за джунгарского рубежа к ясачным таутелеутам²⁵. Подобная практика всегда имеет место на границах феодальных владений и государств. Это одна из форм борьбы зависимых людей против феодального гнета.

В случае с «выезжими телеутами» мы наблюдаем иное. Они навсегда переселялись в русские уезды и в массе своей остались верны Русскому государству. Редкие исключения из этого правила могут быть легко объяснены.

Показательны в этом плане два примера.

Во-первых, это случай с группой Бойдона, которая в 170 (1661—1662) г. шертовала в Кузнецке на вечное и неотступное холопство, обязалась платить ясак «по вся годы», но потом, «забыв шерть», «ис под Кузнецкого острога прочь отъехала», стала жить «особо в степи» и совершать набеги («воровски из двори-

²² ЦГАДА, стб. 623, ч. II, л. 463—468 и др.

²³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (нов. сер.), М., 1960, с. 107.

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, ч. I, л. 219—220; и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 24, л. 43 и др.

²⁵ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 108.

¹⁸ ДАН, т. V, Спб., 1853, № 92, с. 420.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 203—204.

²⁰ Там же, стб. 623, ч. I, л. 189.

²¹ Там же, стб. 673, л. 46—54.

шек и из деревнишек и ис поскотин лошадей и рагатой всякой скот» отгонять «беспрестанно»). В 1662—1663 гг. телеуты отогнали у служилых и крестьян 200 лошадей.

Воевода И. Р. Кокошкин направил в 1663 г. против Бойдона большой отряд (170 ратников), чтобы смирить его «миром или ратью», во главе с с. б. Р. Грожевским. Зимним лыжным путем отряд достиг устья Чумыша. Попытка Грожевского возвратить телеутов в подданство «уговором» не имела успеха, тогда он пустил в ход оружие. Бойдон был разбит, часть его людей была убита, многие ранены, некоторые попали в плен²⁶.

Какое объяснение можно дать позиции Бойдона и его группы? Мы полагаем, что принимая подданство, эти люди рассчитывали на полное избавление от гнета, но русские власти обложили их ясаком, и тогда группа Бойдона в поисках «беловодья» откочевала на устье Чумыша, где в глухих лесных местах прятались беглые ясашные люди, вроде «Чойковых детей», еймундусцев и др.

Другой пример относится к томским «выезжим телеутам» во главе с князем Ирккой Уделековым, которые, как уже сказано выше, приняли подданство в Томске, но через 10 лет бежали в Телеутскую землю²⁷.

Как объяснить бегство и измену кн. Ирки, Баскаула и других их сообщников? В основном тут сыграла свою роль позиция князя Ирки и других знатных телеутов. Принятие подданства не оправдало расчетов кн. Ирки, его родичей и ближайшего окружения на особые привилегии и высокое служебное положение в Томске. По словам самого кн. Ирки, прибывший в Томск в 1667 г. воевода Н. А. Вельяминов «чинил ему, Ирке, налоги и обиды и взял сильно у него, Ирки, две лошади виноходных шерстью рыжие, 15 рублей денег, три ясыря». А сменивший Вельяминова воевода кн. Д. А. Барятинский обидел кн. Ирку тем, что дал «честь и жалованье Балыку Кожанову лутчее, а он де Балык был в своей земле улусной человек, а я, де Ирка, в своей земле был князец. И я де, Ирка, от таво ис Томского в свою землю бежал и великим государем изменил и шерть свою нарушил»²⁸.

Таким образом, некоторые «выходцы» оказались неустойчивыми и по разным мотивам «отъехали» назад в Телеутскую землю. Но большинство «выезжих белых калмыков» осталось жить в новых местах, в русских уездах.

Переход части телеутов «под высокую царскую руку» может служить классической иллюстрацией того бесспорного, но лишь недавно утвердившегося в советской исторической науке положения, согласно которому включение малых народов в состав

Русского государства в эпоху феодализма протекало в обстановке внутренней борьбы, охватывавшей каждый такой народ или даже его группу, Борьба порою очень острая, шла между сторонниками и противниками присоединения к России, при этом в лагере тех и других были, как правило, представители всех общественных классов и социальных групп. Эта борьба сопровождалась активными военными, политическими и дипломатическими акциями русских властей.

На примере телеутов можно видеть, что в лагере сторонников перехода в русское подданство, наряду с рядовыми скотоводами, феодально-зависимыми людьми, были и представители телеутской феодально-патриархальной знати (Ч. Торгоутов, И. Уделеков, Е. Чюрин). Лагерь противников русской ориентации составляло большинство телеутской знати во главе со старшими князьями, а также находившиеся в плену феодальной идеологии многие их улусные люди. Абак, Кока и другие решительно отвергали идею присоединения к Русскому государству телеутских улусов. Если они и принимали русское подданство, то оно, как мы могли убедиться, носило сугубо формальный характер. Выше мы уже говорили, чем объяснялась такая позиция господствующей верхушки телеутского общества. Разумеется, эта верхушка всеми силами старалась помешать переходу своих улусных людей в русское подданство, а когда этого не удавалось добиться, телеутские князья пускали в ход все средства, чтобы вернуть «выходцев», в частности, предъявляли требования к русским властям о выдаче перебежчиков (например, требование кн. Табуна во время приема русского посла М. Ржицкого в 1684—1685 г.)²⁹, угрозы в адрес «выезжих телеутов», террор в отношении наиболее активных и влиятельных сторонников сближения с русскими и др.

Особой травле и преследованиям телеутская знать подвергла наиболее авторитетных вожаков «выезжих телеутов», твердо сохранявших верность Русскому государству. В томской группе «выходцев» это были братья Кожановы, в первую очередь, старший из них — Балык Кожанов, а в кузнецкой — Мамрач и его сын Баскаул Мамрачев. Князь Табун обвинял их в том, что они учинили «смуту» и «ссору» между телеутскими улусами и русскими властями, в том, что по их внушению все перебежчики пользуются звероловными угодьями в междуречье Ини и Берди, в верховьях Чумыша, принадлежащими Телеутской земле, и в других преступлениях.

Табун настолько возненавидел Балыка Кожанова, что грозил его повесить. Когда в 1672—1673 гг. у Табуна были русские послы М. Ржицкий, Р. Старков и И. Тарлаков, владыка телеу-

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 46—54.

²⁷ Там же, стб. 623, ч. II, л. 463—468; стб. 886, 356—364 и др.

²⁸ Там же, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 3—4; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 433—436.

²⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 180, л. 338. Впрочем, еще в 1678 г., принимая В. Бубенного, Табун жаловался на то, что из Томска ему не выдают перебежчиков. (ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 246).

тов передал через них свою просьбу томскому воеводе — «выезжего белого калмыка Балыка Кожанова чтоб в Томском повесили или бы ему, Табуна, отдал: ссора же и смута вся от него была, Балыка». Он утверждал, что «Балыковы люди» промышляют в его урочищах и «от тово ссора чинитца да и впредь будет». Такое же обвинение он выдвигал и против кузнецкого «выезжего телеута» Мамрача, предупреждая, что и его могут убить³⁰.

Но дело было не только в охотничьих угодьях. У этой вражды и угроз была и политическая подоплека.

Балык и его братья стояли во главе большой группы «выезжих телеутов». Сам Балык был старшим над служилыми телеутами Томска. От имени томских «выезжих телеутов» Балык Кожанов ездил с челобитьем в Москву (в октябре 1670 г. посольство прибыло в Москву, 25 ноября удостоилось приема у царя), был награжден, как и другие послы, однорядкой, кафтаном, собольей шапкой, деньгами «за сибирский выезд»³¹. Царь удовлетворил личное челобитье Кожановых, жаловавшихся на обиды и притеснения приказчика Сосновского острога Д. Зайцева. Возвратившись из Москвы³², Кожановы приняли деятельное участие в борьбе против бежавших из Томска кн. Ирки Уделекова, Баскаула и их сообщников. Вместе со Р. Старковым и Д. Вяткиным Балык Кожанов возглавил отряд томских служилых людей, который 30 октября 1673 г. возвратился в Томск, разгромив на р. Алеусе (Илеус, Улеус) беглецов.

В ноябре этого же года Балык и Башлык Кожановы изложили воеводе кн. Барятинскому свои соображения по поводу «сыска» остальных беглецов. По их мнению, последние не могли далеко уйти от Алеуса и находятся от Томска «в недалних местах, вверх по Оби»: время было осеннее, «... воры и изменники многие ранены и пеши и рухляди и всякие запасы у них отбиты», а места вверх по Оби рыбные, питаться им есть чем. Балык предложил воеводе послать в эти места новый отряд служилых. Воевода, вняв совету Кожановых, отправил для поимки князя Ирки и других беглецов отряд под командованием П. Лаврова, в составе которого была и «выезжие калмыки» Б. Кожанова. Они участвовали и в бою с воинами кн. Табуна³³.

Сказанного вполне достаточно для определения той роли, которую играли Б. Кожанов и его братья — Башлык и Кочканак в борьбе с противниками телеутского подданства Русскому государству. Естественно, что последние искали случая, чтобы расправиться с Кожановыми. Как уже нам известно, 24 июня 1674 г. телеуты кн. Табуна (Баскаул и др.) совершили налет на верхнетомские деревни. Во время этого набега им удалось схва-

тить Балыка Кожанова, его братьев и детей. Все они были убиты³⁴.

Князь Табун Кокин не скрывал своей прямой причастности к убийству Кожановых. Он заявил М. Ржицкому в 193 г.: «А смучал (смущал. — А. У.) де нас з городом холоп наш живучи в Томском белой выезжий колмак Балак, и я де послал в Томской, велел ево убить.»³⁵

Вскоре после убийства Кожановых такая же участь постигла Баскаула Мамрачева в Кузнецком уезде. 2 октября 1676 г. его по дороге к охотничьему стану встретила группа Кутуя (человек 10 улусных людей князя Табуна). Выдав себя за «выезжих белых калмыков», они стали подзывать Баскаула, называя его по имени, и предупредили при этом, чтобы он «не стрелялся». Но Баскаул разгадал хитрость врагов и начал стрелять по ним из лука, подбив под одним из людей Табуна коня. Тогда они спешились, решив взять его живым. В перестрелке Баскаул был убит³⁶.

Позднее князь Табун во время переговоров с русским послом В. Бубенным в 1678 г. признал свою причастность и к убийству Б. Мамрачева. Правда, он пытался объяснить это убийство как результат случайности, простой ошибки. Он, Табун, послал Кутуя для расправы с Мамрачем, который убил якобы трех его людей в охотничьих урочищах. Кутуй, по объяснению Табуна, Мамрача не нашел, но ему попался Баскаул Мамрачев, он и был убит людьми Кутуя³⁷.

Мы полагаем, что убийство Б. Мамрачева было актом не уголовной, а политической мести, ибо жертвой его стал не просто первый встречный «выходец», а политический противник Табуна. Баскаул был сыном того Мамрача, за которым специально охотился отряд Кутуя. А сам Мамрач является главой телеутского посольства в Москву в 1658—1659 гг. Кока Абаков, видимо, не случайно направлял послом в Москву Мамрача: есть все основания считать последнего сторонником русской ориентации телеутских улусов. В Москве телеутские послы были пожалованы царским жалованьем. Конечно, не столько это жалованье, сколько сама по себе поездка по территории огромного Русского государства, пребывание в его столице, знакомство с хозяйством и культурой русского народа могли укрепить прорусские симпатии того же Мамрача и привести его в ряды «выезжих телеутов». Очевидно, по старости Мамрач (Мамруч) не играл заметной роли в жизни кузнецких телеутов, он уже не годился для военной службы. Но его авторитет, его безбоязненное пользование звероловными угодьями, распорядителем которых

³⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 148, л. 246—247об.

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 323—324, 314; ч. II, л. 326—330, 403—418об.

³² Там же, л. 423—426 и др.

³³ Там же, стб. 886, л. 347—349 и сл., 356—357.

³⁴ Там же, л. 360—361; ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1239, л. 1об.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 117, л. 196об.; ДАИ, т. VI, Спб., 1857, № 93-XII, с. 322.

³⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 180, л. 338.

³⁶ Там же, № 137, 138, 143, л. 234—235, 236об., 247; № 150, л. 258об.

³⁷ Там же, № 143, л. 247.

(и, следовательно, главным собственником) считал себя князь Табун, оказывали нежелательное влияние на остальных «выходцев». Вот почему последний грозил убить Мамрача. Это должно было запугать других «выезжих телеутов», чтобы они раз и навсегда отказались от эксплуатации этих угодий, а возможно, и возвратилась под власть телеутского князя.

Что касается Баскаула Мамрачева, то после отца он был самой влиятельной фигурой из кузнецких служилых телеутов: его имя обычно называется первым в текстах челобитных «выезжих белых калмыков» и других документов, его «знамя» стоит первым в подписях под челобитными³⁸. Не случайно томские воеводы, отправляя Г. Пущина к Галдан-хану в 1680 г., предписали ему в наказной памяти заявить протест по поводу убийства Баскаула Мамрачева людьми ханского кыштима — Табуна³⁹.

Убийства Кожановых, Б. Мамрачева и других хорошо иллюстрируют острую внутреннюю борьбу внутри телеутских улусов вокруг вопроса о принятии русского подданства и сотрудничестве с русскими властями.

Борьба эта нашла свое отражение не только в исторических актах, но и в народных преданиях томских и бачатских телеутов. Эти предания были записаны В. Вербицким и другими этнографами⁴⁰. Специальную публикацию им посвятил князь Н. Костров⁴¹. Некоторые исследователи обращали внимание на историческую достоверность ряда фактов, упоминающихся в преданиях, и на подлинность отдельных героев, действующих в них⁴². К сожалению, специально этот вопрос не исследовался, и это заставляет нас остановиться на содержании телеутских преданий подробнее.

Прежде всего, предания о подданстве телеутов Русскому государству имеют в виду две эпохи: XVII в. (начало этого процесса) и середину XVIII в. (конец его). Наибольший интерес для нас представляют предания о переходе телеутов в русское подданство в XVII в., т. е. о «выезжих телеутах». Их известно несколько.

I. Предание, записанное в середине XIX в. В. Вербицким, рассказывает, как во время междоусобных войн два князя телеутов Балык и Мамыт отделились от дербетцев и пришли к Кузнецку. С помощью русских ратников они отбили погоню, причем один из дербетских князей, руководивших ею, был ранен, а другой убит предводителем войска Мамыта — неким Аланчиком.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 432—432-а и др.

³⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 150, л. 258об. и др.

⁴⁰ Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 117—122.

⁴¹ Костров Н. А. Предания томских инородцев о подданстве их России. — Тр. IV Археол. съезда в Казани, т. I. Казань, 1884, с. 202—207; Потанин Г. Н., Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч., с. 683 и др.

⁴² Вербицкий В. Указ. соч., с. 121—122.

Мамыт и Балык приняли русское подданство и решили направить в Москву послов, дабы получить награду за добровольный выход «на имя царя» и не допустить высокой нормы ясачного обложения. Хитрый Балык предложил старшему брату Мамыту остаться при народе, а сам вызвался быть послом.

В Москве Балык выдал себя за главного начальника телеутов, получил ярлык и обложенный галунами суконный кафтан. Возвратившись, он объявил Мамыта своим подданным. Тогда оскорбленный Мамыт приказал своему богатырю Мылтык-ашхе убить Балыка. Тот согласился выполнить это поручение, но заявил, что предчувствует свою гибель («сердце мое чувствует, что я отрублю голову Балыку, но и сам живой не ворочусь»). Ночью Мылтык-ашхе окружил стан Балыка, сорвал арканом юрту последнего и отрубил сонному Балыку голову. Но люди Балыка вместе с русскими воинами окружили отряд Мылтык-ашхе, начался бой. День был жаркий, Мылтык-ашхе, одетый в кольчугу, часто укрывался в тень березы. Заметив это, один русский ратник спрятался за павшую березу, и когда Мылтык-ашхе снова пришел в тень, убил его выстрелом в лоб. Отряд богатыря был пленен.

Правда, Мамыт оправдался перед русскими властями, говоря, что убил Балыка не за измену русским, а за обман. Он остался в русском подданстве. Но народ Балыка отделился от Мамыта и поселился ниже по р. Томи, получив название скедамов⁴³.

II. Второе предание записано Н. Дыренковой в Черге (Горно-Алтайская автономная область) от телеутов-переселенцев из Бачатов, принадлежавших к роду Мэркит. Предание утверждает, что сеок Мэркит во время господства ойратов над алтайцами жил в Минусинском крае и только якобы при Екатерине некто Дабыт с 57 семьями добровольно перешел в русское подданство. Он заключил об этом договор в Томске и переехал к Кузнецку в урочище Кандәләр. Дабыт был князем, у него был богатырь по имени Алаганчик. Когда Ойрат-хан узнал о переходе Дабыта к русским, то отправил против него войско во главе с богатырями Мылтык Кашка и Пойдо. Они подошли к становищам Дабыта и напали на них. На помощь Алаганчику пришел русский богатырь Петр. Им удалось разбить ойратское войско, одних врагов убив, а других пленив. Правда, Пойдо удалось ускакать, но за ним погнались Алаганчик и Петр. Во время погони Петр отстал, а Алаганчик догнал Пойдо, но не стал его убивать, ибо оба они происходили из одного рода, и Пойдо даже был старшим богатырем этого сеока: убивать кровного родственника было нельзя. Алаганчик слез с коня и

⁴³ В. Вербицкий. Указ. соч., с. 121—122. Это же предание имеет в виду Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тянь-Шанский, называющие предводителями «выходцев» Мамыта и Балыка (Потанин Г. Н., Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч., с. 468).

притворился раненым, но Петр заметил этот обман и потребовал от него убить Пойдо, иначе Алаганчик будет признан изменником. Побоявшись мести русских за измену, Алаганчик догнал Пойдо и убил его. Кровь Пойдо окрасила воду ручья Талап, отчего последний с тех пор стал называться Канталап (т. е. Кровавый Талап)⁴⁴.

III. Еще одно предание сообщает телеут Г. Токмашев в предисловии к изданию телеутской сказки «Борозы-Каан». В нем говорится о разделении телеутов на томских и бачатских. Во главе томских телеутов, по преданию, стоял Балык, а в Бачатах главенствовал князь Канза-бай. Балыку якобы подчинялись не только томские телеуты, но и еушта, чаты и чернореченцы. Балык дружил с Канзы-баем, вместе они воевали против Пойдон-бая и победили его в войне. Но Канзы воевал из-за дани и с русскими — у него были стычки с Полтуруком (Петрухой?). В конце концов Канзы был пойман Полтуруком, посажен в тюрьму и за измену казнен.

IV. В другом предании, сообщенном Г. Токмашевым, отмечается, что телеутский князь по имени Тавыт-Таргай в бытность при русском дворе получил царскую грамоту, по которой все земли, занятые телеутами, отдавались им в вечное пользование, а сами они как добровольно принявшие русское подданство освобождались от военной службы. В начале XIX в. русские чиновники вызвали паштыка бачатских телеутов Тэнко в Барнаул, подпоили его и выкрали эту грамоту, после чего землю телеутов отобрал Кабинет, а телеутов прикрепили к ней и обложили податью⁴⁵.

V. Наконец, последнее предание, объясняющее, в каких условиях появились телеуты в России. Это произошло якобы во время междоусобной борьбы, когда умер мифический Ойратхан, а сын его Карагула убил в Китае своего брата Калдана-Черю. Народ Калдана-Черю, боясь Карагулы (это были телеуты), убежали от него «под покров Белого царя»⁴⁶.

В приведенных выше преданиях сохранилось немало указаний на подлинные события и исторических деятелей XVII — начала XVIII в.

Легендарный Балык из 1-го и 3-го преданий вполне может быть отождествлен с историческим Балыком Кожановым: он, подобно историческому Балыку, стоял во главе части телеутов (именно томских — см. 3-е предание), ездил в Москву, был пожалован расшитым кафтаном и тоже вероломно был убит. Правда, исторического Балыка Кожанова убили не «выезжие телеуты», а, как мы видели, агенты князя Табуна.

⁴⁴ Дыренкова Н. Указ. соч., с. 249.

⁴⁵ Токмашев Г. Борозы-Каан (телеутская сказка). — «Школа и жизнь Сибири», 1918, № 2 с. 8—9.

⁴⁶ Вербицкий В. Указ. соч., с. 117—121.

Что касается Мамыта из 1-го предания, то он, несомненно, идентичен Дабыту — из 2-го и Тавыту-Таргаю из 5-го. Под этими именами скрывается не кто иной, как исторически реальный Давыд Торгаев. В транскрипции «Дабыт» имя Торгаева встречается в исторических документах конца XVII и начала XVIII в. Трансформация его имени в народном предании в Тавыт-Таргай еще больше приближает его начертание к имени «Мамыт». Он, действительно, после смерти Баскаула Мамрачева, с конца 70-х гг. возглавлял другую, именно кузнецкую, группу «выезжих телеутов» и, действительно, не ездил с Балыком Кожановым в Москву в 1672 г. с челобитьем, хотя обе группы вышли в русские уезды в одно время (170 г., т. е. 1661—1662 гг.). Но он не был братом Балыку и никакого отношения к убийству последнего не имел, хотя бы потому, что в 1674 г. еще не стоял во главе ускатских калмыков. Давыд Торгаев, как и Тавыт-Таргай из 5-го предания, ездил в Москву (это было в 1702 г.), но с челобитьем о сложении ясака со служилых телеутов⁴⁷. Что касается указания на грамоту об отводе земель «выезжим телеутам» Кузнецка, то надо заметить, что еще 15 апреля 1688 г. 144 ускатских телеута во главе с Давыдом Торгаевым подали челобитье об отводе им сенокосных и пашенных угодий⁴⁸. Хотя в резолюции на челобитной лишь предложено изучить вопрос, и неизвестно, разрешено ли было отвести им угодья, но, можно думать, что такой отвод состоялся именно тогда же, ибо иначе просьба об этом была бы включена в челобитье от 26 июля 1702 г. Ни в челобитной от 1688 г., ни в прошении от 1702 г. телеуты не просили об освобождении от военной службы, и мы видим их участвующими в военных походах в 1702—1709 гг. и даже позже⁴⁹. И в этом вопросе предание не соответствует фактам истории.

Русский богатырь Петр из 2-го предания и Полтурука (Петруха?) из 3-го, конечно, один и тот же герой. В образе его, на наш взгляд, выведены томские воеводы Григорий и Лаврентий Петрово-Соловово (1699—1708 гг.)⁵⁰. Многолетнее пребывание отца и сына на посту томских воевод не могло не оставить заметного следа в сознании «выезжих телеутов», тем более, что время их воеводства было насыщено острой борьбой русских властей против Джунгарии и подвластных ей енисейских кыргызов, белых калмыков и др.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 171—171об.

⁴⁸ Там же, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 632, л. 1об.—4.

⁴⁹ Там же, ед. хр. 849, л. 7об.—8; ед. хр. 1199, л. 4об.; ед. хр. 1409, л. 4об.—10об., ед. хр. 1660, л. 9 и др.

⁵⁰ Газенвинкель К. Б. Указ. соч., с. 36. Но в этой книге указаны лишь 1699—1700 гг. воеводства отца и сына Петрово-Соловово. По актам же прослеживается, что, например, Григорий Петрово-Соловово еще летом 1708 г. был воеводой, лишь осенью 1708 г. он был заменен И. Черкасовым. (См.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 1—31; ед. хр. 557 и др.).

Еще одним героем 1-го и 2-го преданий является реальный ойратский князек Бойдон Сакылов (Пойдо). Он же фигурирует и в 3-м предании под именем «Пойдона». Этот князек действительно возглавлял один из самых крупных походов черных калмыков и их кыштимов на Кузнецк в 1709 г.⁵¹ Во время этого похода либо вскоре после него Бойдон (Бойдой) был убит. Это подтверждается следующим фактом: в 1715 г. в Кузнецк прибыл «посланец Контайшина владенья белый калмык Баты Некерев» с требованием отпустить князька Байгорока Табунова. Посол угрожал кузнецкому коменданту, что если Байгород не будет освобожден, то «придет князец Байдонов сын Манзу под Кузнецкой войною отомщать кровь отца своего *Бойдою*»⁵².

Так что, сообщая о смерти одного из богатырей по имени Пойдо, 1-е и 2-е предания сохранили память о смерти ойратского князька Бойдо Сакылова. Третье предание, кстати, называет его не богатырем, а князем.

В первых двух преданиях в качестве активно действующего лица выведен некто Алаганчик (Аланчик), богатырь, подчиненный Дабыту (Мамыту). Очевидно, это тоже лицо историческое. Одним из подтверждений его реальности является существование еще в XIX в. вблизи от Кузнецка деревеньки Юрты Аланчиковы⁵³. Вполне возможно, что Аланчик (Алаганчик) происходил из группы Давыда Торгаева (Дабыта-Мамыта) и, действительно, он, а не русский ратник убил Пойдо-Бойдона Сакылова. Убийство князя в бою — большое событие и редкое, поэтому народная память сохранила и имя богатыря — победителя князя.

Что касается князя Канзу (Канзы) из 3-го предания, то это, по всей видимости, Манзу Бойдонов. О Канзы у бочатских телеутов есть и другие предания и песни. В них он предстает как упорный враг русских властей, которые сажают его в тюрьму, подвергают пыткам и т. п.⁵⁴ Реальный Манзу Бойдонов также отличался своей враждебностью русским властям, ревностным служением джунгарскому хану. Собирая алман на контайшу в 1713 г. в кондомских и мрасских волостях, Манзу «разорение чинил» шорцам. Например, он приказал ясачным приготовить алман на контайшу «всякому человеку по 30 полиц куяшных, да по 30 стрельных железцов, по два горшка железных, по наковальню, по 2 молота, да по клещам»; в ряде волостей он угрожал «перевешать» всех, кто не приготовит такой алман и «хлебы их пережечь»; при сборе алмана многие ясачные были избиты по приказу Манзу, ясак царю он приказал платить по 1 со-

бою, а алман хану — по 5 соболей. Русских послов, присланных к нему в 1714 г., держал в тюрьме, морил голодом, бранил и т. п. В 1715 г. мы видели его грозящим совершить поход на Кузнецк в отместку за смерть отца⁵⁵.

Едва ли могут быть сомнения в том, что именно Манзу послужил прототипом легендарного Канзы.

Наконец, прообразами Мылтык-ашхе (он же Мылтык Кашка), очевидно, послужили Малай-Кашка либо Калдан-Кашка — послы Цэван-Рабдана в Томск в 1691 г. и в 1694 г. (соответственно)⁵⁶. Впрочем, это мог быть и Мергень-Кашка, сборщик алмана, действовавший в те же годы, что и Бойдон Сакылов и Манзу Бойдонов, т. е. в 10-х гг. XVIII в.⁵⁷ Кстати, по варианту, записанному Н. А. Костровым, не Аланчик (Алаганчик) по приказу Петра убил Пойдо, а... Мылтык-Ашхе; все прочие обстоятельства его гибели идентичны тем, при которых погиб Аланчик (Алаганчик)⁵⁸.

Во всех телеутских преданиях исторического цикла заметны серьезные хронологические смещения. Так, Карагула, живший в XVII в., в 5-м предании действует одновременно с Калданом-Черю (Галдан-Цэрэн хан в 30-х—40-х гг. XVIII в.) — в результате «выезд» части телеутов в XVII в. совмещен с массовым переходом алтайцев под власть России в 50-х гг. XVIII в. Дабыт (Давыд Торгаев) по преданию лет на сто позже переходит в подданство, чем это было на самом деле. Такие герои преданий, как Алаганчик (Аланчик), Мылтык-ашхе (Мылтык-Кашка, Мылтык-Ашхе), Дабыт (Мамыт) действуют в событиях, отделенных друг от друга 35 годами (Балык был убит в 1674 г., а Пойдо-Бойдон Сакылов погиб в 1709 г. или даже позже). Смерть Балыка и смерть Бойдона в преданиях оказались почти единовременными.

Во 2-м предании более точно отразились исторические события начала XVIII в. В самом деле, в боях с отрядами Бойдона Сакылова (Пойдо, Пойдон), когда он был убит, участвовали телеуты из улуса Давыда Торгаева и из улуса Сортоева и Васьки Поросенка⁵⁹. Но хронологические смещения (кроме отмеченного) есть и в нем: в год гибели Бойдона (Пойдо), Петрово-Соловово (Петр, Полтурака-Петруха) уже не были воеводами⁶⁰. Есть небольшие временные смещения и в 1-м предании: Балык погиб в 1674 г., а Дабыт (Мамыт) стал главой ускатских калмыков в конце 70-х гг. XVIII в.

⁵⁵ *Памятники Сибирской истории XVIII в.*, с. 305, 319—322; ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 31, об. 52—52об., 59—59об.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 16, л. 2, 4об.; ААН, ф. 21. оп. 4, кн. 18, № 243, 245, л. 421об.—422.

⁵⁷ *Памятники Сибирской истории XVIII в.*, с. 306, 319.

⁵⁸ *Костров Н. А.* Указ. соч., с. 207.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1660, л. 1—9.

⁶⁰ В декабре 1708 г. отписки из Томска уже подписаны И. Черкасовым. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 1—об., ед. хр. 1333, л. 1—7 и др.)

⁵¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1660, л. 1—9.

⁵² ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 52.

⁵³ *Вербицкий В.* Указ. соч., с. 168.

⁵⁴ *Памятники Сибирской истории XVIII в.*, с. 317 и др.

Попытки преданий объяснить разделение «выезжих телеутов» на томскую и кузнецкую группы несостоятельны: они противоречат данным актового материала — в действительности обе группы появились одновременно (170 г. т. е. 1661—1662 г.) и сразу же приняли подданство, а в преданиях разделение их произошло после смерти Балыка, т. е. с разрывом в 12 лет. Трудно верить и в то, что ручей Кан-Талап получил свое название именно так, как повествует об этом предание. Но главное не в этом, а в том, что в преданиях в целом верно нарисованы взаимоотношения «выезжих калмыков» с телеутами — подданными кн. Табуна, а затем Джунгарии, они называют имена реальных деятелей той эпохи. Заслуживают внимания указания на родовую принадлежность Алаганчика (Аланчика) к сеоку Тодош и Дабыта — к сеоку Мэркит — это дает основание говорить о том, что среди выходцев на царское имя в Кузнецк были не только представители рода телиошев, как свидетельствует «Известие о обидах» (сеок Теолес)⁶¹, но и родов Тодош и Мэркит, названия которых зафиксированы у бачатских телеутов⁶².

В связи с анализом и критической проверкой содержания исторических преданий томских и бачатских телеутов мы несколько отклонились от главной мысли, которую хотели проиллюстрировать материалами этих преданий. Она заключается в том, что раскол телеутских улусов произошел и не по линии различной классовой принадлежности, ибо, как отмечалось, во враждебных лагерях, на которые они разделились в связи с принятием русского подданства, были представители и знати и феодально-зависимых людей, и не по родовому признаку, ибо представители одних и тех же сеоков оказались и в среде «выходцев» и в среде джунгарских телеутов, потомками которых считают алтай-кижи (ср. сеоки Бурут, Кыпчак, Майман, Мэркит, Мундус, Очы, Торгул)⁶³. Больше того, представители одних и тех же сеоков оказались в томской и кузнецкой группах: не случайно и там и тут еще в XIX в. мы встречаем представителей сеоков Мэркит, Кара-Тумат, Кыпчак, Мундус, Тотош⁶⁴.

Уже сам по себе раскол сеоков достаточно ясно говорит об остроте борьбы в лагере телеутов. Что касается преданий, то они, со своей стороны, ярко передают обстановку борьбы между «выезжими телеутами» и их союзниками — русскими против

большей части «белых калмыков» во главе со старшими князьями из Абаковичей и Мачиковичей.

Следовательно, анализ исторических фактов, сведения о которых нашли отражение в русском актовом материале, критический разбор содержания исторических преданий томских и кузнецких телеутов рисуют картину острой политической борьбы в Телеутской земле в связи с присоединением части телеутов к Русскому государству и тем самым наносят еще один удар как по «теории завоевания», так и по теории бесконфликтного включения различных народов в состав России в эпоху феодализма.

Глава III

БОРЬБА ДЖУНГАРСКОЙ И РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в. ПО ВОПРОСУ О «ВЫЕЗЖИХ БЕЛЫХ КАЛМЫКАХ»

Бегство части телеутов в русские уезды, принятие ими русского подданства имели определенные материальные последствия, а также последствия престижного характера для Джунгарии.

В лице перебежчиков джунгарский хан и другие феодалы потеряли плательщиков алмана, феодальной ренты. Несомненно, этим был нанесен некоторый ущерб ханской казне, частично это отразилось и на материальных интересах части ойратских феодалов. Наоборот, Русское государство приобрело новых плательщиков ясака, обрело новый источник пополнения царской казны.

Переход части подданных джунгарского хана в пределы Русского государства наносил удар по престижу Джунгарского ханства в глазах южносибирского населения и, наоборот, поднимал значение Русского государства. Вот почему эта акция привела к обострению русско-джунгарских отношений во второй половине XVII — начале XVIII в.

«Выходцы на государево имя» из числа алтайцев — телеутов долгие годы были предметом споров и торга между русскими и джунгарскими властями. Вопрос о «выезжих телеутах» был поднят джунгарской дипломатией вскоре после перехода в русское подданство значительных групп телеутов в начале 60-х гг. XVII в. С течением времени позиция Джунгарии, объявившей перебежчиков своими кыштивами, становилась то более жесткой и непреклонной, то относительно мягкой и уступчивой.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 130, Сибирские дела, оп. 1, д. 4, л. 1—4.

⁶² Потанин Г. Н., Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч., т. IV, доп. XLII, с. 468.

⁶³ Тадьев П. Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. — «Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ», Горно-Алтайск, 1964, вып. 6, с. 5, таблица.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1. Ср.: Потанин Г. Н., Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч., доп. XLII, с. 468.

По сведениям И. Щеглова, уже в 1663 г. «Сенге Джунгарский заявляет томским властям о подчинении ему теленгутов»¹. Нам неизвестны источники, которыми пользовался И. Щеглов. По нашим данным, такое заявление было сделано позже, в 1664—1665 гг., когда в Урге находилось посольство сына боярского В. Литасова. Из приписки к статейному списку В. Литасова мы знаем, что Сеньги-хан послал к Коке и Мачику Табагай Дурала с грозным приказом не посылать своих людей в Томский и Кузнецкий уезды «с войною» и не чинить ссор с русскими людьми². Любопытно, что в этом списке не содержится сведений о том, что такая просьба поступила и от томских властей. Интересно также, что во время всех приемов В. Литасова как у сыновей Чокура Убаши, так и у самого Сеньги, ни слова не было сказано о «выезжих телеутах», между тем как переход их в русское подданство состоялся еще в конце 1661—1662 гг. Видимо, калмыцкие владетели еще не знали о переходе на русскую сторону группы телеутов из улусов Коки и Мачика.

Но в 1665 г., в июне, принимая другого русского посла (В. Бубенного) контайши Сеньги заявил, что после смерти отца (Богатырь-контайши) он, Сеньги, является владельцем всех перебежчиков, отъехавших в Томск («кыштимы ево Сенгины ясашные колмаки Кокина улусу телеуты»). При этом Сеньги отметил, что томские воеводы не возвращают ему беглецов, и впервые потребовал их выдачи.

Стремясь произвести на русского посла совершенно определенное впечатление, Сеньги вспомнил прецедент из недавнего прошлого, когда калмыцкие «воры из многих орд» угнали около 700 барабинцев, плативших ясак в г. Тару, и когда эти ясашные по просьбе царя были возвращены «на старые жилища в Тарский уезд в Борабу». Однако нужного эффекта это напоминание на русского посла не произвело, и Сеньги, заинтересованный в то время в признании его прав на ханский престол со стороны Русского государства, обронил сакраментальную фразу: «А хотя де великие государи тех моих кыштимов ясашных людей и не велят отдать, и яз, Сеньга, теми людьми не буду скуден»³. Хан еще явно недооценивал политического значения самого факта перехода в русское подданство сравнительно небольшой группы телеутов, которых он считал своими алманными людьми. И вот тут-то, с нашей точки зрения, русский посол допустил ошибку. Ему бы следовало укрепить хана в только что высказанной им мысли, польстя контайше, подтвердить со

своей стороны, что о таком существе пустяке, как переход под власть царя «некоторых людей», не стоит и поднимать шума. Вместо этого В. Бубенный подал Сеньги надежду на возможный возврат перебежчиков: 1) он заявил, что с «выезжих телеутов» «ясаку... великим государем нет» (Сеньги истолковал это как отсутствие материальных причин у царя задерживать перебежчиков) и 2) он сообщил, что «писано де о тех выезжих колмыках к великим государем к Москве и о тех де Колмык что они великие государи укажут» (хан мог надеяться на то, что царь прикажет возвратить «выходцев» в Джунгарию).

Сеньги немедленно воспользовался открывшейся возможностью обратиться к царю с личной просьбой о возврате беглецов и отправил с В. Бубенным своих послов Урянку, Шалчи, лабу Тархан Онбо (от кутухты) бить челом об этом. В своем «листе» хан просил: «которые их черные колмыки кочуют в Томском уезде и чтоб их ваше царское величество приказали отдать нам, Сеньги-тайшс». В другом месте «листа» хан называет их беглыми. Собственно о «белых калмыках» упоминалось лишь в связи с запросом Сеньги — по чьему приказанию их «воюют» («Или сами своею волею воеводы ис Томска посылают казаков воевать белых колмыков, чтоб вам, великому государю, было про то ведомо»)⁴.

Обращает на себя внимание разделение подданных хана на «белых» калмыков, которых «воюют» воеводы, и на «черных», якобы сбжавших к русским. Но в послании Сеньги нет требования о выдаче именно «выезжих белых калмыков». Либо Сеньги не имел до конца четкого представления о том, кто бежал за рубеж — черные или белые калмыки, либо в русском переводе «листа» «белые калмыки» сознательно названы «черными» (чтобы некого было возвращать, ибо «черных колмыков» — «выходцев» в русских уездах, действительно, не было).

Вскоре после послования В. Бубенного ойратские дипломаты начали атаку на русские власти, требуя возвращения «выезжих белых калмыков». Так, 7 марта 1667 г. со специальной целью требовать перебежчиков прислал в Кузнецк посланец хана Сеньги по имени Читгиртка Уланка Матур. Он требовал от кузнецкого воеводы отпустить беглецов «на старые кочевья». 19 июня 1667 г. с таким же требованием прибыли послы хана Сеньги, тайши Чокура и его детей — Ишей Урлюков, Аксубу Баатаев «да Мергелка с товарищи». Кузнецкий воевода Доможиров отбил эти атаки довольно легко, заявив, что без царева указа он не может отпустить «выезжих телеутов». Послы направились в Томск, но и здесь их миссия не имела успеха⁵.

¹ Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, с. 117.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 646, л. 83—94 и др.

³ Там же, стб. 623, ч. I, л. 94—95; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 4; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 152об.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 95; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 5; 1667, д. 1, л. 13, 14; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 79, л. 147—148, об., № 81, л. 153.

⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 673, л. 74—75.

В том же году в Джунгарию выехало посольство Павла Кульвинского. Джунгарские владетели не раз вынуждали этого русского посла касаться вопроса о «выезжих белых калмыках». Уже на приеме у Чокура этот тайши и его сын именовали Ирку Уделекова и Балыка Кожанова своими кыштимами, а хан Сеньги на первой аудиенции в Урге назвал их же своими «ясашными». Любопытно, что хан признавал факт измены Коки Абакова и наличие внутренней борьбы между телеутами («кыштимы Кока с товарищи заворовали», а Ирка и Балык «смуту учинили и промеж кыштимами монми Кокою, телеутами»⁶).

К приезду П. Кульвинского положение Сеньги, как внутри, так и за пределами Джунгарии, окрепло в результате разгрома ойратами халхасского Лоджан-хана в 1667 г. Не случайно тон, которым хан и его дядя Чокур разговаривали с русскими послами, резко изменился. Это было заметно даже при обсуждении такого частного вопроса, каким был вопрос о «выезжих телеутах». Особенно непримиримую позицию занял Чокур: он потребовал выдачи не только беглых телеутов, но также киргизов, аринцев и качинцев, бежавших в свое время под защиту Красноярского острога. Чокур уверял, что якобы еще в 1666 г. владетели Джунгарии посылали в Россию Чин Кошеучина и других послов бить челом о «выезжих белых калмыках». Русский посол возразил на это, указав, что послы Чин и Куланкар направлены были в Русское государство бить челом о подданстве царю хана Сеньги, Чокура и других тайшей, а не о возвращении «белых калмыков». Чокур был вынужден признать, что, действительно, послы имели наказ просить и о подданстве, но коль скоро государи «кыштимов моих телеутов и качь мне... отдать невелели», — заявил он, — то вопрос о подданстве калмыцких владетелей русскому царю отпал сам собой, и о нем не может и быть речи. Затем Чокур стал угрожать войной в случае, если его ультиматум не будет принят («если кыштимов наших телеутов и качь отдать нам не велют, и я де Чокур-тайша великих государей города Томской и уезды воевать однокон(еч)но (буду), и тое речи здештерил и руками протягивал», приговаривая при этом: «Лука ли де тянуть не умею или ис пищали стрелять не умею ли или саблюю или сулемою сечь не знаю ли?»)⁷

Однако П. Кульвинскому все-таки удалось остудить пыл Чокура, уличив его во лжи: посол заявил, что в той грамоте, которая адресована царем, ему, Чокуру, написано обо всем, что обязано говорить тайше посольство, а поскольку о телеутах в грамоте ничего не написано, то это значит, что послы Джунгарии Чин и Куланкар, будучи в Москве «не били челом о кыштимам и телеутам Ирке да о Балыке с товарищи», а про-

сили только о подданстве, и именно во всем этом «тайшина неправда и лож объявилась»⁸.

Но русские дипломаты не только успешно оборонялись, но и сами переходили в наступление на позиции ойратской дипломатии по вопросу о «выезжих телеутах».

2 октября 1667 г. в Джунгарию из Томска было отправлено посольство В. Былина. Одно из поручений послов заключалось в том, чтобы заявить протест против требований, предъявленных Ишей Урлюковым и Аксубу Баатаевым в Кузнецке и в Томске о выдаче «выезжих белых калмыков». В наказной памяти Былин получил четкую инструкцию, как отвечать хану, если тот снова поднимет вопрос о «выезжих калмыках». Он должен был авторитетно заявить, что: во-первых, послы Сеньги, Чокура и Кегеня-кутухты уже два раза приезжали в Москву, но ни разу челом о перебежчиках не били, а потому томские воеводы не имеют указа по этому вопросу; во-вторых, телеуты перешли в русское подданство абсолютно добровольно⁹. С этого времени ссылки на добровольный характер русского подданства «выезжих телеутов» были взяты на вооружение русскими воеводами и послами и служили важным аргументом в борьбе против джунгарских домогательств в отношении перебежчиков-телеутов.

4 апреля 1668 г. русские нослы прибыли в Ургу, и в те же сутки (в 2 часа ночи) Сеньги дал им аудиенцию. Когда речь зашла о «выезжих телеутах», В. Былин, согласно инструкции, указал на отсутствие у томских воевод каких-либо распоряжений сверху, поскольку джунгарские послы, бывая в Москве, о перебежчиках «не бивали челом» и подчеркнул сугубо добровольный характер их подданства Русскому государству: «А выезжие белые калмыки выехали в Томской и Кузнецкой служить великим государем из воли и живут они в Томском и в Кузнецком охотою, а не из неволи»¹⁰. Присутствовавший на приеме лаба Тархан Онбо обвинил русского посла во лжи, утверждая, что в бытность свою послом в Москве, он, Тархан Онбо, сам «из уст своих» говорил о беглецах царю, что, следовательно, в Томске уже есть царская грамота, содержащая инструкцию воеводам по этому вопросу. Но В. Былин стоял на своем.

В результате хан Сеньги был вынужден признать добровольность перехода части телеутов на русскую сторону, сознавшись, что они убежали из Джунгарии («силою их не взяли, убежали они от меня»), но потребовал, чтобы «выходцев» не задерживали в Кузнецке, грозя возвратить их силою («и де сам их под Томским и Кузнецким острогом возьму»)¹¹. Сеньги,

⁸ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1667, д. 3, л. 22.

⁹ Там же, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 181—182.

¹⁰ Там же, л. 188—189.

¹¹ Там же, л. 189.

⁶ ЦГАДА, л. 8, 15—16.

⁷ Там же, ф. 126, оп. 1, 1667 г., д. 3, л. 20—22.

правда, обещал никакого насилия русским служилым людям при этом не чинить, но предупреждал, что если последние сами «пристанут» из-за телеутов, «то не жаловаться».

Однако угроза контайши не возымела своего действия. Русский посол на этот ультиматум дал достойный ответ: если Сеньги и Чокур из-за перебежчиков-телеутов предпримут военные действия против русских уездов, то томский воевода Н. А. Вельяминов испросит у царя указ на ответные действия русских ратей¹². Тогда хан Сеньги попытался оправдать свои угрозы законностью своих владельческих прав на беглецов, заявив, что он «дурна никакова не делает», и что «рад быти с ним великим государем в миру и как отец мой будет, если великий государь пожалует» — отдаст телеутов, в противном случае обещал «воевать» Томск и Кузнецк и снимал с себя ответственность за это, вновь подчеркнув, чтобы на него «не жаловались».

Вопрос о «выезжих телеутах» стал камнем преткновения в дальнейших переговорах. Когда В. Былин потребовал возвратить «грабежной живот» Перфильева (он был с торгом в Джунгарии и подвергся ограблению), Сеньги упрямо повторил: «Как де великий государь меня пожалует — велит отдать моих телеутов, и живот де весь сыщется»¹³.

В конце послования хан сообщил В. Былину, что посылает с ним уже 7-е посольство по поводу перебежчиков и просит пропустить его из Томска в Москву. Возглавлять это посольство он назначил Ярему (Ерему) Тарсухая. Кроме того, контайши направил в Томск особую миссию во главе с Иши Юрахтой (Ерахтой). Сеньги в которой уже раз предупредил, что если и на сей раз ему «выезжих телеутов» не выдадут, то пусть царь на него не гневается: «и я де сам стану их доставать и пойду под Томской и под Кузнецкой войною»¹⁴.

6 апреля В. Былин был принят братом хана Кегенем-кутухтой. Кегень также поднял вопрос о возврате в Джунгарию беглых телеутов. И. Я. Златкин считает, что позиция Кегеня в этом вопросе существенно отличалась от позиции Сеньги и Чокурай-тайши, что пока Кегень не стал ханом (после смерти Сеньги), он якобы считал претензии Джунгарии о возврате «выезжих телеутов» малозначимыми, пустяковыми, которые не стоило даже ставить перед царем России. Когда же Кегень стал ханом, он якобы изменил эту позицию и начал отстаивать свое право на сбор алмана с перебежчиков, хотя и допускал возможность обложения их ясаком со стороны русских властей. Наконец, около 1680 г. он будто бы еще раз поменял свои взгляды. По словам И. Я. Златкина, Галдан-хан (Кегень) «го-

¹² ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 189.

¹³ Там же, л. 189—190.

¹⁴ Там же, л. 192.

тов был пожертвовать и кыштивами и ясаком лишь бы укрепить дружественные отношения с этой страной (Россией.— А. У.), настойчиво добиваясь впоследствии военного союза с ней»¹⁵. Таким образом, по И. Я. Златкину, мнение Кегеня в вопросе о «выезжих телеутах» не раз кардинально менялось. Нам представляется, что таких зигзагов в позиции Кегеня по указанному вопросу не было. Развитие его взглядов на «выезжих белых калмыков» по сути шло в одном направлении — по линии постепенного отказа от прежних требований, и в этом собственно заключается его маневр, его тактическая линия.

Во время послования В. Былина особой позиции в отношении «выходцев» Кегень не занимал. В обоснование своего тезиса И. Я. Златкин ссылается на статейный список В. Былина, содержащийся в стб. 623 фонда Сибирского приказа. Приведем этот отрывок по И. Я. Златкину: «Мы де, кутухты и лабы, не воинския люди. Во своей Калматцкой земле да усуетована де у нас о том, у всех кутухт и лаб, чтоб ни в коих землях наши калматцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали, а к великим де государям за наши телеуты выезжия стоять нечево»¹⁶. Если расставить знаки препинания иначе, то прочесть этот отрывок можно по-иному: «Мы де, кутухты и лабы, не воинския люди во своей Калматцкой земле. Да усуетована де у нас...» и далее по И. Я. Златкину. Но что совершенно бесспорно, так это то, что самая последняя часть этого отрывка прочитана И. Я. Златкиным неверно, отчего смысл слов кутухты изменился. И. Я. Златкин читает: «...а к великим де государям за наши телеуты выезжия стоять нечево», а, по нашему мнению, надо читать: «...а и великим де государям за наши телеуты выезжия стоять нечево». В тексте столбца, по нашему убеждению, стоит не предлог «к», а союз «и». Весь смысл выражения от этого меняется коренным образом. Кегень-кутухта высказал мнение влиятельных священнослужителей — кутухт и лам, людей «мирных», так сказать, по роду занятий и по долгу своему, что ни рядовые, ни знатные калмыки не должны с русским царем войн «подымать», и об этом, дескать, в Джунгарии «усуетовано». Но и царю нечего держаться за наших кыштымов и тем провоцировать военные конфликты.

Из всего сказанного следует, что мнение Кегеня по вопросу о «выезжих телеутах» уже в 1668 г. существенно не отличалось от мнения Сеньги и Чокура, а, следовательно, не было и никаких зигзагов в его развитии в период с 1668 по 1680 г. Правда, из соображений тактического порядка Кегень, став ханом, пошел по линии смягчения жесткой позиции своего покойного брата. Полагая сначала, что царь должен вернуть перебежчи-

¹⁵ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 221, 243, 249.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 191; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 220.

ков (ему, мол, за чужих кыштымов «стоять печего», 1668 г.), Кегень, воцарившись в Джунгарии (1671 г.), допускает возможность эксплуатации их, так сказать, «на паях» — и царем и контайшей, о чем подробнее мы пишем ниже. В этом, кстати, он не был оригинален: еще его отец, Богатырь-контайша, выдвинул идею двоеданчества порубежных племен и народностей. Наконец, (к 1680 г.) во имя более важных целей внешней политики Галдан-хан считает возможным вообще отказаться и от кыштимов и от своих претензий на сбор алмана с них, но при условии получения военной помощи от России, заключения военно-политического союза с нею, а коль скоро Русское государство не идет на это, то он возобновляет требования на «выезжих кыштимов» и на алман с этой категории населения русских уездов.

Итак, мы приходим к выводу, что оценка И. Я. Златкиным взглядов Кегеня о кыштимах не совсем согласуется с показаниями документов.

С вернувшимся 19 июля 1668 г. в Томск В. Былиным прибыли послы Сеньги, Чокура и кутухты. Один из них — Ерема Тарсухай «с товарищи» — должен был ехать в Москву, а другой — Иши Ерахта — в Томск. Оба посольства имели одну цель — требовать выдачи перебежчиков. Судя по тому, что из Сибирского приказа не последовало распоряжения о выдаче телеутов-перебежчиков, можно думать, что миссия Еремы Тарсухая в Москву не имела успеха. А Иши Ерахта заявил томскому воеводе, что если тот не отпустит с ним «выезжих белых калмыков», то «Сенга де тайша под Томской и под Кузнецкой острог будет войною, а учнет де под Томским городом стоять три годы»¹⁷.

Иными словами, Иши предъявил настоящий ультиматум, грозя, в случае отказа выполнить эти требования, войной. Кстати, в связи с миссией Иши, хан Сеньги обязал правителя Карагайского улуса Тючула Табуна ждать возвращения Иши из Томска, а когда последний прибудет, поступить сообразно обстоятельствам: если посол вернется с отданными хану «выходцами», то сопровождать их в Ургу, если — с пустыми руками, то начать военные действия против русских уездов. «А будет де Иши к тебе придет бес телеутов, и то де ево Ишу, собрав людей моих всех улусных — телеутов и каракайцев и мундуцких, да пошли де воевать в Кузнецкий острог, а сам де поди под Томской город»¹⁸.

Таким образом, из-за «выезжих телеутов» Сеньги не только угрожал войной, у него был даже готов план военных действий на 1668 г., определены их участники, руководители походов и направления основных ударов, причем, судя по всему, расчет

был сделан на длительную осаду русских городов-крепостей.

Но дело до войны не дошло. И. Я. Златкин в связи с этим пишет: «Мы не знаем причин, помешавших Сенге реализовать свои угрозы». Далее он полагает, что хан фактически разорвал дипломатические отношения с Русским государством в ответ на отказ русских властей выдать «выезжих телеутов», ибо после В. Былина, по его мнению, в посольских отношениях России и ханства наступил перерыв («к хану никого не посылали до 1670 г.»). С этим перерывом И. Я. Златкин связывает и отсутствие в источниках сведений о событиях 1668—1670 гг.¹⁹.

Мы считаем, что И. Я. Златкин допускает в данном случае ошибку. Во-первых, никакого перерыва в посольских отношениях между Россией и Джунгарией в 1668—1670 гг. не было, так как летом 1668 г. в Ургу было отправлено из Томска посольство сына боярского Матвея Ржицкого. Из Урги русские послы были отпущены 20 мая 1669 г. и прибыли в Томск в августе этого же года (статейный список М. Ржицкого датирован 15 августа 1669 г.)²⁰. Об этом посольстве подробнее речь пойдет ниже.

Во-вторых, из этого следует, что фактически не было никакого разрыва дипломатических отношений с Россией по инициативе Сеньги (как ответной меры за русский отказ выдать беглецов-телеутов), причем такого разрыва, следом за которым должна была начаться война.

В-третьих, мы считаем возможным вынести свое суждение о причинах, не позволивших Сеньги пачать войну из-за кыштимов. Этих причин две.

1. Война с Россией требовала от ханства больших материальных и людских резервов и средств. Сеньги прекрасно понимал, что собственными силами ему с русскими городами не справиться. Об этом говорит факт рассылки ханом своих послов ко всем калмыцким тайшам, которых Сеньги призывал под знамя борьбы с Россией: он явно хотел собрать большое войско и атаковать южную русскую границу в Сибири на широком фронте — от Урала до Красноярска. Мы знаем, что кто-то из тайшей клюнул на эту приманку. Но дети тайши Урлюка, кочевавшие под Астраханью, прислали к джунгарскому хану своих послов с осуждением его плана войны с Русским государством как авантюры («что де ты затеваешь не дело: с великим государем хочешь воеватца»). Урлюковичи обращали внимание хана на неисчерпаемые ресурсы России: «Что де тебе в поле травы не выкосить и лесу не вырубить, то тебе у великих государей людей не вываевать». По их мнению, война могла привести к обратному эффекту: «великие государи велят по Иртышу и по Обе-реке свое великих государей города поставить»,

¹⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 191—192, 194; ч. II, л. 337 и др.

¹⁸ Там же, л. 192.

¹⁹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 221—222.

²⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 101-б, л. 176—180об.; ДАИ, т. V, Спб., 1853, с. 418—421 (статейный список М. Ржицкого).

тогда «самаму де тебе где будет деватца?»²¹ — спрашивали они Сеньги. В этих доводах был большой резон, и Сеньги не мог не внять им. Но главное было в том, что большинство калмыцких владетелей во главе с Урлюковичами отказались поддержать авантюрную затею джунгарского хана.

2. На ультиматумы контайши русское правительство ответило энергичным и твердым дипломатическим демаршем, и эта безбоязненная позиция русских властей заставила хана ограничиться пустой фразой. Он отказался от военных действий даже на узком участке границы — между Томском и Кузнецком. Возможно, хан в 1669 г. организовал бы набеги на Томский и Кузнецкий уезды, но русские власти лишили его этой возможности. Зная от В. Былина о планах Сеньги начать военные действия после возвращения Иши Ерахты из Томска «бес телеутов», томские воеводы задержали последнего в Томске до отправки в Джунгарию нового русского посла М. Ржицкого. Последний же выехал из Томска в конце лета и прибыл вместе с Иши в Ургу в октябре в 1668 г.; т. е. когда начинать войну было поздно: приближалась зима с обычной бескормицей, падежом скота и другими заботами скотоводов²². В том, что томские воеводы специально оттянули отправку посольства почти до самой осени, убеждает и то обстоятельство, что посольство М. Ржицкого ехало в Ургу Сеньги не через Алтай, где Тючул Табун по велению хана ждал возвращения Иши, чтобы в случае неудачи его миссии начать военные действия в Томском и в Кузнецком уездах, а кружным путем — через Барабу (по р. Карасук на Иртыш, затем вверх по Иртышу).

Так, план Сеньги — воевать с Томском и Кузнецком был сорван. Не случайно, обозленный неудачей Иши еще в дороге грозил М. Ржицкому отрезать язык, «сквозь косы (русских послов.— А. У.) арканы продевать и по степи пеших вести»²³, а когда послы прибыли в ставку хана, то кутахта Кегень, заменивший отсутствовавшего Сеньги, сослал их «в Бухарский город и посадил в земляную тюрьму», где «морил» «голодной смертью». Возвратившись из похода, Сеньги держал в тюрьме русских послов еще 3 месяца и лишь после этого дал им аудиенцию (14 марта 1669 г.).

Несмотря на все свои злоключения, М. Ржицкий и его коллеги твердо держались предписанной им инструкцией линии:

²¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 193.

²² М. Ржицкий выехал из Томска не раньше конца VII — нач. VIII 1668 г., т. к., судя по статейному списку, ему были известны результаты переговоров В. Былина в Урге, а В. Былин прибыл в Томск 19 июля 1668 г. Точная дата отъезда посольства М. Ржицкого в Джунгарию в опубликованном его статейном списке (ДАИ, т. V, Спб., 1853, № 92, с. 418) не указана. Путь послов от Урги до Томска занял около 3 мес, они ехали с 20 мая по 15 августа 1669 г. (ДАИ, т. V, Спб., 1853, с. 418 и 421).

²³ ДАИ, т. V, Спб., 1853, № 92, с. 418 и сл.

они сделали «выговор» Сеньги за оскорбление царской чести при пословании В. Былина, за набеги Сеньги и Чокура на Киргизскую землю в 1667 г. и пр. Эта твердость русских послов произвела на Сеньги большое впечатление: в ответ на все предъявленные ему обвинения он либо молчал, либо пытался оправдаться (например, за действия киргизского князька Ереняка и др.)²⁴.

Так, по нашему мнению, можно объяснить, почему за ультиматумами Сеньги военных действий его против русских городов не последовало.

Но вернемся к вопросу о «выезжих телеутах». Посольство М. Ржицкого не внесло в его решение ничего нового или конструктивного.

Ржицкий ссылаясь на отсутствие инструкций по этому делу в Томске и делал упор на добровольность подданства телеутов царю («живут они в Томском и в Кузнецком охотою, а не из неволи»), настаивал на прекращении ханских угроз и т. п. А хан, вспоминая о возвращении его отцом барабинцев, лицемерно возражал послу: «я де у великих государей прошу своих людей, Белых Калмыков, мне не отдают» и грозил не принимать послов из Томска и «воевагь» его «за то»²⁵.

Но эти угрозы звучали вяло, адресованы они были лишь Томску, на первый план выдвигались уже санкции дипломатического порядка. М. Ржицкий не только отбил атаку по поводу «выезжих телеутов», но даже получил ханские заверения о сыске и о наказании им в будущем виновников пабегов на русские уезды²⁶.

Во время беседы с русскими казаками — Скибиным и другими, которые в 1670 г. привезли из Томска государево жалованье, Сеньги опять требовал возврата беглецов, грозил «воевать» Томск, не пропускать русских с торгом в Китай. Если же ему вернут перебежчиков, хан брал на себя обязательство не только свободно пропускать русские торговые караваны, но и снабжать гостей транспортом²⁷. Мы видим, что хан Сеньги угрожает лишь экономическими санкциями и даже готов оказывать содействие русско-китайскому торгу, лишь бы ему возвратили «выезжих телеутов». «Выезжие телеуты» становились предметом торга джунгарской дипломатии: от безусловного требования выдачи перебежчиков хан уже отказался, он хочет возвратить их, но уже ценой важной уступки русским властям.

В январе 1671 г. в Москве послы Сеньги, Чокура Убаши и сына Чокура (Чагана) — Кадыр Галастан, Мергенъ Шада и другие били челом о возвращении им 80 «выезжих белых кал-

²⁴ ДАИ, с. 419—420.

²⁵ ДАИ, с. 420—421.

²⁶ ДАИ, с. 421.

²⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 305; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 90, л. 163—163об.

мыков». Судья Посольского приказа по указу царя сделал запрос Стрешневу, главе Сибирского приказа, прося навести справки про «восемь десятков калмыков, которые на его великого государя имя выехали в Томской город», кому они принадлежали, «какую службу служат или ясак платят»²⁸.

Новый посланец Сеньги — Неурус (прибыл в Москву, видимо, в начале февраля 1671 г.) привез еще один «лист» джунгарского хана. В этом письме хан сообщал, что от него «отехали улусных ево людей с 1000 человек на великого государя имя в три города. А подати с них никакой ему, великому государю, нет и ему, Сеньге, нет. И чтоб великий государь указал тех колмыков отдать ему, Сеньге». Автор «листа» делал вид, что не преследует никаких корыстных целей, а поскольку, дескать, их не должно быть и у царя (коль скоро и ему податей беглецы не платят), то царю ничего не стоит возратить их контайши. Убеждая русских дипломатов в своем бескорыстии, хан явно кривил душой — потеря 1000 алманных людей означала серьезный удар по ханской казне. (Вышеназванное число включает в себя не только телеутов, но так же арищев и качинцев.) Челобитию хана был дан бюрократический ход: Ордин-Нащокин направил грамоту Стрешневу с просьбой дать справку о том, где живут перебежчики, какие распоряжения о них есть в Сибирском приказе. В отписках Стрешнева на царские грамоты (запросы Посольского приказа) от 31.I, 9 и 14.II—1671 г. приводилась челобитная томских телеутов во главе с Кожановыми, в которой сообщались и время (170 г.) и мотивы перехода «белых калмыков в русское подданство («для того слыша великих государей к их братье иноземцом милость и жалованье»), излагалась их просьба об уравнении в жалованье «за службу и кровь» с чацкими и томскими татарами. Стрешнев сообщал далее, что в приказе нет сведений о том, из чьих улусов происходят «выходцы», а также утверждал, что никто из калмыцких тайшей не бил челом в прежние годы о возвращении беглецов. Два последних момента явно имели целью лишить калмыцких послов их козырей, ибо по существу из текста выходило: 1) что о телеутах-перебежчиках ханские послы «били челом» первый раз, и поскольку не все ясно в этом вопросе, то решить его сразу нельзя; 2) отдавать «выезжих телеутов» джунгарскому контайши нельзя, так как неизвестно — из его ли улусов они вышли»²⁹.

Итак, контайши Сеньги, Чокур Убаши и их близкие родичи настойчиво, порою грозя развязать войну против России, требуют выдачи им перебежчиков из улуса Коки Абакова — телеутов. Царское правительство, будучи абсолютно не заинтересованным в потере ясачных людей, под разными предлогами отк-

няет эти домогательства калмыцких владетелей, продолжая удерживать их за собой.

Характеризуя внешнюю политику хана Сеньги, И. Я. Златкин пишет: «... Сенге считал задау возвращения кыштимов и беспрепятственного сбора с них ясака главной целью своей внешней политики и готов был ради них на любое обострение отношений с Россией...»³⁰. Разделяя в целом эту оценку, мы считаем, что ее следует уточнить, подчеркнув то, что в последние годы своего правления джунгарский хан пытался искать дипломатических путей решения этого вопроса, обещая сыск и управу на «крайних людей», грабящих русские уезды (1669 г.), и всяческое содействие русским гостям в налаживании русско-китайской торговли в обмен на возвращение «выезжих телеутов», уверяя русское правительство в своем бескорыстии (1670 г.).

Воцарившийся после убийства Сеньги Кегень-кутухта (Галдан-хан), будучи заинтересованным в мире со своим могущественным северным соседом, стал проводить по вопросу о кышTIMах компромиссную политику. В 1671 г. он направил к воеводе Сумарокову (Красноярск) посланца с «листом», в котором, защищая свое право на сбор алмана с перебежчиков, не возражал против того, чтобы и русские воеводы собирали с них ясак³¹. В 1673 г. во втором послании хан писал, что «ныне в досаду себе не ставит» сбор русскими властями ясака с его бывших кыштимов. Но в те же 1671—1673 гг., заявляя свои требования о даче алмана красноярскими кышTIMами, Галдан подкрепляет их угрозой войны³². Только однажды, в 1672 гг., через И. Карвацкого он просил воевод возратить ему беглых людей «прежних лет»³³.

Следовательно, на первых порах после воцарения Галдан-хан ведет борьбу уже не столько за возвращение «выезжих телеутов» и других «кыштимов», сколько за право получить с них свою долю прибавочного продукта в виде алмана. Такая позиция Галдана, по-видимому, должна быть объяснена, прежде всего, тем, что он чувствовал себя на ханском троне не вполне уверенно. Он узурпировал ханскую власть, отстранив прямого наследника престола сына Сеньги (Цеван-Рабдана). Видимо, желание получить международное признание заставляло его смягчить свою линию в ясачном вопросе и особенно в вопросе о возвращении «выезжавших телеутов». Несомненно, существенное значение имело и его стремление обеспечить надежный тыл в борьбе с калмыцкими и восточномонгольскими владетелями.

³⁰ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 249.

³¹ ЦГАДА, ф. 21, стб. 623, ч. I, л. 104; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 245.

³² ЦГАДА, ф. 21, стб. 623, ч. II, л. 451—452, 455—456, 568.

³³ Там же, л. 516—517.

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 310—312.

²⁹ Там же, л. 313—319, 320—323об.

Однако уже в 1674—1675 гг. Кегень несколько меняет свою позицию. Он берет под защиту телеутов князя Табуна, против которых русские власти организовали ряд походов в отместку за их набеги на русские уезды, и даже присылает в помощь Табуну 200 вооруженных калмыцких конников. После победы над Очирту-ханом и другими политическими противниками в 1676—1677 гг. он в полный голос предъявляет свои претензии и на «выезжих телеутов». Уже в 1678 г. его чиновник Келей Дурал прислал в Томск посланца с требованием выдать «выезжих телеутов» и давать алман с ясашных людей Томского уезда.

Келей Дурал разослал своих алманщиков по волостям Кузнецкого уезда, все они требовали алмана на хана, грозя разорением волостей, сеяли слухи о подготовке большого похода ойратов на Кузнецк и т. п.³⁴

3 января 1679 г. в Кузнецк прибыли посланцы Келей Дурала — Шерешек и Богучек, которые потребовали, чтобы И. Давыдов приказал абинцам, тюлюберцам, баянцам и другим подгорным татарам уплатить алман Галдану, как его, дескать, раньше платили Сеньги-контайше, «выезжих белых калмыков» выслать на прежние их кочевья, грозя в противном случае войной и разорением «Кузнецкому» и другим русским городам³⁵.

И. Давыдов, подчеркнув добровольность и давность (21 год) выезда телеутов на царское имя, заявил, что ни «выезжие телеуты», ни абинцы, ни баянцы и тюлюберцы калмыцким тайшам алман с тех пор «не даывывали», а давали его до 1664 г. телеутскому князю Табуну Кокину³⁶. После того, как князь Табун «заворовал» и с 1664 г. ушел с р. Мерети, «выезжие телеуты», а также названные подгородные татары никому алмана не платили, а платили лишь ясак царю. Что касается высылки перебежчиков-телеутов, то воевода заявил, что «то они (посланцы хана.— А. У.) приказали не выразумев, своим безумством, а ни где то не повелено, что выезжих людей из государства отдавать и ни с которых государств выезжим людям выдачи и высылки не бывает» и Кегеню не будет. Это был категорический и обоснованный отказ. Шерешек в ответ на это грозил силой «добывать беглых калмыков»³⁷.

Таким образом, кузнецкий воевода оказался на высоте положения в качестве дипломата: он знал международное право

³⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 148, л. 254об. № 162, 163, л. 304об.—306; ДАН, т. VIII, № 15, XII, с. 41—42; № 44, VII, с. 162; ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 192.

³⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 192 и сл.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 162, л. 304об.; № 163, л. 305об.—306; ДАН, т. VIII, Спб., 1862, № 44, VII, с. 162.

³⁶ Ошибка воеводы: в 1664 г. во главе телеутов Улуса Абаковичей стоял еще Кока, а не Табун.

³⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 709, л. 195; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 163, л. 306об.—307.

о перебежчиках и твердо отказывал посланцам Галдан-хана в сборе алмана с «выезжих телеутов» и с других русских подданных, а также в выдаче беглецов. В то же время Шерешек не остановился пред угрозой воевать Кузнецкий уезд и силой возвратить «выезжих телеутов» в Джунгарию. Дело, однако, до войны не дошло.

5 июня 1681 г. в Кузнецке снова появились алманщики контайши — Сайчин, Мергеш, Кошеучин. Подобно своим предшественникам, они грозили войной, если с перебежчиков не будет дан алман. И. Давыдов снова дал им отповедь, заявив, что подобного прецедента он не знает: ни о каком алмане с юртовских татар и «выезжих телеутов» не может быть и речи, ибо, как подчеркнул он, «белые калмыки» выехали на цареву имя «своею волею»³⁸.

Таким образом, по нашему мнению, утверждения И. Я. Златкина о том, что Галдан-хан якобы во имя мира, дружбы и военного союза с Россией готов был забыть о своих кышtimas и о сборе алмана с них, правильны лишь наполовину: поскольку Русское государство, несмотря на свою кровную заинтересованность в мире с Джунгарией, тем не менее не шло на заключение военного союза с последней, то Галдан полностью своего требования об алмане и выдаче перебежчиков не снимал. Больше того: поскольку русские власти категорически протестовали против попыток контайши собирать алман со всех групп населения (в том числе и с «выезжих телеутов»), плативших ясак царю, грозя, в свою очередь, хану гневом великого государя³⁹, то Галдан-хан снова возвращался к требованию выдачи перебежчиков, т. е. предъявлял свои претензии в полном объеме. Только увязнув в войнах на востоке, Галдан (Бошту-хан) «забыл» про свои прежние требования о выдаче ему «выезжих телеутов» и других беглецов, нашедших убежище в русских уездах.

Сын Сеньги, Цэван-Рабдан, в бытность соправителем своего дяди Галдан-хана также предпринимал усилия дипломатическим путем возвратить «выезжих телеутов»⁴⁰. В 1673 г. просил вернуть ему 60 семейств беглых телеутов⁴¹. Правда, Цэван-Рабдан не добивался возвращения беглых телеутов с присутствующей предшественникам настойчивостью, не грозил войною русским уездам не только в годы совместного правления Джунгарией с Галдан-ханом, но и позже, в пору его единодержавия в ханстве, однако и не забывал об этой претензии. Так, когда в целях урегулирования взаимоотношений между Российской империей и Джунгарским ханством по указанию Петра I и

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 203—204.

³⁹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 246.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 568 и др.

⁴¹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 246.

Цэван-Рабдана были составлены реестры взаимных «обид» и претензий, накопившихся с 1658 по 1720 г., то в джунгарском перечне⁴² несколько пунктов составили упоминания о «захвате» русскими властями отдельных групп телеутов, начиная с «Тавжия с товарищи» в 1658 г. и кончая «пленением теленгута Сасака с одной кибиткою в 1711 г. В вину кузнецким обывателям ставился «захват» нескольких теленгутских аймаков в 1661 г.— «телиношев и протчих, которых будет более ста кибиток», а жителям Томска — «воспрещение» джунгарским алманщикам собирать алман от хана с 1662 г. с теленгутских аймаков — Мергеть, Булук, Мандус, Белтерь, Циол, Хара Томат, Келегей, Кипчак, Тодош, Териу, Ортогой, Тайчиот, всего с 13 аймаков числом кибиток «более ста». Совершенно очевидно, что в двух этих случаях речь идет о «выехавших» в 170 г. на царское имя телеутах, только события эти даются в джунгарской интерпретации (в перечне сообщается о «пленении» отдельных групп телеутов русскими властями, а фактически имело место добровольное принятие русского подданства последними).

Особо в джунгарском реестре говорилось о запрещении русских властей ойратам взимать алман с горных телеутов (таутелеутов), с тех сеоков, которые якобы силой были объясачены в 1715—1716 гг., а также о взимании воеводами ясака якобы «безо всякой причины и непонадлежности» с 9 волостей (Тагапская и др.) двоedanцев⁴³. Это говорит о том, что ясачный вопрос не потерял своей остроты и в первой четверти XVIII в., причем в нем существенное место занимает претензия о возврате «выезжих телеутов», высказанная в форме «обиды».

Преемник Цэван-Рабдана Галдан-Цэрэн (Галдан-Чирин) также не раз возбуждал дело о сборе алмана с ряда кузнецких, в том числе телеутских, волостей. Надо заметить, что к 30 гг. XVIII в. в состав некоторых телеутских волостей, например, Азкештимской, входила и часть бывших выезжих «ускатских калмыков» (телеутов). Правда, Галдан-Цэрэн уже не требовал возвращения перебежчиков, но настаивал на двоedanческом статусе названных волостей.

В 1738 г. в Кузнецк прибыли в сопровождении телеута Елбая посланцы Галдан-Цэрэна «с товарищами». Они доставили послание контайши кузнецкому воеводе. Текст письма гласил: «Кузнецкому воеводе, голова и лутчие люди. Татара кештимы тогулцы ете люди доселево мне алман плачивали, а ныне ваши стали. Зделаетца дела: половина етова алмана с радостью придет ко мне. После етова крепко будем жить и попрежнему совет-любовь иметь». Далее контайша предлагал возвратить пленных русских ратников и служилых татар при условии

уплаты двоedanцами его доли дани. В письме перечислялись волости и улусы, с которых хан хотел получить алман⁴⁴.

По справкам, наведенным Кузнецкой воеводской канцелярией, оказалось, что по указу Петра I джунгарские власти еще в 1724 г. были обязаны прекратить сбор алмана с этих двоedanческих волостей, и в 1726 г. сбор алмана с этих волостей был действительно пресечен. Привлеченные к опросу «бывалые люди» дворянин И. Максюков «с товарищи» показали даже, что «отрешен де оной алманной збор со оных волостей давать с войны Бойдоевой под Кузнецку назат де тому лет з двадцать в бытность в Кузнецку воеводы Бориса Синявина»⁴⁵.

Требования о сборе алмана с 7 двоedanческих волостей были предъявлены повторно, причем они обставлялись угрозами и фактически звучали как предлог к войне. Кузнецкий комендант Шапошников получил приказ — категорически заявить джунгарам, что эти волости издревле русские и контайше алмана никогда не платили, но что запрета на сбор алмана в пользу хана с подлинно двоedanческих волостей русские власти чинить не будут.

Учитывая напряженное положение на русско-джунгарской границе, Сибирская канцелярия предлагала коменданту Кузнецка «жить в опасении»: починить неисправное оружие, раздать лишние ружья городским обывателям, собрать у частных лиц порох и свинец и т. п. Эти меры предосторожности не были лишними, однако и на сей раз до войны между Россией и Джунгарией дело не дошло⁴⁶.

Таким образом, спор о «выезжих телеутах», о праве сбора с них дани длился чуть ли не целое столетие, почти до самого конца существования независимого Джунгарского ханства, павшего под ударами войск маньчжурской династии в конце 50-х гг. XVIII в.

Почему же эта проблема перебежчиков-телеутов оказалась столь важной для обеих сторон? Ведь, собственно говоря, их было не так много, во всяком случае значительно меньше, чем телеутов, которые попали под иго Джунгарии? По-видимому, дело состояло не столько в том, что переходом нескольких групп телеутов под власть России был нанесен серьезный ущерб ханской казне, сколько в самом прецеденте, в агитирующем примере этого перехода для других, в частности, остальных алтайских племен, находившихся под игмом Джунгарии: прогрессирующий рост перебежчиков на русскую сторону мог основательно ослабить Джунгарию. К. Маркс указывает в «Капитале»: «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов,

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 517, оп. 1, л. 99, л. 37—38, 63—64.

⁴⁵ Там же, л. 43, 63об.—64, 68.

⁴⁶ Там же, л. 71—79, 86об.—87, 89—96; д. 91, л. 1—6, 18—18об., 21, 24—24об.

⁴² ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1 и сл.

⁴³ Там же, л. 1—7об.

определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁴⁷. Эти слова, сказанные основоположником научного коммунизма об основах могущества феодальных господ у земледельческих народов сохраняют свое значение и по отношению к феодалам у скотоводческих народов.

Именно поэтому между феодалами нередко идет ожесточенная борьба за непосредственных производителей, за рабочие руки, за плательщиков ренты.

Большую остроту эта борьба приобрела и в Южной Сибири во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Но здесь она имела некоторые особенности: во-первых, феодальная рента в нашем примере выступает в виде дани, во-вторых, смена феодальных господ здесь нередко была сопряжена с переселением непосредственных производителей в другое феодальное государство, с принятием, в частности, русского подданства. Говоря о русских и «джунгарских феодальных господах» этого времени, мы имеем в виду как раз суверенов, т. е. феодальных государей России и Джунгарии.

Как джунгарские ханы, так и телеутские князья, долго сохранявшие значительную долю самостоятельности в пределах Джунгарии, прекрасно осознавали опасность продолжения практики перехода податного населения под эгиду русских властей. Недаром они обращают свой гнев против инициаторов принятия русского подданства. Как будто сговорившись, и хан Сеньги, и телеутский князь Табун Кокин обвиняют улусного князька Ирку Уделекова и особенно Балыка Кожанова в том, что они якобы посеяли смуту среди их подданных, а не только между царем и контайшей или царем и князем телеутов⁴⁸.

Напомним, что непосредственные владетели «выезжих телеутов» — телеутские князья также ставили перед русскими властями вопрос о выдаче перебежчиков. Такие попытки предпринимались уже в 50—60-х гг. Кокой. Сын Коки, кн. Табун, во время приема томского посла М. Ржицкого в 193 г. просил: «что де есть в Томском их белых колмыков их Табунковых (людей) и тех бы де людей государь пожаловал велел отдать».

Отправляя к Тубуну нового посла с. б. И. Вербицкого 31 октября 1685 г., томский воевода кн. Кольцов-Мосальский дал инструкцию передать телеутскому князю, что воевода «о выезжих белых калмыках, о людех ево» будет писать царю, без указа которого он не может решить этот вопрос и исполнить просьбу кн. Табуна⁴⁹.

Обращают на себя в связи с этим внимание два обстоятельства: 1) князь Табун высказал претензии об отказе вернуть

ему перебежчиков после того, как Галдан-хан уже перестал предъявлять такое требование, 2) Табун, насколько нам удалось проследить по содержанию русско-телеутских переговоров во время посольств 1686—1699 г., никогда больше своих требований на телеутов-перебежчиков не предъявлял. Не исключено, что в 1685 г., Табун требовал возратить не всех выезжих телеутов, а одну из последних групп.

Бросается также в глаза, что непосредственные владыки перебежчиков-телеутов никогда не ставили вопроса о возвращении беглецов в столь острой и категоричной форме, как это делали джунгарские ханы.

В свою очередь, русское правительство проявляло неуступчивость в вопросе выдачи перебежчиков. Правда, так бывало обычно в том случае, если они являлись плательщиками ясака. Если же перебежчики не были записаны в ясак, русские власти, дабы не обострять отношений с Джунгарией, иногда возвращали таких беглецов. Иллюстрировать это положение можно одним интересным фактом. Около 200 (1692) г. от Бошту-хана выехали в Кузнецк 10 мастеров, которые жили в городе и кормились «кузнечною работою». Это были Кобелечко Басуев, Устачка Талаев и другие, скорее всего, северные алтайцы (шорцы). Они делали и кюяки, и шлемы, и наручи и другое снаряжение и оружие. Цэван-Рабдан просил Петра I вернуть этих беглецов в Джунгарию. Русский царь, заботившийся в канун Северной войны о безопасности южных границ Русского государства, 27 февраля 1699 г. предписал кузнецкому воеводе возратить Басуева, Талаева и других в пределы ханства. Сибирским воеводам было строго указано впредь перебежчиков принимать «с опасением», чтобы не заводить лишних ссор с джунгарами⁵⁰.

В конечном счете борьба за «выезжих телеутов» закончилась победой Русского государства: они навсегда остались в его пределах, найдя здесь свою вторую родину.

Едва ли можно сомневаться в том, что наряду с другими причинами, которые обусловили такой исход борьбы, немаловажное значение имело нежелание перебежчиков возвращаться под иго отсталой феодально-племенной державы, каковой являлась Джунгария.

* * *

В связи с обзором дипломатических отношений между Русским государством и Джунгарским ханством по вопросу о «выезжих телеутах» есть смысл остановиться на некоторых ошибках и неточностях, содержащихся в монографии И. Я. Златкина

⁵⁰ ДАИ, т. X, Спб., 1867, № 80, XVIII, с. 391.

⁴⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 729.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1667, д. 3, л. 16 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 143, л. 247, № 180, л. 338.

⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 180, л. 338, № 181, л. 339об.—340.

«История Джунгарского ханства», не отмеченных нами выше.

По нашему мнению, И. Я. Златкин допустил некоторую путаницу в определении последовательности русских посольств, направлявшихся в Джунгарию в 60-х гг. XVII в., а также в датировке их. Он полагает, что первым из русских послов, побывавших у хана Сеньги, Чокура Убаши и других калмыцких владетелей был В. Бубенный, вторым — В. Литасов, третьим — П. Кульвинский и, наконец, В. Былин. Даты этих посольств по И. Я. Златкин; 9 ноября 1664 г. русские послы прибыли в улус 1667—1668 гг.⁵¹

И. Я. Златкин допускает тут ряд ошибок. Впрочем, в книге есть неточности и в освещении фактов, связанных с калмыцкими посольствами, прибывавшими в Томск в 60-е гг. XVII в.

Начнем по порядку.

1. Первое посольство от Сеньги, Чокура Убаши и Кегеня-кутухты прибыло в Томск не «осенью 1664 года», как пишет И. Я. Златкин⁵², а в декабре 172 г.⁵³ или, точнее, 27 декабря 1663 г., т. е. зимой 1663/64 г. Посольство насчитывало 12 чел., возглавляли его некие Мулла и Балбан (Мулла, по-видимому, не собственное имя, а духовный сан.—А. У.). Посольство прибыло с челобитьем Сеньги, Чокура Убаши и Кегеня-кутухты о приеме хана и владетельных князей в русское подданство «под высокую царскую руку».

2. Первым из русских посольств, отправленных в Джунгарию, к Сеньги-хану и другим калмыцким «владельцам» было не посольство В. Бубенного, как думает И. Я. Златкин, а посольство во главе с сыном боярским В. Литасовым. Даты, содержащиеся в документах, говорят о том, что выехало оно из Томска осенью 1664 г. (27 сентября 173 г.), а не в 1666 г., как считает И. Я. Златкин; 9 ноября 1664 г. русские послы прибыли в улус Чокура Убаши, а 4 апреля 173 г., т. е. в 1665 г., (опять-таки не в 1666-м), добрались до Урги хана Сеньги. В Джунгарию с В. Литасовым поехали «Лаба да Шарап з Баатаем».

В обратный путь, из «крайнего» Чокурова улуса посольство В. Литасова выехало 14 мая, в Томск прибыло 3 июля 173 г. (т. е. все в том же 1665 г.). С. В. Литасовым в Томск приехали послы Джунгарии Чин Кошеучин, Уланкар (Куланкар) и другие⁵⁴.

Вскоре после отъезда В. Литасова в Ургу в Томск прибыло посольство Чечен-Яйзана «с товарищи».

3. Не дождавшись возвращения В. Литасова, томские воеводы отправили в Джунгарию посольство во главе с с. б. В. Бу-

бенным. 12 июня 1665 г. (в документе, указана дата: 12 июня 173 г.)⁵⁵ это посольство добралось до Урги Сеньги, «кутухты» и других феодальных владык Джунгарии. Но уже в июле этого же года В. Бубенный был вынужден выехать в обратный путь. В дороге ему встретилось возвращавшееся из Томска посольство Чечен-Яйзана. По приказу хана русское посольство было возвращено в Ургу и принуждено было долго ждать нового приема. Вторая аудиенция была дана В. Бубенному только 20 апреля 174 г.⁵⁶ (1666 г., а не в июне 1666 г., как пишет И. Я. Златкин)⁵⁷.

В Томск посольство В. Бубенного прибыло в начале августа 1666 г. (статейный список его датирован 8 августа)⁵⁸. С ним приехали Уранка и другие калмыцкие послы.

Из всего сказанного выше следует, что В. Бубенный ездил в Джунгарию почти на год позже В. Литасова, а не наоборот, как получается по И. Я. Златкину. Кроме этих прямых свидетельств в пользу нашего мнения есть и косвенные данные: 1. В. Литасов не мог быть в Джунгарии позже В. Бубенного уже потому, что во время послования В. Бубенного упоминается о посольстве В. Литасова⁵⁹, наоборот, во время переговоров В. Литасова никаких упоминаний о предшествовавших ему посольствах России в Джунгарию нет. 2. В ходе переговоров В. Литасова с ханом Сеньги, с Чокуром Убаши, его детьми и Кегенем-кутухтой последние не поднимали вопроса о «выезжих телеутах», зато, начиная с посольства В. Бубенного, этот вопрос не сходит с повести дня. При той хронологической последовательности, какую предлагает И. Я. Златкин, становится непонятным — почему Сеньги и другие «калмыцкие владетели» решили сделать для В. Литасова исключение и не бомбардировать его требованиями о возврате беглых телеутов? 3. По И. Я. Златкину получается, что В. Литасов был в Урге в то же самое время, когда там томился В. Бубенный, ибо Литасов добрался до Урги якобы в апреле 1666 г., а В. Бубенный якобы вторую аудиенцию получил в июне 1666 г.⁶⁰. Получается, что Сеньги вел переговоры с Литасовым, не отпустив еще в Томск В. Бубенного, что В. Бубенный и В. Литасов затем едут домой друг за другом, ибо, по И. Я. Златкину, первый прибыл в Томск в начале июля, а второй — в начале августа 1666 г.⁶¹

4. По И. Я. Златкину, после посольства П. Кульвинского

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 91; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 2; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 151.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 96—97; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 5—6; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 154об., 158об.

⁵⁷ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 215.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623; ч. I, л. 97; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 6; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 154.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 95; ф. 126, оп. 1, 1665, д. 1, л. 5; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 81, л. 153.

⁶⁰ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 215.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 646, л. 94; стб. 623, ч. I, л. 97.

⁵¹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 214—221. Кстати, И. Я. Златкин неверно пишет фамилию В. Литасова — «Литосов». (Указ. соч., с. 215—216 и др.). Во всех случаях в документе (см.: ЦГАДА, ф. 214, стб. 646, л. 83, 84 и др.) эта фамилия четко написана через «а».

⁵² Златкин И. Я. Указ. соч., с. 214.

⁵³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 646, л. 83.

⁵⁴ Там же, л. 84, 88, 92, 94 и др.

в Джунгарию было направлено посольство с б. В. Былина и затем до 1670 г. русских послов там не было. Но еще в 1853 г. в «Дополнениях к актам историческим» (V том) был опубликован «Статейный список о посольстве сына боярского Матвея Ржицкого в улусы к Черным Калмыкам». Томский воевода Н. А. Вельяминов и дьяк В. Г. Шпилькин отправили в Джунгарию М. Ржицкого и вместе с ним посланца Сеньги — Иши осенью 1668 г. Послы прибыли в Ургу 28 октября 177 г. (1668 г.), но только 14 марта 1669 г. получили аудиенцию у Сеньги. Статейный список Ржицкого датируется 15 августа 1669 г.⁶²

Все эти даты говорят о том, что именно М. Ржицкий, а не В. Былин был последним по времени (до 1670 г.) русским послом к хану. Об этом говорит и упоминание М. Ржицким в ходе переговоров о том, что хан, принимая В. Былина, допустил выпад против царской чести (сядя, спрашивал о здоровье царя, подарки принял «нечестно» и т. п.), за что выслушал от М. Ржицкого «выговор».

Кроме того, посол пенял хану за разорение им качинцев и аринцев во время похода Сеньги и сына Чокура-тайши в 1667 г. против Лоджана халхасского; добивался, не сам ли хан послал воинов разорять население Киргизской земли; жаловался на «грозы» киргизского князя Ереняка, собиравшего ясак на хана с мелесских и ачинских волостей, которые от основания Томска ханам «ясаку не давали»; на «Кокиных людей», разоривших в 1668 г. монастырскую деревню Пачу и пр.; на отсутствие сыска со стороны хана по этим «грабежным делам».

В свою очередь, Сеньги протестовал против того, что его послов якобы морили голодом, а Иши будто бы даже сажали в тюрьму, оправдываясь за действия кн. Коки и Ереняка, утверждая, что они «собою замышляют» и «смучают» его с парем, обещал сыск им чинить⁶³.

Много места в переговорах, как уже было отмечено выше, занимал вопрос о возвращении «выезжих белых калмыков» и других перебежчиков.

Таким образом: 1. После посольства В. Былина до 1670 г. (в 1668—1669 гг.) в Джунгарии побывало посольство М. Ржицкого. 2. Оно проливает (вопреки мнению И. Я. Златкина) некоторый свет на отношения между Россией и Джунгарией в 1668—1669 гг. 3. В частности, оно обсуждало вопрос о телеутах — перебежчиках. 4. Судя по тому, что послы называют нападавших на русские деревни телеутов «Кокиными людьми», можно думать, что в 1668—1669 гг. князь Кока был еще жив, иначе бы их именовали «Табункиными людьми». 5. Хан Сеньги считает

⁶² ДАН, т. V, Спб., 1853, № 92, с. 418—421.

⁶³ Там же.

«Кокиных телеутов» зависимыми от себя, коль скоро обещает сыскать и чинить указ им за самовольные набеги.

Отмеченные неточности и ошибки И. Я. Златкина следует иметь в виду при использовании его несомненно важной и интересной монографии.

Глава IV

«ВЬЕЗЖИЕ БЕЛЫЕ КАЛМЫКИ» НА СЛУЖБЕ У РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(вторая половина XVII — начало XVIII в.)

Каково же было положение «выезжих телеутов» под властью России? Что представлял собою их юридический статус? Что характерно для служебного положения их в системе вооруженных сил Томского и Кузнецкого уездов XVII—XVIII вв.?

Прежде всего, переход телеутов в русское подданство оформлялся совершением обряда шерти, т. е. присяги. Шерть давалась принимавшими подданство по «своей правде». Текст шертовальной присяги содержал клятву о вечном и неотступном подданстве и прямом холопстве русскому царю, о регулярной уплате в казну ясака и другие обязательства.

Дача клятвы сопровождалась совершением обрядов магического характера. Из таких обрядов, известных у народов Сибири, С. В. Бахрушин называет в частности: дитье с золота (так обычно присягали знатные люди), питье собачьей крови, прохождение между половинками рассеченной собаки, клятву на медвежьей голове, присягу на медвежьей шкуре, клятву пищей и т. п.¹ П. Небольсин упоминает еще лизание окровавленной сабли, которой рубили собак. Эту саблю держали над головой шертующего, пока он произносил слова: «секи мою голову та вострая сабля»².

Мы не знаем, какие обряды совершали рядовые телеуты, принимая подданство, можно думать только, что они были попроще.

Все «белые калмыки», принявшие подданство, были обложены ясаком. Уже Кошпак (Кошнакай) и 4 его соплеменника, жившие на р. Ускат, в 1633 г. и даже раньше платили ясак. Судя

¹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в.—«Сибирские огни», 1927, № 3. См. его же примечания к I тому «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера на с. 487—490; Шунков В. И. Ясачные люди Западной Сибири XVII в.—«Советская Азия», 1930, № 3-4.

² Собрание государственных грамот и договоров, т. II, № 145, т. IV, № 197; Небольсин П. Покорение Сибири. Спб., 1849, с. 129.

по данным ясачных книг, они вносили по 1 соболю со взрослого мужчины³.

Эта норма обложения оставалась для «выезжих телеутов» неизменной на протяжении всего XVII в.: независимо от того, сколько было перебежчиков — группа семей или одна семья, единицей обложения являлся взрослый мужчина⁴.

Норма обложения «выезжих телеутов» зафиксирована не только приведенными выше актами, но и погодными ясачными книгами⁵.

Мы видим, что эта норма обложения является льготной: таким ясаком облагали лишь лиц, добровольно принявших подданство. Эта льгота имела большую притягательную силу и была рассчитана на то, чтобы звать «под высокую руку» царя всех тех «иноземцев», кто еще не принял подданства. Еще в начале XVIII в. норма обложения «выезжих телеутов» ясаком оставалась прежней.

Но затем она для некоторых перебежчиков была увеличена в 2 раза. Так, в ясачных книгах Томского уезда за 1706—1718 гг. встречается имя телеута, ясачного человека Шаты Бойдоева, крестившегося 6 июня 1712 г.: «а положено на него ясаку платить в Томску по два соболя на год». Эту же норму платили телеуты «новокрещены Семен Колобков с 1715 г., а также Мишка и Машка Буянаковы, Чучка Барсугачев — тоже с 1715 г.»⁶

Как и по всей Сибири, при уплате ясака телеутами допускалась замена соболиных шкурок лисьими, бобровыми, горностаевыми и другими, даже лосиными (тогоушинами), по общепринятому эквиваленту с некоторыми отклонениями от него⁷.

Новая норма обложения сохранялась в течение всего XVIII в. В 60—70-х гг. XVIII в. шкуру соболя при уплате ясака можно было заменить 5—8 горностаями, 25 белками или 1 тогоушиной. Тем, кто осел и занимался земледелием, разрешалось платить ясак деньгами — по 1 р. 50 к. с души, т. е. допускалась замена натурального ясака денежным. Тем, кто продолжал кочевать, такая замена запрещалась: они были обязаны платить ясак натурой⁸.

Ясак раскладывался по «аймакам» в соответствии с числом взрослых мужчин, так как единицей обложения оставалась

³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 494; Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II. М.—Л., 1937, прилож. 314; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (нов. сер.). М., 1960, с. 106, табл. 34.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 432, 432-а; стб. 1071, ч. III, л. 22; оп. 5, ед. хр. 632, л. 2—2об.

⁵ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 886, л. 39об.—41об., кн. 1400, л. 128; Долгих Б. О. Указ. соч., с. 106, табл. 34.

⁶ Кузнецов-Красноярский И. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706—1718 гг. Томск, 1893, с. 47, 72, 74, 80, 102, 113.

⁷ Кузнецов-Красноярский И. Указ. соч., с. 80, 102, 113.

⁸ Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, изданное Академией наук. Т. VI. Спб., 1824, с. 546.

мужская душа. Все члены аймака в податном отношении (имеется в виду уплата ясака) были связаны принципом круговой поруки. Если башлыки (а они ведали раскладкой ясака внутри аймака) освобождали от уплаты ясака престарелых мужчин (как это обыкновенно делалось), то приходившаяся на них доля ясака раскладывалась на остальных членов аймака.

Местами внесения ясака в казну оставались Кузнецк и Томск⁹.

И. Фальк свидетельствует, что при сдаче ясака ясачных людей кормили хлебом, поили пивом и водкой, как и в старину, т. е. в XVII в. Сдавшие лучшие меха получали подарки одеждой¹⁰. И. Георги уточняет: вином и пивом потчевали не всех ясачных а только башлыков и лучших людей.

Итак, принявшие подданство телеуты фактически причислялись к категории ясачных людей, но ясак, который они вносили, был льготным.

Но во второй половине XVIII в. часть аймаков, по-видимому, была освобождена от обязательного внесения в казну ясака. «Некоторые аймаки, — пишет И. Георги, — вместо подушного оклада исправляют на границе Казацкую службу»¹¹.

Кроме ясака «выезжие телеуты» вносили (правда, не все и не всегда) поминки. Так, самые ранние «выходцы» на р. Ускатни в 1636, ни в 1642 г., ни позже поминок не платили¹². На первых порах «выезжие телеуты» в залог своей верности давали аманатов. В челобитной 1673—1674 гг. они писали: «...и на аманацком дворе поочередно седим».

7 марта 1667 г. в Кузнецке посланец Сенги Читыртка Уланка Матур, требуя выдачи «выезжих белых калмыков, указывал: «ныне те белые колмаки кочуют под Кузнецким острогом и вам, великим государям, ясак с себя по соболю с человека дают на год и заклады на оманацкий двор те белые колмаки по переменах дают...»¹³

Наконец, большинство телеутских перебежчиков, оказавшись под властью «белого царя», сразу же и в обязательном порядке было привлечено к несению военной, подводной (ямской) и других повинностей, хотя формально многие не были «верстаны» в «государеву службу». Еще до 1633 г. ускацкие калмыки Кошнакай и его товарищи, кроме уплаты ясака, «государеву службу служили в Кузнецком остроге»¹⁴.

Конечно, прежде всего это была военная служба. Выше отмечалось, что в Томске уже в 1627 г., наряду со служилыми чацкими мурзами, на военной службе числились и телеутские

⁹ Георги И. Указ. соч., кн. II, с. 156—157.

¹⁰ Записки путешествия акад. Фалька..., с. 546.

¹¹ Георги И. Указ. соч., с. 156—157.

¹² Долгих Б. О. Указ. соч., с. 107.

¹³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 74; ч. II, л. 432.

¹⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, прил. 314.

мурзы. Подобно чацким мурзам, они были поверстаны в службу, и, следовательно, получали оклад — денежное, хлебное и соляное жалование. Вскоре после первого группового выхода телеутов «на царское имя» в 1651 г. верстаны были на службу в Томске конными казаками «калмыки» Тимек и Малота Васильевы, а их дядья были зачислены в гарнизон по разряду чацких мурз¹⁵.

Поверстаны были в службу и кузнецкие «выходцы» 1651 г., в частности С. и Т. Ергулаковы. В челобитной «выезжих белых калмыков» и абинских татар Кузнецка, несших служилую и подводную службу (от 14 января 1674 г.), прямо указывалось, что они «всякие службы в Кузнецком остроге служат»¹⁶.

«Приверстанье» отдельных «выходцев» из числа телеутов продолжалось и позже. При этом предпочтение нередко отдавалось крещеным телеутам. Так, 17 февраля 1665 г. царской грамотой был зачислен в томские казаки «калмык» Ивашка Васильев. Он был крещен и вывезен из Сибири томским воеводой Н. Нащокиным (1652—1656 гг.), но бежал от своего господина и возвратился в Томск, где служили его «родители» (дядья) и братья Малота и Тимек.

Зачисление одиночек на службу из числа «выезжих телеутов» производилось при наличии вакансий, так называемых «убылых мест».

При поверстанье в «убылые места» телеутов принимались меры предосторожности, чтобы исключить их «измену». Так, разрешив поверстать И. Васильева в «место» Шитова, переведенного в толмачи Посольского приказа, в оклад последнего, царская грамота обязывала томских воевод не только привести И. Васильева «к вере» (присяге), но и «собрать по нем поручную запись», что «ему, Ивашку, нам, великому государю, служить, никуда не изменять и из Томского ни в какие в неверные земли не отъезжать, и над нашими государевыми всяких чинов людьми с изменники кикакого дурна и убийств смертных не учинити». Поручители должны были извещать про его «измену и шатость» под страхом смертной казни. Родственники И. Васильева были обязаны «беречь и смотреть накрепко, чтоб он не изменил и безвестно никуда не отъехал». За «измену и шатость» самому И. Васильеву также грозила смертная казнь^{16а}.

Телеуты, принявшие подданство в 1661—1662 гг., в массе не были поверстаны в службу. Сначала только отдельные из них, обычно крещеные, зачислялись на службу в «убылые места». В качестве примера приведем верстанье «Петрушки Иванова сына Буйги», родом «калмыка», который при воеводе Бутурлине

(1660—1665 гг.) выехал «из своей калмыцкой Телеутской земли», а «при воеводе Миките Вельяминове» (1667—1670 гг.) принял крещение и был верстан в конную казачью службу. Оклад ему был установлен в 7 руб. с четью и в 2 пуда соли. П. И. Буйга хлебного жалованья не получал, так как к нему перешла пашня его предшественника по службе¹⁷.

О массовом приверстанье телеутов выезда 1661—1662 гг. на военную службу вопрос был поставлен позже, причем на этом настаивали сами «выходцы на государево имя». Дело в том, что первые 8 лет после «последнего выезда от князца Коки Абакова» (170 г.) «выезжие телеуты» наравне с русскими казаками несли конную военную службу, что вменялось им в обязанность при даче шерти. Воеводы сразу же стали привлекать их к участию в отражении вражеских набегов на уезды. Так, в 1666 г., когда на Томский уезд напали Кокины «белые калмыки» Батанайко «с товарищи» (всего в дружине Батаная насчитывалось 20 чел.), «выезжие белые калмыки» Балык Кожанов, его братья и соплеменники вместе с русскими воинами «гонялись» за нападавшими и «побили» их на улусе¹⁸.

«Гоньба» за участниками набегов, будь то киргизы или соплеменники «выходцев» — Кокины, Табуновы, Мачиковы телеуты — стала постоянной обязанностью «выезжих телеутов». В одной из своих первых челобитных они прямо пишут о том, что всякий раз, как «белые калмыки под Томские уезды и деревни приезжают и у служилых людей и у пашенных крестьян лошадей и всякой скот отгоняют, и они («выезжие телеуты». — А. У.) за ними в погоню ездят»¹⁹.

Военные походы и «посылки» отрывали телеутов от хозяйств иногда на долгое время, а это не могло не сказаться на состоянии последних. Кроме того, не говоря уж о риске для жизни, военные походы были сопряжены с довольно значительными материальными затратами (экипировка воина, боевого коня, фураж, продовольствие и др.). В условиях похода удобнее было пользоваться русскими продуктами питания — мукой, солью и др. А между тем телеуты, хотя они и несли военную службу, «государева жалованья» ни деньгами, ни хлебом, ни солью не получали. Такое положение не устраивало «выходцев».

Естественно, что «выезжие телеуты» были заинтересованы в поверстании их в военную службу, так как с этим было связано заметное улучшение их материального положения. Кроме того, поверстание в службу узаконивало, конституировало их положение в Русском государстве, так как фактически почти уравнивало в правах с русскими служилыми. Вот почему «выезжие телеуты» усиленно добивались зачисления их на

¹⁵ Кузнецов-Красноярский И. Исторические акты XVII столетия. Томск, 1890, с. 22—23.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 428—429 об.

^{16а} Кузнецов-Красноярский И. Указ. соч., с. 22—23.

¹⁷ Томск в XVII в. Томск, 1912, с. 69 (изд. В. А. Горохов).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 324.

¹⁹ Там же.

русскую военную службу и получения за это полного оклада жалованья.

В 7178 (1670) г. 45 «выезжих телеутов» Томского уезда во главе с братьями Кожановыми били челом царю о поверстывании их «в оклад», т. е. на военную службу. В челобитной указывалось, что еще в 7170 г. телеуты выехали на цареву имя «со всем своим кочевьем з женами и з детьми», «для того слыша великих государей к их братье иноземцом милость и жалованье...» Отметив, что они фактически служат разные службы и «кровь льют», и приведя в пример участие их в погоне за Батанаем в 1666 г. вместе с русскими служилыми людьми телеуты жаловались, что они «в службу не поверстаны» и что «повся время скитаютца меж дворы». Челобитчики просили царя поверстать их в службу «против» чацких и томских татар, а также разрешить поездку в Москву их делегатам для устного челобитья в Сибирском приказе по этому вопросу и другим нуждам²⁰. Прощение было подписано братьями Кожановыми, Бураем Мамуровым и другими. Вместо подписей на нем фигурируют так называемые «знамена» в виде рисунков, изображающих разные типы лука со стрелой.

Томские воеводы направили челобитье «выезжих телеутов» в Москву с сыном боярским Романом Старковым, выехавшим в столицу с соболиной казной.

В Сибирском приказе прошение телеутов было внимательно изучено. По содержанию прошения был подготовлен доклад царю Алексею Михайловичу. Приказные служители приготовили выписку (справку) о размерах жалованья чацких и томских татар. По этой справке Сибирского приказа чатские татары получали в это время денежное жалование в пределах от 5 до 9 руб., а томские (еуштинцы) от 2,5 до 8 руб. Все служилые татары (и чаты и еушта) получали из казны также соляное жалованье — от 1,5 до 3,2 пуда. Отдельным из них, по всей видимости, не имевшим пахотных земель, платили, кроме того, хлебное жалованье в размере 2 четей ржи и 2 четей овса²¹. 2 ноября 1670 г. о челобитье выезжих томских телеутов было доложено царю Алексею Михайловичу.

Царь удовлетворил просьбу челобитчиков о посылке в Москву делегации «выезжих телеутов», но не решил вопроса о поверстании их в службу. В резолюции на челобитье повелевалось «выезжих белых калмыков» за их службу «похвалить и сказать ево государево милостивое слово, чтоб на то смотря иные их братья также ево государеву милость поискали, приехали служить, а им ево государева милость и жалованье будет». Воеводам Томска было указано отправить в Москву 2—3 вы-

борных делегата из «выезжих телеутов» для устного челобитья в Сибирском приказе.

По царской резолюции в приказе была написана указная грамота томским воеводам Н. Вельяминову, Д. Монастыреву и дьяку В. Шпилькину, подробно перелагавшая текст челобитья телеутов и содержание царского повеления. 28 ноября 1670 г. эта грамота была отправлена дьяком Львом Ермолаевым в Томск с с. б. Р. Старковым. По нашим подсчетам, Р. Старков должен был вернуться в Томск весной 1671 г., и тогда же, исполняя повеление царя, воеводы должны были направить в Москву телеутскую делегацию. Однако эта делегация была направлена в столицу не раньше весны 1672 г. В чем причины задержки в исполнении царского указа почти на целый год — мы не знаем.

Во всяком случае, только 25 октября 1672 г. делегация прибыла в Москву. Ее возглавлял Балык Кожанов. В состав делегации входили также брат Балыка Кочканачко Кожанов и Иртыгачко (Ертыгачко) Чюрин. Кошем делегации ведал кошевар Бюрончишко Бохтин.

В Сибирском приказе телеутские делегаты были пожалованы «за сибирский приезд и выход и сукном и поденным кормом и питьем»²².

За «выход» «на государево имя» каждому делегату было пожаловано по 5 руб., а кошевару Б. Бохтину — 3 руб. Поденный корм был определен Балыку Кожанову и его товарищам из расчета — по 8 денег делегату и по 5 — кошевару, а поденное питье — каждому делегату — по 4 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 кружки меду, а кошевару — вдвое меньше.

29 октября 1672 г. Балык и его товарищи били челом царю о выдаче им по примеру «выезжих» красноярских татар нарядного платья. 25 ноября делегаты «выезжих телеутов» были приглашены на прием к царю Алексею Михайловичу. Подробности о том, как прошла эта «высочайшая аудиенция», нам, к сожалению, не известны. Известно лишь, что делегаты действительно «были у руки великого государя» и били челом о жалованье и своем выходе на его имя²³.

Алексей Михайлович не обошел телеутских делегатов своей «государской милостью»: все делегаты получили за «выход» на царское имя по 2 руб., а кошевар Бохтин — 1 рубль. Каждому из них, включая кошевара, царь подарил по паре яловых сапог русской работы. Для отопления своей «резиденции» каждый из делегатов получил по возу дров. Кочканак Кожанов и Иртыгач Чюрин были пожалованы красными однорядками с кружевами (ценою в 5 руб.), «кофтанами» (по 4 руб.), шап-

²⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 314, 323—324, 326—327, 403—404 и др.

²¹ Там же, стб. 623, ч. I, л. 324.

²² ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 326—326об., 328—330, 403—405.

²³ Там же, л. 406—410, 412, 413.

ками, отороченными соболями (ценою в 2 руб.), а кошевар Б. Бохтин — отрезом сукна. Глава делегации Балык Кожанов получил в подарок от царя самое дорогое и нарядное платье: красную отделанную кружевами однорядку ценою в 6 руб., кафтан ценою в 5 руб. и отороченную соболем шапку ценою в 3 руб. Каждая из подаренных ему вещей стоила на 1 рубль дороже, чем вещи, полученные его спутниками²⁴.

Едва ли можно сомневаться в том, что аудиенция 25 ноября 1672 г. с торжественным выходом самого царя к делегатам в роскошной златотканной одежде, в бармах и в шапке Мономаха, со скипетром и державой в руках, рынды и бояре, окружавшие трон, «всемиловитый» допуск делегатов к лобызанию царственной руки, августейшая щедрость по отношению к ним произвели неизгладимое впечатление на посланцев «выезжих телеутов».

После приема в царских палатах Балык и его товарищи еще долго жили в Москве. В это время И. Чюрин и братья Кожановы обратились к Алексею Михайловичу с личными челобитьями.

В частности, И. Чюрин 28 ноября 1672 г. бил челом о возвращении ему шести его «природных дворовых людей» Еголыковых (Ергулаковых). Эти люди сбежали от него в Кузнецкий острог. Беглые «дворовые» увели с собой 5 принадлежавших Чюрину лошадей. И. Чюрин жаловался, что кузнецкий воевода Доможиров «неведомо для чего» не отдает ему ни людей, ни имущества, хотя Ергулаковы в службу не верстаны и ясака якобы не платят.

Резолюция царя на челобитной И. Чюрина гласила: отдать и людей, и «животы» челобитчику. Кузнецкому воеводе Доможирову 30 декабря 1672 г. была направлена указная грамота, предлававшая провести розыск по челобитной И. Чюрина и возвратить ему его «дворовых» и лошадей, если подтвердятся его показания о владельческих правах на людей и «живот».

Когда в Кузнецке начался розыск по жалобе И. Чюрина, то 46 кузнецких «белых калмыков» и абинских татар, несших военную и подводную службу, во главе с Урюячкой Осмияковым в свою очередь ударили челом царю, объявляя челобитые И. Чюрина ложным, ибо Ергулаковы выехали на царское имя еще в 1651 г. Отметив, что они в Кузнецке служат всякие службы, челобитчики просили не переводить указанных лиц в Томск, ибо, если это случится, тяготы челобитчиков по службе возрастут²⁵.

Чем закончилась эта тяжба, мы не знаем. В данном случае интересы телеутского феодала столкнулись с интересами русского феодального государства, и последние, надо полагать,

возобладали над первыми: русские власти не были заинтересованы в ослаблении военных сил «украинного» Кузнецкого уезда, постоянно подвергавшегося нападениям со стороны енисейских кыргызов, ойратов, телеутов и других соседей.

Братья Кожановы и И. Чюрин подали также челобитную на приказчика пашенных крестьян Сосновского острога Дорофея Зайцева, который в 1670 г. «чинил им налоги большие, бил их и увечил и в железа сажал для своей бездельной корысти и вымучил у них два бобра карих да лисицу черночеревую». У Бакмаса Кожанова дворовые люди приказчика Иван Вясгихин «с товарищи» по приказу Д. Зайцева украли сено с покоса, а когда Балык с сыном в присутствии многих людей приказчика «ополишнил» (т. е. уличил, поймал с поличным.— А. У.), то последний бил Балыка в своем дворе «железами ножными» («кайдалами») и пробил ему голову, «...и он Балык от тех ево (Зайцева—А. У.) побоев болеет». В челобитной названы были свидетели варварского избиения Балыка — игумен Алексеевского монастыря Варлам и поп Каринской волости Порфирий Иванов²⁶.

30 декабря 1672 г. царь Алексей Михайлович повелел томскому воеводе И. Ф. Монастыреву сразу же по получении указной грамоты и возвращении из Москвы челобитчиков учинить розыск. Приказано было имущество (меха), «вымученное» приказчиком, вернуть челобитчикам, а с самим Д. Зайцевым поступить по царскому указу. В грамоте была указана и мотивировка решения — чтобы и от «иных людей изгони и обиды» «белым калмыкам» не было²⁷.

Такое решение было продиктовано трезвым политическим расчетом: если царская власть не будет брать под защиту переезжчиков от произвола воевод и приказчиков, то приток «выходцев» уменьшится и может даже начаться обратный процесс, а это нанесет ущерб и царской казне, и военным силам сибирских уездов, и политике царизма в Сибири.

Весной 1673 г. телеутские делегаты возвратились в Томск. Их миссию, по-видимому, нельзя признать удачной. Правда, сами делегаты получили подарки, «государево жалованье» «за сибирский выход», были удовлетворены частично их личные челобитные. Однако общественные нужды, просьба всех «выезжих 45 телеутов», очевидно, не были удовлетворены — «выходцы» не были немедленно поверстаны в оклады. Судить об этом можно на основании данных так называемой «стрельной книги» Томска за 1676 г., где названы все категории военнотружущих гарнизона и их численность. Так, детей бояр-

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 417—418об.

²⁵ Там же, л. 420—421об., 422, 428—431.

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 423—423об.

²⁷ Там же, л. 424—426.

ских насчитывалось 83 чел., литвы и конных казаков — 296, пеших стрельцов — 500,6 пушкарей, 3 толмача, 1 атаман стрелецкий, 14 качинских служилых татар. Весь гарнизон Томска состоял из 920 чел.²⁸

Во-первых, тут не названы «белые калмыки», хотя нам известно, что с 20-х гг. XVII в. на томской службе наряду с еуштинцами и чатами были «выезжие телеуты», что в 50-х гг. еще некоторые «выходцы» из телеутов были поверстаны в службу. Их не могли включить ни в число конных казаков и литвы, ни в категорию пеших стрельцов.

Во-вторых, общее число (920) не совпадает с суммой чисел, указанных в перечне, оно больше на 18 единиц. Есть основания считать, что в число 18 входят и «выезжие телеуты» и что они просто были пропущены в росписи.

Однако все это не позволяет говорить о поверстании в оклады всех 45 «выезжих телеутов», наоборот, в 1676 г., по-видимому, либо никто из них не был поверстан в службу, либо получили оклады лишь отдельные лица, как это мы видели на примере поверстания И. Васильева.

Не были поверстаны в массу и кузнецкие телеуты «последнего выезда». Тот факт, что челобитная кузнецких телеутов от 1673 или 1674 г., поданная от имени 71 чел., перечисляет различные службы их (службу на станицах и на городских караулах и т. п.), еще ни о чем не говорит. «Строельная книга» Кузнецка за 1676 г. называет 16 детей боярских, 106 пеших и 82 конных казака, 2 атаманов, 4 пушкарей и 21 служилого татарина (всего 232 чел.)²⁹. «Выезжих телеутов» нет и в кузнецком перечне. Если даже в число 21 вместе с абинскими татарами включено несколько телеутов, то это опять-таки еще ни о чем не говорит, ибо основная масса «выходцев» 170 г. оказывается не поверстанной в оклады.

Таким образом, ни томские, ни кузнецкие «выезжие телеуты» «последнего выезда», несмотря на их челобитья еще спустя 5 лет, после обращения к царю с просьбой о поверстании их в оклады, не включались в общее число служащих томского и кузнецкого гарнизонов. Очевидно, они привлекались к военной службе на правах вспомогательных отрядов, находившихся на своем кошту.

Но уже с 1678 г. кузнецкие «выезжие телеуты» значатся в числе служилых людей, получающих «государево жалованье». Правда, трудно сказать, все перебежчики или только часть их были поверстаны в службу. В одном из документов упоминается о выдаче группе «выезжих телеутов», посланных в 1678 г. в Москву, «государева жалованья» «для их бедности»³⁰. Из

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 423.

²⁹ Там же, стб. 709, л. 425.

³⁰ Там же, стб. 897, л. 370.

текста акта неясно, были ли это люди, сопровождавшие соболиную казну, или челобитчики. Мы считаем, что скорее всего это были делегаты кузнецких «выезжих телеутов», получивших, по примеру томских телеутов из группы Б. Кожанова, разрешение бить челом царю о своих нуждах. В таком случае это была вторая делегация челобитчиков от «выезжих телеутов». Впрочем, под челобитьем Балыка Кожанова и других томских телеутов от 1670 г., как уже отмечалось выше, есть приписка, что «за всех» телеутов бил челом и некто Бактычко или Бактычомко (Баскаулко?) Момрачев. Если это речь идет о Баскауле Момрачеве, главе кузнецких телеутов, то надо полагать, что челобитье от 1670 г. было составлено не только от имени томских, но и от имени кузнецких телеутов. Однако на л. 323 среди «знамен» челобитчиков Балыка и Башлыка Кожановых, Бурая Мамурова и других нет «знамен» Б. Момрачева и Батая Кожанова³¹. По-видимому, хотя челобитье 1670 г. было составлено от имени всех «выезжих телеутов», в составе делегации 1670 г. представителей от кузнецких телеутов не было.

Итак, в 1670—1678 гг. многие «выходцы» были верстаны в службу. Однако позднее, уже в начале XVIII в., мы видим и в Томске и в Кузнецке наряду с «верстанными» телеутами и «неверстанными» в оклад «выезжих белых калмыков».

Причины проволочек в решении вопроса о массовом поверстании «выезжих телеутов» «последнего выезда» в оклады следует искать в нежелании царских властей нести дополнительные расходы на содержание гарнизонов Томска и Кузнецка, тем более что, принимая русское подданство, «выезжие телеуты» давали обязательство служить царю, ходить в походы против всех его «непослушников и изменников» и т. п. Телеуты имели боевых коней, собственное оружие дальнего (лук и стрелы) и ближнего (сабли, селемы, копыя и пр.) боя. Фураж для их коней составлял подножный корм, основной пищей самих воинов было мясо. Царские власти, довольствуясь той службой, которую несли телеуты, считали, что в зачислении их в оклад нет необходимости. К этому прибегали лишь в случае появления «убылых мест». Такая практика имела место не только в XVII, но и в первой четверти XVIII в.

Так, в 1707 г. сын «выезжего белого калмыка» Баскаула Новокрещена, служившего на разных службах в Кузнецке и убитого при набеге Матура-тайши на острог в 1682 г., Семен Кречетов сначала платил оброк по 40 алтын, а затем по челобитью 1707 г. был записан в казачью пешую службу с окладом в 5 руб. в год и пр.³²

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. I, л. 323.

³² Там же, оп. 5, ед. хр. 1199, л. 45—45об.

Несмотря на это, «выезжие белые калмыки» являются непременными участниками всех военных походов, наряду с чатскими, томскими и абинскими татарами.

Документы отмечают активную роль Балыка Кожанова и его телеутов в разгроме «изменников» — князя Ирки Уделекова, Баскаула, а также тайши Донжина в 1673 г.

«Выезжие белые калмыки» во главе с Балыком участвовали в походах Р. Старкова и П. Лаврова, в боях его с войском князя Табуна³³.

В 1673—1675 гг. они участвовали в обороне Кузнецкого уезда, «гоняясь» за „воровскими“ телеутами Ивана Бая, телесцами из отряда новокрещена Васьки Кривого, бежавшего из Кузнецка³⁴. В 1673 г. „выезжие телеуты“ приняли участие в походе отряда под командой И. Бедаря на устье Чумыша, где был бой с „воровскими людьми“ „Кокина улуса“³⁵. В конце 1679 — начале 1680 г. сводный отряд томских и кузнецких служилых людей под командой Романа Старкова и Ивана Гречанина совершил поход в Киргизскую землю. В нем участвовали «выезжие телеуты» Томска и Кузнецка³⁶.

В 1682 г. был организован большой поход (с участием около 1000 служилых) против киргизских феодалов; возглавлял его И. Суворов и Кольцов-Мосальский. «Выезжие белые калмыки» Томска и Кузнецка опять-таки были привлечены к участию в нем. Поход окончился неудачей. При вынужденном отступлении по вине И. Суворова русский отряд потерял 61 чел., среди них были и «выезжие белые калмыки»³⁷.

В том же 1682 г., когда под Кузнецк подошли рати Матура-тайши, «выезжие телеуты» снова участвовали в боях «и многие из нас, сирот твоих, — писали Давыд Торгаев и другие в челобитной дарю, — побиты, а иные в полон побраны»³⁸. По данным воеводской отписки П. Дубровского (Кузнецк), кроме 13 русских и 8 абинцев, было убито 4 «выезжих телеута» в бою и 19 «выезжих белых калмыка», которые побежали с бою» (т. е., видимо, при отступлении. — А. У.), несколько человек попало в плен, один из них бежал из плена и сообщил русскому командованию ценные сведения о потерях противника³⁹.

18 сентября 1700 г., когда киргизские князьки Таин — Иркин сын Тангыт и сын Ереняка Корчин, совершенно неожиданно

напали на Кузнецк, «выезжие белые калмыки» вместе с русскими и татарами обороняли город, бились на «выласках» и т. п. В этих боях погибло 7 чел., было взято в плен около 100 «выезжих телеутов», отогнаны их стада⁴⁰. Телеуты в составе отряда Т. Сорокина приняли участие в погоне за ними и в бою отбили часть своего «живота»⁴¹.

В отрядах О. Качанова и С. Цыцурина, совершивших походы в Киргизскую землю в 1703 г., также участвовали более 30 «выезжих телеутов». В 1708 г. Иван Максюков погромил отряды князьков Моногоча и Аюгана. Под его началом вместе с другими дралась и 64 «выезжих белых калмыка», возглавляемых Давыдом Торгаевым⁴².

В августе 1709 г. во время набега на Кузнецкий уезд Бойдона Сакылова, Бейкона Будаева и других в бою приняли участие 48 «подгородных белых калмыков»⁴³.

Количество приведенных примеров, свидетельствующих об участии «выезжих телеутов» в военной борьбе вместе с русскими, можно значительно увеличить.

«Выезжие белые калмыки» служили и «городовую службу», участвуя в строительстве городов и острогов. Так, в составе кузнецкого отряда они были на стройке Абаканского острога в 1708 г. В 1709 г. под началом И. Максюкова вместе с другими кузнецанами строили Бикатунскую крепость. В последнем случае было занято 48 телеутов. В постройке Белоярской крепости в 1717 г. участвовали 150 «выезжих телеутов» и абинцев⁴⁴.

Далее, они несли и ямскую повинность, нередко играя роль посыльщиков и связных между Томском и Кузнецком, между русскими отрядами. Сведения об этом часто встречаются в русских актах. Приведем несколько примеров. Свою отписку от 27 октября 1675 г. кузнецкий воевода Григорий Волков отправил в Томск с чатским татаринном Баямачем и выезжим белым калмыком Енгулой Искуленовым. Пятидесятник Ф. Кузьмин прислал 18 июля 1680 г. из Киргизской земли «с вестями» кузнецкого «выезжего калмыка» Кочена Мамрачева и т. п. Такую же картину мы наблюдаем и в первой четверти XVIII в. Так, например, 14 августа 1717 г. томский воевода М. Колычев послал «с указами» в Кузнецк томского выезжего белого калмыка Д. Башлова⁴⁵.

³³ ЦГАДА, оп. 1, стб. 886, л. 348, 356—359, стб. 623, ч. II, л. 468—469; ДАИ, т. VI, Спб., 1857, № 93-XI, с. 321—322.

³⁴ ДАИ, т. VI, № 93-II, с. 314, № 93-VIII, с. 318.

³⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 611, л. 153—156 и др.

³⁶ Там же, стб. 715—716, л. 3, 33; Сборник кн. Хилкова. Спб., 1879, № 100, с. 308—322; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 133, л. 325.

³⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 715—716, л. 114—117, 171 и др.

³⁸ Там же, оп. 5, ед. хр. 632, л. 2—2об.

³⁹ Там же, оп. 1, стб. 715—716, л. 191—193.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 632, л. 2об.—3об.; ф. 199, портф. 481, ч. IV, л. 4, л. 154об.

⁴¹ Там же, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1199, л. 4об.

⁴² Там же, ед. хр. 849, л. 7об.—8об.; ед. хр. 1409, л. 4об.—10об.

⁴³ Там же, ед. хр. 1660, л. 9.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 1018, л. 14; ед. хр. 1333, л. 1об., 6, 7; ед. хр. 1660, л. 9; ф. 1134, оп. 1, д. 7, л. 44.

⁴⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137, л. 235; № 175, л. 328—330; ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 7, л. 93об.

Наконец, незаменимые услуги оказывали «выезжие телеуты» русским отрядам и в качестве «вожей», т. е. проводников в Верхнем Приобье и в Горном Алтае, а также военных советников.

Хорошее знание местности позволяло «выезжим телеутам» вносить весьма существенные коррективы в военные планы русских воевод, благодаря чему русская сторона добивалась успеха с меньшими потерями и издержками. Выше уже приводился пример о том, как братья Кожановы в 1674 г. подсажали томскому воеводе кн. Барятинскому, где можно искать отъехавших из Томска кн. Ирку Уделекова и Баскаула⁴⁶.

Другой пример относится к разработке плана совместного похода томских и кузнецких ратников в Телеутскую землю кузнецким воеводой Г. Волковым осенью 1676 г. Направление похода было намечено воеводой без учета местности и других условий и «выезжие телеуты» Итпола Изенбеков и Маирай Бурчаев высказали ряд критических замечаний по этому поводу. Г. Волков вынужден был изменить направление похода⁴⁷.

Русское командование широко пользовалось услугами «выезжих телеутов» как в тактической, так и в стратегической разведке. Знание языка, широкие родственные связи среди телеутов, подвластных Джунгарии, позволяли отдельным телеутам-разведчикам пробираться в ставку телеутских князьков и получать очень ценные сведения из первоисточников. Примером такой разведывательной деятельности «выезжих телеутов» можно считать «командировку» Алагыза Балаева, побывавшего в июле 1707 г. у телеутского князя Шала Табунова, а также у Бойдона Сакылова. Алагыз собрал ценнейшие данные о войнах Джунгарии и телеутских князей с киргизами-бурутами, о внутривосточном положении Джунгарского ханства и характере взаимоотношений ханов с теми же телеутами, о желании телеутского князя Шала и его окружения перейти в русское подданство и многое другое⁴⁸.

Некоторые «выезжие телеуты» находились в родственных, семейно-брачных отношениях с енисейскими киргизами. Эти связи и контакты облегчали царским воеводам ведение разведки в Киргизской земле. Приведем только один пример. В июне 1688 г. вместе с русским служилым человеком Ф. Тихоновым «в Киргизы» ездил «для женитьбы» выезжий белый калмык Ивашка Толтарев. Во время женитьбы от своей тещи-киргизки И. Толтарев получил важные сведения о жесточайшем разгроме войск джунгарского Бошту-хана, его вассалов и кыштимов восточномонгольским владетелем Очирой Санн-

ханом в 1688 г. Эти данные были доложены кузнецкому воеводе И. Конищеву, а последний сообщил их томскому коллеге — князю С. П. Вяземскому⁴⁹.

Подобных фактов можно было привести значительно больше. Наконец, царские воеводы и командиры отдельных военных отрядов постоянно прибегали к услугам «выезжих телеутов» в качестве толмачей-переводчиков в ходе дипломатических, военных, торгово-меновых и иных контактов не только с алтайскими племенами и их владыками, но и с другими тюркскими и монгольскими народами. Например, два таких толмача были в составе отряда, которым командовал Ф. Пущин в 1632 г.⁵⁰ Судя по статейным спискам русских посольств к телеутским, орчакским и другим князькам, в составе этих миссий в качестве толмачей, «вожей» или охранников, как правило, со второй половины XVII в. находились выезжие телеуты.

Все сказанное выше дает основание полагать, что томские и кузнецкие телеуты играли заметную роль на службе у Русского феодального государства во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У «ВЫЕЗЖИХ ТЕЛЕУТОВ» В XVII—XVIII в.

Принятие частью алтайских телеутов русского подданства имело далеко идущие последствия для их хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни. Под сенью Русского государства «выходцам на государево имя» было не только обеспечено спасение от неминуемой гибели в феодальных войнах Джунгарии, от голода и эпизоотий, но и появились благоприятные перспективы для относительно быстрого прогресса в развитии их хозяйства, изменения общественных отношений, широкого приобщения к культуре великого русского народа. В условиях тесных контактов с русскими людьми «выезжие белые калмыки» быстро изживали отсталые, примитивные формы ведения хозяйства, быта, духовной культуры и быстрее усваивали передовые способы хозяйствования, новые формы оседлого быта, достижения передовой русской культуры. Это позволило потомкам выезжих телеутов XVII в. стать проводниками русской культуры в среде алтайских кочевых племен XIX в.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, стб. 886, л. 356—359.

⁴⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 137, л. 231об.—233; № 138, л. 235об.—236об.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, л. 18, 19об.—20.

⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 218, л. 384 и др.

⁵⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч., т. II, прилож. 304, с. 395, прилож. 306, с. 396—397.

Переход в подданство «белого царя» на первых порах не привел к резкому изменению характера хозяйственной деятельности «выезжих телеутов». они по-прежнему вели кочевой образ жизни, правда, в сравнительно небольшом по территории районе — в окрестностях Томска, по левобережью Томи, ее притокам (Ускат и др.), в верхнем течении Ини. Только в самом конце XVII в. кочевья «выезжих телеутов» распространились на правый берег Томи — по речкам Чесноковка и Черная (притоки Томи), ниже Кузнецка¹.

«Выходцы» разводили в основном лошадей и рогатый скот, составлявшие у них главное богатство: не случайно, враги «выезжих телеутов» — черные калмыки (ойраты), енисейские киргизы, тувинцы стремились обычно захватить или уничтожить скот, принадлежавший телеутским перебежчикам. Размеры вражеской добычи (известны случаи угона 577 лошадей и 122 быков и коров)² дают некоторое представление о величине стад у «выезжих телеутов» на грани XVII и XVIII в. — в 1700 г., когда у них враги отогнали около 700 голов крупного скота³. У большинства телеутов стада были, видимо, невелики; можно думать, что только отдельные знатные и богатые сородичи владели относительно большими стадами.

Скотоводство «выходцев» на первых порах оставалось экстенсивным. Однако под влиянием русских крестьян уже к концу XVII в. в ведении его наметились существенные изменения: «выезжие телеуты» стали переходить к стойловому содержанию скота, запасая сено на время зимней бескормицы, чего раньше, видимо, не делали, ибо круглый год содержали его на подножном корму. Правда, они еще не запасали сена на весь зимний период, но научились косить траву, стоговать сено. Из челобитной Кожановых (1672 г.) на приказчика Сосновского острога Дорофея Зайцева следует, что только брат Балыка Бакмас летом 1671 г. поставил для своего скота свыше 100 копен сена.

В челобитной «выезжих телеутов» Кузнецка от 15 июня 1688 г. содержится просьба об отводе им земли под сенокосы в долине р. Ускат. Челобитная составлена от имени 144 чел. (глав семей), следовательно, можно считать, что практически все «выезжие белые калмыки» в эту пору заготавливали сено на зиму⁴.

Таким образом, уже почти с первых шагов жизни по соседству с русскими крестьянами «выезжие телеуты» стали усваивать более рациональные способы ведения скотоводческого хозяйства, а это не могло не сказаться на его продуктивности

¹ Чертежная книга Сибири 1701 г. Спб., 1882, л. 14.

² ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. IV, д. 4, л. 157об.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 425; стб. 1071, ч. I, л. 171.

(падежи скота из-за бескормицы уменьшились, поголовье скота росло быстрее).

Участники академических экспедиций XVIII в., а вслед за ними исследователи XIX—XX вв. полагают, что земледелием «выезжие телеуты» стали заниматься лишь в XVIII в.⁵ Л. П. Потапов в своей монографии пишет: «Алтайцы, выселенные с Алтая в район Кузнецка между 1658—1665 гг. и известные русским больше под названием телеутов, были звелородами и скотоводами. Выселенцы, однако, осели и в первой половине XVIII в. перешли к земледелию, засевали пшеницу, овес, рожь»⁶. Но, по нашему мнению, переход «выезжих телеутов» к земледелию следует датировать еще второй половиной XVII в. В 1665 г. был поверстан в оклад, «в убылое место» телеут Петр Иванович Буйга. Оклад ему был положен в «7 рублей с четью, 2 пуда соли». Примечательно, что хлебного жалования он не получал именно потому, что в оклад была вписана пашня⁷. Надо думать, что Буйга не был единственным в XVII в. телеутом, начавшим обрабатывать пашню по примеру русских крестьян и служилых людей. В уже упомянутой челобитной 144 кузнецких телеутов во главе с Давыдом Торгаевым, наряду с просьбой об отводе сенокосных угодий, ставился и вопрос об отводе телеутам пашенных земель. Челобитчики при этом просили выделить им большой участок долины Уската. Границы его обозначены следующим образом: «вверх по Ускату реке на устье речки Кыргаю до вершины Ускатцкой, а от Ускату до речки Бокчару, а по нижнюю сторону Ускату до пашни конных казаков Бориска, до пашни Недорезовых да Гришки-плотника». В заключение челобитной уточнялось назначение земельного надела: «И в том месте на Ускату повыше Кыргаю пашня б им пахать и сена косить».

Кузнецкий воевода И. Конищев послал на Ускат сына боярского, чтобы осмотреть и описать земельные угодья, о которых били челом телеуты, а челобитье направил в Москву. В сопроводительной записке он писал, что «не смеет» поселить «выезжих телеутов» на Ускате из-за отдаленности просимых угодий от Кузнецка (15 верст) и от ближних кузнецких деревень (5 верст), опасаясь, насколько можно понять, «измены» телеутов. 26 декабря 1688 г. челобитье кузнецких телеутов попало к начальнику Сибирского приказа кн. Репнину. Последний распорядился спросить кузнецких служилых людей, приехавших в Москву, «не было ли шатости от выезжих белых калмыков и измены и при переселении в это место не будет ли

⁵ Георги И. И. Указ. соч., кн. II, с. 157: «...тому уже лет около 30 как земледельчество есть *главное* их дело» (И. Георги был в Сибири в 1768—1774 гг.).

⁶ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 124.

⁷ Томск в XVII в. Томск, 1912, с. 69.

училено?»⁸. Каковы были результаты этого допроса и решение по челобитной, нам документально не известно, но, судя по тому, что позднее «выезжие белые калмыки» сконцентрировались и осели на Ускате, можно думать, что просьба челобитчиков была удовлетворена. Косвенным подтверждением этого может служить телеутское предание, записанное Г. Токмашевым. В нем рассказывается о том, что «телеутский князь» Тавыт-Таргай получил в Москве царскую грамоту, даровавшую все земли⁹, на которых жили кузнецкие телеуты, в вечное владение. В предании, вероятно, отразился реальный исторический факт — наделение «выезжих телеутов» землей в XVII в.

Возвращаясь к челобитной, хотелось бы подчеркнуть, что она была подана от имени всех кузнецких телеутов, в ней речь идет о крупном участке земель. Это дает основания полагать, что переход к земледелию у «выходцев» был всеобщим либо массовым и что начался он еще во второй половине XVII столетия.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что переход к пашенному земледелию телеутов-выселенцев в XVII в. носил абсолютно добровольный характер. Следует также подчеркнуть, что главная заслуга в обучении кузнецких и томских телеутов приемам обработки земли и способам выращивания земледельческих культур принадлежит простому русскому крестьянину. Агитирующую роль при этом играло само по себе состояние хозяйства и оседлый быт русских крестьян, ибо крестьянское хозяйство легче переносило стихийные бедствия, нежели хозяйство скотовода-кочевника. «Моментами особенно сильного влияния (на скотоводов-кочевников.— А. У.) были годы бескормицы, когда у русского и оседло-инородческого населения сохранялся скот, у кого были запасы сена...»¹⁰ Эти слова С. П. Швецова, сказанные им для более позднего времени вполне приложимы и к XVII в., когда это влияние русского крестьянского хозяйства впервые испытали на себе телеуты-выселенцы. Но С. П. Швецов имеет в виду лишь одну отрасль крестьянского хозяйства — скотоводство в условиях оседлого быта со стойловым содержанием и т. п. Между тем главной отраслью хозяйства русских крестьян являлось пашенное земледелие, более надежно и стабильно обеспечивавшее их средствами существования. Недавние кочевники быстро поняли выгоду занятия пашенным земледелием.

В XVIII в. хозяйство «выезжих телеутов» сделало ряд новых шагов по пути прогресса. Если еще в начале века уборку

⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1071, ч. I, л. 171—171об.

⁹ Токмашев Г. Борозы-Каан (телеутская сказка). — «Наука и жизнь Сибиря», 1917, № 2, с. 8—9.

¹⁰ Швецов С. П. Кочевники Бийского уезда. — В кн.: Горный Алтай и его население. Т. I, вып. 1. Барнаул, 1900, с. 34.

урожая и обмолот они вели в основном вручную, а сеяли главным образом ячмень, то уже ко второй половине этого столетия техника земледелия в целом у них по сути дела не отличалась от техники русских крестьян: «Они производят оное (хлебопашество.— А. У.) точно так, как и русские сельские жители»¹¹.

Увеличился сортимент возделываемых зерновых культур. И. Георги (конец 60-х — начало 70-х гг.), оставивший заметки о хозяйстве кузнецких телеутов, перечисляет такие культуры, возделываемые ими, как ячмень, рожь, пшеницу, овес, горох¹². Г. И. Спасский отмечает: «Они сеют почти всякого рода хлеб, произрастающий в тамошнем краю...»¹³ Хотя сведения Г. И. Спасского относятся к началу XIX в., но они могут быть привлечены к характеристике хозяйственной деятельности кузнецких телеутов в конце XVIII столетия.

По примеру русских крестьян осевшие телеуты начали в XVIII в. заниматься и огородничеством. По данным И. Георги и Г. И. Спасского, кузнецкие телеуты в 60—70-х гг. XVIII в. возделывали ряд огородных культур¹⁴, а также такие технические культуры, как лен и коноплю¹⁵.

Есть основания думать, что уже в начале XVIII в. выросли и размеры пахотных угодий, обрабатываемых потомками «выезжих телеутов». В 1708 г. томский телеут Анчош имел поля, на которых стояло 5 овинов «хлеба ярового» (ржи)¹⁶. Точные размеры пашни Анчоша в документе не указаны. Но по косвенным данным, его пашни занимали не менее 3 десятин в одном поле. В акте, датированном самым началом XVIII в. (1703 г.), приводятся сведения о размерах пашни Кутума и Бенгута Ансыревых и их зятя Кузема Итпалина: «...пашут они ж пашни с братом своим и с зятем по 10 десятин в поле, а в дву по тому ж...»¹⁷ Таким образом, в среднем на каждую семью в данном случае приходилось по 3,3 десятины в одном поле. В этом же документе фигурируют некто Брат Сютюев «с товарищи», т. е. группа чатских мурз и татар, которые «...пашут на себя пашни по ипоземческому своему обыкновению и сеют ячмени до 80 десятин...»¹⁸. Нам, к сожалению, неизвестно точное число участников группы Брата Сютюева, но, по-види-

¹¹ Георги И. Указ. соч., ч. II, с. 157.

¹² Там же.

¹³ Спасский Г. И. Телеуты или Белые калмыки. — «Сибирский вестник», Спб., 1821, ч. XVI, с. 9.

¹⁴ Георги И. Указ. соч., с. 157; Спасский Г. И. Указ. соч., с. 6—7.

¹⁵ Георги И. Указ. соч., с. 157.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, л. 2691, л. 27об.

¹⁷ Кузнецов-Красноярский И. Томского уезда служилые и подводные татары и выезжие белые калмыки, что берут великого государя денежного и хлебного жалования. 1703 г. — «Сибирский архив», 1915, № 12, с. 386—387.

¹⁸ Там же, с. 385—386.

тому, размеры земельного надела на каждую семью и здесь составляли около 3 десятины в одном поле.

Следует оговориться, что документ сохранился не полностью, сведения приведены в нем по группам чатских татар и их мурз; конец акта, где как раз должны, судя по названию описи, содержаться данные по землям «выезжих калмыков», оборван, не сохранился. Однако есть все основания полагать, что данные по чатам вполне приложимы и к телеутам, которые также, как и чаты, находились «на государственной службе», причем служили на таких же условиях, как и чатские «татаровья», жили попеременно с последними и с еуштинцами, пользовались, подобно чатам и томским татарам, различными сельскохозяйственными и промысловыми угодьями. Поэтому есть основания считать, что пахотные участки телеутской семьи в начале XVIII в. в среднем составляли около 10 десятины в трех полях. По своим размерам они несколько приблизились к пашням русских крестьян, хотя были меньше последних вдвое (3 десятины против 7 в одном поле)¹⁹. Использование русской сохи с железным наконечником, лошадей в качестве тягловой силы, применение трехпольного севооборота позволяли телеутским земледельцам собирать сравнительно неплохой урожай. И. Георги сообщает, что кузнецкие телеуты собирали по 200, а иногда и по 300 пудов зерновых и бобовых культур (горох) на хозяйство²⁰, что было не так уж плохо при низкой урожайности, характерной для XVIII в. (около 45 пудов с десятины в начале века)²¹.

Занятие пашенным земледелием не могло не изменить весь уклад жизни выезжих телеутов (они осели и уже в 30-х гг. XVIII в., по свидетельству Гмелина, жили деревнями)²² и не сказаться на других видах их хозяйственной деятельности и, прежде всего на скотоводстве.

Исследователи XVIII—XIX вв. считали, что успехи «выезжих телеутов» в пашенном земледелии привели к регрессу в скотоводстве. И. Георги, полагавший, что земледелием телеуты стали заниматься в значительной степени помимо своей воли («по причине стеснения их рубежей и чрез подражание россиянам»), приходил к выводу, что в результате распространения земледелия «скотоводство их пришло в великий упадок»²³. Эту же точку зрения разделял Г. И. Спасский: «Перемена пастушеской жизни в постоянную почти у всех народов вела за собою уменьшение скотоводства и приращение земледелия». Но, пере-

¹⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968, с. 73.

²⁰ Георги И. Указ. соч., с. 157.

²¹ История Сибири, т. II, с. 73.

²² Gmelin G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1773 bis 1743. Bd. I—IV, Göttingen, 1751—1752, S. 266—268, 272 и анд., с. 266—268, 272; и анд.

²³ Георги И. Указ. соч., с. 157.

ходя от этого обобщения к конкретному случаю, Г. И. Спасский добавлял: «Но телеуты потеряли первое и не усовершенствовались в последнем. Они худые скотоводы и посредственные пахари»²⁴. В подтверждение своего мнения названные исследователи приводят некоторые данные.

И. Фальк указывает суммарную цифру скота, которым владели томские телеуты вместе с еуштинцами в 1771 г.— 6626 лошадей, 4710 голов рогатого скота. К сожалению, мы не можем оперировать даже данными «средней арифметики», хотя И. Фальк приводит сведения о численности томских телеутов в 1771 г. (их тогда было 862 чел.), но мы не знаем, сколько было в то время еуштинцев²⁵.

По словам И. Георги, во второй половине XVIII в. у кузнецких телеутов «нескудным» (т. е. не бедным.— А. У.) считался человек, имевший 10 лошадей, столько же крупного рогатого скота и 20 овец, а богатым — тот, у кого имелось 50 лошадей, 50 коров и пр.²⁶ В соответствии с этими нормами люди, вроде Анчоша, который имел 2 лошади и две коровы²⁷, должны быть отнесены к «скудным». В начале XIX в., по Г. И. Спасскому, большинство телеутов имело лишь по несколько лошадей, коров и овец²⁸. Сопоставление данных по середине XVIII и началу XIX в. на первый взгляд совершенно неопровержимо свидетельствует в пользу правильности мнения И. Георги и Г. И. Спасского.

Однако мы не можем безоговорочно согласиться с таким мнением. Авторы его ограничиваются лишь количественной стороной вопроса, сбрасывая со счетов те качественные сдвиги, которые произошли в телеутском скотоводстве. Мы не отрицаем, что поголовье скота, особенно лошадей, в целом у телеутов сократилось. В условиях оседлого быта и мирной жизни в пределах Русского государства, с одной стороны, не было прежних возможностей для содержания более крупных стад скота и в частности конских табунов (организация пастбы таких стад была сопряжена с большими трудностями из-за отсутствия свободных пастбищных угодий, сокращавшихся с развитием пашенного земледелия, по мере превращения пастбищ в пашни и т. п.), с другой — не диктовалось прежней необходимостью (меньше нужды было в боевых конях, недостаток конины и баранины в пищу можно было компенсировать мясом домашней птицы, другими животноводческими и сельскохозяйственными продуктами).

Что касается качественной стороны дела, то сдвиги тут налицо. Во-первых, у телеутов возникла такая отрасль животноводства, как птицеводство. Г. И. Спасский отмечал, что кузнецкие

²⁴ Спасский Г. И. Указ. соч., с. 9.

²⁵ Фальк И. Указ. соч., с. 546.

²⁶ Георги И. Указ. соч., с. 157.

²⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, л. 2691, л. 27об.

²⁸ Спасский Г. И. Указ. соч., с. 6—7.

телеуты кроме обычного скота держат гусей, уток и кур²⁹. Разведение домашней птицы не только компенсировало недостаток мяса (например, конины), но и позволяло получать дополнительно в пищу яйца; нашли свое применение в хозяйстве пух и перо.

Во-вторых, в стадах оседлых телеутов выросло поголовье рогатого скота, процентное соотношение которого в стадах кочевников в сравнении с другими видами скота обычно ниже, а это позволило увеличить выход скотоводческой продукции не только в виде мяса, но и в виде масла, молока, творога, сыра (брынзы) и др. Если, по данным И. Георги, у «нескудных» и у богатых телеутов рогатый скот составлял 25% от стада, то у «скудных», вроде уже упомянутого Анчоша, он достигал 50%. Впрочем, и 25% — это значительно выше, чем в стадах кочевников.

В-третьих, по уровню своей организации животноводство со стойловым содержанием скота, с заготовкой кормов на всю зиму, с использованием в качестве корма продукции земледельческого хозяйства (зерно ржи, овес, солома и пр.) стоит намного выше примитивного кочевого скотоводства. Это позволяет увеличить выход скотоводческой продукции во всех ее видах. К этому следует добавить, что в условиях оседлого быта и занятия пашенным земледелием увеличивается коэффициент полезного использования и таких животных, как лошади (в качестве тяговой силы при пахоте земель и других сельхозработах).

Таким образом, об «упадке скотоводства» у оседлых телеутов можно говорить лишь относительно количественной стороны дела, в качественном же отношении оно поднялось на более высокую ступень. Вместе с тем, переход к занятию пашенным земледелием не мог не изменить долевого соотношение этих основных отраслей телеутского хозяйства в пользу земледелия, хотя, по-видимому, на данном этапе земледелие еще не стало у них ведущей отраслью.

Следует отметить еще одно обстоятельство. И. Георги и, особенно, Г. И. Спасский, давая общую оценку уровня развития земледелия и скотоводства у телеутских выселенцев в XVIII в., в эталон возводят хозяйство русского крестьянина. Действительно, по сравнению с русскими крестьянами и земледелие и животноводство у «выезжих телеутов» были поставлены хуже, но это вполне понятно и извинительно: у телеутов не было за плечами многовекового опыта ведения такого хозяйства, какой был у русских крестьян. Однако, по нашему мнению, в качестве основы для сравнения и оценки в данном случае следует брать не производство русских крестьян, а хозяйство телеутов и других групп алтайцев, не вошедших в XVII и в первой половине

²⁹ Спасский Г. И. Указ. соч., с. 6—7.

XVIII в. в состав Русского государства, либо хозяйство тех же «выезжих телеутов» до принятия ими русского подданства.

Известно, что северные алтайцы и телеуты (по Л. П. Потапову)³⁰ еще до знакомства с русскими занимались мотыжным земледелием. После Богораза, доказавшего несостоятельность теории Н. М. Ядринцева, нет смысла считать мотыжное земледелие северных алтайцев результатом деградации пахотного земледелия, как думал Н. М. Ядринцев³¹, оно было потолком развития этого вида хозяйственной деятельности алтайских племен в дорусскую эпоху.

Мы, правда, не имеем конкретных документальных данных о земледельческой технике телеутов во второй половине XVII в., видимо, уборка урожая и обмолот на первых порах производились по «иноземческому обыкновению»; пашни их по размерам мало отличались от больших огородов русских крестьян; решающей роли в производстве средств существования оно еще не играло (было «незначительным», по словам И. Георги), но несомненно одно: уже во второй половине XVII в. техника обработки земли у них стала более высокой (применение сохи с железным накопчиком, деревянной бороны с железными зубьями и др.), сортимент земледельческих культур значительно шире (рожь, пшеница, ячмень, овес, горох), урожайность более высокая, чем при занятии примитивным мотыжным земледелием, когда обработка земли и собранного урожая велась исключительно вручную — озупами и т. п. орудиями труда, высевали только просо и ячмень, а валовой сбор зерна был незначительным. Ту же картину мы видим и при сравнении оседлого скотоводства с кочевым.

При таком подходе к оценке уровня развития хозяйства «выезжих телеутов» можно сделать только один вывод: оно стояло выше хозяйства таких оседлых племен Алтая, как челканцы, кумандинцы, тубалары и шорцы, а также превосходило по уровню хозяйство южноалтайских кочевых племен; под влиянием соседства с русскими крестьянами оно встало на путь относительно быстрого прогресса.

Важную роль в хозяйственном комплексе «выезжих телеутов» во второй половине XVII в. продолжала играть охота. И. Георги пишет, что еще и в XVIII столетии «звериный промысел у них («телеутов выезжих». — А. У.) в чести» Причины этого Георги видит в наличии благоприятных условий («гористыя их места к оному привольны») и избытка свободного времени вследствие упадка скотоводства³². При этом он сбрасывает со счетов такой

³⁰ См.: История Сибири..., т. II, с. 106.

³¹ Богораз (Тан) В. Г. Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке. — Мат. по антропологии и этнографии (МАЭ), т. VI. Л., 1927, с. 42—60.

³² Георги И. Указ. соч., с. 157.

весьма существенный стимул для занятия охотой, как обязанность платить царю ясак шкурами пушного зверя (соболь, лисица).

Охотились «выезжие телеуты» не только на соболя и красных лисиц, но также на бобров, белок-телеуток, лосей и других животных. Кости этих животных обнаружены в большом количестве в культурном слое поселений XVII—XVIII вв. в Верхнем Приобье (Раздумье-I, Кокуйское, Степной Чумыш и др.)³³. Сведения об этом содержатся в ясачных книгах и других документах.

Основным орудием охоты у них были лук, стрелы и ловушки, применялись традиционные способы охоты³⁴, в частности, загонная охота на лосей. Но уже к концу XVII в. «выезжие телеуты» начинают применять русские средства и способы охоты. Широко используются, например, капканы русской работы, а также русские шомпольные ружья³⁵. Для зимней охоты телеуты, подобно северным алтайцам, применяли лыжи³⁶. При охоте на пушного зверя (белка и др.) использовалась собака³⁷.

Вообще охота на пушного зверя занимала особое место в промысловом хозяйстве «выезжих телеутов». Скучные сведения, которые нам удалось извлечь из русских актов XVII—XVIII вв. и этнографических заметок ученых-путешественников XVIII в., позволяют говорить об ее сезонном характере. Охота на пушного зверя начиналась в конце сентября — начале октября и заканчивалась весной — в апреле. Основной формой организации пушного промысла у них, как и у русских промышленников, являлась промысловая артель из 8—10 охотников. Такие артели создавались не по родственному признаку и нередко включали в себя не только собственно «выезжих телеутов», но и русских. Так, в одной артели с телеутами Баскаулом Мамрачевым, Баскаулом Мегешевым, Митькой и Семеном Новокрещенами в 70-е гг. XVII в. «зверовали» русские охотники Б. Недорезов, А. Сачков, И. Митрофанов, а также, по-видимому, украинцы А. Старченко, И. Старченко и Которей³⁸.

В охотничьих угодьях промышленники устраивали свои станы. Здесь они ночевали, тут стояли их лошади, хранились мешки и сумы с припасами (мука, порох, свинец и пр.), запасные комплекты одежды (тулупы, сурочьи шубы, кафтаны и др.) и обу-

³³ См. отчет автора о работе археологической экспедиции Бийского краеведческого музея в 1963 г. (архив Бийского музея).

³⁴ В частности, в XVII—XVIII вв. телеуты-охотники еще применяли свистящие, наконечники стрел. Но в начале второй половины XIX в. бочатские телеуты, показывая лук и свистящие стрелы, характеризовали их как старинные вещи. (См.: Radloff W. Aus Sibirien. Bd. I. Leipzig, 1893, с. 336).

³⁵ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 7, II; и др.

³⁶ Георги И. Указ. соч., с. 157.

³⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 126, л. 216; № 137—138, л. 233об.— 237 и др.

³⁸ Там же, № 126, л. 216, № 137—138, л. 233об.— 237.

ви. На дневное время для охраны стана, ухода за лошадьми, приготовления пищи, обычно по очереди, оставался один из артельщиков. Добыча охотников распределялась между членами промысловой артели либо поровну, либо на пных паях.

Часть добытой пушны «выезжие телеуты» сдавали в счет ясака, часть использовалась в домашнем хозяйстве (из шкур животных шили одежду, головные уборы и т. п.), часть поступала в торговый обмен.

Известное значение в жизни «выезжих телеутов» имело также рыболовство. В рыбной ловле ими была быстро освоена русская техника добычи рыбы. Подобно чатским татарам, они «...в речках... и в пных ловят рыбу мордами, и запорами и сетями...»³⁹. В озерах и реках ставили сети-«частики», в запорах — сети-«сапны». В дни весеннего половодья и осенью в канун рекостава, когда вода была обычно мутной, рыбу ловили с берега так называемыми «кривдами», т. е. маленькими сетями, прикрепленными к длинным шестам. Зимой добывали рыбу «в езу мордами», а также удочками («удами») через проруби⁴⁰. Крупную рыбу — щуку, палимов били также острогами. Широкое применение в рыболовстве нашли различные виды лодок, особенно долбленка. Известно, что в начале XVIII в. чаты, телеуты и русские люди занимались долблением лодок в Ирменском бору⁴¹.

Судя по материалам наших раскопок в урочище Татарские могилки близ с. Степной Чумыш (на р. Чумыш в XVII в. локализируются двоедические волости телеутов — тогулов, тагапцев, керетцев), предпочтение отдавалось крупной рыбе: здесь, на поселении, датируемом XVII—XVIII вв., обнаружены в довольно большом количестве позвонки, черепные кости и жаберные крышки щуки, налима, осетра⁴². Но ловили также стерлядь, карася, плотву, линя, «сорочу»⁴³.

Собирательство у «выезжих телеутов», по-видимому, уже не играло той роли, какую играло до перехода их в русское подданство и какую продолжало играть в жизни северных алтайцев и телеутов, подвластных до событий 50-х гг. XVIII в. Джунгарии. Собирали они в основном сарану, дикий лук, дикий чеснок, некоторые ягоды.

Из домашних промыслов кузнецких телеутов И. Георги в первой половине XVIII в. называет лишь изготовление рогож «из лык горохового дерева», которыми они покрывали свои летние жилища⁴⁴. У других участников академических экспедиций

³⁹ Кузнецов-Красноярский И. Указ. соч., с. 385, 386.

⁴⁰ Оглобин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Т. I—IV. Спб., 1895—1902, т. I, с. 68—69.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2691, л. 9об. и 10об.

⁴² См. отчет автора о работе археологической экспедиции Бийского краеведческого музея в 1963 г. (архив Бийского музея).

⁴³ Оглобин Н. Н. Указ. соч., с. 69.

⁴⁴ Георги И. Указ. соч., кн. II, с. 158.

XVIII в. мы встречаем сведения о кузницах и кузнечном ремесле абинцев (телеутов)⁴⁵. Но, разумеется, им были известны прядение и ткачество льна и конопли, обработка кожи и шкурок пушного зверя и шитье из них одежды, обуви, головных уборов, а также конской упряжи, переметных сум, кожаных сосудов и др.

Умели они и обрабатывать дерево, изготавливая лодки-долбленки, ступы, различные сосуды, колоды и пр. Из бересты делали туеса, коробья для домашнего скарба и другую утварь и посуду.

В целом хозяйство их в XVII—XVIII вв. носило натуральный характер, но в условиях русского окружения все большее значение приобретали торговля, обмен. При этом меновая торговля между телеутскими улусами не играла существенной роли, гораздо большее значение для них имела торговля с русскими. В обмен шли избытки скотоводческой продукции, часть пушнины, у русских приобретали в основном продукты ремесленного производства. Однако уже вскоре на смену меновой пришла денежная торговля, чему способствовал в немалой степени перевод служилых телеутов на денежное жалованье.

Торговля велась как в телеутских улусах, куда приезжали со своими товарами русские купцы и посадские ремесленники, так и в русских деревнях и селах, куда ездили с такой же целью телеуты. Но основной торг между «выезжими телеутами» и русскими посадскими людьми проходил в Томске и Кузнецке.

На русский рынок «выезжие телеуты» поставляли главным образом скот и пушнину. Особенно много скота было продано ими вскоре после выхода «на государево имя». В таможенной книге Томска за 1662 г. есть записи от 5 октября, по которым можно судить о масштабах этого торга и о телеутском «товаре». «Купили у калмыков Тишка Великосельский да Еремка Степанов две скотины, да коня рыжего, да коня коура, да девять овец». Степан Бобарыкин у них же купил «коня сива, коня каря, да кобылу коуру, да коня бура», Пятко Колмогор — «коня рыжа» и т. п. Всего в тот день томичи купили у «калмаков» 15 лошадей, 2 «рогатых скотины», 10 овец⁴⁶. Вне всякого сомнения, что в данном случае продавцами скота были не западные монголы, а именно «выезжие белые калмыки», т. е. телеуты, только что перешедшие в русское подданство, о чем свидетельствует сама дата торга — 5 октября 1662 г. Нельзя не обратить внимания на дешевизну телеутского «товара»: известно, что в то время покупная пошлина взималась в размере 10% от цены товара, исходя из чего по пошлине легко установить продажную цену его. Оказывается, что корова стояла 20 алтын (покупная пошлина равна 2 алтынам), конь — 36 алтын 2 деньги, овца — 10 алтын (покупные пошлины соответственно 3 алтына 2 деньги и

⁴⁵ Георги И. Указ. соч., кн. II, с. 163 и др.

⁴⁶ Томск в XVII в., с. 153—154 (кн. № 594 — о таможенных сборах за 1662 г.).

1 алтын)⁴⁷. Не случайно, на протяжении всего XVII столетия служилые люди восточносибирских городов и острогов ездили для покупки лошадей в Томск, а томские и кузнецкие воеводы перегоняли в Россию табуны лошадей, буквально спекулируя на их продаже. И тем не менее продажа «выезжими телеутами» лошадей и рогатого скота русским служилым людям и пашенным крестьянам способствовала укреплению обороноспособности русских городов и уездов, развитию крестьянского производства в Сибири, хозяйственному освоению ее русскими людьми.

Что касается пушнины, то часть ее «выезжие телеуты» продавали русским купцам, промышленникам, ремесленникам томского и кузнецкого посадов, жителям острогов и крепостей, а часть — казне, получая через таможенных целовальников в обмен русские ремесленные товары, а также «горячее вино» и табак. Последнее широко стало практиковаться в петровское время, а именно — с начала XVIII в. В 1701 г. в Томске за деньги, за «горячее вино» и табак казна приобрела 31 шкурку соболя (по 13 алтын 2 деньги — 40 коп. — каждая), кроме того, часть пушнины (соболь, горностай и др.) была куплена за «товарную казну» (т. е. за сукна и другие товары, принадлежавшие государству)⁴⁸. В 1707 г. томский таможенный целовальник А. Степанов таким же образом скупил у «иноземцев» 110 шкур горностая и другого меха⁴⁹, исполняя указы Петра I от 1706 г., предписывавшие местным властям скупать в казну всю пушнину⁵⁰. Конечно, не все «иноземцы», о которых идет речь в упомянутых документах, были «выезжими телеутами», но, безусловно, последние продавали пушнину казне — только через них в казну поступала значительная часть белки-телеутки, пользовавшейся большим спросом на внешнем рынке (например, в Китае)⁵¹.

Покупали «выезжие телеуты» у русских (служилых людей, купцов и ремесленников) различные ткани (сукна русской выделки, а также «анбурские» и «аглицкие», холст и др.), юфтовые товары, готовую одежду (кафтаны и др.), изделия русских кузнецов и медников (ножи, котлы, капканы и др.), гончаров, различные украшения (одекуй, в частности) и т. п. Во время раскопок одного из жилищ на поселении XVII—XVIII вв. в урочище Татарские могилки нами были найдены железный черешковый нож, черепки сосудов, сделанных на гончарном круге русской работы, замок с ввинчивающимся сердечником и большой

⁴⁷ Там же, с. 153—154. Таким образом, корова стояла 60 коп. (пошлина — 6 коп.), овца — 30 коп. (пошлина — 3 коп.), конь — 1 р. 09 коп. (пошлина — 10 коп.).

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 557, л. 4—4об.

⁴⁹ Там же, ед. хр. 1274, л. 7.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 557, л. 6об.—7, ед. хр. 859, л. 7об. и др.

⁵¹ Там же, ед. хр. 859, л. 20—21; Памятники сибирской истории XVIII века (1700—1713). СПб., 1882, № 82, с. 376.

дужкой — также, несомненно, русского происхождения⁵². Таким образом, торговый обмен способствовал проникновению в хозяйство и в быт «выезжих телеутов» русских орудий труда, отличавшихся более высокой производительностью, более удобных в условиях оседлого быта форм посуды, одежды и пр. Все это поднимало уровень культурного развития «выезжих телеутов», приближая его к уровню культуры русского крестьянина. Особое значение имела продажа телеутам огнестрельного оружия, свинца, пороха, таких орудий лова, как железные капканы, таких предметов быта, как бронзовые и железные клепаные котлы, и др.⁵³

Заключая обзор хозяйственной жизни «выезжих телеутов», мы имеем все основания утверждать, что в условиях Русского государства (под непосредственным воздействием прежде всего русских крестьян и ремесленников, их производственной, бытовой и духовной культуры) их хозяйство и культура уже в XVII—XVIII вв. поднялись на более высокую ступень развития, заметно перестроились «на русский лад», что влияние более высокой культуры русского народа было определяющим в процессе культурного взаимодействия русских и телеутов.

Что представляли собою социальные отношения и политическая организация «выезжих телеутов»? В каком направлении шло их развитие в рамках Русского государства?

Скудные и отрывочные сведения источников, которыми мы располагаем, не всегда позволяют судить об этом с достаточной степенью определенности.

До перехода в русское подданство характерной особенностью социальных отношений у «выезжих телеутов» являлось сложное переплетение патриархально-родового и феодального начал. В условиях России подавляющее большинство «выходцев» было включено в особую группу государственных крестьян (позднее «ясаших инородцев») и только отдельные (вроде Давыда Торгаева) приближались по своему положению к категории служилых людей «по прибору»; ускорились разрушение пережитков патриархально-родовых отношений в их среде, формирование коллективов, основанных на территориальных связях.

Обратимся к формам собственности у «выезжих телеутов», без анализа и определения которых невозможно решить вопрос о господствующем типе производственных отношений в любом обществе.

Одно из основных средств производства «выезжих телеутов» — скот находился в частной собственности еще до принятия ими русского подданства. Что касается земли, то верховная собственность на нее принадлежала Русскому феодальному государству. Судя по челобитной кузнецких телеутов от 15 июня

⁵² См. отчет автора о работе археологической экспедиции Бийского краеведческого музея в 1963 г. (архив Бийского музея).

⁵³ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 7, 11 и др.

1688 г., русские власти отводили группам телеутских высленцев участки земли под пашню и сенокосы: кузнецкие телеуты, как мы полагаем, получили такой участок в 1688 г. в долине р. Ускат; томские телеуты, возглавляемые Кожановыми, еще в 60-х гг. XVII в. владели землями где-то в районе Сосновского острога, по соседству с землями пашенных крестьян последнего, о чем можно судить по челобитной Кожановых от 1672 г. О размерах этих участков можно судить по той же челобитной кузнецких телеутов от 1686 г.: их участок включал в себя все междуречье Уската и Бокчара (от вершины Уската и до его устья) и большую часть ускатского левобережья. О размерах земельных владений томских телеутов мы не имеем достаточно конкретного представления. Некоторые косвенные указания можно извлечь из актов, фиксирующих земельные угодья чатских татар, живших по соседству с телеутами⁵⁴. Уже упоминавшаяся выше группа чатов «Брат Сютюев с товарищи» владела пашнями на Томи, ниже с. Спасского (0,75 кв. версты), и на правом берегу Оби, «на Тогапе» (0,5 кв. версты), пастбищами и сенокосными угодьями на р. Томи и ее притоках, общей площадью в 2,5 кв. версты, не считая трех островов, и на Оби и Тогапе у Бухарского моста (2,25 кв. версты), а также участком бора (4 кв. версты). «Да они же владеют земли вверх по Оби на Уртамской стороне от устья реки Чеуса до устья речки Кимды; владенья их длиннику (т. е. длиной.— А. У.) тридцать верст, а поперек от реки Оби до Княдвинского болота, а до речки Юни, 5 верст»⁵⁵. Если допустить, что в группе Б. Сютюева было около 20 семей, то надо признать их земельные владения значительными по площади. По-видимому, угодья томских телеутов были не меньше, чем у группы Сютюева, так как численно они превосходили последнюю.

Следует подчеркнуть, что «государевы иноземцы» владели земельными угодьями на льготных условиях: оброка государству с земли они не платили.

Например, чаты из группы Сютюева землю пахали «на себя», рыбу ловили «безобратно», Ансыревы и Итпалии «...с той своей пахоты в казну великого государя отсыпного хлеба не платят»⁵⁶. Эксплуатация отведенных телеутам угодий нам представляется в следующем виде: общие клинья земель томских и ускатских (кузнецких) телеутов были поделены между улусами; внутри улуса каждая семейная община имела свои участки

⁵⁴ Чатские татары еще в первой половине XVII в. владели обширными угодьями (пашнями, пастбищами и др.) в долине Оби и ее притока — р. Томи. По отписке томского воеводы кн. О. Щербатова (этот акт датируется 15 января 1647 г.), группа чатов кочевала по р. Киргизке под Томском, от вершин ее до устья. Они считали все угодья в долине этой речки своей собственностью (50 верст в длину); группа из 10 чатских татар, живших на устье р. Томи, владела... «по Обе реке вверх и вниз ездой в два днищах землею». (ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 75—76).

⁵⁵ Кузнецов-Красноярский И. Указ. соч., с. 385—386.

⁵⁶ Там же, с. 387.

пахотной земли и сенокоса, а промысловыми угодьями и пастбищами все жители улуса пользовались сообща.

Но весьма любопытно отметить, что и кузнецкие и томские телеуты, уже перейдя в русское подданство, продолжали эксплуатировать промысловые угодья Телеутской земли, из пределов которой они выехали, в частности «зверовья» в междуречье левых притоков Оби — Берди и Ини (ур. Таволган), на верхнем Чумыше и в других местах. Они «наезжали» в эти урочища, устраивали там свои станы и били промыслового зверя — вылавливали бобров, охотились на белку и т. п.

Это убеждение еще больше окрепло у них в первой четверти XVIII в., о чем свидетельствует следующий факт. 3 ноября 1715 г. гулящие люди Иван Солнышков, Матвей Елунин и другие били челом кузнецкому коменданту Б. Синявину об «обысканных» ими местах «в Кузнецком уезде по рекам Бердь и по Чумышу», «чтоб им на оных реках поселиться деревнями». Это намерение, по-видимому, вызвало протест кузнецких «выезжих телеутов», так как Б. Синявин был вынужден послать для «досмотра» этих мест служилого человека В. Жукова, ибо «...по скаске кузнецких Азкыштымских волостей ясачных... иноземцов башлыка Чаабаша Сарыбашева да подгородного белого калмыка Давыдка Таргаева, по Берде и по Чумышу рекам всякими угодьями с з (так в тексте.— А. У.) давних лет владеют они, ясачные... иноземцы и промышляют по оным рекам в казну... лисиц, бобров»⁵⁷.

Эксплуатация «выезжими телеутами» охотничьих угодий вызвала протесты телеутских князей и нередко приводила к кровавым стычкам «выезжих телеутов» с улусными людьми последних в XVII в., о чем подробно говорилось выше. Например, кн. Табун еще в 70-х гг. не раз требовал от воевод запретить «выезжим телеутам» промысел в Таволгане. Его люди напали на охотничьи станы и т. п.⁵⁸

Но подобные действия не пугали «выезжих телеутов», они продолжали охотиться в «зверовьях» Табуна. Зимой 1684—1685 гг. Табун и его послы — Юргутай «с товарищи» снова требовали от воевод запретить эту незаконную охоту. В ходе следствия по этому делу выяснилось, что в междуречье Ини и Берди и на Чумыше промышляют не только «выезжие телеуты», но и русские люди и «тотарове», так как сам Табун «отъехал с того своего места за Обь реку». Из показаний «выезжего телеута» Марая стало понятно, что кузнецкие телеуты не признают прав Табуна на «зверовья» правобережной Оби и считают их своими владениями⁵⁹.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 54—55.

⁵⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 126, л. 216, № 137—138, л. 233об.—237; № 143, л. 247—247об.

⁵⁹ Там же, кн. 18, № 180, л. 338—338об.; № 181, л. 339—340; № 202, л. 71, 371—371об.

Акты свидетельствуют, что пользовались этими угодьями они и в самом конце XVII в.⁶⁰

Упорство, с которым «выезжие телеуты» вели борьбу за свое право эксплуатировать правобережные угодья, прежде всего можно объяснить недостатком «зверовий» в отведенных для них землях и стремлением расширить их за счет захвата ставших «ничейными» угодий. В их правосознании прочно утвердились принципы обычного примитивно-захватного права, и в то же время они были убеждены в законности своих прав на правобережные угодья в качестве бывших улусных людей Табуна.

Производственной ячейкой в обществе «выезжих телеутов», по-видимому, была семейная община, включающая в себя 2—3 семьи. Именно с такой общиной мы встречались в акте, зафиксировавшем земельные угодья чатских татар Ансыревых и Итпалина. Члены такой общины сообща вели свое хозяйство.

Семейные общины объединялись в улусы, являвшиеся типичными территориальными, соседскими общинами. Улусная форма социально-экономической и политической организации сложилась у телеутов давно, еще до прихода русских, но в условиях кочевого быта разрушение родовых связей и традиций шло медленными темпами. Переход части телеутов в русское подданство ускорил этот процесс: новые улусы «выезжих телеутов» состояли не просто из родственников и некоторого количества чужаков, а создавались из обломков различных родовых групп. По джунгарским данным, в 1661 г. в Кузнецком уезде оказалась группа телеутов, состоявших из «телиошев и протчих», т. е. из представителей не только рода теолёс, но и других родов, числом более 100 кибиток⁶¹ (все они составили единый «Улус Ускацких подгородных белых калмыков»). В 1662 г., по тем же данным, среди томских «выходцев на государево имя» (общим числом более 100 кибиток) были представители 12 «телепутских» аймаков (Мергеть, Булук, Мандус, Белтерь, Циол, Кара Томат, Келегей, Кипцак, Тодош, Терну, Ортогой, Тайчиот)⁶², в названиях которых легко угадываются телеутские сеоки Мэркит, Мундус, Кара Тумат, Кыпчак и другие, сохранявшиеся у потомков «выезжих телеутов» еще в XIX в. Томские телеуты до перехода к оседлости также, по-видимому, составляли единый улус.

В дальнейшем переход к оседлости укрепил и упрочил территориальные основы улусной организации, превратившейся в разновидность поземельной сельской общины, причем из этих улусов отпочковываются дочерние, и общее число улусов-сел растет.

В русских актах XVIII в. улусы «выезжих телеутов» называются по именам возглавлявших их лиц. Сначала во главе едино-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 32, л. 8.

⁶¹ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 1—1об.

⁶² Там же, л. 1.

го Улуса ускатских телеутов стояли Мамрач и его сын Баскаул Мамрачев. После смерти последнего главенство в улусе перешло к Давыду Торгаеву (в челобитной 1688 г. имя его записано первым). Свое положение главы улуса ускатских телеутов Д. Торгаев сохранял еще в начале XVIII в. В 1702 г. вместе с Кулчечаном Сарчинным и Поросенком Бехтуцаковым он был делегирован в Москву бить челом царю о «нуждах» кузнецких телеутов⁶³. Еще в 1703 г. «Улус Ускацких подгородных белых калмыков», по данным Б. О. Долгих, сохраняет свое единство⁶⁴.

Но уже в 1709 г. в докладе И. Максюкова о постройке Бикатунской крепости и в последующих событиях (нападение ойратов на новую крепость и на Кузнецкий уезд) фигурируют два улуса кузнецких телеутов — «Улус Давытков Торгаева» и «Улус Сортоева и Васьки Поросенкова»⁶⁵. Последний выделился из первого (материнского) где-то между 1703 и 1709 гг., именовался он сразу по имени двух человек. Позднее число телеутских улусов в Кузнецком уезде выросло.

О количестве телеутских улусов в Томском уезде во второй половине XVII — первой половине XVIII в. у нас нет точных данных.

Улусы «выезжих телеутов» в XVIII и XIX в. возглавлялись назначаемыми правительством башлыками (паштыки) из числа богатых и знатных телеутов.

В имущественном и социальном плане «выезжие телеуты» не были равны еще до прихода в русское подданство. Вне всякого сомнения, в условиях Русского государства имущественное и общественное неравенство в их среде усилилось, но каковы были темпы этого процесса и как далеко он зашел во второй половине XVII и в XVIII в. судить трудно.

Выше уже приводились заметки И. Георги об имущественных различиях у кузнецких телеутов в XVIII в. Он выделяет 3 группы: 1) богатых людей, владевших конскими табунами (не менее 50 лошадей), 2) «нескудных», т. е. не бедных, достаточно обеспеченных телеутов, имевших до 10 лошадей и столько же рогатого скота и 20 овец и 3) «скудных» людей, т. е. бедняков, имевших меньше скота. Деление это носит весьма условный характер, поскольку не дает представления о размерах пахотных угодий телеутов каждой группы и др. Но совершенно ясно, что основную часть «выезжих телеутов» составляли лично независимые крестьяне (сначала скотоводы, а затем и пахари), которые могли самостоятельно вести хозяйство, но политически зависели от «лучших людей». Другую группу, правда, небольшую по численности, составляли «лучшие люди». К этой группе относились Кожановы, Мамрачевы, Д. Торгаев, Сортыев и др. Они возглав-

ляли телеутские улусы, командовали служилыми телеутами, из их числа назначались затем паштыки, облеченные исполнительной и судебной властью над улусными людьми. Они имели больше лошадей и другого скота, в их руках находились лучшие сенокосные, пастбищные и пахотные угодья. В своем хозяйстве они эксплуатировали труд патриархальных рабов из числа пленников («ясырей») и бедных соплеменников, попавших к ним в личную зависимость феодального типа. Из жалобы кн. Ирки Уделекова на томского воеводу Н. А. Вельяминова явствует, что у Ирки были «холопы» из ясырей⁶⁶. Некто И. Чюрин имел в зависимости от себя «дворовых людей». И. Чюрин называет их своими «природными» людьми⁶⁷, из чего следует, что они попали к нему по наследству, и значит, были либо рабами-холопами, либо феодально-зависимыми людьми. Феодально-зависимые люди и холопы составляли третью, эксплуатируемую знатью и богачами, пока также немногочисленную группу «телеутского общества».

Мы уже говорили выше, что первая, самая большая по численности группа «выезжих телеутов» составила особую группу государственных крестьян. Пока эту группу выходцев привлекали к несению военной службы, она сближалась по своему положению с низшими категориями служилых людей «по прибору» (стрельцами, казаками и др.). Вторая, немногочисленная, группа была близка к русским служилым феодалам, хотя, по-видимому, не получала земель за эту службу. Третья группа может быть сопоставлена с разными категориями русского феодально-зависимого населения (крепостные крестьяне, кабальные холопы и др.). К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не позволяют делать более определенных и достоверных выводы.

Переход части рядовых телеутов в русское подданство, как уже отмечалось, создал благоприятные условия для их социально-экономического развития, приобщал их к достижениям культуры русского народа, однако не избавлял их полностью от феодального гнета.

Одной из форм угнетения их со стороны Русского феодально-государства был ясак, другой — пожизненная военная служба, отрывавшая их от хозяйства. Правда, «выезжие телеуты» платили в казну льготный ясак. Но по мере «выпромышления» охотничьих угодий добывать соболя и другого пушиного зверя становилось все труднее. Военная служба отнимала много времени и становилась все обременительнее (участие в военных походах, несение караульной службы в острогах и проезжих станциях, строительство новых крепостей и острогов и др.). К тому же местные власти не могли создать достаточно эффективной системы обороны русских владений в Западной Сибири, и «выезжие

⁶³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1660, л. 9.

⁶⁴ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 108.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1660, л. 9.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 3 и др.; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 434об.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. II, л. 420 и др.

телеуты» (особенно часто кузнецкие) жестоко страдали от вражеских набегов. Иногда разорение их было настолько сильным, что «выходцы на государево имя» не были в состоянии уплатить ясак царю. Часть «выходцев» несла подводную повинность. В начале XVIII в. кузнецкие телеуты попытались добиться «сложения» ясака. 26 июля 1702 г. они обратились к кузнецкому воеводе Л. Синявину с просьбой разрешить их делегатам выезд в Москву для челобитья о своих «нужах». Напомнив, что еще деды и отцы челобитчиков перешли в «вечное холопство» и верно служили царю, они описывали свои «зимние и летние службы, «полевые бои» с ойратами и киргизами, в которых бились с русскими ратниками «за едино нещедя голов своих и оберегая... великого государя отчину Кузнецк», стояли «на караулах и в проезжих станицах». Затем челобитчики сообщали о своем разорении и потерях во время набега Матура-тайши на Кузнецк в 1682 г. и нападения на уезд киргизских князьков Т. Таиниркина и Корчина Еренякова 18 сентября 1700 г.: «И нас сирот твоих разорили совсем без остатку: женишек наших и детишек наших побили и в полон забрали и всякие пожитченки наши поимали и кони и всякой скот отогнали», от чего они теперь «помирают голодной смертью». В заключение содержалась просьба «ясаку иметь» с них не велеть, чтобы им от службы «не отбыть»⁶⁸.

В Сибирском приказе была подготовлена подробная справка для доклада, по-видимому, царю, в которой содержались сведения об уплате «выезжими телеутами» ясака за 1701 г., об их потерях в 1700 г. приведены выдержки из воеводского наказа (с рекомендацией давать в подобных случаях отсрочки), сведения о прецедентах такого рода (просьба шорцев от 1681 г. об уменьшении нормы ясака с 11 до 7 соболей) и решения по ним. Была ли облегчена участь кузнецких телеутов, из документа неясно. Но, судя по тому, что по просьбе шорцев было «указано» усилить охрану их улусов, «а ясаку с них убавить нельзя для иных сибирских ясачных людей»⁶⁹, с «выезжих телеутов» ясак не «сложили», вероятнее всего им предоставили отсрочку в уплате ясака за 1702 г., и этим дело ограничилось.

И тем не менее, даже в петровское время, когда угнетение «инородцев» (а равно и русских крестьян и рабочих людей) со стороны феодального государства усилилось, положение «выезжих телеутов» было значительно легче, нежели положение их соплеменников в соседней отсталой Джунгарии с ее варварскими методами эксплуатации подвластных племен и народов и бесконечными войнами, несшими им полное истребление. «Выезжие телеуты» обязаны были государству лишь платить легкий ясак, они безобразно пользовались пахотными и другими угодьями, за свою службу они получали денежное и иное жалование и т. п.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 215, оп. 5, ед. хр. 632, л. 1об.—4.

⁶⁹ Там же, л. 3—4.

Под эгидой Русского государства им не угрожала опасность истребления врагами; усвоение ими передовых форм ведения хозяйства, приобщение их к более развитой культуре русского народа создало благоприятные условия для дальнейшего развития их по пути прогресса. Вот почему они навсегда остались в пределах Русского государства. Вот почему в критический период своей истории их соплеменники, которым грозило поголовное уничтожение войсками маньчжурского Китая (1756—1758 гг.), по примеру «выходцев на государево имя» XVII в., добровольно приняли подданство великой России.

* * *

*

Заканчивая обзор жизни «выезжих телеутов» в условиях России в XVII—XVIII вв., считаем необходимым коротко остановиться на их последующей судьбе. В XIX в. потомки их продолжали жить двумя большими группами в Томском и Кузнецком округах. С образованием Алтайской духовной миссии (1828 г.) и даже несколько раньше этого началось частичное переселение бочатских (кузнецких) телеутов и азкештимцев в Горный Алтай. Именно телеуты Кузнецка стали основателями многих населенных пунктов Горного Алтая. Так, в 1820 г. кузнецкий телеут Т. Шабраков основал д. Чергу, в 20-х гг. XIX в. кузнецкие телеуты основали села Старо-Суртайское, Ново-Суртайское, Верх-Карагуж. Отцы-миссионеры быстро сообразили всю выгоду использования кузнецких телеутов для перевода алтайских кочевников на оседлость и приобщения их к христианству и русской культуре. Они стали переселять с этой целью на Алтай группы или отдельные семьи в основном кузнецких телеутов, которые и составили ядро основанных миссионерами поселков (станов). Так возникли села Черный Ануй, Улала (ныне г. Горно-Алтайск), Кокша, Мыота, Ангудаево (ныне с. Онгудай), Ильинское и др. Кузнецкие телеуты были в числе основателей Чемала, Быстрянского (Быстрянка), Сарасы и других населенных пунктов Горного Алтая и его предгорий⁷⁰.

Кузнецкие телеуты-переселенцы стали главными проводниками русской культуры в этом крае. По мнению С. П. Швецова, если в первой половине XIX в. алтайцев-кочевников земледелию обучали сами отцы-миссионеры, то во второй половине этим с успехом занимались наряду с русскими крестьянами «оседлые инородцы». Они же познакомили кочевников гор с русскими формами одежды, были примером по внедрению гигиены в пов-

⁷⁰ Швецов С. П. Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 1. Барнаул, 1900, с. 169—171, 210, 196; Потанин Г. Н., Семенов-Тяньшанский П. П. Указ. соч., т. IV, с. 281—282, 296—297 и др.; Потапов Л. П. Этнический состав..., с. 143—144.

седневную жизнь и быт⁷¹. Из числа кузнецких телеутов-переселенцев духовная миссия готовила кадры проповедников христианства среди алтайцев, из которых стала складываться алтайская интеллигенция. Можно назвать миссионера и просветителя М. В. Чевалкова — первого переводчика русских (правда, религиозных) книг на алтайский язык и первого писателя на алтайском языке⁷²; а в конце XIX — начале XX в. известных собирателей фольклора Н. Я. Никифорова, Г. Токмашева и др.

Таким образом, историческая заслуга кузнецких «выезжих телеутов» заключается в том, что усвоив важнейшие достижения русской народной культуры, они затем многое сделали для приобщения к ней других алтайцев — жителей Горного Алтая.

В условиях России «выезжие телеуты», несмотря на ряд неблагоприятных моментов (уплата ясака, произвол чиновников и пр.), получили возможность для дальнейшего развития, расширения средств существования. Сопоставление численности кузнецких и томских телеутов в XIX в. с данными по XVIII в. и второй половине XVII в. свидетельствует о неуклонном росте числа телеутов, несмотря на реэмиграцию части их в Горный Алтай, на частичное обрусение и другие причины. Все это позволяет опровергнуть теорию «вымирания инородцев» в условиях русского подданства. Это было еще замечено некоторыми дореволюционными исследователями. Так, Г. Н. Потанин, касаясь судьбы кузнецких инородцев (в их числе телеутов), писал: «Между кузнецкими инородцами не замечается вымирания...; отношение полов между ними благоприятное и ручается за умножение племен в будущем»⁷³.

Наконец, «выезжие телеуты», особенно кузнецкие, оказали большое влияние на другие мелкие тюркоязычные группы, прежде всего в бассейне Томи — на абинцев, боянцев, тюлюберцев и других «верхотомских татар». По сути дела эти группы растворились в телеутской среде. Со временем стерлась разница также между собственно «выезжими телеутами» и жителями так называемых «степных волостей» — азкештимцами, тогулами, керетцами, тагапцами, ибо первые ассимилировали последних в своей среде.

Здесь мы отметили лишь некоторые аспекты истории «выезжих телеутов» в XIX — начале XX в. Более подробно речь об исторических судьбах «выезжих телеутов» пойдет в отдельной работе.

⁷¹ Швецов С. П. Указ. соч., с. 306, 66, 69 и др.

⁷² Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев, с. 246—247.

⁷³ Потанин Г. Н., Семенов-Тяньшанский П. П. Указ. соч., т. IV, с. 471—472, доп. XLII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги обзору телеутско-русских отношений в XVII—XVIII вв.

Один из первых выводов состоит в том, что на примере алтайских телеутов можно лишний раз убедиться в лживости тезиса реакционной буржуазной науки о народах «исторических» и «неисторических»: мы видим, что так называемые «неисторические» народы также имеют свою историю и что эта история может быть достаточно полнокровной и поучительной.

Совершенно очевидно, что историю малых народов, небольших племенных групп, а иногда и отдельных племен в ряде случаев можно воссоздавать (если даже они не имеют собственных памятников письменности) по письменным источникам соседних народов, по данным этнографии, археологии, лингвистики и других наук, причем комплексное использование этих источников позволяет подчас не просто фиксировать статичную этнографическую картину их жизни на каких-то этапах истории, но и показывать некоторые аспекты ее в развитии, в динамике.

Опыт работы по истории телеутов в XVII—XVIII вв. преимущественно на базе русского актового материала — не уникальный и даже не первый в этом роде. Это всего лишь еще один аргумент в защиту права всех малых народов на свою историю и призыв к продолжению большой работы по воссозданию истории сибирских аборигенов, работы, которая стала возможной только после Великой Октябрьской социалистической революции, в советскую эпоху.

Мы видим, что в процессе хозяйственного освоения Русским государством Верхнего Приобья и Горного Алтая русские люди вошли в соприкосновение с алтайцами, и в первую очередь с телеутами. Уже с начала XVII в. между телеутами и русским населением Томского (а затем и Кузнецкого) уезда установились торгово-меновые и культурные контакты. Эти контакты были в целом взаимовыгодными, а потому в последующее время развивались и крепились, несмотря на препятствия, чинимые временами телеутской знатью и администрацией русских уездов из политических соображений.

Что касается политических связей между Большими улусами телеутов и Россией, то мы видели, что по указанию Москвы местные воеводы в течение всего XVII в. стремились склонить телеутских владетелей в основном средствами дипломатии к добровольному принятию русского подданства по примеру северных алтайцев и других групп населения Саяно-Алтая. Телеутские князья начиная с 1609 г. не раз шертовали царям, но их подданство России было номинальным, ибо ясака они не платили, аманатов не давали. Шертованье телеутских князей не являлось признаком подданства царю или вассальной зависимости от него; это была форма договора о союзе, взаимной помощи или о ненападении. Факт приема телеутских послов в Посольское приказе (1658—1659 гг.) свидетельствует о том, что русское правительство рассматривало Телеутскую землю по сути дела в течение всего XVII в. не в качестве объекта, а в качестве субъекта международного права, что служит доказательством неподвластности ее кому-либо. В первой половине XVII в. телеуты нередко выступали в качестве военных союзников, своеобразных федератов России.

Было бы ошибкой изображать отношения между телеутами и русскими в XVII — первой четверти XVIII в. в идиллических тонах: затушевывать противоречия, замалчивать факты военных стычек, борьбы за ясак, за промысловые угодья. В реальной исторической действительности телеутская феодально-племенная знать неоднократно организовывала грабительские набеги на русские уезды, а царские воеводы в свою очередь иногда посылали отряды стрельцов и казаков против Телеутской земли.

Противоречия, военные стычки и т. п. были неизбежны в условиях, когда стабильных границ между русскими уездами и владениями телеутских князей не было. Но масштабы их были незначительными; главным инициатором их была одержимая обычным хищничеством раннефеодальная знать телеутов; русская администрация, как правило, стремилась к мирному урегулированию спорных вопросов и конфликтов. В целом надо признать, что в течение длительного времени в XVII в. отношения между телеутами и русскими были мирными и вполне добрососедскими.

Переход части телеутов в подданство России начался еще в 20-х гг. XVII в. и усилился во второй половине того же столетия. Он носил в основном добровольный характер и сопровождался переселением «выезжцев на государево имя» на территорию русских уездов. «Выезжие телеуты» XVII в. явились пионерами в деле усвоения главных достижений русской крестьянской культуры — пашенного земледелия и интенсивного скотоводства, а они затем познакомили с русской культурой других алтайцев. Именно потомкам «выезжих телеутов», а не отцам-миссионерам принадлежит главная заслуга в переводе южных алтайцев-кочевников на оседлый образ жизни, в приобщении их к пашенному

земледелию и другим прогрессивным формам ведения хозяйства; именно кузнецкие телеуты, научившиеся у русских крестьян хлебопашеству, составили главные кадры миссионеров и основное население миссионерских поселков в Горном Алтае в XIX в.

Условия, при которых совершался переход в русское подданство отдельных групп телеутов в XVII в., могут служить важным аргументом против теории «бесконфликтности» включения малых народов в состав России: враждебные отношения между «выезжими телеутами» и их соплеменниками, оставшимися в улусах Абаковичей и Мачиковичей, иногда доходившие до кровавых стычек между ними, — это прежде всего проявление борьбы между сторонниками и противниками русского подданства. Но эта вражда и борьба началась внутри Телеутской земли не после, а задолго до перехода «выезжих телеутов» в подданство России.

Включение основной массы телеутов в состав России произошло в XVIII в. (50-е гг.) и тоже носило сугубо добровольный характер. Поскольку это случилось уже за хронологическими рамками нашего повествования, то, по нашему мнению, есть смысл подробнее осветить предысторию и историю этого важного исторического факта в жизни алтайцев.

На протяжении большей части XVII в. Телеутская земля была практически независима от Джунгарского ханства. Только с 80-х гг. XVII в. отмечается некоторое усиление кыштимской зависимости телеутских князей от ханов Джунгарии, однако и при этом до самого начала XVIII в. они (особенно Табун Кокин) сохраняли большую степень самостоятельности как во внутренних, так и во внешних делах. Надо сказать, что борьба за сохранение максимальной самостоятельности телеутских Больших улусов, за ликвидацию кыштимской зависимости от Джунгарии была одним из главных направлений «внешней политики» телеутских князей, которая, кстати, определялась прежде всего интересами феодально-племенной знати Телеутской земли, а не коварством, хитростью и другими качествами, якобы присущими кочевникам (Г. Миллер, И. Фишер). Но из этого следует, что неверно изображать телеутских князей на всем протяжении XVII в. всего лишь марионетками джунгарских ханов, защитниками интересов ойратских феодалов (Л. П. Потапов).

Борьба телеутов против джунгарского кыштимства, за независимость Телеутской земли носила особенно упорный характер в 50—60-е гг. XVII в. Факты этой борьбы — яркое свидетельство того, что никакого «золотого века» в эпоху Ойрат-хана, как это утверждали националисты, проповедники бурханизма с его культом Ойрат-хана, алтайские племена в XVII в. не знали. А в первой половине XVIII в. угнетение алтайцев (и в их числе телеутов) джунгарскими феодалами по сравнению с XVII в. усилилось, ибо помимо алмана пушниной, скотом и прочим, они были вынуждены платить еще и алман кровью, поставляя воинов хану.

Самым мрачным в истории Алтая периодом были 40—50-е гг. XVIII в., т. е. годы кровавой междоусобицы ойратских феодалов после смерти Галдан-Цэрэна (1745 г.) и маньчжуро-китайской агрессии. Воспользовавшись смутой в Джунгарии, цинский Китай предпринял прямую агрессию против ханства в надежде стереть его с лица земли. В 1755 г. большая маньчжуро-китайская армия вторглась в пределы ханства, не встретив организованного сопротивления со стороны ойратских феодалов; ханство было ликвидировано. Но уже в 1756 г. в Джунгарии началось освободительное движение против китайских захватчиков. Тогда цинское правительство двинуло в ее пределы 400-тысячную армию. Маньчжуро-китайские каратели повели истребительную войну, методично, с циничной жестокостью уничтожая население Джунгарии, невзирая на пол и возраст, «дабы ни одного жива не оставить»¹. По словам С. С. Шашкова, агрессоры «истребляли все, что им ни встречалось живого — убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, а детям разбивали головы о камень или стену, сжигали жилища, резали скот... Джунгария была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав. Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь»². По свидетельству Черепановской летописи, в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спаслись, которые могли убежать в Российские границы»³. С. С. Шашков считает, что маньчжуро-китайские изверги перебили тогда около 1 млн. чел.⁴ Б. П. Гуревич и В. А. Моисеев приводят сведения одного цинского чиновника, согласно которым в 1755—1758 гг. маньчжуро-китайцами было уничтожено свыше 1 млн. чел.; в живых, по донесениям сибирских властей, «осталось тысяч до трех кибиток»⁵.

В разоренной стране начался голод, вспыхнула эпидемия оспы, повсюду бродили банды разбойников из числа голодных ойратов, отряды казахских феодалов угоняли в плен тысячи жителей ханства. В этих условиях единственное спасение алтайцы видели в подданстве России. Следует подчеркнуть, что при этом они категорически отвергали предложения маньчжуро-китайских захватчиков о подданстве цинскому Китаю. Так, когда командир 70-тысячного отряда, прибывшего в 1755 г. в долину Чуи, предложил местному населению (теленгитам и телесам)

¹ Подробно об этом см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 425—463; *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 179—182; *Гуревич Б. П., Моисеев В. А.* Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография.— *Вопросы истории*, 1979, № 3, и др.

² *Шашков С. С.* Рабство в Сибири.— *Дело*, 1869, кн. 3-4, с. 47.

³ *ЦГАДА*, ф. 196 (Летопись Черепанова), л. 362.

⁴ *Шашков С. С.* Указ. соч., с. 47.

⁵ *Гуревич Б. П., Моисеев В. А.* Указ. соч., с. 53.

направить в Китай ходатаев, чтобы просить богдыхана о подданстве, то это предложение южными алтайцами было отвергнуто. Теленгиты тут же тайно направили в Кузнецк своего посланца с челобитьем о защите их от китайского «насильства» и «принять всех до единого в русскую протекцию»⁶. Решительно отказались принять китайское подданство и жители прителецкого района — телесы, тогда китайские агрессоры насильно угнали с собой около 400 телесов со всем их имуществом⁷.

Больше того. Отдельные группы алтайцев вели вооруженную борьбу против чужеземных захватчиков. Так, зайсан Гулчугай с отрядом в 300 чел., используя хорошее знание местности, не раз наносил чувствительные удары по маньчжуро-китайским агрессорам. Но неравенство сил было очевидным, и Гулчугай бил челом о русской помощи и подданстве⁸. С такой же просьбой в 1755 г. обратился к русским властям и зайсан тау-телеутов Бату-Менко, писавший, что «их татар таутелеутских волостей... сильною воинскою рукою гонят и склоняют в подданство китайского хана, а они желают быть только в вечном подданстве Российской империи и платить в казну Ея Императорского величества ясак»⁹. Осенью 1755 г. с просьбой о принятии их «со всеми улусными людьми в Российское подданство» к командиру Кольвано-Кузнецкой военной линии полковнику Ф. И. Дегарриге обратились уже 15 зайсанов, обещавшие «ясак наперед хотя за три года отдать»¹⁰. Затем последовало аналогичное обращение 19 зайсанов во главе с телеутским зайсаном Омбо. В феврале 1756 г. в письме к Дегарриге 13 алтайских зайсанов писали: «Дай нам людей на бережение, сбереги от злого времени в нашей земле, где вам погланется, стройте город. Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увезти»¹¹. Зайсаны обещали авансом уплатить ясак и (в случае надобности в этом) выставить вспомогательное войско в 2 тыс. воинов. Вскоре (в марте 1756 г.) в Бийскую крепость приехали 12 зайсанов (Омбо, Бурут, Буктуш и др.) с просьбой ускорить решение по их ходатайству. В письменном прошении, которое тогда же было отправлено сибирскому генерал-губернатору Мятлеву, они сообщали: «Ныне мы, двенадцать зайсанов, со всеми нашими улусными людьми желаем быть в подданстве белого царя и с подвластных нам улусных людей будем платить ясак, какой по соизволению белого царя определен будет»¹². Под властью их в это время находилось около 1500 кибиток (около 7,5 тыс. чел.)¹³.

⁶ *ГАОО*, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 131.

⁷ Там же, д. 47, л. 64.

⁸ Там же, д. 38, л. 184.

⁹ Там же, д. 47, л. 242.

¹⁰ Там же, д. 43, л. 114.

¹¹ Цит. по кн.: *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев, с. 181.

¹² *ГАОО*, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 251—252.

¹³ *ГАОО*, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 251—252.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что вопреки утверждениям китайских фальсификаторов истории алтайские племена (в том числе и телеуты) до китайской агрессии против Джунгарии в 1755—1758 гг. никакого отношения к Китаю не имели, они не были данниками китайских богдыханов, а в годы китайско-джунгарской войны упорно отвергали предложения о китайском подданстве и, наоборот, страстно желали по своей доброй воле перейти в подданство России. Вопреки измышлениям пекинских лжеисториков, обвиняющих Россию в «бешеной агрессии» против Джунгарии (как «составной части» Китая) в 1755—1758 гг., русское правительство твердо придерживалось позиции невмешательства в ойратскую междоусобицу, но когда в нее вмешался Китай и его войска начали зверское истребление населения ханства, русские власти, движимые чувством гуманности, вняли настойчивым просьбам беглецов (и ойратов и алтайцев), собравшихся под стенами русских крепостей, и приняли их в подданство России. При этом часть алтайцев (и телеутов в их числе) была переселена в целях безопасности вместе с ойратами на Волгу, но большинство их осталось кочевать на Алтае, на своих исконных кочевьях¹⁴.

Лишены каких-либо самомаleastших оснований претензии пекинских экспансионистов на территории Верхнего Приобья и Горного Алтая. Эти земли никогда не принадлежали Китаю. Общеизвестно, что северные алтайцы с незапамятных времен жили в бассейне Верхней Томи и ее притоков, а также в бассейне Бии, в Северо-Восточном Алтае¹⁵. Еще до монгольских завоеваний XIII в. обитали в Горном Алтае южные алтайцы (телеуты и др.)¹⁶. В телеутских преданиях, вообще в алтайском героическом эпосе, Горный Алтай воспевается как родина, священная земля их предков¹⁷. В самом конце XVI — начале XVII в. часть телеутов выкочевала на равнины Верхнего Приобья; тау-телеуты и другие южные алтайцы продолжали в XVII—XVIII вв. обитать в горах Алтая. И хотя русские люди появились в Верхнем Приобье почти одновременно с телеутами, администрация русских уездов хорошо знала пределы области их обитания: на чертежах Томского и Кузнецкого уездов, составленных на рубеже XVII и XVIII вв., обозначена «межа с Телеутской землицей» (не с Китаем и не с Джунгарией!)¹⁸. Когда телеуты и другие алтайцы в 1756—1758 гг. приняли подданство России, они, как сказано выше, в большинстве своем остались кочевать на Алтае. В отличие от XVII в., когда, переходя в русское подданство, группы телеутов переселялись на территорию русских уездов, в 50-е гг.

¹⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 452 и сл.; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, с. 180—181.

¹⁵ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969, с. 179—188.

¹⁶ Там же, с. 147—179, 188—196.

¹⁷ См.: Алтайская литература. Горно-Алтайск, 1955; и др.

¹⁸ Чертежная книга Сибири 1701 г., л. 13 и 14.

XVIII в. южные алтайцы (и в их числе телеуты) перешли в подданство Русского государства вместе с территорией, на которой они обитали. Алтайские зайсаны прекрасно осознавали беспспорность своих владельческих прав на земли Горного Алтая, когда предлагали Дегарриге в 1756 г. строить город на их земле, «где поглянется». Очевидно, понимали это и цинские власти: хотя они и были недовольны тем, что Россия взяла под свою защиту и протекцию спасавшихся бегством от китайского погрома ойратов и алтайцев, но никаких территориальных претензий в ту пору ни на Горный Алтай, ни на Верхнее Приобье они не предъявляли. Получив твердый отпор своим притязаниям на перебежчиков, маньчжуро-китайские войска тут же очистили Горный Алтай, а в Верхнем Приобье они вообще не бывали¹⁹. Наконец, китайские территориальные претензии в этом регионе абсолютно беспочвенны уже потому, что Джунгария и ее население никогда не были составной частью Китайской империи и «единого многонационального китайского народа»²⁰.

У нас есть все основания утверждать, что не только Китай, но и Джунгария не имела никаких «исторических» прав на область обитания телеутов. Во-первых, ойраты стали распространяться по Верхнему Иртышу с конца XVI в., а в Горном Алтае и в Верхнем Приобье они появлялись лишь (и то эпизодически) с начала XVII в., т. е. тогда, когда в этих районах уже жили алтайские племена. Во-вторых, в XVII в. ханы Джунгарии не раз заявляли свои владельческие права на телеутов-перебежчиков, но никогда не предъявляли территориальных претензий в связи с этим. В-третьих, хан Джунгарии Цэван-Рабдан сам приказал очистить Верхнее Приобье и Горный Алтай в 1703 г., насильно перевести телеутов (и вместе с ними киргизов с Верхнего Енисея) в непосредственную близость к своей ставке на притоке Верхнего Иртыша — р. Имели. Дело в том, что в конце XVII — начале XVIII в. четко обозначилось стремление телеутов (и енисейских киргизов) перейти в русское подданство, и хан боялся потерять своих кыштимов. Вооруженные отряды ойратов под конвоем переселили большую часть телеутов (и енисейских киргизов) на Верхний Иртыш, согнав их со своих кочевий. Позднее в беседах с русским послом И. Унковским Цэван-Рабдан пытался объяснить переселение телеутов и енисейских киргизов на Имель стремлением раз и навсегда покончить с конфликтами, ссорами и т. п. в пограничных районах с Россией. Однако на самом деле, как это удалось выяснить тарскому жителю М. Заливину (был в посольстве И. Унковского) в беседе с томским пленным татаринном, «...для того киргизов и теленгутов контайша к себе забрал, чтобы от него не ушли»²¹. В-четвертых, ойраты не оказали сопротивления русским при строительстве крепостей по

¹⁹ Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Указ. соч., с. 53—55.

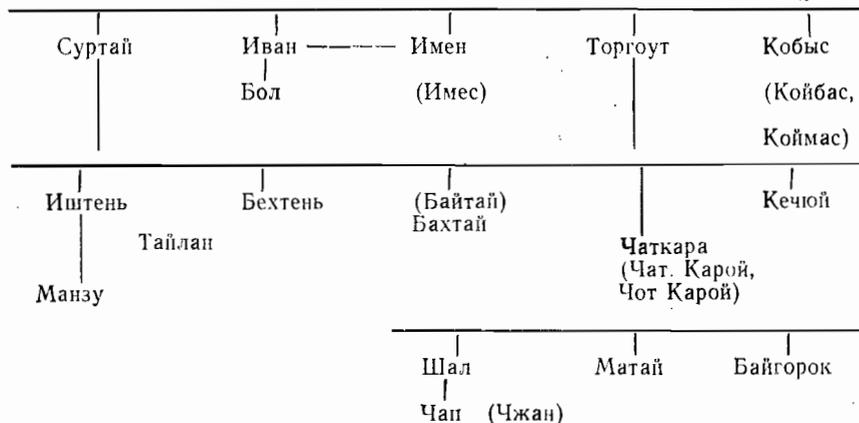
²⁰ Там же, с. 42—49 и сл.

²¹ Дневник И. Унковского, с. 93.

Оби и Иртышу (если не считать столкновений у Бикатунской крепости в 1710 г. и у Ямышевской крепости в 1716 г.): уже после этих событий была восстановлена Ямышевская крепость (1717 г.), построены Омская (1716 г.), Железинская (1717 г.), Семипалатинская (1718 г.) и Усть-Каменогорская (1720 г.) крепости на Иртыше, Белоярская (1717 г.) крепость на Оби и Бийская (1718 г.) на Бии. Больше того, в 1720 г. Цэван-Рабдан просил русского посла Чередова, «чтоб российским построить крепость выше нор Зайсана озера в Иртышских вершинах... и чтоб ускорить, не захватила бы китайская сила и крепость бы в том месте не построила»²². Угроза агрессии со стороны заклятого врага

Генеалогическая таблица телеутских князей из династии Абаковичей

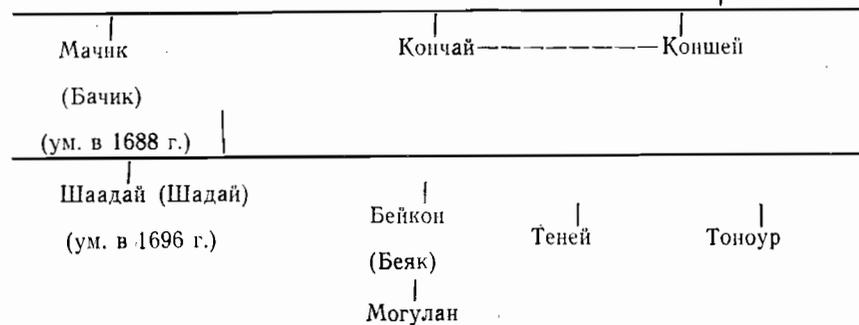
Абаковичей
(ум. в

Примечание. Тире означает возможность тождества лиц, между именами которых оно поставлено.

Генеалогическая таблица телеутских князей из династии Койшебура

Койшебура
(Кашнай Бура)

Примечание. Тире означает возможность

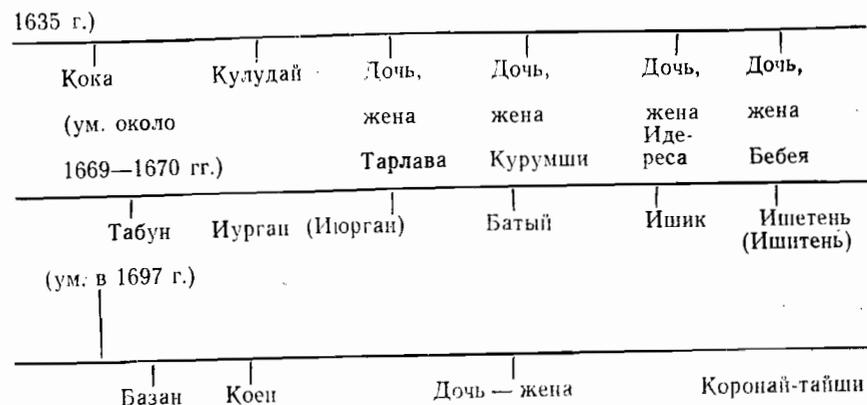
²² Цит. по кн.: Златкин И. Я. Указ. соч., с. 348.

Джунгарии — цинского Китая — заставила хана искать сближения с Россией; на оборонительное строительство русских он возлагал вполне определенные надежды.

Итак, с начала XVII в. исторические судьбы телеутов тесно переплелись с судьбами великого русского народа, помощь которого спасла их от истребления в междоусобных войнах монгольских феодалов и особенно от беспощадного уничтожения маньчжуро-китайскими захватчиками в 50-х гг. XVIII в. и в конечном счете помогла трудящимся телеутам, как и остальным алтайцам, обрести подлинную свободу и равенство с другими народами в условиях Советского государства.

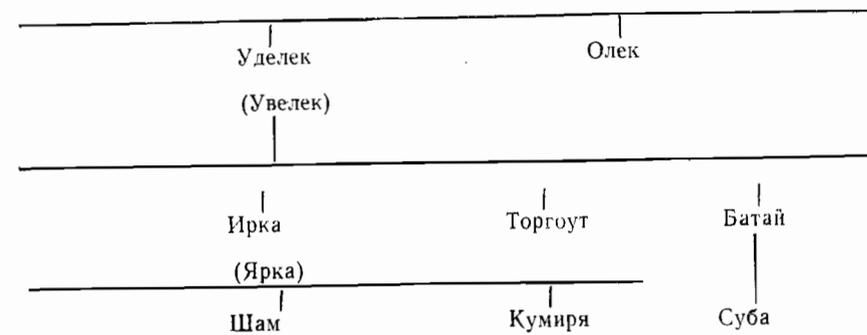
Приложение 1

(по русским архивным данным XVII — начала XVIII веков)

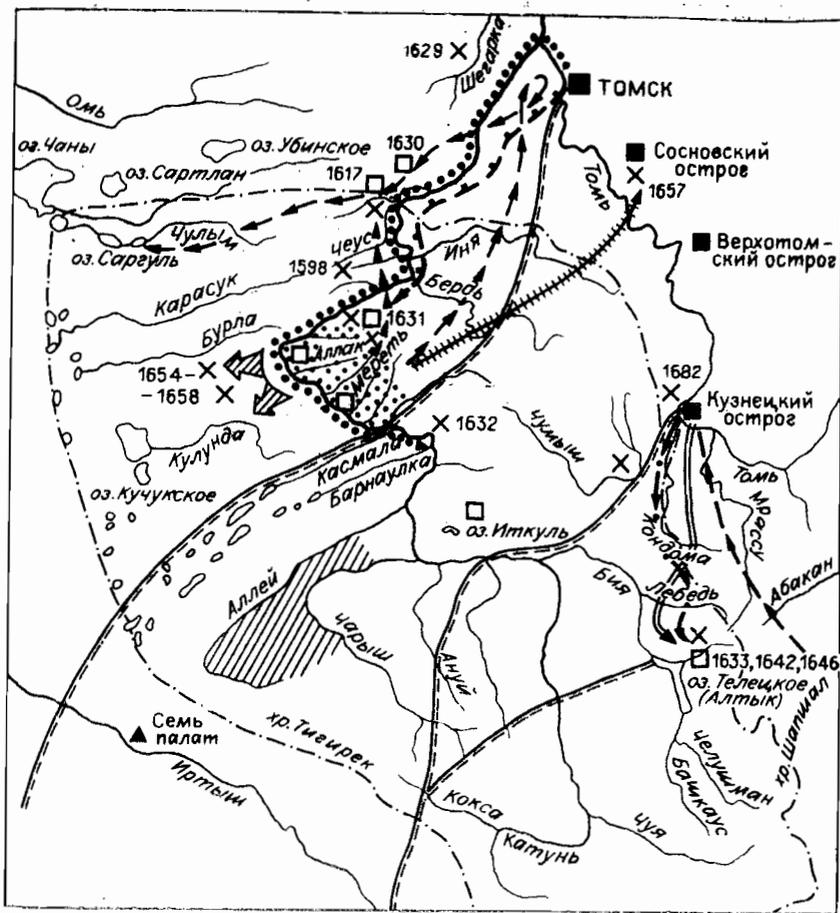

торых оно поставлено.

Мачиковичей (по русским архивным данным XVII — начала XVIII веков)

тождества лиц, между которыми оно поставлено.

Телеутская земля в XVII в.

- Русские воеводы и остроги
- Города чатов и телеутов (Чатский, Мурзин, Чингизский, Усть-Чумынский, Раздумский, Иткульский, Меретский)
- × Места боев и стычек
- ▶▶▶ Поход Абака и Пегим-тайши на чатов (1617 г.)
- ▶▶▶ Поход Абака и Тарлава на Томск и Барабу (1630 г.)
- ▶▶▶ Поход ф. Пушнина вверх по Оби (1632 г.)
- ▶▶▶ Поход Я. Тухачевского на Чингиз-городок (1631 г.)
- ▶▶▶ Походы П. Сабанского на телесов (1633 и 1642 гг.)
- ▶▶▶ Поход Б. Зубова на телесов (1646 г.)
- ▶▶▶ Поход Коки и Мачика на Сосновский острог (1657 г.)
- ▶▶▶ Войны Коки с Секилом Кулиным (1654–1658 гг.)
- ▶▶▶ Поход Матур-тайши на Кузнецк (1682 г.)
- — — Торговые пути
- Главные кочевья Абаковичей в 1622–1624 гг.
- ////// Главные кочевья Абаковичей в 1670-х гг.
- - - Границы

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1598 — первое предполагаемое упоминание о телеутах в русском документе
- 1601 — первое достоверное упоминание о «белых калмыках» (телеутах) в русском акте
- 1603 — челобитие еуштинского князя Тояна в Москве
- 1604 — основание Томска
- 1608 — война телеутов Абака с ойратами
- 1609 — посольство И. Коломны и кн. Тояна к кн. Абаку
- 31.III.1609 — шерть кн. Абака царю в Томске (заключение телеутско-русского союза)
- 1611 — участие телеутов в походе томских служилых людей против енисейских киргизов
- 1611 — 1615 — войны телеутов против «кучугутов» и черных калмыков
- 1615 — совместный поход телеутов и томских служилых людей против енисейских киргизов
- Зима 1615/16 — разрыв кн. Абаком союза телеутов с русскими властями
- 1617 — поход Абака и Пегим-тайши против чатов. Осада Чатского городка
- 1618 — сооружение Кузнецкого острога
- 1620 — возобновление союза телеутов с русскими властями
- 1621 — посольство Б. Карташева к Абаку. Ответное посольство Юрликая в Томск
- 1621 — 1622 — совместные походы телеутов, чатов, еуштинцев и русских ратников против енисейских киргизов
- 1628 — союз между телеутами и южными чатами
- 1628 — 1630 — восстания ясашных племен и народов Юго-Западной Сибири против гнета царизма
- 1629 — союз Абака с Кучумовичами
- III.1630 — посольство Абака (Урлекей) в Томск. Ответное посольство «в Телеуты» (П. Афанасьев)
- IV.1630 — поход Абака и Тарлава против томских татар
- V.1630 — разгром Г. Черницыным и Бурлаком союзников Тарлава на Оби
- III.1631 — поход Я. Тухачевского и Бурлака против Тарлава. Бои у Чингизского городка
- 1631 — разрыв кн. Абаком союза с Кучумовичами
- 1632 — поход Ф. Пушнина вверх по Оби
- 1633 — посольство В. Г. Седельникова и И. Л. Алпатова. Первый поход П. Сабанского против телесов
- Не позже 1634 — появление первой группы «выезжих белых калмыков» на р. Ускате
- 1635 — образование Джунгарского ханства
- IX.1635 — смерть Абака. Вокняжение Коки
- Осень 1635 — посольство З. Амосова к князю Коке
- 1636 — поход телеутов и русских ратников против енисейских киргизов
- 1642 — второй поход Н. Сабанского против телесов

1645 — шертovanje представителей кн. Коки Абакова джунгарскому хану
 1646 — посольство П. Сабанского «в Белые Калмыки» ответное посольство телеутов (Ендугай, Урузак) в Томск. Поход Б. Зубова против телесов
 посольство кн. Коки (Чот Битенев, Урузак) в Кузнецк и Томск
 1646 — посольство к кн. Коке Ст. Гречанина. Ответное посольство Коки (Урузак) в Томск
 1648 — 1649 — волнения служилых и посадских людей в Томске
 1649 — посольство В. Бурнашева к Коке Абакову
 1649 — шерт кн. Мачика русскому царю
 1650 — посольство к кн. Коке И. Петрова
 1651 — выезд «на государево имя» группы телеутов
 1652 — увод кн. Кокой телесов в Телеутскую землю
 1653 — походы кузнецких служилых людей на телеутских кыштимов. Посольство кн. Коки (Т. Тюлеков, У. Саиров)
 1653 — 1658 — смута в Джунгарии
 1655 — 1658 — войны телеутов с ойратами и др.
 1656 — заключение союза между кн. Кокой и кн. Мачиком
 1656 — 1657 — строительство Сосновского острога
 1657 — посольство Коки к князьям енисейских киргизов
 1657 — посольство к Коке (А. Сартаков)
 V. 1658 — посольство к Коке Д. Вяткина
 VII. 1658 — посольство к кн. Коке и кн. Мачику Дм. Копылова. Заключение предварительного соглашения о мире и союзе
 Осень 1658 — отъезд послов Коки и Мачика (Мамруч, Келкер, Дайчин) в Москву. Посольство Коки и Мачика (Кожан, Бура) в Томск
 29.I. 1659 — русско-телеутские переговоры в Москве
 1661 — 1662 — переход в русское подданство телеутов во главе с Кожановым, Уделековым и Мамрачем
 1664 — 1665 — посольство В. Литасова в Джунгарию
 1664 — поход томских ратников и Чаткара Торгоутова на р. Мереть. Уход Коки с Мерети
 1665 — 1668 — посольства В. Бубенного, В. Былина, П. Кульвинского в Джунгарию
 1668 — 1669 — посольство в Джунгарию М. Ржицкого
 Около конца 1669 — начало 1670 — смерть князя Коки Абакова. Вокняжение Табуна Коккина. Смерть Сеньин-хана. Воцарение Кегеня-кутухты (Галдан-хана)
 1671 — возвращение Табуна Коккина и Мачика на устье Чумыша
 1673 — 1679 — набеги на Кузнецкий уезд телеута В. Кривого, И. Абакова и И. Бая.
 1673 — Поход Р. Старкова против Донжина. Посольство М. Ржицкого к кн. Табуу. Поход П. Лаврова против кн. Табуна.
 VI. 1674 — убийство Кожановых. Поход Р. Старкова против Табуна
 1676 — поход Табуна против орчаков
 X. 1676 — убийство Б. Мамрачева
 1678 — посольство В. Бубенного к Табуу
 1679 — приезд в Томск послов Табуна и Коокен-Матура
 1679 — 1680 — усиление политической зависимости телеутов от джунгарских ханов
 1679 — 1680 — посольство В. Бубенного к Табуу и Коокен-Матуру
 1680 — посольство Г. Пушина в Джунгарию
 1682 — набег Матура-тайши на Кузнецк
 1683 — посольство к кн. Табуу М. Ржицкого
 1684 — третье посольство М. Ржицкого к Табуу
 II. 1685 — приезд в Томск послов Табуна (Юргутая и Кочканака)
 1686 — челобитие «выезжих телеутов» Кузнецка (Давыд Торгаев и др.) о закреплении угодий
 1687 — вторжение бургутов в Горный Алтай
 1688 — война Джунгарии с Халхой. Смерть Мачика и вокняжение Шаадая Мачикова

IV — VI. 1688 — посольство П. Лаврова к Табуу. Шерт Табуна
 1688 (или 1689) — разгром Цэван-Рабданом Урги Галдана. Распадение Джунгарии на Восточную и Западную
 1689 — разгром Галдан-хана халхасским Очирой-Санн-ханом и бургутами в долине р. Чулушман
 1690 — 1697 — война Бошту-хана с восточной Халхой и Циньским Китаем
 1691 — обращение Табуна в Томск с просьбой о возвращении на р. Мереть
 1695 — 1696 — посольство Н. Прокофьева к Табуу и Бейкону
 Около 1696 — смерть Шаадая Мачикова. Вокняжение Бейкона Мачикова
 1697 — смерть Табуна. Вокняжение Шала Табунова
 1697 — посольство Н. Прокофьева к кн. Шалу и кн. Бейкону
 1699 — посольство И. Ядловского и Телеутскую землю
 1700 — набег киргизских князьков на Кузнецк
 1708 — строительство Абажанского острога
 1709 — сооружение кузнецкими служилыми людьми Бикатунской крепости
 1709 — набег Бойдона Сақылова, Бейкона Будаева, Моногоча Сакунского и других на Кузнецкий уезд
 1710 — сожжение Духар-зайсаном Бикатунской крепости
 1715 — 1721 — война Джунгарии с Китаем
 1717 — сооружение Белоярской крепости на р. Оби
 1718 — строительство Бийской крепости на р. Оби
 1719 — посольство И. Чередова и Поспелова к Цэван-Рабдану
 1722 — 1724 — посольство И. Унковского в Джунгарию
 1756 — 1758 — Джунгаро-Китайская война. Массовый переход южных алтайцев в подданство Русского государства

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук СССР
 АИ — Акты исторические
 ГАОО — Государственный архив Омской области
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим
 ИЭ — Историческая энциклопедия
 РИБ — Русская историческая библиотека
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив, Ленинград
 ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Часть первая. Приобские телеуты и Русское государство</i>	
Глава I. Общая характеристика телеутско-русских отношений в конце XVI—начале XVIII в.	11
Глава II. Телеутская земля и Русское государство до распада единого телеутского княжества (Улуса Абака)	34
Глава III. Телеуты и русские накануне телеутско-ойратских войн (середина 30-х—начало 50-х гг. XVII в.)	61
Глава IV. Телеутско-русские отношения в начале телеутско-ойратских войн. Посольство телеутских князей в Москву	92
Глава V. Обострение телеутско-русских противоречий в 60—70-х гг. XVII столетия	112
Глава VI. Телеутская земля и Русское государство в конце XVII в.	136
Глава VII. Телеуты и русские в первой четверти XVIII в.	169
<i>Часть вторая. «Выезжие белые калмыки» (телеуты)</i>	
Глава I. Образование телеутских колоний в сибирских уездах в XVII в.	188
Глава II. О характере телеутского «выезда на государево имя» в XVII в.	204
Глава III. Борьба джунгарской и русской дипломатии в XVII—начале XVIII в. по вопросу о «выезжих белых калмыках»	225
Глава IV. «Выезжие белые калмыки» на службе у Русского государства (вторая половина XVII—начало XVIII в.)	247
Глава V. Социально-экономические отношения у «выезжих телеутов» в XVII—XVIII в.	261
Заключение	283
Приложения	290
Генеалогические таблицы	290
Телеутская земля с XVII в.	292
Хронологическая таблица	293
Список сокращений	295